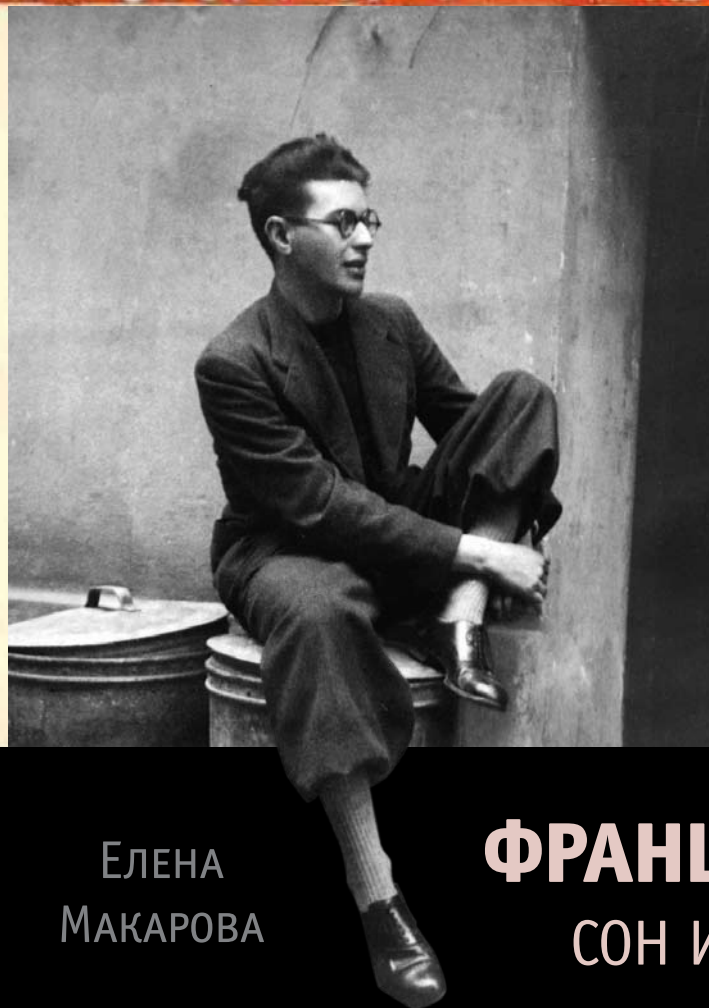

Son a skutečnost

na cestu love knihovně

ЕЛЕНА
МАКАРОВА

ФРАНЦ ПЕТЕР КИН
СОН И РЕАЛЬНОСТЬ

3. 10. 1941

ЕЛЕНА
МАКАРОВА

*...Мы не умеем спрашивать мертвых и не слышим их. ... Мы боимся мертвых и потому обращаемся к памяти, а не к душам. И потому они молчат, они не могут жаловаться или лгать нам в лицо. Мириады душ подступают к нам, чтобы пробудить наш слух, а мы, по трусости, защищаемся от них памятниками, чтобы убить их вторично пафосом бесчувствия, чтобы они более не мечтали вернуться сюда. Мы закрываемся от них мемориалами, мы отдаем дань, чтобы забыть.
...А они хотят говорить через нас, продолжать жить через нас. Им не нужны камни с надписями.*

Зденек Урбанек, 1948

ФРАНЦ ПЕТЕР

СОН И РЕАЛЬНОСТЬ

КИН

	Оглавление	
	<i>От автора</i>	5
Часть 1.	ДОРОГА К КИНУ	6
	К чему приводят ошибки	6
	Терезин	9
	Бзенец	22
	Брно	47
	Прага	50
	Варнсдорф	60
	Лондон	66
	Либерец	69
	Израиль	70
	ОСЬ ВРЕМЕНИ	80
	РОДОСЛОВНАЯ	84
Часть 2.	ВЕРНИТЕ МНЕ МОИ ДНИ!	86
Часть 3.	Я ЕСТЬ МГНОВЕНЬЕ	144
	I глава. ВСЕ СЧИТАЛИ ЕГО МАЛЕНЬКИМ ГЕНИЕМ	144
	II глава. ГРАФИК И ЖИВОПИСЕЦ, ГОВОРУН И ПОЭТ. БРНО, 1929–1936	146
	Восемь утра	150
	Парашют	151
	Письмо из Фасливана	152
	День поминовения усопших	154
	Амбиции юности	156
	Сны моей юности	158
	Воскресенье	159
	Карьера скаковой лошади	163
	III глава. ПРИВЕТ СВОБОДЕ. ПРАГА, 1936–1942	166
	IV глава. АЛЛО, АЛЛО! ЧТО ЭТО – ЧЕЛОВЕК? ТЕРЕЗИН, 1941–1944	204
	Ганс Хофер. Фильм о Терезине	218
	Петер Кин. Гетто Терезин (<i>Набросок сценария</i>)	219
	Петер Кин. Медя (<i>Пьеса в трех актах</i>)	226
	Петер Кин. Дурной сон (<i>Одноактная пьеса</i>)	265
	Петер Кин. Император Атлантиды, или Смерть отрекается (<i>Либретто оперы</i>)	298
Часть 4.	ПОСЛЕ ВСЕГО	312
	Письма Хедвиг Шнайдер и Ганса Шнайдера к Рене Мортон (Странской)	312
	Хельга Кинг-Вольфенштейн. Отрывки из воспоминаний	318
	<i>Библиография</i>	341

От автора

Книга основана на материалах, собранных Еленой Макаровой и Ирой Рабин в процессе работы над каталогом-монографией «Франц Петер Кин». Издание было осуществлено в 2009 году Терезинским Мемориалом в трех версиях – английской, немецкой и чешской. Большая часть переводов литературных произведений и эпистолярного наследия Кина с немецкого на русский сделаны Ирой Рабин. Переводы стихов и либретто к опере «Император Атлантиды» принадлежат перу Инны Лиснянской.

В настоящее издание включены тексты интервью с родственниками и знакомыми Ф.П. Кина, а также две пьесы, написанные Кином в Терезине и никогда прежде не публиковавшиеся.

Картины, рисунки и фотграфии публикуются с позволения Терезинского Мемориала и с согласия частных лиц, предоставивших свои архивы в наше распоряжение. Автор благодарит Фонд «Генезис» (Яд Вашем) за материальную поддержку, Инну Лиснянскую – за стихотворные переводы, Елену Климову, Анну Леонтьеву и Сергея Макарова – за редактуру, Алену Евлахович за оформление. Спасибо Юлии Кастнер, Давиду Буянеру и Алексею Леонтьеву за помощь с подстрочниками.

К ЧЕМУ ПРИВОДЯТ ОШИБКИ

В 2002-м году я навещала в Праге Хану Андерову¹, чей терезинский дневник «Голубая тетрадь» мы собирались публиковать в первом томе «Крепости над бездной»². Где я нашла ее дневник и почему, собственно, он меня интересует, – допрашивала меня сердитая старуха, и я честно объясняла: получила в архиве по ошибке, перепутали номер заказа. Начала читать, потом переводить... – Нет, – сказала она твердо. – Я против публикации. Никому не нужны чужие страдания – не учат и не помогают. Столько гениальных людей убито! И это правда, я не преувеличиваю. Двадцатые-тридцатые годы в Чехословакии были невероятно плодотворными. Двадцатилетние состоявшиеся музыканты, композиторы, художники, поэты... Те, кому было за тридцать, считались мэтрами. Взгляните на даты! А со стены на меня смотрела молодая Хана, синеглазая и улыбчивая. Такой ее изобразил Кин в Праге 1940-го. «Напишите лучше книгу про Кина. Вот был гений! В свои двадцать лет он успел прожить целую жизнь, стать большим художником, поэтом, учителем...» Провожая меня к трамвайной остановке, Хана рассказывала про свою подругу, у которой была овчарка, и, когда евреям запретили держать домашних животных, собаку отдали знакомым, которые жили в ста километрах от Праги. Собака

1 См. раздел «Краткие биографии» в конце книги.
2 Четырехтомник «Крепость над бездной» на сегодняшний день самое подробное изложение истории концлагеря-гетто Терезин (Терезинштадт) на русском языке. В издание, осуществленное «Мостами культуры» (Москва-Иерусалим) с 2003 по 2008 гг., вошли: 1. Е.Макарова, С. Макаров, В. Куперман, Е. Неклюдова. ТЕРЕЗИНСКИЕ ДНЕВНИКИ, 1942 – 1945, 408с. 2. Е.Макарова. С. Макаров. Я – БЛУЖДАЮЩИЙ РЕБЕНОК: ДЕТИ И УЧИТЕЛЯ В ТЕРЕЗИНСКОМ ГЕТТО, 422с. 3. Е.Макарова. С. Макаров. ТЕРЕЗИНСКИЕ ЛЕКЦИИ, 540с. 4. Е.Макарова. С. Макаров. ИСКУССТВО, МУЗЫКА И ТЕАТР В ТЕРЕЗИНЕ, 500с.

Петер Кин
Портрет Ханы Стейндлеровой (Андеровой), 1940–1941
Частная коллекция, Чехия

вернулась, нашла дорогу домой. «А мы, существа наделенные разумом, были глупыми, все сдали по списку». Прозвенел трамвай, мы улыбнулись друг другу на прощание, и Хана, видимо, пожалев меня, сказала: «А знаете, позвоните мне завтра, дайте подумать». Назавтра Хана пригласила меня к себе. Она подготовила для публикации «Голубой тетради» фотографии и машинописный текст. Может, еще что-то нужно? Пояснения какие-то... Мне бы очень хотелось послушать про Кина. Это был долгий, вдохновенный рассказ. Я записала его на магнитофон.

Мы опубликовали дневник Ханы, с ее комментариями, фотографиями и документами. Но мысль о Кине не оставляла. Она прорастала в сознании, и, как ответный шаг, все архивы и люди, с которыми я встречалась совсем по другому поводу, словно бы сговорившись, предоставляли «побочную» информацию, связанную с Кином.

Директор терезинского мемориала принял мое предложение о выставке. К 90-летию со дня рождения Кина. А как мы его назовем? Франтишек, – однозначно ответил директор. По метрикам он Франц Петер. Тогда по-чешски Франтишек Петр. С таким же успехом можно переименовать Кафку во Франтишека. Оба жили в Праге и писали по-немецки. Но терезинские рисунки и картины подписаны «Петр Кин»! Если бы Кафка не умер в 1924-м году и, не приведи Господь, оказался в Терезине, он, возможно, тоже отказался бы от немецкого имени. Придется издать один каталог на чешском, другой на немецком, – вздохнул директор, понимая, что идет на крайние расходы.

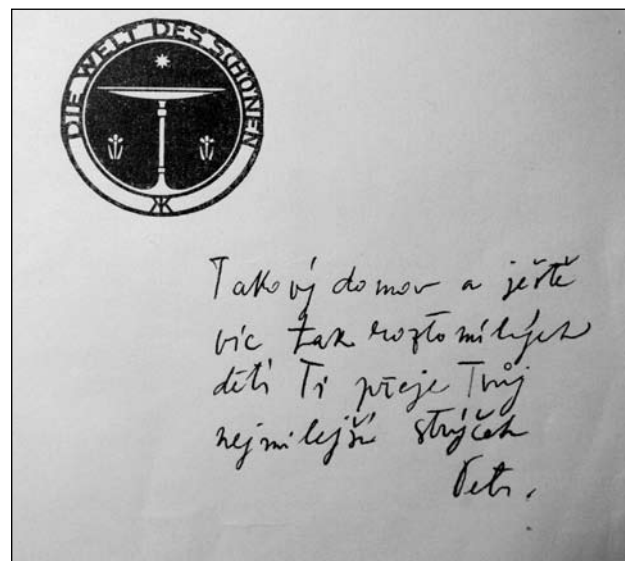
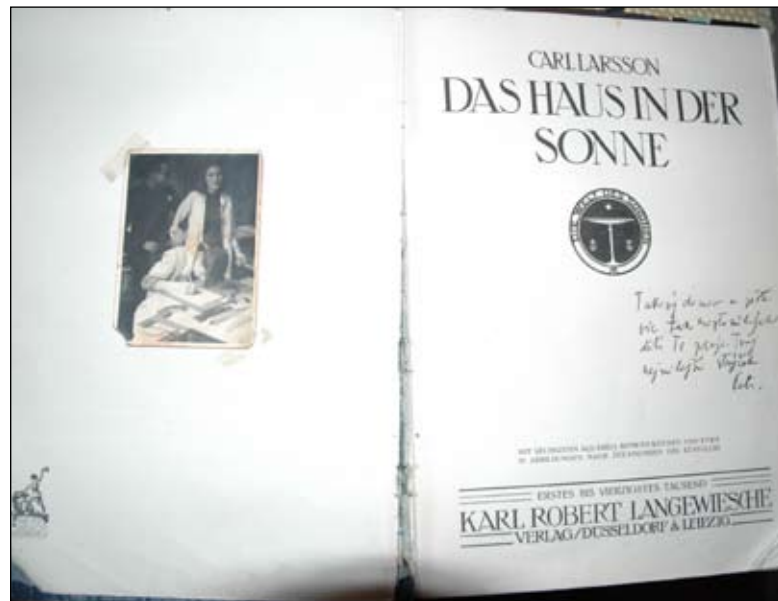
И еще один на английском, – подбавила я жару в огонь. А это еще зачем?!

Кстати, у Кина было еще одно имя – Давид, – говорю я, уводя директора от мысли о разорении. – В заявлении о приеме в сионистскую организацию Ахшара он значится как Давид Франтишек Петр.

Трансформация имени связана с самой историей Первой Республики, со становлением Кина как личности, его самоидентификацией. Кин свободно владел чешским, но языком его литературы, к большому моему огорчению, был немецкий. Роковое препятствие. Этот язык был мне преподан в детстве немкой из Кенигсберга. «Лернен, лернен унд лернен, загт либе Ленин», писала я под ее диктовку, проговаривая по слогам ленинское воззвание. Ленин-то знал, как важно знать немецкий, однако моя детская ненависть выбрала неверный объект, и попытки выучить немецкий в зрелом возрасте не увенчались успехом. Что делать, отказаться от Кина?

И тут в нашей иерусалимской квартире появляется Ира Рабин, понятно, она приходит не к нам, а к моей маме, знаменитой Инне Лиснянской, которая гостит в Иерусалиме. Ира – доктор физических наук, живет и работает в Берлине, занимается исследованием состава чернил, которыми пользовались писари древних рукописей, найденных в Кумране, и посему часто сюда ездит. Ира родилась в Киеве, в начале 70-х оказалась с семьей в Израиле, здесь окончила школу и университет, отец ее дружил с Виктором Некрасовым, – слово за слово, и у нас обнаружилось множество общих друзей и интересов. Увидев на полке книги про Терезин, она сказала, что прочла первый том, дневники, и находится под большим впечатлением от этой истории. Каково же было ее удивление, когда она узнала, что мы и есть авторы, ей бы и в голову не пришло связывать Инну Лиснянскую с Макаровыми.

Ира прониклась историей Кина, и мы стали работать вместе.

Книга про шведского художника Карла Ларсона «Дом под солнцем», подаренная Кином Хане Стейндлеровой (Андеровой) с посвящением: *«Такой дом и еще больше таких очаровательных детей желает тебе Твой самый любимый дядя Петер».*

Слева – фото Ханы С. и Я.Бурки, учеников Кина на курсах графики при еврейской общине (1940–1941)

ТЕРЕЗИН

В Терезин я приехала на неделю раньше Иры – подготовить почву, просмотреть рисунки и картины, чтобы потом вместе заняться документами, фотографиями и текстами, и, получив первичную информацию, отправиться в путешествие по городам, где жил Кин – посетить архивы и разных людей. Моей первоочередной задачей было обзвонить всех по списку и подтвердить даты. Действовать по наитию куда увлекательней, но не с Ирой, при ней все должно было идти по плану.

Однако непредвиденности не сразу получили сообщения об отставке, и, как только я появилась в Терезине, дали о себе знать: «Томаш Кветак из Праги беспокоит, не помешал? Можно приехать? Через полчаса у Парк-отеля». Ровно через полчаса красная машина остановилась у Парк-отеля, и из нее вышел незнакомый человек – на вид типичный чиновник какого-нибудь министерства – костюм, галстук, кейс, застывшая полуулыбка. Как можно приехать в Терезин из Праги за полчаса?

Напротив Парк-отеля был сквер, в нем – столики. Мы сели друг против друга, и Томаш Кветак достал из нагрудного кармана ручку, из кейса – четыре наших тома про Терезин по-русски, один – по-английски, и попросил подписать. Я подписала. Он положил их в кейс, достал из кармана бренок бумажник, пересчитал купюры и перепроверил сумму по калькулятору.

Это я должен вашему мужу, он по моей просьбе прислал все ваши книги. Феноменально! Вы сделали то, что мы, чехи, давно должны были сделать сами.

Томаш не пил, он и так ездит без прав, за превышение скорости. В его зеленых глазах были чертики. Мне он взял шаманское, себе газировку, мы чокнулись, и он сказал, что сделает для меня все.

Что, например?

Елена Макарова и Томаш Бергман, 2007
Фото К.Бергмановой

Могу отвезти вас в Ловосице, 10 километров отсюда. Зачем?

Там в архиве хранятся планы перестройки города Терезина в гетто Терезин. Огромные чертежи, их выполняли еврейские заключенные. Знаете об этом?

Нет, этого я не знала. А того, что Кин работал в графической мастерской при техническом отделе гетто, где эти чертежи производились, не знал Томаш.

Томаш приехал за мной утром, и, вместо того, чтобы заниматься рисунками Кина, я поехала в Ловосице, городок, известный химзаводами и отравленным воздухом.

В архиве нам выдали полутораметровые тубы с инвентарными номерами, внутри них были желтые свитки. К счастью, чертежная бумага была плотной и неломкой. Чтобы разложить чертежи, пришлось сдвинуть столы. Мы с Томашом двигались вдоль расчерченного города, от казармы к казарме. Чертежи были подписаны. Троллер! Он написал книгу о Терезине. Глазер! Он работал в техотделе гетто, с ним я встречалась в Тель-Авиве. Глазер рассказывал, что в отличие от тесной графической мастерской у них была просторная комната с чертежными столами. Глазера давно нет в живых, а его чертежи с прокладкой железнодорожных путей из Богушовице в Терезин пылятся в Ловосице.

По дороге в реальный Терезин мы с Томашем придумали новую выставку – про архитектуру тоталитаризма. С помощью этих чертежей мы покажем, как крепость, объект оборонного значения, утратила свою функцию и превратилась в закрытый изолятор, где сотни тысяч человек упражнялись над созданием инобытия, – строили по чертежам трехэтажные нары и железнодорожные пути, ведущие в небытие.

За время нашего знакомства Томаш успел развестись, вновь жениться, поменять свою фамилию с Кветака, что по-чешски означает «цветная капуста», на Бергмана, в память о великом кинорежиссере.

Будучи в Праге, мы с Ирой останавливались в доме Томаша, – он писал за нас письма по-чешски, встречал на всех вокзалах, возил по Чехии. Этот неумный, бессонный человек, похожий на заурядного служащего, оказался верующим католиком, почитающим Ветхий завет и евреев, – книжные полки в его доме были забиты еврейской литературой.

Парк-отель, бывшее нацистское казино, где я сняла комнаты, не произвел на Иру гнетущего ощущения. Мы выпили вина, наговорились и разошлись. Подъем в шесть утра, в семь нас ждут в архиве. Утром Ира пришла ко мне в номер и сказала, – мы заперты, у тебя есть ключ от входной двери? У меня не было, меня ни разу здесь не запирали. Как же нам выйти? Ты не можешь кому-нибудь позвонить, чтобы нас открыли, немедленно! Я позвонила начальнику экономического отдела мемориала, он пообещал узнать телефон хозяина гостиницы. Где-то минут через двадцать нас открыли, но Ира наотрез отказалась оставаться в этом проклятом нацистском казино.

Пока Ира звонила своему итальянскому мужу и по-английски описывала весь этот ужас с казино, мне удалось договориться с директором мемориала – он поселит нас в Магдебургских казармах.

Там, где архив, – обрадовалась Ира.

Все хорошо, все успокоилось, мы выпили отвратительный кофе из кофе-машины, выкурили по сигарете во дворе и пошли работать.

Ира приобрела уникальный фотоаппарат для съемки, однако пользоваться им запретили. Даже при условии, что когда она все отснимет, мы распечатаем и сотрем файлы.

Поначалу Иру сводили с ума запреты, ведь мы работаем на Мемориал, здесь будет выставка, здесь будет издана книга... Тогда я предложила ей пойти в архив рукописей и попросить распечатку имеющихся там воспоминаний

Ремонт Магдебургских казарм, 1996
Фото Е.Макаровой

о Кине. Ей выдали только четные страницы, – согласно чешскому законодательству об авторском праве.

«Здесь под землей растут только бледные цветы смерти, невидимые, но жуткие, их произвел тлен могильных украшений. Они ужасны, потому что питаются трупами, увлажненными слезами оставшихся жить».

Мальчик Кин великолепно описал это кладбище холокоста, мемориалы, построенные на местах истребления, питающиеся от мертвых. Слезами же их увлажняют не работники, а чувствительные к чужому горю люди.

«Художник начинает нервничать. Он ходит взад-вперед; сквозь изношенный саван, едва защищающий от холода, просвечивает тусклая желтизна костей.

«Придет ли она вообще? В прошлом году она приходила раньше. Свечи должны были быть давно зажжены, я это чувствую, но придет ли она?»

Мы пришли. И все завертелось.

У нас был доступ ко всему архивному материалу, включая альбом с фотографиями, документы, рисунки, картины, стихи, рассказы, письма и пьесы. Недоступным оставалось содержимое фибрового чемодана, который Кин перед отправкой в Освенцим оставил на хранение своей возлюбленной Хельге Вольфенштейн. По ее словам, в этом чемодане находилось множество терезинских рисунков.

Кину не удалось спасти себя и свою семью, но он выторговал жизнь для Хельги. Простояв всю ночь в очереди на прием к главному еврейскому начальнику, он, выйдя из его кабинета, упал в обморок. Вместе с Хельгой из списка на уничтожение вычеркнули и ее мать, медсестру инфекционного отделения больницы. Поскольку в это отделение немцы не ходили, его использовали как тайник для хранения разных вещей. Чемодан пережил войну. Мать Хельги умерла от тифа. Хельга, переболев тифом, вернулась в начале лета домой, в Брно, где чемодан Кина хранился до той поры, пока Хельга не вышла замуж за госпо-

Терезин, Гамбургские казармы (слева).
Фото Р. Ван ден Брандт, 2005

дина Кинга и не уехала с ним сначала в Ливию, а потом в Америку. Чемодан она оставила на хранение тете Улли, та, в свою очередь, передала его в 1971 году мемориалу Терезин, но не навсегда – на выставку, – после чего тоже уехала в Ливию.

Пожив на воле (если считать волей пыльные антресоли Брненской квартиры), чемодан вернулся в тюрьму, причем в те же Магдебургские казармы, где его хозяин жил и работал, и где теперь живем и работаем мы с Ирой. Огромный параллелепипед Магдебургских казарм с двумя внутренними дворами разгорожен изнутри пополам – одна его часть отдана хранилищу Национальной галереи Праги, другая принадлежит Мемориалу Терезин. В Мемориале тоже есть хранилище, но оно занимает лишь верхний этаж. Этажом ниже находится постоянная экспозиция, где инсталлированы комната узников и театральная сцена по «Женитьбе» Гоголя, и, в факсимильных репродукциях, представлены все аспекты культурной жизни лагеря. В отделе изобразительного искусства рядом с факсимиле висят картины, написанные Кином в гетто, в основном, портреты.

Архив, где мы сидим, на первом этаже, и чтобы начать новое утро новой порцией оригиналов мы после обеда должны предоставить список инвентарных номеров. Тогда одна из работниц отправляется в хранилище, а другая остается следить за нами.

Живем мы на втором этаже – в том крыле, которое отведено под комнаты для приезжающих на различные международные семинары. Когда я приехала, здесь все было занято, а теперь, на наше счастье, освободилось. У нас отдельные комнаты с общей прихожей и кухней, моя 210, Ирина 211, тот же номер, что стоит на открытке, которую Кин отправил из Магдебургских казарм в сентябре 1942-го года. (Понятно, что это совпадение, прежние номера не имеют никакого отношения к нынешним.) Мало того,

Ремонт Магдебургских казарм, 1996
Фото Е.Макаровой

что мы обитаем в том же здании, где жил и работал Кин, над нами – то самое хранилище, где заперт фибровый чемодан с рисунками Кина.

Историей чемодана были заняты не одни мы. Журналист Юрген Зерке, посвятивший Кину большую главу в книге «Богемские деревни», утверждал, что Мемориал Терезин экспроприировал частное имущество Хельги Кинг. В 1991 году она прилетела из Флориды в Чехию, добралась до Терезина, потребовала свой чемодан, но ей его не вернули. Для этого теперь требуется решение суда.

При коммунистах Мемориалом заведовал вполне безобидный человек, на которого в период демократизации свалили все шишки. Его спровадили на заслуженный отдых, и он стал отдыхать – ездил на велосипеде на рыбалку, разводил клумбы в огороде, то есть стал жить той жизнью, о которой нынешний директор мемориала может только мечтать.

Демократическая власть обюрократилась быстрее, чем вялая коммунистическая. При старом начальнике все было просто – ему приносили вещи, он их покупал или принимал в дар, – все заносилось в картотеку, с фотографией и подробным описанием предмета. Старая картотека ныне никому, кроме работников музея, недоступна. В ней указано имя владельца, а это страшная тайна. Дабы не произошло утечки информации, исследователи допускаются до компьютерной базы данных, которая ничего лишнего не содержит.

Как-то я послала в архив Дахау запрос на двадцать имен. Я искала информацию о евреях, которые читали в Терезине лекции, были депортированы в Освенцим, оттуда в Дахау, где погибли. Теоретически, кроме нового номера, которые узники получали там, вряд ли можно было что-то еще узнать. И все же... Я приехала в Дахау, где меня ждало двадцать откопированных страниц с подчеркнутыми желтым фломастером именами. По одному – на страницу.

1. Богушовице
2. Вокзал в Богушовице. Во время оккупации сюда прибывали транспорты с заключенными, отсюда же они отбывали на восток.
Фото Р. Ван ден Брандт, 2005

Сверху и снизу были другие имена, и работник архива попросил меня вырезать ножницами подчеркнутые полоски и приклеить их на один лист. Я не поняла, зачем это делать, остальные имена мне не мешали. Чтобы не произошло утечки информации, – объяснил милый улыбчивый мальчик в белом халате. Я сказала, что возьму все листы в синагогу и попрошу евреев прочесть вслух имена. Да, но только эти двадцать. Он был неумолим. Я подумала, наверное, новичок, боится сделать что-то не так, и попросила позвать начальницу. Пришла начальница, вполне милая, и, выслушав своего работника, сказала: «К сожалению, придется вырезать имена и наклеить их на отдельный лист. Если по какой-то причине вам не хочется этого делать, мы вышлем вам 20 имен по почте. Другой информации об интересующих вас лицах нам, увы, найти не удалось». А что будет, если я возьму эти страницы целиком? Утечка информации.

При старом режиме компьютеров не было, и новому пришлось провести тотальную инвентаризацию имущества. Вещей оказалось значительно больше, чем было указано в картотеке. За одно это прежнему директору надо было объявить благодарность – обычно при инвентаризации все происходит наоборот.

В те времена еврейская история не была модной, вещи, оставшиеся после массового истребления их создателей, не считались частью культурного наследия и не имели материальной ценности. Сейчас, чтобы показать на выставке копию детского рисунка, надо заплатить еврейскому музею в Праге 50 долларов, тогда деньги за это не брали и радовались всякому, кто проявляет интерес к вещам столь печальным.

При старом режиме музей и хранилище находились на территории Малой Крепости, где во время войны были тюрьма гестапо и камеры для заключенных. Город Терезин и Малую крепость связывал мост через реку Огре.

Богушовице. Вокзальная стена и дверь
Фото Р. Ван ден Брандт, 2005

Водораздел между ними был своего рода границей памяти и беспамятства. Потоки бурой реки унесли с собой прах десятков тысяч евреев. Его из картонных коробок вытряхивали в воду дети-лагерники – за это давали португальские сардины из посылок.

Туристов водили и возили только в Малую Крепость. Справа от липовой аллеи, на братском кладбище, проходили ежегодные майские церемонии в честь освобождения Терезина Советской армией.

Памятник советским воинам, врачам и медсестрам, погибшим при освобождении Терезина, пережил разные времена. До оккупации Чехословакии в 1968 году его часто навещали пионеры, звучал горн, и венки из живых цветов ложились к его подножью, после 1968 года его оскверняли антисоветские надписи и свастика, и прежнему директору пришлось обратиться за помощью к службам госбезопасности; теперь памятник стоит один-одинёшенек, на отшибе истории. Новые, куда более современные, заслонили его собой.

При старом режиме память о войне была односторонней, – она жила по одну сторону моста, за воротами Малой Крепости. Дирекция Мемориала располагалась в здании бывшей немецкой комендатуры. При новом режиме ее местоположение не изменилось, но задачи расширились – Мемориал взял на себя заботу и об увековечивании памяти евреев, депортированных в Терезин.

На братском кладбище рядом со строгим металлическим крестом вырос позолоченный магендовид; в дни майских церемоний теперь много говорится о погибших евреях, иногда даже больше, чем обо всех остальных.

К началу 21-го века штат мемориала достиг 250 человек. Но и их не хватает, и для обслуживания всевозможных торжеств и конференций, посвященных истории призраков, работников отправляют на авралы, за отдельную

Терезин. Дом на Вокзальной улице
Фото Р. Ван ден Брандт, 2005

плату. Моя подруга, терезинская уборщица, прислуживает на торжествах. Она рассказывала, какой конфуз происходит, когда христиане, не поняв или не расслышав, где какой стол, сметают все у евреев – им же специальную еду заказывают, кошерную.

В 1988 году в здании, где сейчас располагается музей Гетто, был музей чешской милиции. Чтобы попасть внутрь и посмотреть, не остались ли на стенах рисунки детей (здесь был еврейский детский дом для мальчиков), мне пришлось полтора часа смотреть документальные фильмы о доблестных милиционерах. Все казармы в ту пору были закрыты, одни пустовали, в других жили армейцы. Заслышав шаги, охранник принимал к глазку – кто тут?! Если вместо ответа раздавался стук в дверь, – значит иностранец, который когда-то был евреем и жил в этой казарме, – такого в охраняемый государством объект точно пускать нельзя. Если же стук не прекращался, охранник спускал собак, их лай лучше всякого языка давал понять пришельцу, что ему здесь делать нечего.

В период демократизации во всех помещениях были установлены смотровые камеры, – сторожевые псы вызывали у посетителей мемориала неприятные ассоциации. Однако в Малой крепости, где и тогда режим был суровей, без собак не обойтись. «Сколько смотровых камер ни ставь, а собачьего нюха у них нет», – объяснял мне однорукий сторож Малой крепости.

В 1991 году город превратился в реставрационную мастерскую. В костеле, где в войну был склад химикатов, реанимировали старый орган, его спустили с хоров, чтобы продуть хорошенько трубы и начистить их до блеска; застекляли окна казарменных чердаков, убирали птичий помет, сжигали во дворах старые прогнившие матрацы и остатки лагерной мебели, и на месте прогнивших балок ставили современные перекрытия, – но призраки тех, кто холодными зимними вечерами собирался слушать лекцию

Терезин, ул. Берггассе (ныне Пражская)
Фото Р. Ван ден Брандт, 2005

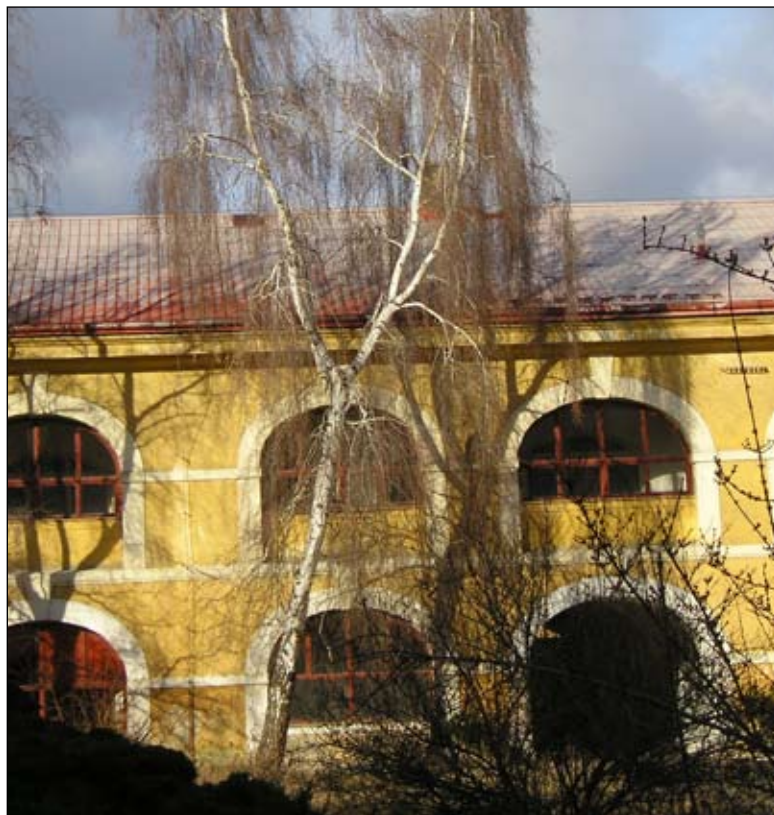
о Платоне или полете на воздушном шаре вокруг света, были неистребимы. Они продолжали читать свои лекции и устраивать представления, на которые съезжались теперь люди со всего света.

Туристические автобусы, прежде занимающие стоянку у Малой крепости, теперь выстраивались в ряд напротив музея гетто; медперсоналу местного дурдома во избежание казуса запретили выпускать пациентов на улицу с десяти утра до пяти вечера. Действующие казармы выкрасили в разные цвета, открыли кафе-мемориал и кошерный ресторан, который, правда, просуществовал недолго. Китайцы завезли сюда игральные автоматы, а один китаец даже женился на терезинской девушке; сонных чешских продавщиц заменили юркие вьетнамцы. На смену цыганам, которые давно докучали Терезину, явились украинские рабочие. Однако их поселили не в цыганские дома, а в спортзал Соколов, где еврейские заключенные выступали перед представителями Международного Красного Креста, – комендантша Соколова говорила, что украинцы еще хуже цыган, нажираются как свиньи, и она их гоняет шваброй.

– Ушла армия, уйду и я, – сказал мне пожилой охранник Гамбургских казарм. – От кого тут девки рожать будут, от украинцев?

Однако он не ушел; его перевели на другой объект – дом, во дворе которого во времена гетто была подпольная синагога, и сидит наш охранник теперь не у двери с глазком, а в тепле, за пультом управления.

«Наш» – сказано не флиртности ради, мы действительно живем под его охраной – нас перевели сюда из Магдебургских казарм, которые заселили американцами. Во дворе дома на улице Долгой, рядом с синагогой, в конце войны была мертвецкая. Эпидемия тифа, вспыхнувшая весной 1945-го года, унесла множество жизней, в том числе и матери Хельги Вольфенштейн. Скорее всего,

Устецкие казармы.
Фото Р. Ван ден Брандт, 2005

ее тело тоже покоилось здесь какое-то время – местный крематорий не справлялся с работой.

В конце 80-х годов здесь был крольчатник, – я помню хозяина дома, он сам был похож на жирного кролика с красными глазами. Когда мы в 1996 году снимали фильм про кабаре в гетто, местные ребята, проводя меня по подземному Терезину, рассказывали мне про «еврейскую церковь». Помню, как мы проваливались в какие-то расщелины и оказывались под широкими подземными сводами, которые по ходу сужались и опускались, так что приходилось ползти. Из моих тогдашних проводников один Иржи остался верен Терезину, остальные или спились, или покинули город. Он-то и отвел меня в «еврейскую церковь». Хозяин отворил дверь в воротах, мы прошли под аркой и очутились в мощеном дворе с водокачкой в центре. По стенам висели кроличьи шкуры, а за огромной решеткой носились живые кролики. Хозяин рассказал, что он сам их убивает и свежует, сам готовит в погребе шкуры на продажу, а сюда выносит сушить. Человеческая мертвецкая превратилась в мертвецкую кроликов. Теперь синагога стала излюбленным объектом религиозных евреев. На их жертвоприношения мемориал выпустил брошюру на разных языках с фотографиями синагоги и невнятными текстами. На самом деле никто так и не занялся исследованием этой истории.

Я предположила, что синагогу оформил художник Фердинанд Блох. Я показала Ире в архиве его рисунок, на котором изображен двор, похожий на наш, и еще один его рисунок «Морг», с надписью на иврите, буквы и манера их написания похожи на те, что в синагоге. Из всех художников, работавших в графической мастерской, один Блох использовал ивритский шрифт. Мало того (это, конечно, не относится к истории с синагогой), и Кин, и Блох преподавали до войны на курсах переквалификации при еврейской общине Праги, карикатура на эти курсы в виде

Хозяин кроликов
Фото Е.Макаровой,
1989

Кролики
Фото Е.Макаровой,
1989

книжки-гармошки хранится в здешнем архиве и подписана обоими художниками. Так что Блох имеет непосредственное отношение к Кину. И вполне логично, что после Магдебургских казарм, где жил и работал Кин, нас перевели в дом, где жил Блох.

– Не верю ни про мертвецкую, ни про Блоха, – сказала Ира. – Приведи доказательства.

Я знаю, что он жил здесь, и что он расписывал потолки в синагоге и писал надписи. Это его стиль – графика-эклектика. Посмотри его работы.

Ира не соглашалась. Если ты историк – собери всю информацию о внутренних дворах гетто, сделай графологический анализ, найди номер дома, где жил Блох. Ира перепроверяла всю информацию и везде находила ошибки, ни один факт не принимался ею без перепроверки. Она сверяла мои переводы чешских текстов с переводами на немецкий, – мои казались ей слишком вольными, а иногда и вовсе неверными.

– Ты путаешь литературу с историей и вводишь в заблуждение читателя, – говорила Ира, – и это не только мое частное мнение. – Ира говорила с обезоруживающей прямоотой – иногда мне казалось, что ей доставляет удовольствие тыкать меня носом в ошибки, но, наверное, такого намерения у нее не было. Она по-настоящему любила предмет исследования, недобросовестный исследователь вызывал в ней ярость, и тут для нее не существовало ни нерушимых авторитетов, ни друзей.

Иногда по вечерам мы отрывались от компьютеров и выходили проветриваться. Я рассказывала ей то про художника, который нарисовал эту аллею, то про лектора, который вот здесь, в магазине, где мы покупаем сигареты, читал серию докладов под названием «Душа и тело». Иру мои рассказы раздражали. Они настигали ее в тот момент, когда под рукой не оказывалось документов, опровергающих достоверность сказанного.

Ф.П.Кин, Ф.Блох

Книжка-раскладушка в 18 картинах, представляющих процесс переквалификации, происходящий в Виноградской синагоге, в несколько фривольных тонах.

1. Графика, сентябрь 1940 – июнь 1941. Дорога в Еврейскую общину – спокойно!
2. Эта гармошка содержит не что иное, как шутки! Безвредные и добродушные.

Ни в коем случае не использовать эти картинки как шаблоны для новых плакатов! Ф.Блох.
ПТ

С того времени, как из Брно в Терезин был доставлен фибровый чемодан, прошло больше 30 лет. Все устали, постарели, а бывший директор Мемориала просто-таки умер. И вот приезжают дамы с высокой мотивацией – открыть людям Кина. Пожалуйста. Все, кроме чемодана, в вашем распоряжении.

– Мы и до него доберемся, – утешала меня Ира. – Попробую произвести разведку из Берлина.

Я уповала на разведку из Берлина и старалась не сердить Иру, не рассказывать ей ничего, что не имеет фактического подтверждения.

Мы приходили в архив в семь утра и уходили в пять. Чем глубже мы погружались каждый в свое – я в рисунки, Ира в тексты, – тем больше несоответствий находили в базе данных. Я понимала важность такой работы, но вместе с этим вылавливание ошибок, которые не имели права просочиться в нашу будущую книгу, отдаляло от меня образ самого Кина, возникший при разговоре с Ханой Андеровой, и ставший еще более достоверным, когда я без Иры смотрела оригиналы его работ. Мой Кин жил стремительно, рисовал стремительно, увлекался безмерно, болтал без умолку, шутил над всеми, и в первую очередь, над самим собой. Он не был старательным или собранным – скорее, спонтанным и хаотичным, такой неугомонный мальчишка вроде моего сына, все на свете хотящий немедленно. Я понимала, что исследователь не должен ассоциировать исследуемого ни с собой, ни со своими близкими, его задача – создать образ как можно более правдивый, чему и служила наша с Ирой работа. Но все же когда мы, собрав необходимые для поездки материалы – ксерокопии альбомных фотографий и рисунков Кина с видами городов, улиц, ландшафтов и портретов – покинули терезинский архив, легкость и беззаботность вернулись ко мне, пусть и на короткое время.

Рельефы и письма на крепостной стене.
Фото Р. Ван ден Брандт, 2005

БЗЕНЕЦ

От Брно в Бзенец вела узкоколейка. Мы долго тряслись в вагоне-таратайке со скоростью десять километров в час и, наконец, прибыли в маленький южно-моравский городок, откуда происходила семья Кина по материнской линии. Жуткая жара. На платформе у здания вокзала стояло два высоких стола, за одним из них сидел человек средних лет в майке с большой пивной кружкой в руке – вряд ли это был мэр города Роман Острежи, который должен был нас встречать. «Позвони ему», – сказала Ира. Я позвонила, ответа не последовало. В здании вокзала не было ни души. Я постучала в билетное окошко, с той стороны возникло какое-то движение. Задвижка поднялась вверх, и я увидела милое женское личико. На мой вопрос я получила ответ в виде адресной книги Бзенца. Странная вещь – в книге числилась одна Женатова, но она жила за пределами города, в 12 км отсюда, а наша Женатова, судя по письму из Бзенской мэрии, жила в центре города, рядом с главной площадью.

Я уговорила Иру выпить кофе и достала из рюкзака распечатку письма от мэра. Дом №322, принадлежащий некогда семье Кина, находится на площади, вблизи от него должна жить Вера Женатова, к которой мы собственно и приехали. Ей восемьдесят семь лет, она хорошо помнит семью Кина.

Ира считала, что сначала надо найти мэрию, и если самого Романа Острежи на месте не окажется, попросить секретаршу позвонить Женатовой и предупредить о нашем приходе.

Она нас ждет, – настаивала я, – Острежи наверняка предупредил ее, что приведет нас с вокзала. Вряд ли в этом городе могут быть две Женатовы, которым 87 лет...

А что насчет той, за двенадцать километров отсюда?

Вокзал в Бзенце, фреска на вокзале, начало XX века
Фото И.Рабин

Вокзал в Бзенце, 2007
Фото И.Рабин

Ира привыкла контролировать ситуацию, но без знания чешского это было сделать сложно, и она положилась на меня. Как можно было ехать, не созвонившись накануне с мэром? Проехать всю Чехию, чтобы пить бурду на вокзале?!

Можем сварить твой кофе, хочешь, я попрошу девушку на вокзале?

У Иры с собой было все, даже кофеварка из Берлина.

Ты б ей лучше справочник вернула, – сказала Ира и убрала с глаз прядь рыжих волос.

Я вернула справочник, вышла из здания вокзала, и увидела старика, который, конечно же, знал пани Женатову и объяснил, как до нее дойти.

Ира уже не сердилась и не настаивала на походе в мэрию. Но когда мы вместе подошли к двери, на которой было написано «Женатова», я пожалела, что не проверила, дома она или нет.

Так и будем стоять у закрытой двери?

Палило солнце, а кожа у Иры очень чувствительная.

Давай я сбегаю на площадь и куплю у вьетнамцев панаму...

Откуда ты знаешь, что там есть вьетнамцы, и что они продают панамы?

В этот самый момент дверь открылась, и мы увидели седовласого мужчину. Это был сын Женатовой, Пепек. Я объяснила ему, что мы договаривались с мэром города, но он нас не встретил.

А, вы те дамы из Израиля, – понял Пепек, – кажется, мама ждала вас в июле. Прекрасно, я скажу маме, проходите, пожалуйста.

Мы оказались в саду, за большим столом в тени деревьев, вокруг пионы с огромными розовыми головами, садовые колокольчики и ирисы.

Как такое могло произойти? – спросила Ира.

Наверное, я перепутала червенец (июль) и червень (июнь).

Спроси, здесь можно курить?

Пепек кивнул, принес пепельницу и воду в граненых стаканах.

Не успели закурить, появилась Женатова в красивом платье, подтянутая, улыбчивая, поздоровалась с нами за руку и на всякий случай переспросила: «Вы те дамы из Израиля, о которых говорил господин Острежи?» Да, это мы!

Ира молча вынула из чемодана копии в формате А3, магнитофон и компьютер.

Женатова попросила Пепека принести очки. Ира спросила ее по-немецки, говорит ли она по-немецки, но та развела руками.

Пришла моя очередь. Я объяснила, что мы делаем и о чем хотели бы расспросить.

Вера взяла в руки первый лист, поднесла его близко к глазам.

Это Эрнестина, бабушка Франтишека, это его любимый дядюшка Рихард, а это Куртичек Вернер, после войны он приезжал в гости к доктору Блюмке.

Какое отношение он имел к Кину? – спросила я.

Никакого, – сказала пани Женатова.

Е.М.: Тогда что же он делает в этом альбоме?

В.Ж.: Небось, Мария приклеила.

Е.М.: А кто такая Мария?

В.Ж.: Как кто? Мария Кудрова, жена Рихарда.

Магнитофон работал, Ира подписывала имена на копиях, а я вела беседу по-чешски.

Е.М.: То есть этот альбом составляла Мария?

В.Ж.: Этого не скажу. Могу сказать одно – Мария была замечательной женщиной. Может, в Бзенце она не всем нравилась... Заболела альцгеймером, стала подозревать всех в воровстве... Рихард был женат на Марии, и у него было очень плохое зрение, говорили, что его няня, чтобы он спал, варила ему зелье из мака, и от этого у него

Вера Женатова и Лена Макарова, Бзенец, 2007
Фото И.Рабин

Ирма, Ольга (мать Петера Кина) и Эрнестина Франкл, 1920-е, Бзенец.
Частная коллекция, Израиль

испортилось зрение, у него были сильные очки. Мария работала в их семье уборщицей, это была богатая семья. Они с Рихардом жили вместе, а потом расписались, чтобы спасти Рихарда. Во времена Протектората она заботилась не только о Рихарде, но и обо всех, кто присылал запросы из концлагеря. Видели такие бумажки? Я вам покажу, Пепек, принеси коробку!

Пепек принес здоровенную картонную коробку, ее уже и ставить некуда. А на табуретку! Женатова что-то ищет, руки дрожат от волнения. Тетрадки, фотографии, пожелтевшие письма, а вот, нашла.

В.Ж.: Такие бланки мы получали из концлагеря. Рихардек носил посылки на почту. Я это знаю, потому что мы фасовали искусственный мед, и Мария просила, если что-то останется, дайте, пожалуйста. Она пекла коржики, промазывала их, и посылала килограммовые посылки в концлагеря. Простите, это, наверное, к вашему делу не относится...

Женатова умолкла. Прожужжал надо головой шмель, улетел. Я вспомнила про Кина, ведь он же рисовал эту самую Женатову...

Е.М.: А каким был Франтишек?

В.Ж.: Немного странным.

Е.М.: Почему?

В.Ж.: Не знаю. Художник, так бы я вам сказала. Мы были примерно одного возраста, а он писал с меня портрет, мне это было дико...

Е.М.: Почему?

В.Ж.: Сколько мне там было, 15 лет. Девчонка... Может, я немного была в него влюблена, а что? Он на меня так смотрел, что-то особенное было в его темных глазах... Я краснела с головы до ног... Представьте, мне скоро девяносто, а все еще помню это смущение... Он звал, я шла.

Судя по Ириной реакции, она понимает, что говорит Женатова. Она мгновенно схватывает языки.

Вера Женатова и ее фотографии, Бзенец, 2007
Фото И.Рабин

Вера Женатова
(в девичестве Рут)
Частная
коллекция,
Бзенец

Девчонки, вы же с дороги, – спохватилась Женатова и позвала Пепека. – Принеси бутерброды с сыром, сынок. Я вдруг поймала себя на том, что не помню, как мы здесь оказались – вошли в дом, – и уже сидим в саду. Наверное, мы шли по коридору, или через комнату. И где-то там есть кухня, откуда Пепек с быстротой молнии выносит то воду, то тарелку с бутербродами.

Е.М.: А чем он вас рисовал?

В.Ж.: Пером.

Е.М.: Как часто он бывал в Бзенце?

В.Ж.: Часто. И летом, и на каникулах. Он любил Рихарда. У Рихарда своих детей не было. Знаете, здесь на площади был рынок, где цыгане торговали лошадьми, он очень любил лошадей, всегда их рисовал. В его альбоме были кони да кони.

Копии рисунков с конями мы с собой не взяли, жаль, а то бы показали Женатовой.

В.Ж.: Франтишек еще и фотографировал.

Мы с Ирой замерли, неужели наша догадка верна, и те фотографии, которые мы не знали, к чему отнести, – птица крупным планом клюет зерна в талом снегу, или уличные шарманщики, или повозка, запряженная белыми лошадьми на сверкающей булыжной мостовой, – сняты Кином? Ира показала Женатовой фото, где мальчик в кепке снимает себя в витрине магазина, и та, не моргнув глазом, сказала: «Франтишек».

Открытие! Кин снимал мальчишек, играющих в футбол, а дома рисовал по фотографиям – изучал движение, остановленное на лету фотокамерой. Женатова не понимала, чему мы так радуемся.

В.Ж.: Это страшно, страшно, что случилось... Дети у Блюмки были необыкновенные... Через год после его отъезда из Бзенца мы получили письмо из Освенцима... Он писал, что прошел год, как он потерял жену и детей в газовой камере.

Ф.П.Кин

Портрет Рихарда Франкла, 1938
ПТ

Е.М.: Тогда вы впервые узнали про газовые камеры?

В.Ж.: Тот транспорт, в котором он был, как он потом рассказал мне после войны, был обречен на гибель. Оттуда выбрали только врачей и строителей, остальных в газ.

Е.М.: В Бзенце было много евреев, верно?

В.Ж.: Очень много.

Е.М.: А как вы чувствовали себя, когда вдруг всех забрали?

В.Ж.: В тот день, когда у меня родился Пепичек, Эвичке Блюмковой исполнилось три года. Лучше не вспоминать. Мама носила мне желудевое пиво, от него прибывает молоко, а Эвичка спрашивала, что это? Я ей дала попробовать, и ей очень понравилось, так она все за мной ходила. Госпожа Блюмкова спросила, что это Эвичка ходит за вами, я ей рассказала про пиво, она так смеялась.

Е.М.: Но ведь было запрещено общаться с евреями, вы не боялись?

В.Ж.: Блюмки в то время уже переехали и жили вместе с другой еврейской семьей, а в их квартире, тут вот, в этом доме, на втором этаже...

Женатова перенесла меня в реальность того времени, и коробка с вещами, лежащая на табуретке, стала волновать меня не меньше, чем идентификация родственников Кина по материнской линии.

В.Ж.: ...Так вот, там поселились немцы, он был начальник консервного завода, я с ними не общалась, но скажу, что они были приличней, чем чешские супруги-учителя, наши соседи... Все, что осталось от семьи Блюмки – хорошая мебель, красивые вещи – мы спрятали у себя. Еще был очень красивый ковер, который я по праздникам выбивала во дворе.

Е.М.: Здесь?

В.Ж.: Да. Тут тогда сада не было. Этот сад я развела уже на пенсии, прежде руки до цветов не доходили. ...Так учительница сообщила жене немца, что это вещь не моя, а еврейская. Мой муж был в Сопротивлении, часто уез-

1 фото: Зденка Блюмкова, Эвичка и Вера Женатова с маленьким Пепиком в коляске, 1942

2 фото: Эвичка
Бзенец, 1942

Частная коллекция, Чехия

жал неизвестно куда. Немцам ничего не стоило бы убить нас после доноса, но они этого не сделали. Так что немка оказалась порядочней чешской учительницы.

Потом муж работал на почте и нам дали там комнату. Чехи все еврейское крали. Как-то я прогуливала Пепичка в коляске и взяла с собой Эвичку, тогда все евреи уже носили звезды, так женщина, которая жила у учителей, сказала, что это вы берете еврейских детей на прогулку? Вы не боитесь? Я сказала, чего бояться, ведь это ребенок, чем она виновата? Все это воспоминания о страшных временах, еще и сегодня человек скажет, неужели такое было? Мы еще ходили навещать Блюмку в ту семью, где они жили, мы не знали, что утром они уедут. – Женатова расплакалась, и Ира ее обняла. – Я по сей день вижу перед глазами эту изумительную девочку Эвичку, как-то я всплакнула, а она сказала, госпожа Женатова, что вы плачете, не надо, это все шутки.

Е.М.: А какой была Ольга?

В.Ж.: Маленького роста. Петр был высокий и худой. Она была ему по плечо. Я смутно ее помню, помню, что была хорошая.

Е.М.: А Леонард?

В.Ж.: Он был продавцом, не сказала бы, что успешным, торговля у него шла плохо. Они сюда переехали перед войной, до этого он работал в Брно, кажется... Все, что я помню – из разговоров взрослых, мой отец говорил, что у Ольги с ним не очень складная жизнь, что он неудачник, не справляется с делами.

Е.М.: А чем Рихард занимался?

В.Ж.: По-моему сидел дома, из-за зрения. А откуда у вас столько фотографий?

Е.М.: Из альбома, который Мария сдала в терезинский архив.

В.Ж.: Интересно. Да, я тут многих знаю. Это Карел Франкл, он был в Англии и вернулся домой с английской армией. Мы

Ольга Кин и Франц, Варнсдорф, 1927
ПТ

с сестрой в честь этого устроили бал. Франкл выпил все, что мог, и ему было так плохо, что мы этот бал еще долго вспоминали. Фриц тоже был в Англии. Карел и Фриц были сыновьями одной из сестер Ольги. И племянниками Рихарда.

Е.М.: А где похоронен Рихард?

В.Ж.: На нашем кладбище. (Смотрим фотографии.) Это Рихард. Это дочь одной из сестер.

И.Р.: Ильзы?

В.Ж.: Да. Это тоже Рихардек.

Е.М.: Кто здесь Ольга, кто Ильза? А кто это красавица?

В.Ж.: Это ее старшая сестра Хильда. Она совсем не похожа на Оленьку. Мои родители говорили, что она немного того. Она не жила в Бзенце, вела себя странно. Эмансипе, ходила в брюках (смотрит на фотографию), почему-то помню, что много ела. Ольга была очень милая. Она очень любила своего сына и всю семью. Это Франтишек маленький. У них перед домом была скамейка, там они часто сидели, беседовали. Это Мария. У Франклов были две прислуги, обе Марии, одна была кухаркой. Это у Старого Града, туда ходили на прогулки. Нет, это Врацов, у леса. Там еще остались обломки костела св. Флориана. Это сто процентов Мария. Я себя чувствую старой, как Мафусаил. Это точно дочь Хильды, я с ней не общалась, она говорила по-немецки, я не понимала. Кстати, Франтишек прекрасно говорил по-чешски, с небольшим акцентом. Со мной говорил только по-чешски, а родители Кина по-чешски не говорили. Это площадь. ... Это – Ольга и Леонард. Вообще-то у нас его полным именем не звали, для нас он был Лео.

Время подходило к обеду, и мы с Ирой решили дать Женатовой отдохнуть, но та ни за что не хотела нас отпустить. К счастью, вовремя появился Пепек и уговорил ее. Мы вышли на огромную городскую площадь – на одном доме Ира увидела надпись «Гошек», такая надпись была на рисунке Кина, и дома так же стояли впритирку друг к другу. Пока мы дошли до площади, Ира успела обго-

Петер, Ольга и Лео Кин и Рихард Франкл
Бзенец, 1930
Частная коллекция, Израиль

реть – нос красный, плечи красные. В киоске у вьетнамца я купила Ире белую панаму.

Хорошо, что Острежи не явился, при нем она вряд ли рассказала бы историю про чешских учителей и что чехи крали еврейское имущество.

Ты же знаешь, что я не люблю сюрпризы.

Ира улыбнулась и надвинула на глаза темные очки. Это был воспитательный акт: я как-то призналась ей, что мне трудно говорить с человеком, когда я не вижу его глаз. Ира сказала, что надо подумать о ночлеге, в архив мы уже не успеем, но, даже если Женатова предложит свои услуги, у нее мы не останемся. Она, во всяком случае.

В Бзенце, как сказал официант в кафе, есть одна гостиница, внизу бар и игральные автоматы, наверху комнаты.

А Интернет? – спросила Ира.

Оказывается, Ире нужно отправить материал для конференции, у нее аврал на работе, ей нужно сосредоточиться. Она мне об этом говорила, но я, как всегда, ничего не слышу.

Я пообещала Ире, что позвоню мэру, когда мы все закончим с Женатовой, и он решит проблему с гостиницей.

Женатову мы застали при полном параде. В новом, еще более нарядном платье, и с палочкой, дорога предстояла дальняя.

Это был незабываемый поход, сопровождаемый ее рассказами о каждом доме и его прежних обитателях. Она всех помнила поименно. Девочкой она разносила по утрам газеты.

В.Ж.: Какое было время! Скажешь: Доброе утро, госпожа Кенигштейн! Доброе утро, госпожа Мюллер! А они тебе хором вслед: Передавай привет папе! Франтишек был не от мира сего и вечно ходил с карандашом и с альбомом, он покупал у нас бумагу, вот тут был наш магазин. Увидеть, сколько было евреев в городе, можно только на кладбище.

Ф.П.Кин

Дома на площади, Бзенец, 1936–1939
ПТ

Те же дома на той же площади, Бзенец, 2007
Фото И.Рабин

И мы пошли навестить город мертвых.

В.Ж.: У меня были две школьные подруги-еврейки, Аничка Кляйнова и Людка Мункова. Обе в Израиле, пишу им, они не отвечают. Пишу Курту, прошу его узнать, что с ними, а он молчит.

Я шла рядом с Женатовой с магнитофоном, а Ира фотографировала. Она сняла темные очки, и это меня радовало. Лена вам всех найдет, – сказала Ира, – в этом отношении она обязательная, – и я с удовольствием перевела эти слова Женатовой.

Тут каждый второй дом был еврейский, – Женатова указала палкой на узкую улицу, идущую в гору. – Когда их увезли, мы думали, что еще встретимся. Но нет. Но ведь ничего этого не было, я не помню, чтобы как-то выделяли евреев, в плохом или хорошем...

Мы поднялись в гору, Женатова шла легко, несмотря на возраст и жару. Перед нами была закрытая дверь, но у Женатовой в кармане был ключ – Пепек сгонял за ним в мэрию. Два поворота в замочной скважине – и вот мы уже на кладбище.

В.Ж.: Тут в начале девяностых все подновили, и окна, и все тут было новым, какая-то художница сделала, – указывает Женатова на здание у самых ворот. Витражные стекла на нем разбиты, магендовид сломан. – Дело рук местных хулиганов, они и в школе все окна побили. Здесь должны были мертвецов обмывать, но ни одного не осталось, всех там убили. Последним, кого хоронили после войны по еврейскому ритуалу, был доктор Блюмка.

Е.М.: А из Израиля сюда приезжают?

В.Ж.: Тонда, который за кладбищем ухаживает, рассказывал, что кто-то приезжает. Но от него ничего не добьешься, он бесплатно не скажет. Только за доллары. Я его просила – Тонда, приедут родственники Франкловых (то есть мы), приведи могилу в порядок. Потом встретила его, а

Еврейская община Брно сообщает, что это кладбище находится под государственной охраной, что это кладбище – историческое свидетельство о Еврейской общине, существовавшей в Бзенце со времен средневековья, и что осквернение кладбища карается законом.
Фото И.Рабин

У входа на Еврейское кладбище в Бзенце, 2007
Фото И.Рабин

он спрашивает, когда приедут Франкловы, я молчу, чего доброго, думаю, с вас стребует.

Древние надгробные плиты поросли мхом, а те, что по-новей, плющом. То там, то здесь проглядывали красные ягоды земляники. «Кладбищенской земляники вкуснее и слаще нет...»

Е.М.: А семья Кина ходила в синагогу?

В.Ж.: Конечно. Бабушка и дедушка были религиозными.

Е.М.: А Ольга?

В.Ж.: В Бзенце евреи были верующими. А вот и Эмиль Франкл...

Е.М.: Сколько тут было Франклов?

В.Ж.: Много... Скоро всех увидите. Это доктор Кляйн, врач из Бзенца, а вот и Блюмка... Йозеф Блюмка – его отец. Когда Блюмка вернулся, он велел написать все имена погибших. Зденка Блюмова, первая жена, Иржичек и Эвичка – дети. У Элинки, второй жены доктора Блюмки, были проблемы. В Сучатах еврейское кладбище уничтожили, своих она сюда вписала. Опять Кляйн. Большая семья, по всему кладбищу раскидана. Фабрикант Фюрст. Вот Редлих – большой был коммерсант.

Женатова склонилась над Редлихом, потрогала пальцем плиту.

В.Ж.: Песчаник, все пошкрябано... А вот и Франклы – Александр и Эрнестина, бабушка и дедушка Франтишека. Эрнестина умерла в 1933, а Александр в 1934. Так что до этого ужаса не дожили. Эрнестина происходила из знатной фамилии Субак, так я слышала. Да вот тут и написано – Субак, значит, не вру. Рихардек! Подумать, как давно умер, в 61-ом! На христианской половине есть обелиск – Блюмка настоял, чтобы все имена бзенских евреев, погибших в концлагере, были на нем выбиты. Хотите посмотреть? Это в гору, я уж не пойду, подожду вас здесь.

Но мы Женатову не оставили, фото обелиска – это первое, что нам прислал мэр города.

Памятник Эрнестине и Александру Франклу, умерших в Бзенце своей смертью, а также погибшим в концлагерях Оскару и Эмили Франкл, Ольге, Лео, Франтишеку и Ильзе Кин.
Фото И.Рабин

У памятника Й.Блюмке и его семье, Бзенец, 2007
Фото И.Рабин

На обратном пути Ира сфотографировала нас с Женатовой у могилы Блюмки.

Е.М.: А службы в синагоге кто проводил?

В.Ж.: Бзенский раввин.

Е.М.: Хофф?

В.Ж.: Не помню. Вот Шнееры, у них была еврейская скотобойня, а теперь лежат тут оба. Здесь какие-то немцы похоронены. И румыны. Нас румыны освобождали, русские послали румын вперед, виноградники-то были заминированы, и румыны полегли, многие потеряли ноги, моя бабушка тоже. И умерла. У нас жил армянин, так он меня боялся, я оставалась дома одна с ребенком, и все говорили, ты с него глаз не спускай, а он милый был такой, он меня боялся больше, чем я его. Запирался на ключ. А я смеялась! На почте вся русская бригада жила. Немцы убежали, пришли русские. Разорвали все портреты Гитлера, а все полезное забрали.

Е.М.: Франтишек с семьей ходил в синагогу?

В.Ж.: Когда был в Бзенце, точно ходил. Эрнестина строго держала в руках всю семью. Она носила лорнет, он ей очень шел. Это были времена, с одной стороны Франклы, с другой Кенигштайны, а я разносила газеты, а они мне – милашка, куда идешь? У Кенигштайнов было три сына, так один из них, Хуго, говорил мне, что они вместе весят 360 кило.

Мы выходим из кладбищенских ворот, Ира помогает Женатовой повернуть ключ в замке.

Е.М.: Я слышала, что Бзенец славен своими винами.

В.Ж.: Да! Шато Бзенец, шампанское. Но теперь винзаводы перевезли от нас в Микулов. Все потихоньку умирает. А до войны все знали и про Бзенецкое шампанское, и про наши фрукты и овощи. У нас были свои консервные заводы, отец Рутки Мунковой затаривал огурцы. Жили дружно, не было ни ненависти, ни зависти.

Е.М.: А евреи носили звезды?

Ф.П.Кин

Дорога к синагоге, Бзенец, 1936–1939
ПТ

Ф.П.Кин

Бзенец, синагога, 1936–1939
ПТ

Зачем я ее перебила? Куда спешу? Она так хорошо рассказывала...

В.Ж.: Носили. Помню, снега намело, и доктор Блюмка со звездой убирал снег на площади. Дети носили, все носили. У еврейских детей было свое место, на горе, у леса, там им разрешалось встречаться, но всего на час.

Е.М.: Как вам было тяжело все это видеть...

В.Ж.: Ужасно! Стыд такой... Уважаемый человек города, любимый доктор, гребет лопатой снег. Это унижало нас, не его.

Мы прошли по какой-то улице и свернули к лесу, слева дома на пригорке, справа густой ельник.

В.Ж.: Тут жила Марта. Она была моего возраста. Хорошая девочка. Вышла замуж за Альта, оба погибли. Вот этот дом Франтишек нарисовал, с видом на ели. Он сюда ходил один. Или с Рихардом. Он был такой странный художник, вечно с карандашом, ни с кем из детей не общался.

Е.М.: А почему же с вами общался?

В.Ж.: Соседи. Видел меня в магазине, я продавала, он у меня просил альбом, карандаш, так... А тут была кондитерская, сюда Франтишек с Рихардом ходили, он этот вид нарисовал, картина у моей сестры дома.

Е.М.: Можно посмотреть?

В.Ж.: Сестра в другом городе. Я попрошу Пепека, он сфотографирует и пошлет вам. Да, Франтишек был прирожденным художником. Не обычным человеком, он знал больше многих.

Е.М.: А как он вел себя?

В.Ж.: Общительным я бы его не назвала, с ним был альбом для набросков, карандаш и Рихардек рядом. Он был высокоумный, сверстники его не интересовали.

Женатова остановилась у предпоследнего дома на этой улице.

В.Ж.: Этот дом принадлежал евреям Миллерам. Миллер продавал семена, он часто ходил к нам в магазин и гово-

Ф.П.Кин, фото, Бзенец, 1936–1939
ПТ

Очередь за картошкой, Бзенец, 1926
В доме слева располагался магазин семьи Рут. Дом справа принадлежал дедушке Кина Александру Франклу.
Частная коллекция, Бзенец

рил моему отцу: собрались бы всей семьей и уехали, дело пахнет керосином. Деньги есть, уезжайте, пока не поздно. Но мой отец себе и представить такого не мог. Миллер с семьей уехал в Америку. У него было два сына, один здесь был несколько лет тому назад, но уже тоже умер. Он был женат на христианке, у них был отель на площади. Дом Миллера купил кто-то из Брно. А тут перед нами дом пани Юриновой...

Е.М.: А где была та часть, где еврейским детям разрешали собираться?

В.Ж.: Видите дорогу, склады, так за складами.

Е.М.: А когда это началось, в каком году?

В.Ж.: Наверное, в сороковом. Они все время что-то придумывали, то запрет на покупку продуктов, то звезды, то уплотнения, все происходило постепенно.

Е.М.: А как к этому относились чехи?

В.Ж.: Я думаю, что чехи это такой народ – если видят что-то тяжелое, не хотят подходить близко, лучше спрячутся. Тут свернем и пойдем по Еврейской улице. Здесь были одни еврейские дома. В этом, на первом этаже, жила девушка Гутманнова, парикмахерша. В то время не было названий улиц, это все коммунисты придумали. Видите универмаг? Раньше здесь была синагога.

У Кина на рисунке есть синагога, может это она? Дорога похожа, взгорок...

Дома посмотрим.

В.Ж.: Это вход в Замецкий парк. В нем растет тысячелетняя липа. Хотите посмотреть?

Е.М.: Конечно. А вы не устали?

Я? – Женатова потрясла в воздухе палкой. – Что вы, для меня прогулка с вами как праздник.

Огромная липа с раскоряченными ветвями и обильной зеленью, была похожа на экспонат – вокруг ни единой травинки, одна земля, из-под которой наружу лезут огромные корни.

Стоят: Рихард Франкл и Лео Кин
Сидят: Ольга, Эрнестина, Александр и Хильда Франклы
Площадь Бзенца, 1926
ПТ

В.Ж.: Эта липа редчайшая. Тут еще были платаны, но их уничтожили. А синагога какая была! Такая красивая, большая, столько людей туда вмещалось...

Е.М.: А сколько примерно здесь было евреев?

В.Ж.: В концлагерь отправили 40 семей, к тому времени евреев осталось мало, а раньше была большая община.

Е.М.: А кем вы работали?

В.Ж.: С детьми. В детском доме. Нас как-то послали в Советский Союз с тем, чтобы мы могли посетить детские дома и увидеть, как там работают, но туда нас не пустили. Начинала я с глухими.

Потом в Стражнице, десять километров отсюда, там и вышла на пенсию. В Стражнице были дети с самыми разными нарушениями, я их очень любила. И вот теперь моя правнучка – инвалид с рождения. Не говорит. Я ей все время пою. Это наш язык. Очень любит музыку, и так радуется! Смотрит прямо в рот, что же там делается?! Внучка возит ее на гимнастику, развивает, как может. Глупой ее никак не назовешь. Как-то их всей школой вывозили на природу, а я потом ей говорю, ты же была в лесочке, а были там деревюшки, птички, и дети, и госпожа учительница, а она открыла на меня глаза и задышала с волнением, словно поняла, что я ей сказала. Так понятно смотрела! Пианино есть, всегда открыто, но она играет каким-то своим стилем, пианино ей очень нужно, может, в ее мозгу какой-то свой порядок, но как это понять? Пепек слышал, что одна немая заговорила в девятнадцать лет...

Этот монолог Ира наверно не поняла, но, увидев, что Женатова плачет, обняла ее за плечи и усадила на скамейку под деревом.

Потом будет тяжело подняться, – сказала Женатова и раскрыла сумку. Оказывается, она взяла с собой детские блокноты и фотографии семьи Блюмки. – Вот как Эвичка писала красиво. Мой муж учил ее чешскому... Это мать доктора Блюмки, тоже погибла в концлагере.

Интервью в парке, Бзенец, 2007
Фото И.Рабин

Это они на отдыхе. Это сам Блюмка, это жена его брата. Все погибли.

Мы сидели втроем на лавочке, и я думала то про правнучку Женатовой, то про Эвичку, меньше всего о Кине, а ведь он жил здесь, гулял по этим дорогам, рисовал эти пейзажи... Словно бы он привел нас к Женатовой, а сам ушел в тень.

В.Ж.: Раньше здесь был армейский гарнизон, теперь его распустили. Муж служил здесь поручиком, и мы влюбились друг в друга. Он умер в 1979-м от рака легких. При этом в жизни не курил. Двадцать лет нас преследовали из-за того, что мы не дружили с коммунистами. Если вы пишете романы, я могла бы подарить вам сюжет. Никто бы не поверил. Подумали бы, что все это выдумка. Сын не имел права учиться. Моих детей наказали за мужа, работать ему не давали, гнали отовсюду. Меня взяли на работу с глухими и слабослышащими, поскольку на них я не могла оказать дурного влияния, это была тяжелая работа, мало кто на это пойдет. А я научилась их языку, и все пошло хорошо. А шесть лет тому назад у меня умер внук, 27 лет ему было. А вот вторая жена Блюмки слабого здоровья была, а дожила до 94 лет. После концлагеря уже ничто не могло ее сломить. Она пережила поход смерти, весь ужас пережила. Смерть мужа – это было ничто по сравнению с тем. Как-то она попросила меня застегнуть лифчик. Я посмотрела – что это у тебя, а она сказала, вши разъели. Ей еще повезло, что она в концлагере работала в кухне, что-то могла там есть, к тому же была теплая вода, можно было вымыться, ходила в тряпье, ее поедали вши, и все это она смогла пережить. А как она шла по снегу и льду на походе смерти... Я не была в концлагере, но жизнь прожила тяжелую, с большими потерями... Вот так вот, девчонки, все вам рассказала, простите.

Женатова поднялась, вытерла слезы носовым платком, положила его в сумочку на фотографии семьи Блюмки, и мы пошли по парку.

Мария Кудрова, Мариетта Вейгнер, Франц Кин и Хермина Зенгоф,
Бзенец, 1932
Частная коллекция, Израиль

Здесь шла жизнь, гуляли мамы с колясками по чистым дорогам, трава из асфальта не росла. Здесь стояла беседка. При коммунистах все раздолбали.

Е.М.: Франтишек ездил на велосипеде?

В.Ж.: Нет. У них была карета, запрягали и ездили. Думаю, спортсменом он не был. Это была зажиточная семья. И общались они с себе равными. С девушками я его не видела. Со своей женой он где познакомился, в Терезине?

Е.М.: В Праге.

В.Ж.: Жену не видела. Слышала от Марии, что и она погибла. Если бы он выжил, стал бы большим художником.

Е.М.: А как проходила депортация?

В.Ж.: Всех отправили поездом до Угерского Брода, там пересадили в другой.

Е.М.: А кто-нибудь пришел прощаться?

В.Ж.: Не думаю. Мы их видели накануне вечером. Муж утром должен был идти на работу, я видела, как они шли к поезду, Эвичка несла медвежонка, у каждого был рюкзак за плечами, я жила здесь же, в этом доме. Эвичка меня увидела, помахала.

Выходим на центральную площадь.

Тут был сплошной песок. Торговали лошадьми. Этот дом был серо-зеленый. А наш серый, внизу был магазин, а мы жили наверху. У нас был очень большой магазин с книгами, игрушками, бумагами. Это дом Франклов, видите, входные двери? Внизу, где окна, была контора магазина. Франклы продавали сено, у Рихарда, там, где левое окно, был свой угол, где он отдыхал. С той стороны огромный двор, его можно увидеть с Надражной улицы.

Обходим дом Франклов.

У них было шесть комнат и кухня.

Е.М.: А вы им тоже газеты носили?

В.Ж.: Нет, они жили рядом.

Дом №322, в котором жила семья Франклов. «Не въезжать, не парковаться», Бзенец, 2007
Фото И.Рабин

Продажа лошадей на базаре в Бзенце, 1925
Частная коллекция, Бзенец

Е.М.: А какие они читали газеты?

В.Ж.: Праг Тагблат.

Е.М.: Сколько это стоило?

В.Ж.: Может, крону. В то время были газеты и за 20 гелеров. Здесь все было иначе, водостоки... Мария продала часть дома братиславской семье, это хорошие люди, можно к ним зайти.

Мы открываем калитку, по обе стороны кусты красной и черной смородины, навстречу выходит симпатичная русая женщина.

Добрый день, – говорит ей Женатова, – это Ира и Лена из Израиля, занимаются семьей Франклов, хотели бы взглянуть на сад.

Заходите, угощайтесь смородиной, она чистая, можно есть прямо с куста.

Пока Женатова отдыхала на скамейке, мы наелись смородины, прошлись по саду, Ира сфотографировала дом Франклов с тыльной стороны, мы распрощались и опять пошли на площадь.

Тишлерова жила на Богушовской улице, преподавала немецкий. У Сабловой был магазин керамики на Врацовой улице, Соммеровы – у них жили Блюмковы, из этого дома они шли на станцию. У Шеновых (Грета и Отто) была дочь, которая, к счастью, умерла до концлагеря. Очень хорошая девочка...

Дошли до дома Женатовой. И снова я не поняла, как мы оказались в саду за столом. Наверное, это происходит, когда я устаю, или волнуюсь, или переполнена чужими историями, рассказанными на чужом языке?

Тишлеровы, Сабловы, Шеновы, у которых дочь успела умереть до концлагеря... Кто они?

Сконцентрируйся, – говорит Ира, – надо пройтись по рисункам.

Сейчас?

А когда же? Завтра архив.

Семья Франклов в саду
1-й ряд: (стоят) Хейнц Фройнд, Карел Франкл, Пауль Фройнд
2-й ряд: (сидят) Хильда, Эрнестина и Эмилия Франклы
3-й ряд: (стоят) Ольга Франкл и Эльза Фройнд
Бзенец, 1918
Частная коллекция, Израиль

Пепек приносит графин с водой, стаканы и очки. За ним появляется Женатова, в прежнем платье. Успела переодеться.

Ну что, девчата, продолжим. – Она надела очки и взглянула на лист с разными фотографиями.

У нас дома есть звезда, которую носил Альфичек.

Е.М.: Альфичек – это доктор Блюмка?

В.Ж.: Да. И его письма из Освенцима. Меня дети вечно пилят за то, что я все храню. Там, где мы шли, был дом господина Ульбрихта, который занимался табачным делом, так нам Альфичек писал, что если пойдем к Ульбрихту, чтобы попросили сигареты. У него был склад табака, и когда я собирала посылочки, могла несколько сигарет туда сунуть. Там все проверяли.

(Смотрим рисунки.)

Е.М.: Это Брно?

Да это же Бзенец, – говорит Ира, – помнишь, дом Гошека!

В.Ж.: Как он рисовал! Все дома можно узнать: Гошек, дом Sommerов, где жили Шеновы. Госпожа Sommerова... А это школа, мы рядом шли, теперь там дом престарелых. Ученики состарились!

Это у кладбища, – говорит Ира.

Она все узнаёт, я ничего. Слово мы по разным городам ходили.

В.Ж.: Он рисовал подряд, без остановки.

Это здесь, Воленикова улочка, мясник, модистка, промтовары, а это маленький магазин, где мои родители начинали работать, пока не купили тот дом на площади. Тут магазин Габра.

Синагога, – восклицают Ира с Женатовой.

Е.М.: А где она была?

Там, где галантерейный магазин, – говорит Ира.

В.Ж.: Тут жил Августин Чернин, овощной магазин, Леви, Райх, пани Миллерова – еврейская старушка. А это костел

Ф.П. Кин

Бзенец, дома Гошека, Sommerовых, школа, 1936–1939
ПТ

на горе, св. Флориан, который немцы разрушили. А это как идешь – тут скотобойня, конец улицы, завернешь за угол... – Женатова сняла очки, глаза у нее были красными, наплакалась, устала. Пора звонить мэру.

Роман Острежи отозвался сразу. Узнав, что мы у Женатовой, удивился, но сказал, что сейчас придет.

И пришел. Может, он тоже не заметил, как оказался в саду?

Роман оказался симпатичным человеком, кроме того, он понимал по-русски, что облегчило и сократило время переговоров. Поскольку мы прибыли на месяц раньше, он с утра займется вызволением домовых книг из какого-то другого здания, и подберет все, что нам может пригодиться. Так что лучше всего прийти в мэрию к десяти утра. А до этого можете посмотреть старинную коллекцию марионеток, если Пепек, конечно, согласится вам ее показать. Не пожалеете.

Пепек, оказывается, тоже понимал по-русски, но ответил по-чешски, что с удовольствием покажет.

Мы попрощались с Женатовой и вышли на улицу. Садилось солнце, дул приятный теплый ветер. Ира спросила про гостиницу. И Роман, взяв у Иры чемодан, повел нас туда.

Ф.П. Кин

Костел Св.Флориана в Бзенце, 1936–1939
ПТ

Я знала, что это плохо кончится. Двухспальный номер, треск игровых автоматов, громкие разговоры – все плохо, но отсутствие интернета – настоящая катастрофа. Мэр был смущен, он не знал, чем помочь. Вернуться к Женатовой? Ни за что, – отрезала Ира. К себе он нас пригласить не мог – маленькие дети. Поедем в Брно! Ушел последний поезд. И тут Роману пришла идея – все, что нужно отправить по интернету, он готов отправить, хоть в шесть утра.

Воспользовавшись паузой, я спустилась и заплатила за номер. На главной площади бил фонтан. Высокие струи, подсвеченные синим, выстреливали в воздух, после чего происходило медленное снижение воды, она недолго курчавилась внизу, и все гасло. Нет фонтана. Через минуту все повторялось снова. Фонтан и подсветка работали синхронно, по программе, и понять ее было легко. Иногда мы с Ирой работали как этот фонтан, но в отличие от него, у нас было много сбоев.

Утром все шло гладко – секретарша мэра освободила место за компьютером, Ира закончила работу, пришел Пепек и повел нас в бывший местный театр. От театра осталась одна сцена. За ее кулисами жили марионетки, целый город невероятных кукол с грустными еврейскими глазами. Хорошо, что Ира их сфотографировала, иначе я бы думала, что они мне приснились. В архиве нас ждали огромные фолианты, в которых каждому человеку, жившему когда-либо в Бзенце, была отведена одна строка, но на обеих страницах. Там значился не только местный адрес, но и место рождения. Нафтали, прадедуська Кина, происходил из Угерского Градища. Туда надо ехать. Требиш, Угерский Брод, Угерское Градище. Договорись с Томашем.

Именной бланк Нефтали Франкла, прадеда Петера Кина, Бзенец, 1.2.1927
Частная коллекция, Израиль

Марионетка
Фото И.Рабин

Роман разрешил фотографировать все, что мы хотим, сделал копии из книг, рассказывающих о еврейской истории гетто, а для меня сделал копии винных этикеток 30-х годов. В Терезине была огромная коллекция работ Кина в области промграфики, в том числе этикетки на французские вина, по стилю они напоминали этикетки знаменитого Бзенского шампанского. Из архива мы вышли с кипой бумаг, все, что Ира сняла, она перекинула в компьютер. Мне она подарила выносной диск, мало ли что, сломается компьютер, и все, что мы делаем, придется дублировать. Испугавшись, я тотчас перенесла в свой компьютер и на выносной диск интервью с Женатовой. Перед отъездом мы навестили Женатову. Она сидела в саду, на столе были аккуратно разложены семейные реликвии семьи доктора Блюмки и фотографии самой Веры. Это как раз с того времени, когда он меня рисовал и вводил в краску. Одна эта фраза способна перечеркнуть расстояние в сотни световых лет. В саду Веры Женатовой ожил Кин и его время. Не художник, поэт и драматург, убитый в возрасте 25 лет, а мальчик в очках, разглядывающий девушку, которая, преодолевая смущение, сидит перед ним на стуле. Потом Женатова читала нам вслух письма Блюмки из Освенцима. Тусклые листы с едва заметными различиями карандашными словами дрожали в ее руках. Ира пересняла все фотографии и документы. Душой я к вам приросла за эти дни, – сказала Женатова, – приезжайте еще! И Куртичка там пожурите от моего имени, пусть хоть открытку пришлет. Оба пожелания я выполнила. Я навестила Женатову летом 2008 года, сообщила грустные новости про ее подруг, и обрадовала тем, что Куртичек жив, и что про Блюмку сказал – золото, а не человек.

Ф.П. Кин
Улица в Бзенце
ПТ

Курт Вернер жил в Кирьоне, неподалеку от Хайфы. В Терезинской Памятной книге сказано, что родился он в мае 1925-го, из Остравы в Терезин депортирован в сентябре 1942-го, а в январе 1943-го – в Освенцим. Освобожден в Кауферинге. Прибыл в Терезин с родителями и братом, все погибли в Освенциме. Бабушка умерла в Терезине через месяц после прибытия.

Уже по телефону было ясно, что Курт ничего не помнит. Но в голосе его жены Рахели я услышала просьбу, прозвучала она так: «Приезжайте, пожалуйста, с ним давно никто не разговаривает». Еще она спросила, говорю ли я по-испански.

В маленькой квартирке много искусственных цветов, очень ярких, много картин на стенах, странноватых, пейзажи и лица вполне европейские, но ощущение, что это Европа вывезенная куда-то далеко. И впрямь – в Уругвай!

Оказывается, Курт и его брат-художник уехали в Уругвай из Чехословакии в 1947 году. Так что картины из Уругвая. Рахель или Разель (по-испански) говорит с Куртом по-испански. Они переехали в Израиль по настоянию их дочери в 1971 г., дочь умерла от рака, оставив троих детей, старшей тогда было 12 лет. Еще у них есть сын, женатый на еврейке итальянского происхождения, живет в Хайфе.

Рахель была красавицей, это видно по портрету, который написал брат Курта к их свадьбе. Она вышла замуж за Курта в 17 лет. Ее родители переехали из Литвы в Уругвай из маленького местечка близ Ковно, это был целый клан. У Рахели есть альбом с фотографиями.

Курт, малоподвижный толстяк, рассказывал, развалившись в кресле, о своей родне. Его отец продавал технические масла для кинопромышленности в Праге на Велетржинском рынке, еще он продавал специальные чернила для авторучек, чем очень гордился. А вообще он больше всего любил играть в карты и пить пиво. Младший брат умер от туберкулеза до войны (фото щупленького

Курт Вернер, 1946
ПТ

мальчика). Мать Густа и ее подруга Элла проводили все время с Куртом.

«После смерти брата я был для матери всем на свете. Думаю, когда родителей отправили на другую сторону, у матери, скорее всего, был разрыв сердца. Что будет с ее Куртичком? Может, она умерла еще до газовой камеры. Кто мог объяснить ей, что я остался на стороне живых?!»

У его отца Рихарда было 12 сестер и братьев, многие жили в Вене. «Отец меня брал туда. Отец знал немецкий. Помню, меня не хотели брать с собой в мужскую компанию, и я сидел на коленях у какой-то из моих тетей, помню бархат на ее груди».

Еще Курт не может забыть подругу матери, старую деву Эллу Фройнд.

(Дома я выяснила, что «старой деве» было 45 лет, когда она погибла в Трешлине.)

У семьи Фройнд была галантерейная лавка, два брата Эллы, Фриц и Йозеф, там работали.

(Дома я выяснила, что и они все погибли.)

Дядя Курта Натан Солдингер выступал в Итальянском вальсе с девушками. Курт показал фотографии – какой был парень!

(Дома проверила, он родился в 1896 году, жил в Милане и убит в Освенциме.)

Опять же доктор Блюм, человек из золота. Курт попал в Освенцим-Голлау в феврале 43-го, где и встретился с Блюмкой, тот работал зубным врачом у нацистов. Он сказал ему, после войны будешь со мной. Я тебя усыновлю. Таким образом, Блюм привез Курта в Бзенец, где жил у Женатовых. С Блюмкой и его второй женой Курт и Рахель поддерживали отношения всю жизнь, дважды ездили в Бзенец. (Есть фотографии, очень хорошие.)

Ну а теперь о веселом: как встретились Рахель Фельдман и Курт Вернер.

Элла Фройнд из Остравы
Частная коллекция,
Израиль

Актер Натан Солдингер
Частная коллекция,
Израиль

Курт только объявился в Уругвае и еще плохо говорил по-испански. Его друг был музыкантом и позвал на танцы бесплатно. Раз бесплатно – Курт пошел, хотя очень сопротивлялся.

Мама Рахели решила вывезти ее на танцы. Одну ее из дому не выпускали, боясь, что кто-то непременно лишит ее невинности. И вот весь клан отправился на танцы – вернее везти на танцы Рахель. Та не хотела, но матери перечить было невозможно.

Понятно, что там она встретила Курта (оба сопротивлялись, но судьба свела), он пригласил ее на танец и что-то такое неправильное сказал по-испански, что я не поняла в переводе на иврит. Тут они оба рассмеялись (сейчас, в Кирьоне).

Они протанцевали весь вечер, что вызвало недовольство мамы. Одного кавалера ей было мало. Тогда Рахель стала танцевать с другими. И Курт заметил, что танцевать Рахель не умеет, танец на раз-два-три у нее не шел.

В альбоме же, на фотографии, она в балетной пачке с огромным белым бантом на голове. Я обратила внимание Курта на этот снимок, мол, как же она не умеет танцевать, но Курт моего намека не понял. Он с немим восторгом глядел попеременно то на девочку в пачке, то на Рахель в брючках, с короткой шеей (на фото лебединой), а она на него – старого, потерявшего память после инсульта, с огромным пузом-арбузом. Любовь! Короче, пока Рахель танцевала с другими кавалерами, Курт смотрел на нее. На танцы большое семейство приехало автобусом, на обратном пути ему предложили подвозку. Так он узнал, где живет Фельдман. Они договорились о встрече через неделю, в следующее воскресенье. В семье его называли «Чeko», чех. Чeko пришел утром следующего дня. Через неделю он попросил руки Рахель. Отец и мать не больно обрадовались – за одни танцы! Без денег и имущества. Но, все-таки, сжалились над влюбленными. Рахель роди-

Копия страницы из семейного альбома Ф.П.Кина, собранного М.Франкл (Кудровой) в 60-х гг.:

- 1) Эмилия Вольф (30-е),
 - 2) Курт Вернер (1946),
 - 3) Хильда и Ольга Франкль (1919-1920),
 - 4) Берта и Эммануэль Кин (начало XX века),
 - 5) Хильда Вейгнер (Франкл) (1943, Израиль).
- ПТ

ла дочь в 19 лет, а в 38 сама стала бабушкой, и, когда ее дочь сгорела от рака в 32 года, заменила мать 12-летней сироте.

Жизнь пролетела быстро. После смерти дочери она, конечно, очень изменилась, никогда уже не была совершенно счастливой, но все же внуки и правнуки, и Курт, конечно, на первом месте всегда, да, Курт?

«Его нельзя оставлять одного больше, чем на час, дома я все делаю сама, и все же бывают очень длинные, бесконечно долгие дни, когда никто не приходит. Раньше, когда я возвращалась домой, я сразу включала всю музыку, радио, телевизор, я не люблю тишину. Но Курт любит, так что привыкаю к тишине. На самом деле, если подумать, я ничего не успела, не стала танцовщицей, как мечтала с раннего детства, но не все можно успеть, правда?»

Занимаясь исследованием жизни одного человека, проникаешь в зазеркалье судеб. История ослабляет вожжи, прямые становятся радиальными, и ты видишь уже не одну, а две пары танцующих по разные стороны. Курт и Рахель, Эрих и Эльза Лихтблау. Последние встретились на танцах в Острове (и Курт из Остравы!) и ровно через неделю поженились, он тоже был без денег, семья Эльзы тоже была в шоке. В Терезине они выжили чудом, Эльза считает, из-за любви. Рассказывая, как они танцевали, Эльза крутила носовым платочком, она тоже была красавицей. Теперь их нет в живых, но они продолжают танцевать по другую сторону круга. В зазеркалье все происходит синхронно.

БРНО

На вокзале в Брно нас встречал Михал Палка, сын бывшего терезинского заключенного Франца Перлзее. Историей Франца Перлзее я занималась в связи с терезинскими

Михал Палка и Лена Макарова на площади центрального вокзала в Брно, 2007
Фото И.Рабин

лекторами, и Михал нашел меня по опубликованному в Интернете списку, где фигурировал и его отец. По воспоминаниям девушек, видевших Франца Перлзее на сцене, он был неотразимым красавцем, чего никак не скажешь о его сыне; мало того, Франц Перлзее числился в лагере проминентом, этот статус давался евреям с особыми заслугами перед Германией. У отца Михала таковых заслуг не было – в 1-ой мировой войне не участвовал, наград от рейха не получал, баронского титула не имел, – и Михал подозревал, что в получении «статуса» была замешана женщина, возможно, даже нацистка, которая была в него влюблена.

В отличие от Иры, Михал был сражен моей эрудицией – русская еврейка, живущая в Израиле, говорит по-чешски и знает, что его отец исполнял роль барона фон Лерхенау по прозвищу Кабан в терезинской постановке «Кавалера роз» Гофмансталя! Он вдруг иначе увидел своего отца, который в военные годы оставил жену-чешку с двумя крошечными детьми. Благодаря разводу они уцелели. Но как? Голод, младший брат тяжело заболел и стал инвалидом, да и сам он выжил чудом.

Михал с нетерпением ждал встречи в Брно, он составил карту тех мест, которые мы собирались посетить, и даже снял гостиницу, которую, как потом выяснилось, оплатил из своего скудного учительского жалования.

Скульптуру на главной площади мы узнали сразу – по фотографии из альбома, значит, снимок сделан в Брно. Там же обнаружилось здание в стиле ампира с кариатидами, подпирающими головы балкон – обнаженные мускулистые мужчины один в один как у Кина. Здание, где он учился, мы узнали по групповой фотографии на фоне школы, Кина на ней не было, скорее всего, он и снимал – похоже на его стиль. Нас пустили в школу, мы поднялись по широкой лестнице, заглянули в окно и увидели здание из стекла и бетона с неоновой надписью «Батя», – видимо,

Ф.П. Кин

Кариатиды, Брно, 1935
ПТ

Кариатиды, Брно, 2007
Фото И.Рабин

Кин рисовал его с этой точки. Но, скорее всего, – предположила Ира, он рисовал во время урока, значит где-то здесь, с этой стороны, должен быть его класс... Мы прошли по коридору, заглянули в помещения, но оттуда вид из окон был несколько иным. – Выходит, он рисовал на переменах. Все вокруг носятся, а он стоит у окна и рисует универмаг.

Школьные друзья, на втором плане универмаги «Конрад» и «Батя»,
Брно, 1932–1934.
Фото Ф.П.Кина
ПТ

Михал слушал нас, вспоминал русский язык. Он знал его, но забыл. С послевоенных времен до 1991 в чешских школах русский язык был обязательным предметом, однако после 1968-го года этот язык чешским народом воспринимался как враждебный, и неприятие всего русского передавалось из поколения в поколение. Сейчас в Чехии много русских, больше, чем после революции, когда сюда хлынула волна белой эмиграции. Тогда это был цвет элиты, сейчас это люди из разных слоев постсоветского режима, однако русский язык вернулся на улицы Праги.

Ф.П. Кин

Брно, универмаг «Батя», 1934–1936
ПТ

Брно, универмаг «Батя», 2007
Фото И.Рабин

Другие «объекты» – особенно детали домов или улицы в неузнаваемом ракурсе – может, это и не Брно? – Михал так вот, сходу, идентифицировать не мог, и позвонил знакомым градостроителям. Те пригласили нас к себе. Милая пожилая пара, вооружившись увеличительными стеклами, рассматривали подолгу каждый рисунок. Это улица такая-то, угол такой-то, это вид с горы такой-то, – они говорили, Михал записывал. Ему явно нравилась его миссия. На прощание нас напоили вкусным чаем, и мы, вооруженные планом, двинулись по известным одному лишь Михалу маршрутам.

Улицу Сейл, где жил Кин, мы узнали по его фотографиям. Но дом № 57 выглядел иначе, чем на рисунке. Ира сообразила войти во двор, и оттуда мы увидели тот самый торец с выступающими из стен балконами.

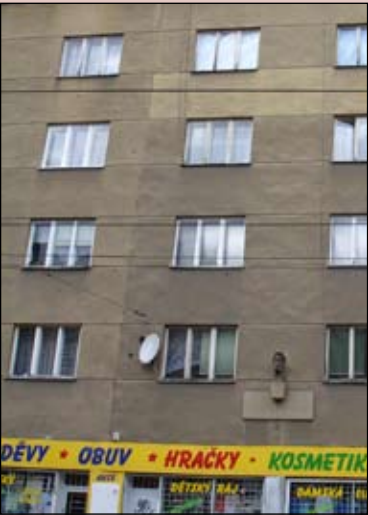
Михал спрашивал меня в письмах, как, откуда и каким образом мне удалось раздобыть столько материала. Теперь, приобщенный к делу, он стал не только свидетелем, но и участником «проступания истории». Поздно вечером он провожал нас до гостиницы, которая оказалась довольно далеко от центра. «Темная ночь черными складками ложилась вокруг пятен света... Из бесцветной монотонности стен выплывали щели ворот» – даже подстрочный перевод строфы из стихотворения Кина передавал ощущение темных окраин города.

ПРАГА

Ранним утром мы шли с Ирой по Летнему саду в Академию художеств, где, как выяснилось, и находились амбарные книги со списками учеников, их оценками, факультетами, доцентами и профессорами. Наконец-то можно было понять, с какого по какой год учился Кин в Академии, и соответственно утвердить дату переезда Кина из Брно в Прагу. Фотографии раздобыть не удалось – довоенный

Ф.П. Кин
Внутренний двор дома на Сейл, 57, Брно, 1934
ПТ

Фасад дома на Сейл, 57
Фото И.Рабин

Во дворе дома на Сейл, 57
Фото И.Рабин

Дом, где жила семья Кинов, Брно, ул. Сейл, 57
Фото Ф.П.Кина
ПТ

Вид из окна, Сейл, 57, Брно, 1934
Фото Ф.П.Кина
ПТ

Шарманщики в Брно, 1934
Фото Ф.П.Кина
ПТ

Повозка, запряженная лошадьми, Брно, 1934
Фото Ф.П.Кина
ПТ

архив не был разобран, это проект на долгие годы, да и то в том случае, если Академия получит на него грант. Мы долго искали архив, путаясь в огромных коридорах и теряя друг друга за гипсовыми слепками греческих дискоболов и мальчиков Яна Штурсы; казалось невозможным, что где-то здесь, в белизне мрамора и гипса, в выпуклостях ваз и полостях отливок, находится архив – что-то прямоугольное, темное, выцветшее. Но так оно и было – мы еле вскарабкались по крутой железной лестнице и очутились в темном прямоугольном помещении. За столом, обитым зеленым сукном, никого не было. Заслышав шаги, явилась старушка. Я объяснила, что созванивалась с таким-то, нам назначено на 9 утра. Она вздохнула и набрала телефон, долго слушала. Скоро будет, – сказала она нам, – садитесь. К нашим услугам были два старых потертых кресла. В пепельнице лежали окурки, да и по застоявшемуся запаху сигарет нетрудно было догадаться, что начальник хронический курильщик. Запах 1968 года. Тогда так пахло повсюду – это я хорошо помню. Советские танки, Прага, август. Странно, что и этому я оказалась свидетелем. Начальник, бледный и уставший, проявил огромный интерес к работам Кина. Он видел несколько его картин на какой-то выставке и был несказанно рад, когда я, пока Ира фотографировала нужные нам страницы амбарных книг, показала ему работы на экране компьютера; кажется, это был первый человек, который разделил со мной восторг по поводу тех вещей, которые никем ни во что не ставились и никогда не выставлялись – пром-графика, иллюстрации к книгам, дизайн обложек, наброски пером – и оказался столь же холоден к картинам, сделанным в период обучения живописи у академика Новака. «Это настоящее открытие, – сказал он, – жаль, что выставка будет в Терезине, там ее увидят только посетите-

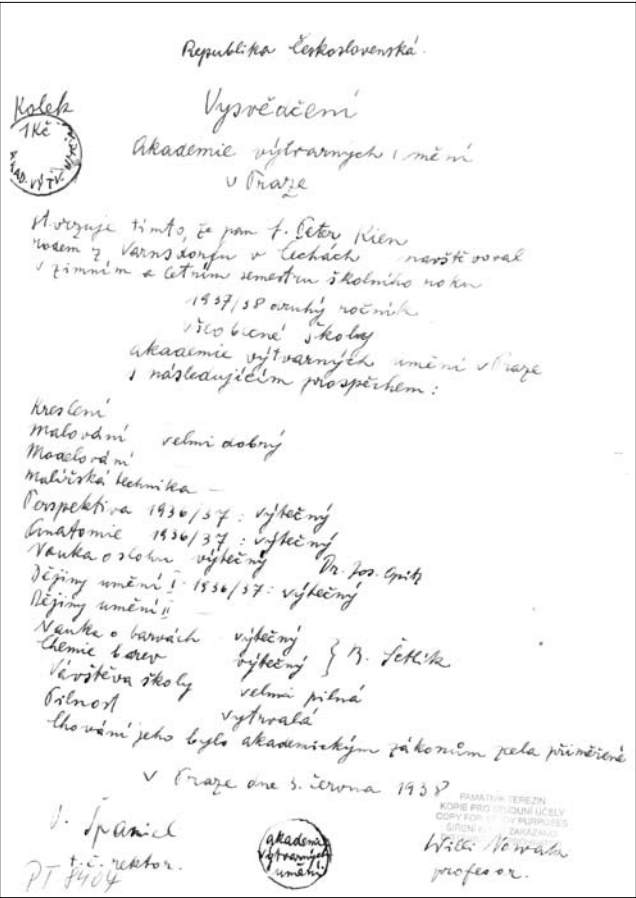

Здание напротив Академии Художеств, где учился Ф.П. Кин
Фото И.Рабин

«Масариковское общежитие» для студентов. Построено в 1927 в Праге в районе Дейвице. Здесь проживал Кин с осени 1936 по весну 1939.
Архив отдела теории и истории архитектуры при Карловом университете в Праге

ли Мемориала. Такую выставку надо показывать в залах художественно-промышленной академии, для понимающих в искусстве». Может, вы нас к кому-нибудь там направите? – спросила я. Он не знал нынешних кураторов, но предложил сходить в тамошнюю библиотеку, к госпоже такой-то, она найдет материалы по выставкам графической школы Официны Прагензис, каталоги издавались до 1940-го года включительно, и они определенно должны там быть. В художественно-промышленную академию я пошла одна, у Иры на это время была назначена встреча в газетно-журнальном зале библиотеки Карлова университета.

Аттестат, выданный Ф.П. Кину 7.6.1939. «Живопись – очень хорошо, перспектива, анатомия, теория стиля, история искусств, теория цвета, химические свойства цветов – отлично». Архив Академии художеств, Прага
Фото И.Рабин

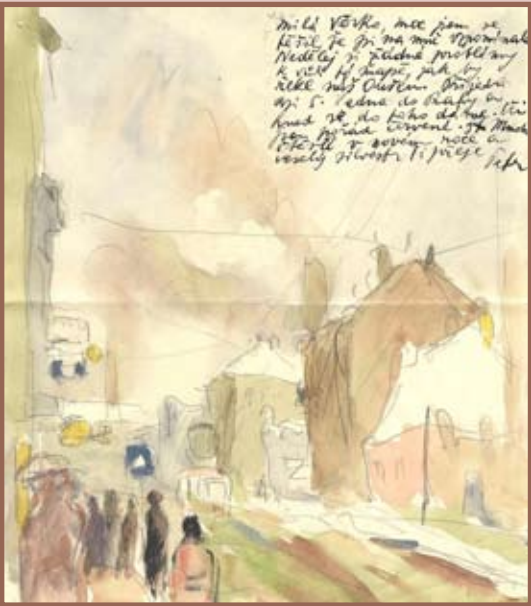
Ф.П.Кин
Переписка аттестата от руки, 1937
«Академия Художеств
Республика Чехословакия
Аттестат Академии художеств в Праге
Тем подтверждается, что господин Ф. Петер Кин родом из Варнсдорфа (Чехословакия), посещал в зимнем и летнем семестрах учебного года 1937\1938 второй курс Академии Художеств в Праге.
Оценки успеваемости:
Рисунок –
Живопись – очень хорошо
Скульптура –
Техника живописи –
Перспектива – 1936\1937 – отлично
Анатомия – 1936\1937 – отлично
Наука о стилях – отлично. Др. Й.Опиц
История Искусств, ч. 1. 1936\1937 – отлично
История Искусств, ч. 2. –
Наука о цвете – отлично
Химия красок – отлично Б.Штеглик
Посещаемость – полная
Прилежание и усердие – постоянное
Все задания выполнял к сроку
Прага, 3 июня 1938.
Ректор: У.Спаниэль
Профессор Вилли Новак»
ПТ

В академии действительно оказались все каталоги Официна Прагензис и много материалов по истории. Библиотекарша, к которой направил нас директор архива Академии художеств, слышала про Кина, видела некоторые его картины, и я не удержалась и показала ей его книжные иллюстрации и обложки. «Это настоящее открытие, – говорила она, глядя в экран компьютера, – неужели все это находится в Терезине?! Такую выставку надо у нас устраивать!» Те же слова. «А вы не родственница директора архива из Академии художеств?» Вопрос был явно не к месту. Сославшись на занятость, библиотекарша скрылась за стеной, где, видимо, был архив, после чего, с явным нежеланием сделала для меня копии каталогов Кина и взяла за это по высшему тарифу – как берут с иностранцев.

Ян Неван, сын друзей Кина, жил на пособие по инвалидности. Это первое, что я услышала от него по телефону. Скорее всего, у него были не только письма Кина, но и что-то еще, что он хотел продать тоже «по высшему тарифу». Его голос по телефону был столь тих, что я вообразила себе умирающего. Дверь нам открыл вполне здоровый на вид человек. Чисто убранная квартира казалась нежилой – в большой кухне, куда он нас пригласил, не было ни одного предмета, намекающего на то, что там едят – вся утварь, видимо, была спрятана за дверцами полок. Ян Неван основательно подготовился к приему заморских гостей. На столе, покрытом белой клеенкой, лежал приготовленный «товар»: выставочный каталог 1940-го года с обложкой Кина (час тому назад я сняла с него копию); набросок обнаженной со стихотворным посвящением, три письма – по-чешски! – одно – с рисунком улицы в Брно, мы с Ирой ее сразу узнали, мало того, письмо было датировано, то есть у нас есть еще одна опорная дата, а такие даты продвигают исследование, – а кто же эта обнаженная?

Здание (справа) на Малостранской, 2, где располагалась Официна Пагензис Хуго Штайнера-Прага
Фото И.Рабин

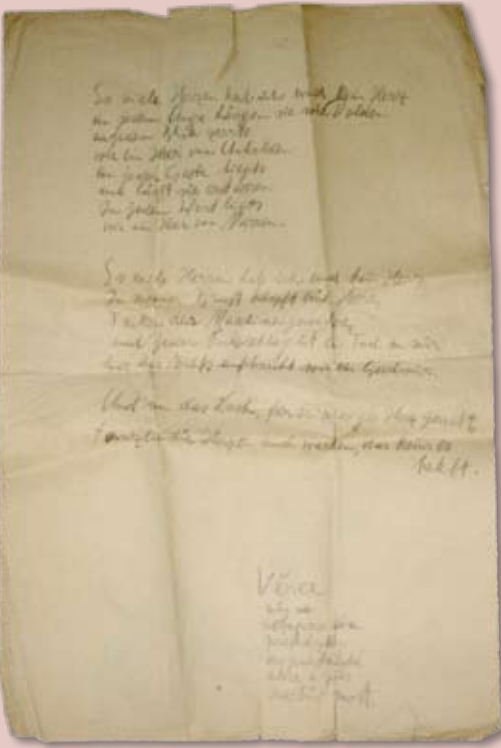

Ф.П. Кин
Улица в Брно, август 1939
«Милая Верка, мне так приятно, что ты обо мне помнишь. Не морочь себе голову этой картой, как говорит Эуген. Приеду, числа 5-го в Прагу, и мы сразу за нее примемся. Глаза все еще красные. Желаю тебе много счастья в Новом Году и веселого Рождества, Петер». Частная коллекция, Израиль

Это моя мать, Вера Неванова, в девичестве Котизова. Она была красавицей, в нее все были влюблены, видимо, и ваш Кин не избежал ее чар. В письмах, которые он писал моим родителям в 1939-м году, проскальзывает особое отношение к моей матери, да и посвящение говорит само за себя. Брак с моим отцом был для нее несчастьем, отец был психически болен, и, как вы знаете, покончил самоубийством, мать с трудом вырастила нас с братом, она работала танцовщицей, после войны хореографом, потом простой учительницей. Отец был словацким евреем по фамилии Нойфельд, сначала взял себе художественный псевдоним Неван, а потом и в паспорте изменил свое имя, такие были времена, вы это лучше меня знаете. Но и спрятанный за псевдонимом, он боялся. Мама была чешкой, думаю, из-за этого они и поженились. Я знаю и других евреев, которым чешские жены спасли жизнь. Мы тоже знаем, например, подслеповатый дядюшка Кина женился на чешской прислуге. Ян кивнул и, извинившись, вышел. Вернулся с небольшой темно-зеленой картиной. Это Кин. Летний сад, где мы только что были! По этой дорожке сейчас катаются на роликах... Это рядом с Академией художеств, где учился ваш отец и Кин. Продаете? Неван глубоко вздохнул, задержал дыхание и выдохнул: Тысячу долларов за все. Подумав, добавил: Я консультировался со знающими людьми. Такой суммы у меня при себе не было. Спроси его про банкомат, – шепнула мне Ира на ухо. Банкомат был, напротив дома. Получив всю сумму в чешских кронах, Ян достал из шкафа штоф с каким-то напитком и рюмки величиной с наперсток. Он был доволен, ему давно хотелось избавиться от этой тяжести, все, что связано с прошлым, угнетает, да и настоящее не лучше.

Ф.П. Кин
Вера Котизова
Частная коллекция, Израиль

Ф.П. Кин
Автограф стихотворения «Сердца» с посвящением Вере Котизовой
«Верке, чтобы она не забывала о прогулке по Подскальской улице и по Карлову мосту», 1938–1939
Частная коллекция, Израиль

Мы выпили, на вкус это была старая вишневая наливка. Ян пригубил, символически, он живет на таблетках, несовместимых с алкоголем.

Простите, я слишком беден, чтобы подарить вам эти вещи. Пока ждал вас, чуть с ума не сошел – как произнести вслух «тысячу долларов»? Хорошо, что все позади. Мой позор... Зато вещи в надежных руках. В любящих. И будут жить в Израиле.

От Невана мы направились к известному чешскому художнику Иржи Мразеку. Его воспоминания о Кине десятилетней давности мы прочли в сборнике «Терезинских исследований и документов».

«Не помню, как мы встретились. Но навсегда запомнились работы, которые он делал, учась в Академии. Они запомнились своей экспрессией и невероятной свободой, еще помню цикл фантастических акварелей, прорисованных каран-

Ф.П. Кин
Летна, 1940
Частная коллекция, Израиль

дашом, немного напоминающих рисунки Эгона Шиле, потом чуть более поздние работы, в которых ощущалось влияние Вилема Новака и сокурсника Франтишека Йироудка. Кин был поглощен только тем, что делал в данный момент, к своим старым вещам относился безразлично».

Иржи Мразека мы застали в постели. Он был стар и немощен. Дези, жена художника, попросила не утомлять мужа долгими расспросами. Она усадила его, надела ему на ноги тапочки и принесла пепельницу, – раз сидит, значит, потребует курева. О цели нашего визита Мразек знал.

Записываете? – спросил он.

Записываем.

Мразек сделал несколько затяжек, отпил воду из чашки. Мерзкое было время, – сказал он. – Но раз женщины из Израиля приехали... Сначала про то, где я был в 1939 году. Пошел в техникум графики, но через месяц его закрыли. И был такой страх, что делать, куда спрятаться. Кто-то сказал, что есть техникум по керамике, я пошел туда. В техникуме училась Вера Котизова, моего возраста.

Она была красавицей?

Да кто вам сказал такое, – возмутилась Дези. – Не была она ни красавицей, ни танцовщицей. Она была невестой Эвжена Невана, еврея по фамилии Альтман-Нойфельд.

Дези, разве у Эвжена была двойная фамилия?

Да хоть тройная!

Дези, погоди, я что-то хотел сказать... А, вот: Вера пригласила меня в гости, в 39-м, или в 40-м. Я пошел на Браник, и там познакомился с Эвженом, он тогда жил с Верой в квартире ее отца, скульптора. Потом они переехали в Страшнице, но еще до этого я познакомился с Петром Кином в Дейвицах, где он жил с Ильзой Странской. Ее отец был адвокатом. Я стал ходить к ним в гости каждый день, там была еще мама и бабушка. Бабушку не могу забыть, такая добрая, такая ласковая, ходила, согнувшись в три погибели, всем улыбалась...

Иржи Мразек, лето 2007
Фото И.Рабин

Вера Котизова
и Эвжен Неван,
1945
Частная
коллекция,
Чехия

Мразек заплакал, Дези вытерла ему лицо носовым платком. Мне ее было так жаль. В то время в Чехии ввели жесткие законы – слишком много было евреев среди интеллигенции. Нужно было, чтобы процент евреев совпадал с процентом арийцев. Остальных – переквалифицировать. Например, в мастеров прикладной графики. Петер Кин вел такие курсы в Виноградской синагоге. Он меня туда пригласил. По размеру это было как школьный класс, занимались у него и 15-летние девушки и 50-летний врач. Я был там несколько раз.

А вы не боялись туда ходить?

Нет. У меня не было никаких опасений. Он мне показывал работы учеников. Потом его отправили... Тогда же, или чуть позже, мы встретились с Дези.

Для нас время тоже было не сахар, – сказала Дези, – школы позакрывали, и художественно-промышленную академию тоже.

Мы всю войну жили на Высочине, это было страшное время, но нам с Дези было хорошо вдвоем.

Дези мечтательно: Ходили за водой на реку...

А рисунки Кина из Виноградской синагоги не удалось найти?

Не знаю, где их искать, – вздохнула Дези. – В нашем ателье был полный порядок...

Если бы вы пришли в наше ателье, я бы снял с полки папку и отдал вам. Сын нас сюда перевез, все сложил, но где и что, понятия не имею. Это были прекрасные рисунки, люди на них выглядели очень интеллигентно.

А как с вами говорил Кин, по-чешски или по-немецки?

По-чешски, конечно. Он совершенно нормально говорил по-чешски. Карл Странский тоже, хотя были, конечно, случаи, когда вместо чешского он вставлял немецкое слово. Карл иногда напевал по-немецки какую-нибудь песню.

А Кин пел?

Вот уж не знаю. Карл был очень дружелюбным.

А Ильза?

Ильза была живая.

Вы помните, как выглядела их квартира?

Нет. Я сидел в одной комнате, не помню, что там было.

Не хочу выдумывать.

Мразек устал, пора было прощаться.

Где мы были? Не помню ни улицы, ни комнаты, где мы только что сидели – помню кровать старого художника, серое белье, подушку, на которой, когда Мразек сел, осталась вмятина от его головы.

По словам Иры, мы были в гостиной с большим столом и громоздкой мебелью, расставленной в беспорядке. Кровать стояла в узком проходе у двери. Вот мне и показалось, что она занимает собой все пространство.

А в чем была Дези? – спросила Ира.

В платье.

Она была в синей майке и светлых брюках. По-моему, при таком искаженном восприятии тебе нужен не соавтор, а поводырь, – заметила Ира.

Наверное. На самом деле, когда мы шли к Мразеку, я хотела говорить с ним об искусстве. Но, памятуя о нашей общей миссии – собрать всю возможную информацию, – я забыла о главном. Я хотела спросить его, как он оценивает сегодня картины Новака, живописца-академика, у которого учился Кин. Не у него ли он перенял псевдоимпрессионистический стиль письма и пастозную палитру? В таком духе Кин написал десятки портретов и пейзажей, среди них попадались вещи исключительные, их я взяла на выставку. Акварели, прорисованные карандашом, которые упоминал Мразек в числе ярких работ Кина, я выбрала для выставки первым номером; все, что он делал в графике, вплоть до малюсенькой почеркушки, было достойно внимания современной публики. В графике Кин парил, в живописи – искал себя. Оставшись в 1939 году за бортом Академии, он вернулся к

Ира Рабин в Праге,
2007
Фото Е.Макаровой

графике, отчасти по необходимости, к тому же начал преподавать, времени на живопись не оставалось, он писал картины ночами, при плохом освещении, и злился сам на себя. Об этой потерянности он писал в Америку своему другу-графику. И об этом же – в конце жизни – своей терезинской возлюбленной: «Я слишком поздно научился применять верные методы работы в живописи, не под силу мне реализовать это знание в нынешних обстоятельствах...». Это письмо, переведенное Ирой, было у нас с собой, почему я не прочла его вслух Мразеку, единственному художнику той эпохи, с которым имело бы смысл его обсудить?

ВАРНСДОРФ

Иржи Чунат, директор Варнсдорфской школы и Зденка, завуч, приехали за нами в терезинский архив. Их школа участвовала в общенациональной программе «Забытые соседи» – в качестве забытого соседа был выбран Кин. Старшеклассники создали передвижную выставку, посвященную Кину, мало того, при поддержке мэрии Варнсдорфа Иржи Чунат установил памятную доску на здании дома, где жил Кин. Иржи и Зденка, молодые и веселые, оживили своим появлением вечно мрачных работниц. Журнальный столик, за которым никто никогда не ел, в одно мгновение был засыпан бутербродами, фруктами и овощами, – подкрепляемся! Работницы архива были знакомы с Иржи – во время работы над проектом он обращался сюда за информацией, – они шутили, смеялись, и я подумала, что если бы с самого начала явилась к ним с провиантом и шутками, все было бы иначе.

– Они там засиделись, значит, надо встряхнуть, – говорил Иржи, крутя баранку. – Он с такой скоростью мчал по извилистым дорогам, что Ира, которая умеет водить машину, закрывала глаза руками. – Есть одно дело по дороге, – сказал Иржи, – наша ученица прошла химиотерапию и

Памятная доска. «В этом доме 1.1.1919 родился художник Петер Кин, уничтоженный в 1944 в Освенциме. Его и всех жертв ШОА помнит Бискупская Гимназия, 10.5.2005»
Фото И.Рабин

сейчас они с ее мамой едут за результатами в Либерец, волнуются. Надо это сбить.

– Они небось уже до Либерца доехали, – сказала Зденка.

– Нагоним, – Иржи еще поддал газу. – Девочку зовут Бара, она изучает английский и не одного живого англичанина в глаза не видела. Будет ей радость. – Мы свернули на Либерец, проехали километров двадцать и остановились на развилке у какого-то киоска. Иржи купил всем мороженое – охлаждайтесь. Вскоре подъехала машина, из нее вышли двое – мама и девочка. Иржи отвел Бару в сторонку и сказал: Выручай, приехали специалисты по Кину, они не знают ни одного слова по-чешски, не понимают, куда мы их везем и зачем. Госпожа Рабин и госпожа Макаров. Бара, объясни им, пожалуйста.

Бара, бледная коротко стриженная девушка, залилась краской. Преодолев смущение, она сказала по-английски: директор школы господин Чунат приветствует гостей в Варнсдорфе и желает доброго пути. Спасибо, Бара, теперь спроси их, все ли они поняли или нуждаются в подробных разъяснениях? Мы не нуждались. Тогда с Богом, сказал Иржи. Бара помахала нам из окна машины, Иржи развернулся и выехал на нашу дорогу. Эти двадцать километров мы едва тащились – впереди была огромная фура. Когда надо спешить, да невозможно, самое время молиться, – сказал Иржи, – За Бару! Чтобы были хорошие результаты, чтобы она жила. А сколько у вас учеников в школе?

Триста.

И ты за каждым так вот следишь?

Пытаюсь, – ответил Иржи. – Пока жена из дому не выкинула. Шучу. У меня чудесная жена. Не то, что Зденкин муж. Тот без нее не засыпает.

На все звонки из школы Иржи отвечал однообразно. В дороге, скоро будем. Оказывается, он велел им в одиннадцать си-

дети в его кабинете в парадной форме за накрытым столом. Опаздываем на два часа. Преподавательницы английского и немецкого будут вашими персональными переводчицами. По-чешски вы не понимаете. Не выдавайте меня! После обеда пойдем осматривать город. Вечером во дворе дома пастора народное гуляние с шашлыками. Бара будет, мамашу ее подпоим, чтоб расслабилась. Зденки не будет, отпускаем к мужу и детям. Внимание, въезжаем в Варнсдорф. Краткая сводка для гостей. Наш город расположен в северной Богемии на границе с Саксонией. Он знаменит своей текстильной промышленностью, посему прозван в народе «Маленьким Манчестером». Зденка, зачитай сводку с цифрами. По последней предвоенной переписи 1912 года подавляющее большинство тридцатитысячного населения составляли немцы. В городе не было еврейской общины, а немногочисленное еврейское население отождествляло себя с немцами.

Понятно, почему Кин писал по-немецки, – говорит Иржи. – Посмотрите налево, видите холм, это Студанка, где был ресторан, куда папа Лео водил маленького Франца.

А что там сейчас? – спросила доселе молчавшая Ира. Ничего интересного. Был бы хоть киоск с пивом, мы б свернули. Свернуть? Секунду на размышление. Проехали. Держим курс на школу. В нашей школе Кин учился один семестр, до этого в начальной. Здание нашей школы не перестраивалось, с 1928-го года несколько раз производился косметический ремонт. Все, приехали.

В кабинете директора мы «встряхнулись». Человек двадцать, поджидавших нас за праздничным столом, встали и подняли бокалы с шампанским.

В школе не пьем, – сказал Иржи, – сегодня исключительное событие. К нам приехали из Берлина профессор доктор Рабин и профессор истории из Иерусалима доктор Макаров. Они изучают жизнь и творчество нашего Франца

Варнсдорфская начальная школа в 3-м районе, где Франц учился в 1926–1929

Варнсдорфский музей, Чехия

Бискупская гимназия, 2007

Фото И.Рабин

Петера Кина, нас ждет огромная выставка его оригинальных произведений и монография.

Поскольку Иржи запретил говорить по-чешски, я не стала возражать против титулов, которыми он меня незаслуженно награждал.

Прошу садиться.

Мы с Ирой заняли пустующие стулья, рядом со мной по плану Иржи находилась учительница английского, а рядом с Ирой – учительница немецкого.

Сколько еды... Все молча ели, утомленные ожиданием. Я попросила рассказать, как они работали над проектом. Пучеглазая женщина стала рассказывать, что в Чехии проводится национальный проект «Забывшие соседи», господин директор получил на проект финансовую помощь, так что старшеклассники ездили в Терезин изучать наследие Кина. В результате была создана выставка плакатов, ее показывали в разных местах, даже в Освенциме. При поддержке городских властей мы установили памятную доску на доме, где жил Кин.

Учительницы переводили.

Не помню, как долго продолжался этот театр, но в какой-то момент я забылась и попросила по-чешски передать мне пустой бокал.

Вот, – сказал Иржи, – это пример того, что мы должны отправлять наших старшеклассников на стажировку в другие страны, – необходимо тесное общение с носителями языка. Пожалуйста, госпожа Макаров уже говорит, и без акцента! Человек, к которому он обращался, был, как оказалось, начальником министерства образования по финансам. Мы, со своей стороны, готовы принять парижских школьников, которые мечтают углубленно изучать чешский язык. Французские школьники? – чиновник поднял густые брови – неужели?

Иржи положил перед чиновником папку. Тут вот предварительный договор с парижским лицеем...

Лена Макарова с гимназистами, 2007

Фото И.Рабин

После обеда мы гуляли по Варнсдорфу. Видели дом, где родился и жил Франц, на Хауптштрассе 4, позже Гитлерштрассе; нашли дом Эдмунда Кина, дядюшки Франца, на Шлойзельштрассе, а также – на Нумбургской улице – виллы богатых и уважаемых людей города, Лёви и Зингера, с которыми дружил отец Франца. Ира фотографировала, расспрашивала, я переводила. Между прочим, мы получили от господина Штайнера из Парижа копии детских рисунков Кина, – сказал Иржи. Детские рисунки? Какого возраста? Пяти-шести лет, думаю. Хотите, я его наберу, прямо сейчас?

Господин Штайнер не отвечал.

Попробуем позже.

Старые виллы, обвитые плющом. Их лысые полукруглые крыши, обросшие зелеными бородами, были похожи на мистические образы Альфреда Кубина, которым увлекался в юности Франц. Наверное, во времена Франца виллы были чистыми и выбритыми, но что-то от Кубина было в самой архитектуре – широкие полусферы крыш и узкие вертикали оконных рам.

Дом пастора с лужайкой к вечеру заполнился множеством людей, некоторых мы уже знали – Бару с мамой и учительниц английского и немецкого. Когда стемнело, приехали мотоциклисты и доели все, что оставалось – возможно, их позвал Иржи.

В роскошном номере, куда мы наконец прибыли, Ира села за компьютер, планы на завтра: музей Варнсдорфа, сфотографировать старые карты, посмотреть газеты с 19-го по 29-й год, нас интересует: культурная жизнь города, текстильные фабрики, в частности, Эдмунда, где работали братья-Кины, что еще?

До обеда мы решили разделить. Ира в архив, я в школу – посмотреть копии детских рисунков Кина, показать стар-

Варнсдорф, Хауптштрассе (Народная), 1920. Ф.П.Кин был рожден в доме справа
Варнсдорфский музей, Чехия

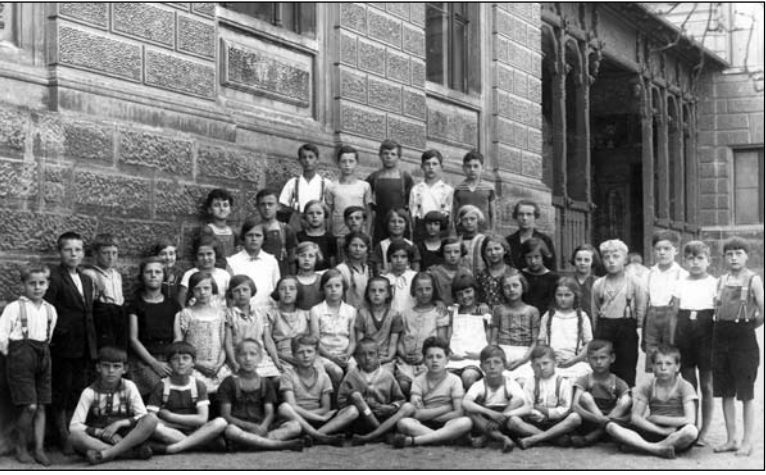

Дом, где родился Ф.П.Кин
Фото И.Рабин

шекласникам фотографии, относящиеся к Варнсдорфу, подумать над общей программой.

С фотографом Карелом Штайнером мы встретились в Праге. Действительно, в его парижской квартире хранятся детские рисунки Кина, Карел их не пересчитывал, что-то около двухсот. Их получила в дар его мать, дальняя родственница кого-то из Франклов, а в ее пражской квартире висит кинонская картина. Карел не мог понять моего интереса к рисункам ребенка, но пообещал отсканировать 30 рисунков по своему выбору и послать по электронной почте. К матери Штайнера я ходила сама. Сфотографировала картину и выслушала ее повесть про концлагерь, рассказанную с неистребимым еврейско-чешским юмором и подслащенную шоколадным мороженым.

Варнсдорф оказался богатым на приключения, но нам не доставало информации о семье Кина с отцовской стороны. Единственным человеком, который мог бы в этом помочь, была его двоюродная сестра Гина, жившая в Лондоне. Как ни странно, мы с мужем были в ее доме летом 2000 года. В «Музее Войны», после презентации нашей книги про лекции в Терезине, к нам подошли двое – полнокровная девушка Далия с сухопарой старухой Гиной, – они купили нашу книгу и пригласили нас в гости. Помню лестницу внутри дома, вдоль нее висели пожелтевшие рисунки обнаженной натуры – обычные студенческие рисунки. Это работы Кина, вам известно это имя? Подобные рисунки Кина находятся в хранилище Еврейского музея в Праге. Мы обменялись информацией, и на этом беседа о Кине закончилась. Теперь я вспомнила, что в музее, протягивая мне руку в перстнях, она с особым значением произнесла свое имя – Гина Кин, а я не среагировала.

Ученики Варнсдорфской школы, Кин в нижнем ряду (6-й слева)
1926–1927
ПТ

Вилла Зингера на Нумбургской улице, 2007
Фото И.Рабин

ЛОНДОН

В Лондоне Ира провела немало времени. В семье Муртонов она обнаружила довоенную переписку Странских, включая письма самого Кина; у других родственников нашлись пражские, брненские и даже терезинские картины и рисунки Кина. Несмотря на лондонский снобизм, все подпало под Ирино обаяние, – у меня с такими людьми, как их описывала Ира, вряд ли бы что-нибудь вышло.

До Гины было нелегко добраться. То у нее маникюр, то массаж, то гимнастика, – но все-таки Ире удалось и это. Гину заинтриговал семейный альбом.

Это дедушка Эммануэль, – замечает Гина. – Я была маленькой, когда он умер, он не жил в Варнсдорфе. Он приезжал в гости, высокий, импозантный, у нас дома есть его портрет – старинная картина маслом. Не знаю, где он похоронен. У моего отца было десять братьев и одна сестра, она умерла в молодости, насколько я знаю. Эдмунд был мой отец, самый старший брат был Альфред, затем Зигберт, кстати, его внуки живут в Израиле, Вильям и Бертольд. Мой отец взял Лео и Зигберта в свой бизнес. Мы навестили внуков Зигберта в Иерусалиме. Наоми и Хава Кин пригласили нас с Ирой на ужин, и, как это ни смешно, мы ощущали себя родственницами, прибывшими из Варнсдорфа. Мы рассказывали им о семейном бизнесе их дедушки, показывали дома, где жили Эдмунд и Лео, а они, в свою очередь, показывали нам фотографии Зигберта – он был хорош собой, но в конце жизни опустился, – угрюмый, в выдавшей виды куртке со звездой. Незадолго до гибели.

Гина Кин: Отец платил братьям зарплату – 300 крон. Потом временам это были немалые деньги. Сам он много ездил, а братья сидели в кафе, играли в карты и курили. Так я слышала. Лео он любил больше всех, в конце кон-

Гина Кин,
Лондон, 2007
Фото И. Рабин

Гина и Франц,
Варнсдорф,
1927–1928
ПТ

цов, он единственный, кто с ним остался в бизнесе. Когда отец умер, мне было всего 8 лет. В Варнсдорфе мы жили в одном доме, между нами и семьей Лео был коридор. Через два года Лео переехал в Брно. Бизнес распался, потому что без моего отца они ничего не могли делать. К тому же моя мать и Ольга не слишком любили друг друга. В Варнсдорфе жили Вейгнеры, Хильда и Йозеф. Они дружили с Кинами, у нас с ними не было близких отношений. Когда мой отец был жив, мы встречались с семьей Леви. И с Зингерами. Это маленький город, там все жили рядом. Я ходила в ту же школу, что и Францль.

Ира: Как звали его няню?

Гина: Хермина Зенгоф, Мина. Она жила в этой семье постоянно. Здесь я его не узнаю. Странная стрижка. Хермина была очень высокой женщиной, это не Хермина. Нет, это Хермина. Она была высокой. Это не мать, мать была очень маленькой... Он стоял у нашего стола. Пять лет ему было. Мы похожи. Мы сидели в комнате у нас на кровати, у меня была дыра в чулке, я делала ее больше и больше, и ему велела делать то же самое в своем чулке. Это его мать. Я знаю, что его одевали как девочку. Это не похоже на Варнсдорф, может быть, здесь жили Вейгнеры?

Ира: Вы устраивали представления?

Гина: Он устраивал.

Ира: Дома?

Гина: И дома. Напротив нас был отель «Вендла», там жил еще один мальчик, я не помню его имени, и Петер решил, что он хочет устроить представление, кукольный театр. Мы пошли с ним в ту комнату, и он устроил там кукольный театр.

Ира: Он делал кукол?

Гина: Нет, он принес их с собой. Меня больше интересовали танцы. Я думаю, он переехал в Брно, когда ему было 10 или 11. Это моя мама. И это не Хильда. Я ее не помню. Но это моя мама. Моего отца похоронили в Либерце, поскольку

Франц и гувернантка Хермина Зенгов, Варнсдорф, 1924
Частная коллекция, Израиль

Лео, Ольга и Франц Кины, Хильда и Йозеф Вейгнеры в варнсдорфской квартире семьи Кин, 1924-1925
ПТ

ку в Варнсдорфе не было еврейского кладбища. Я жила в Варнсдорфе до 14 лет, а потом уехала в Прагу учиться.

Ира: Были ли у вас родственники в Праге?

Гина: Адвокат Бобаш был братом моей мамы и моим опекуном, там была еще сестра моей мамы, потом я жила со своей двоюродной сестрой со стороны отца, мой отец все купил в семью, обставил квартиру Ирине, дочери Альфреда Кина, когда та вышла замуж за Фрица. У них я жила год. По воскресеньям они уходили и запирали всю еду, чтобы я не растолстела, так что я ходила к другим родственникам, они жили за углом. Как-то Фриц с Иреной пришли туда и стали на меня катить бочку, что я не умею правильно подавать руку, выгляжу недовольной, не мою шею как следует, мне было 14 лет, они мне подарили горжетку, я была страшно довольна!

С Францем мы в последний раз встретились в Праге на Староместской площади, я собиралась на бал-маскарад, и он одолжил мне шляпу, ботинки, носки и пальто. Я хотела быть Микки-Маусом, одна женщина помогла мне сделать юбку, но этого было мало, и Франц меня выручил.

Этот ребенок выглядит, как я. Я думаю, что это я. Мне было пять лет, когда я видела Хермину. Может, это я? Не знаю. Это, наверное, Франц. У меня есть фото Лео, не то, чтобы я его любила. Я их не видела с того времени, как они уехали в Брно. Это не дом Леви. Он жил на Ратхауштрассе. У меня есть фото отца. Это точно моя мама. Это может быть Хермина. Я никогда не была в Брно, я не получала от них ни одной открытки на день рождения или на Рождество. Это не Ольга, она выглядит лучше Ольги. Вот это Ольга. Это Хильда Вейгнер, это ее дочка Мариэтта. Они жили в Либереце, по-немецки, Райхенберг. Я помню их квартиру. Вейгнеры сказали мне, что мой отец умер. Я хотела выброситься из окна. Моя мать поехала в Тропау, а я осталась. А Лео? Я уже сказала, они себя не очень хорошо вели. Это Йозеф и Мариэтта? Я даже не

Зигберт Кин (слева), 1940, Брно
Частная коллекция, Израиль

Гина и Ирма Кин, 1933
ПТ

помню, как он выглядел. Помню, он сказал мне, что папа умер и тут же спросил, хочу ли я кольцо! Нет, это не я, не моя одежда. У меня была матроска. Я помню свою одежду. Ольга, Йозеф, Хильда. Хильда выжила. Мириам в Израиле. Это не Францль.

Вы хотели узнать больше о его детстве. У него был первый урок рисования в пять лет. Он учился играть на пианино у учительницы миссис Хилле, я тоже училась у нее в пять лет. Каждый раз, когда я приходила с урока, на моих пальцах было написано 1, 2, 3. Пианино было и у нас, и у них. Только я быстро бросила учиться, меня это не занимало. Это мама и я. Очень хорошая фотография. Единственная. Она у меня есть. Не помню, где это снято. Мама надевала на меня туфли на каблуках, в шесть лет! Я пошла на Ратхауштрассе и попросила продавца отпилить каблуки. Это Петер, одетый девочкой. Это я. У меня всегда был бант. Петер был в графической школе. Вот таким я его помню. У Мортонов есть портрет Марты Странской. Мы были в Терезине, но нам ничего этого не показали. Это Франц. Это может быть мой отец. Это может быть моя мама, я не уверена. Это дедушка. Это может быть я. Опять Францль как девочка. Это Фриц, Карел и Францль. Это может быть я. Это Ольга. Лео в армии. Всё. Гине пора в парикмахерскую, вчера ее неправильно подстригли.

ЛИБЕРЕЦ

С Ирой и Томашем мы поехали в Либерец навестить Эдмунда Кина на еврейском кладбище. Но приехали в неподходящее время. Кладбище было закрыто, но все же нам повезло – молодая женщина открыла нам и пустила внутрь. У двухэтажного дома, рядом с древней миквой, в ярко-розовом надувном бассейне плескались двое детей. При виде нас они выпрыгнули из воды, помчались в дом, и вско-

Гина и Франц, Варнсдорф, 1923

Берта и Эммануэль Кин, Хермина Зенгоф, Ольга Кин, Зигфрид Кин, Ирма Кин, Эдмунд Кин и няня с маленьким Францем, Варнсдорф, 1919
ПТ

ре появились снова – у старшей девочки на руках восседал большой серый кот. Смотри, сказали они коту – господа приехали искать своих мертвецов, не мешай им.

Я была на этом кладбище и помню, что видела плиту с надписью «Эдмунд Кин». Но где, в каком ряду? Мы разделились. Я налево, Томаш посередине, Ира направо.

Девочки с котом, который был спущен на землю, пошли со мной. Наверное, они привыкли к тому, что к мертвецам приезжают родственники, и что дойдя до нужной плиты, под которой лежит их мертвец, они остановятся и будут верещать на чужом языке, или даже плакать, – этот театр интересно наблюдать вблизи, если не гонят, или если мама не придет за ними и не скажет «а ну-ка марш домой». Честно признаться, девочки меня интересовали больше, чем памятник, я бы вообще не стала его искать, но Ира человек факта, мало ли что сказала Гина, пока своими глазами не увидим, нельзя написать в родословной – Эдмунд Кин похоронен на еврейском кладбище в Либерце. С другой стороны, на этом кладбище похоронена бабушка Шломо Генделя, еще одного героя моих книг, и я, проходя мимо ее могилы, постучала камешком и передала привет от внука, живущего в Израиле. Как только я остановилась, старшая взяла кота на руки, чтобы он не вздумал скакать по заросшей плющом плите, и они обе замерли в почетном карауле.

Нет здесь никакого Эдмунда Кина, – сказала Ира. Но Томаш его нашел. Я-то видела этот памятник зимой, а летом он полностью зарос плющом. Томаш открыл ему «лицо», и мы увидели надпись – «Эдмунд Кин». Факт неопровержим.

ИЗРАИЛЬ

Рут Рейнхорн, двоюродная сестра Кина со стороны Франклов, жила неподалеку от Афулы. В ее доме, почему-то тоже вдоль лестницы, как в Лондонской квартире Гины,

Памятник
Эдмунду Кину
на Еврейском
кладбище в
Либерце, 2007
Фото И.Рабин

висели пронзительный карандашный автопортрет Кина, потрясающая иллюстрация к какой-то сказке и черно-белая гравюра со скелетом; рисунки небольшого формата хранились в тумбочке вместе с семейным альбомом. Рут родилась и выросла в Требиче (мы с Ирой там уже побывали), Кин приезжал к ним в гости, она его хорошо помнила. Ее семья эмигрировала в Палестину в начале войны, отец был комендантом Атлита, того самого лагеря беженцев, куда поселили всех евреев, добравшихся на корабле из Европы до Хайфы – именно на этом корабле, судя по письмам Кина, он мечтал устроить свадьбу с Ильзой. Но им там места не нашлось – желающих нелегально эмигрировать осенью 1940 года было в десять раз больше, чем мест. Скелет корабля с оставшимися в живых пассажирами (дерево ушло в топку, весь уголь греческий капитан выкинул посреди пути в море, видимо, получив приказ от англичан, евреи заперли грека в каюте и вели корабль сами) доплыл до Хайфы. Пассажиров пересадили в автобусы и отвезли в транзитный лагерь Атлит, а оттуда – в британскую тюрьму на остров Маврикий. Эта история разворачивалась на глазах у Рут, и произвела на нее страшное впечатление. Ее отец был непосредственным участником депортации. Люди кричали по-чешски: «Оставьте нас, не увозите!», – но он их не пожалел. А что ему было делать? Он выполнял приказ.

Рут Рейнхорн напоминала Женатову – живой памятью, сердечным участием. Рассматривая альбом, она рассказывала истории.

«Францль регулярно приезжал к нам на седе¹. Иногда с родителями, иногда сам. Видимо, его мать надеялась, что у нас он приобщится к еврейству. К тому времени все Франклы ассимилировались, но мои родители, в основном, конечно, из-за отца-сиониста, соблюдали традицию. Отец

¹ Пасхальная трапеза у евреев.

Рут Рейнхорн, Израиль, 2008
Фото И.Рабин

Рут Рейнхорн (Вольф) с родственниками из Израиля и Англии в день открытия выставки Франца Петера Кина, 17 мая 2009. Чешское телевидение сняло репортаж об этом событии, происходившем на 4-м дворе Малой Крепости в Терезине.
Фото С.Макарова

Ф.П.Кин
Дом семьи Вольфов, где Ф.П.Кин гостил во время еврейских праздников.
Зноймо, 1934
Частная коллекция, Израиль

Ф.П.Кин
Автопортрет,
1936
Частная
коллекция,
Израиль

Композиция
Ф.П.Кина
в доме Рут
Рейнхорн за
подписью
«Петер»
Частная
коллекция,
Израиль

читал за праздничным столом Агаду. Бедный Францль ску-
чал. Помню его взгляд из-под очков. У него почти всегда
глаза были красными, он слишком много читал».

Мириам (Мариэтта), еще одна кузина Кина, жила в кибуце
Мааган Мордехай. Запротоколированное в снимках дет-
ство было стерто из ее памяти. Пожилая стройная жен-
щина в открытой кофточке и стильных брючках (по рас-
сказам Женатовой ее мать вела себя вызывающе, носила
брюки) испытывала неловкость оттого, что мы тащились
к ней в такую даль – она ничем не может нам помочь, вот
разве что семейный альбом с фотографиями отыскала,
возьмите с собой. Там все подписано – год, месяц, кто и
где, у моего отца был порядок во всем, он сам фотографи-
ровал, проявлял, приклеивал и подписывал. Его почерк.
Мириам легче было отдать нам альбом, чем ударяться в
семейные воспоминания. Дети из Европы, выросшие в ки-
буце, как правило, не любят говорить о прошлом. Их вос-
питывали в беспамятстве: чтобы стать новым человеком в
новой стране, надо скинуть с себя груз прошлого – гово-
рить на иврите, возделывать землю (у Мириам множество
цветов и дома, и в саду). Израильтянки – мужественные,
подчас суровые женщины. Мириам любит путешество-
вать, многократно была в Европе, и лишь однажды до-
бралась до Варнсдорфа. Никаких эмоций при виде дома,
где родилась – она не помнила этот дом, правда, узнала
его по фотографии. Но сейчас стало модно заниматься
родословной, внуки пишут какие-то работы в школе, им
может понадобится альбом. Можете оставить его Рут, это
проще всего.

Всю дорогу до Иерусалима мы с Ирой рассматривали фото-
графии, Кина там не было, зато было много родственников
со стороны отца, и маленькая Кэте Стрениц, и маленький
Михаэль Стрениц, которого рисовал Кин.

Йозеф Вейгнер с дочерью Мариэттой, Варнсдорф, 1930
Частная коллекция, Израиль

Кэте Стрениц (Фишл), живущая в Лондоне, не пожелала с нами разговаривать. Мы оказались конкурентами Д-ра Маргарет Хойкойфер, которая вот уже много лет занималась поэзией Кина и собиралась издать сборник его стихов на немецком языке в Канаде, в университете Св. Марии в Галифаксе. Она была связана с Кэте, троюродной сестрой Кина, которая сдала в Лондонскую библиотеку Винера все, что у нее было от Кина, и не разрешила никому кроме Маргарет Хойкойфер этим пользоваться. А было, как Ира узнала вскоре, много всего – терезинские пьесы, рукопись либретто и стихи.

Маргарет Хойкойфер сперва отнеслась ко мне очень хорошо. По ее просьбе я отвечала ей на вопросы по истории Терезина. Узнав, что я читаю лекции в Монреале, Маргарет пригласила меня также в свой университет, и даже поселила у себя дома. Но вскоре возникли противоречия, и от ее симпатии не осталось и следа.

Как-то она спросила меня, почему я выбрала жить в Израиле, на что я сказала, что выбора нет. Почему тогда многие евреи уехали в Германию? Но ведь вы же в Канаде, при чем тут Германия? Оказалось, она не еврейка, а немка, и Кином занимается не потому, что он еврей, а потому что он поэт и жертва Катастрофы. Встает вопрос: почему немка может жить в Канаде, а еврейка даже не рассматривает такую возможность? Мне не хотелось поддерживать эту беседу. Тут Маргарет изменилась в лице и заявила, что Израиль угнетает Палестину. А был 2002 год, самоубийцы-смертники, множество жертв – я рассердилась, и что-то такое ляпнула в запале, после чего Маргарет покраснела и вышла из комнаты. Точно так же назавтра она вышла из зала, где я выступала. Набралось много народу, после лекции люди долго не расходились. В доме у Маргарет остались все мои вещи, пришлось возвращаться. Утром я улетала, и Маргарет молча отвезла меня в аэропорт.

Ф.П. Кин

Портрет Мариэтты Вейгнер, 1936
ПТ

Теперь она стала камнем преткновения, только она могла уговорить Кэте Фишл дать нам доступ к архиву. Ира взяла Маргарет на себя, пригласила ее в Берлин. Тактика оказалась верной – Маргарет попала в дом к еврейке, живущей в Берлине и собирающей материал для каталога к выставке, – никакой конкуренции. Ира получила доступ к архиву, но не к Кэте. Впрочем, необходимости в такой встрече уже не было – Ире удалось добыть ее воспоминания и переписку с разными людьми.

Мало того, Ира нашла подход к душеприказчику Хельги – Петеру Барберу. Она встретила с ним в Лондоне и уговорила написать письмо директору Мемориала.

«Отец Барбера был женат на сестре Хельги Вольфенштейн, и Барбер был назван Петером в честь Кина, – писала Ира из Лондона. – По его рассказам Хельга до 70-го года вообще не хотела думать о Терезине, Кине и чемодане. Хотела жить. За границу увезла только свои работы.

В 70-м году Барбер поехал в Вену и навестил Улли в Брно. Тогда Хельга ему написала о чемодане с просьбой привезти его. Чемодан был где-то на чердаке, Улли обещала «приготовить» его к следующему визиту Барбера. Когда тот вернулся к Улли и открыл чемодан, он понял, что все вывезти не сможет. Взял какие-то рисунки, письма и записки. Кажется, фотографии тоже. И отправил Хельге.

Вскоре после этого Улли обратились к Хельге с просьбой передать работы Кина в Терезинский Мемориал на выставку. Остальное можно прочесть в письмах. Сейчас перешлю тебе мои записки – делала во время встречи с Барбером».

Директор Мемориала, получив письмо от Барбера, где упоминалась будущая выставка, разрешил нам посмотреть вещи из чемодана, но с условием: мы не можем ничего оттуда использовать. Использовать!

Хильда и Мариэтта в Палестине, 1941
Частная коллекция, Израиль

Мы провели три дня, рассматривая работы. Сделали свой список. Одно перечисление работ заняло двадцать страниц. Чего там только не было – портреты людей, которые я искала много лет, рисунки к пьесам, копии картин, Терезин со всех сторон, – то, что обязательно нужно было показать на выставке, я отмечала в отдельной графе восклицательными знаками. Их оказалось более двухсот. Предстоял новый виток исследования, успеем ли мы к сроку?

Но я зря волновалась.

Директор Мемориала пошел с письмом Барбера к юристу и получил отрицательный ответ. Без суда, который должен легализовать коллекцию, не может быть никакого договора, соответственно, и никакого обнародования.

Ира не сдавалась. Она изучала право и пыталась понять обе стороны. Позицию директора Мемориала понять было несложно – он хотел спокойно выйти на пенсию и переложить заботы на плечи следующего поколения чиновников. Позиция Барбера была менее понятна – судиться с Мемориалом он будет только в том случае, если Мемориал начнет дело, тогда судебные издержки будет нести организация. В последних его письмах были намеки на то, что, выиграв дело, он раздаст работы Кина по разным музеям.

Но это еще хуже! Мы решили получить подписи всех родственников Кина под письмом, в котором будет выражен протест против разбазаривания коллекции, и желание, чтобы она осталась в Терезине и стала доступной исследователям. Письма мы переправили в Терезин. Теперь мы вооружили Мемориал на борьбу с Барбером. Но и это не помогло.

В связи с Кином мы часто рассуждали о времени. У Кина всего было много – талантов, любвеи, желаний, умений, планов, фантазий. Чего не хватало – так это времени. Он спешил. Судя по количеству вещественных единиц, соз-

данных им за 25 лет, в том числе в последние четыре года в концлагере, – у него было другое время на часах: секунды были часами, а часы годами.

Если бы он только рисовал или писал картины, или только писал стихи, пьесы и рассказы, если бы он только преподавал, или только оформлял книги и рекламы, то, в пересчете на реальное время, он бы никак не успел быть убитым в 25 лет.

Дальше мне пришла на ум совсем уж сумасбродная мысль – Кин не умер, он продолжает сочинять. Его новая пьеса – про двух женщин, которые из-за него попали в лабиринт бюрократии. Пытаясь выбраться оттуда, они сталкиваются лбами и разбегаются в стороны. Два года мы провели вместе с убитым Кином и его убитой семьей, после долгих споров сели за книгу, написали ее и издали на трех языках. Выставку я делала одна.

Нам не удалось вызволить чемодан из темницы, и Кин разлучил нас навеки. В этой истории у меня была роль жены Кина – Ильзы, которая шла на любые уступки ради спокойствия мужа, а у Иры – роль его бескомпромиссной возлюбленной Хельги. Будь Ильза совершенной, Кин не влюбился бы в Хельгу, и не было бы всей этой интриги с чемоданом.

А так есть шанс, что через девять лет чемодан выйдет на свободу (если не будет суда, то через 50 лет материалы переходят в собственность Мемориала), и будущие исследователи смогут опираться на нашу книгу – она надежна, в ней нет ошибок.

1. Графический отдел, Терезин
2. Комната Кина в Праге
3. Марушка и Терезка, дочери нашего замечательного
графика Франты Хейды
4. Афиша выставки на главной площади Терезина
5. Инсталляция перед выставочным залом, мы с мужем
Сереей смотрим в зеркало
6. Пригласительный билет

ОСЬ ВРЕМЕНИ

17 февраля: венчание Ольги Франкл и Леонарда Кина в Бзенце.	1918	28 октября: Провозглашение Чехословакии. 9 ноября: Провозглашение Германии. 11 ноября: Конец Первой мировой войны.
1 января: Франц Петер Кин родился в Варнсдорфе в доме 1862 на углу Хауптштрассе и Шлюссенгасе.	1919	28 июня: Подписан Версальский договор о переделе Европы в пользу стран-победительниц и демилитаризации Германии.
Первые уроки рисования и музыки.	1924	3 июня: Скончался Франц Кафка.
Начинает посещать Варнсдорфскую начальную школу III района.	1925	Основан «Освобожденный театр» в Праге. 18 июля: Выходит книга Гитлера «Майн Кампф».
17 февраля: Умирает Эдмунд Кин, брат Леонарда и владелец фирмы «Эдмунд Кин».	1928	27 августа: Парижский договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики подписан руководителями США, Германии, Франции, Чехословакии, Японии и др. стран. 31 августа: Премьера «Трехгрошовой оперы» Б.Брехта в Берлине.
Кин завершает начальную школу и поступает в первый класс гимназии. В декабре переезжает с родителями в Брно.	1929	Начало мирового экономического кризиса.
Начинает посещать первый класс немецкого реального училища в Брно. Вступает в юношескую сионистскую организацию ¹ . Тхелет Лаван ¹ .	1930	23 января: В Германии член нацистской партии Вильгельм Фрик впервые входит в правительство.
Участвует в выставке карикатур.	1932	В Германии царит политический хаос, одно правительство сменяет другое. К концу года NSDAP становится главенствующей партией.
Учится в третьем классе реального училища в Брно.	1933	30 января: Приход Гитлера к власти. 27 февраля: Пожар в рейхстаге. 23 марта: Немецкий парламент принимает закон о дополнительных полномочиях, фактически аннулирующий Веймарскую демократию. 10 мая: Публичное сожжение книг в Берлине.
Посещает класс рисования в высшей технической школе Брно.	1935	19 мая: Профашистская партия Конрада Хейнлейна получает на выборах в чехословацкий парламент 44 мандата из 300 и становится самой сильной немецкой фракцией в Богемии. 15 сентября: В Германии приняты Нюрнбергские законы о гражданстве и расе. 14 декабря: Томаш Масарик уходит в отставку, Э. Бенеш становится президентом Чехословакии.

1 Тхелет лаван – Бело-голубой (ивр.), цвета израильского флага и название сионистской организации.

ОСЬ ВРЕМЕНИ

9 июня: Получает аттестат зрелости с отличием. Переезжает в Прагу. 20 июня: Зачислен в Академию художеств, класс живописи. Живет в студенческом общежитии. 6 октября: Первая публикация в Prager Tageblatt.	1936	7 марта: Немецкие войска занимают демилитаризованную Рейнскую область. 17 июля: Начинается гражданская война в Испании. 1 августа: Гитлер открывает Олимпийские игры в Берлине, в них принимают участие делегаты 49 стран.
Поступает в школу графики Официна Прагензис и на сценарные курсы при союзе кинематографистов. Октябрь. Принимает участие в групповой выставке в театре Э.Ф. Буриана.	1937	26 апреля: Немецкая эскадрилья «Легион Кондор» за три часа тяжелой бомбардировки разрушает испанский город Герника. 19 августа: В Мюнхене открывается выставка «Дегенеративное искусство». 14 сентября: Скончался Томаш Масарик.
Заканчивает сценарные курсы. Участвует в студенческой выставке Официны Прагензис (28.5. – 12.6). Октябрь: Участие в групповой выставке в театре Э.Ф. Буриана. Министерство образования приобретает его картину	1938	12 марта: «Аншлюс» Австрии. 21 мая: Напряжение на немецко-чешской границе; мобилизация чехословацких войск. 30 сентября: Германия, Италия, Великобритания и Франция подписывают Мюнхенское соглашение о разделе Чехословакии. 1 октября: Германия оккупирует Судеты. 5 октября: Э. Бенеш подает в отставку. 6 октября: Словакия отделяется и становится автономным государством. 9 – 10 ноября: Массовые еврейские погромы «Хрустальная ночь» в Германии и Австрии
Подает на выезд в Америку. Вступает в сионистскую организацию Хехалуц ¹ . Июнь: лагерь в Ахшаре ² . Участвует в студенческой выставке Официны Прагензис. (16.6. – 7.7.). Исключается из Академии Художеств. 1 сентября: Перевозит родителей из Брно в Бзенец. Ноябрь: Знакомится с будущей женой Ильзой Странской.	1939	15 марта: Немецкие войска входят в Прагу 16 марта: Богемия и Моравия объявлены «имперским протекторатом». 21 июня: «Протектор» Фон Нейрат издает указ, исключаящий евреев из экономической жизни протектората, де-факто вводятся нюрнбергские законы. Июль: В Праге образовано центральное бюро по еврейской эмиграции, которое подчиняется Адольфу Эйхману. 4 июля: Евреям запрещается посещать немецкие учебные заведения. 5 августа: Вводятся законы о «защите нееврейского населения от контактов с евреями». 1 сентября: Начало Второй мировой войны. 19 октября: Первый транспорт из Моравской Остравы отправлен в лагерь Ниско.

1 Хехалуц (от ивр. “пионер”), сионистское молодежное движение, основанное в начале 1920-х гг. Давидом Бен-Гурионом и Ицхаком Бен-Цви.
2 Ахшара (ивр. букв. инструктаж) – организация, готовящая молодежь к работе в киббуцах и к репатриации (алие) в Палестину.

ОСЬ ВРЕМЕНИ

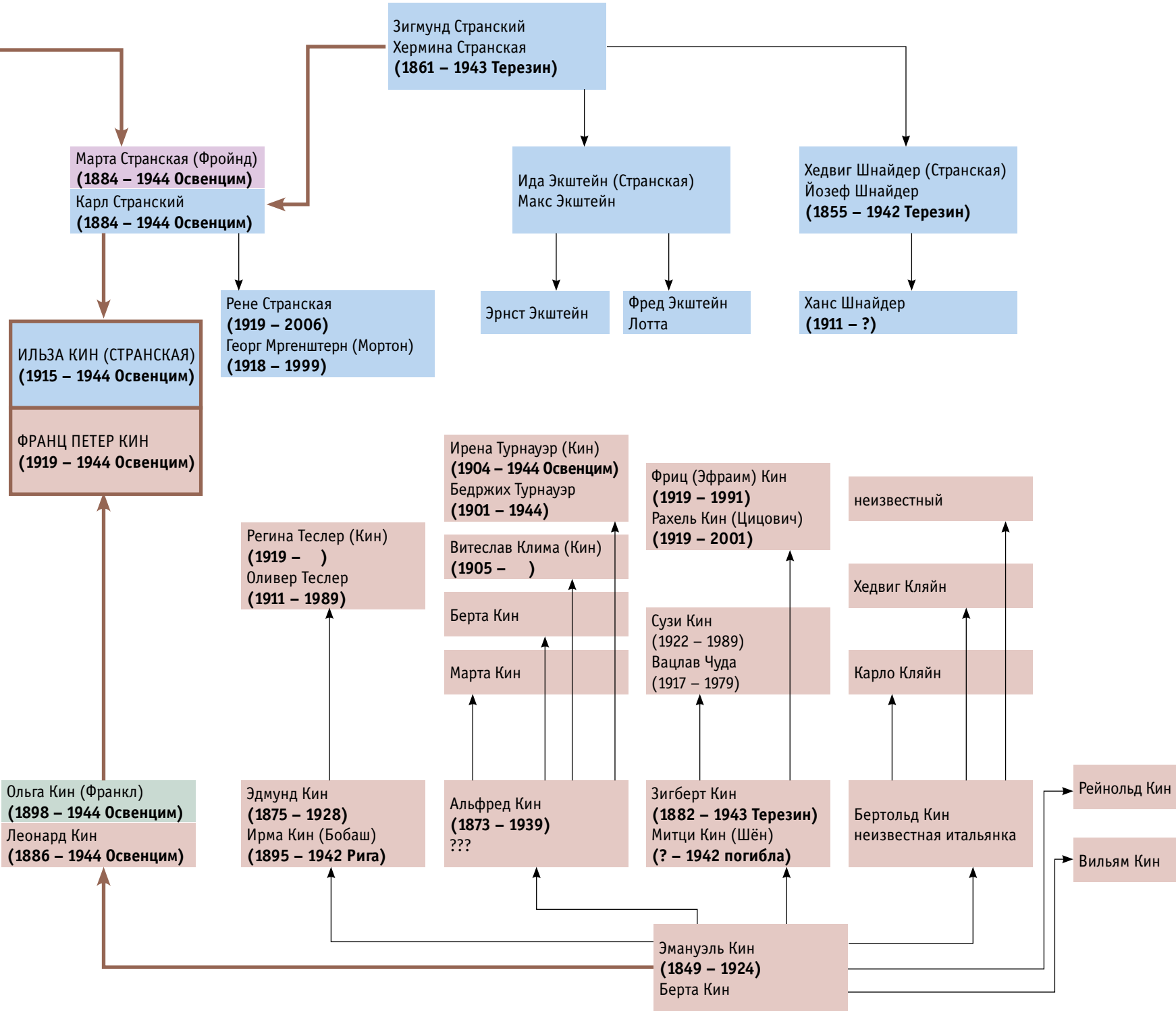
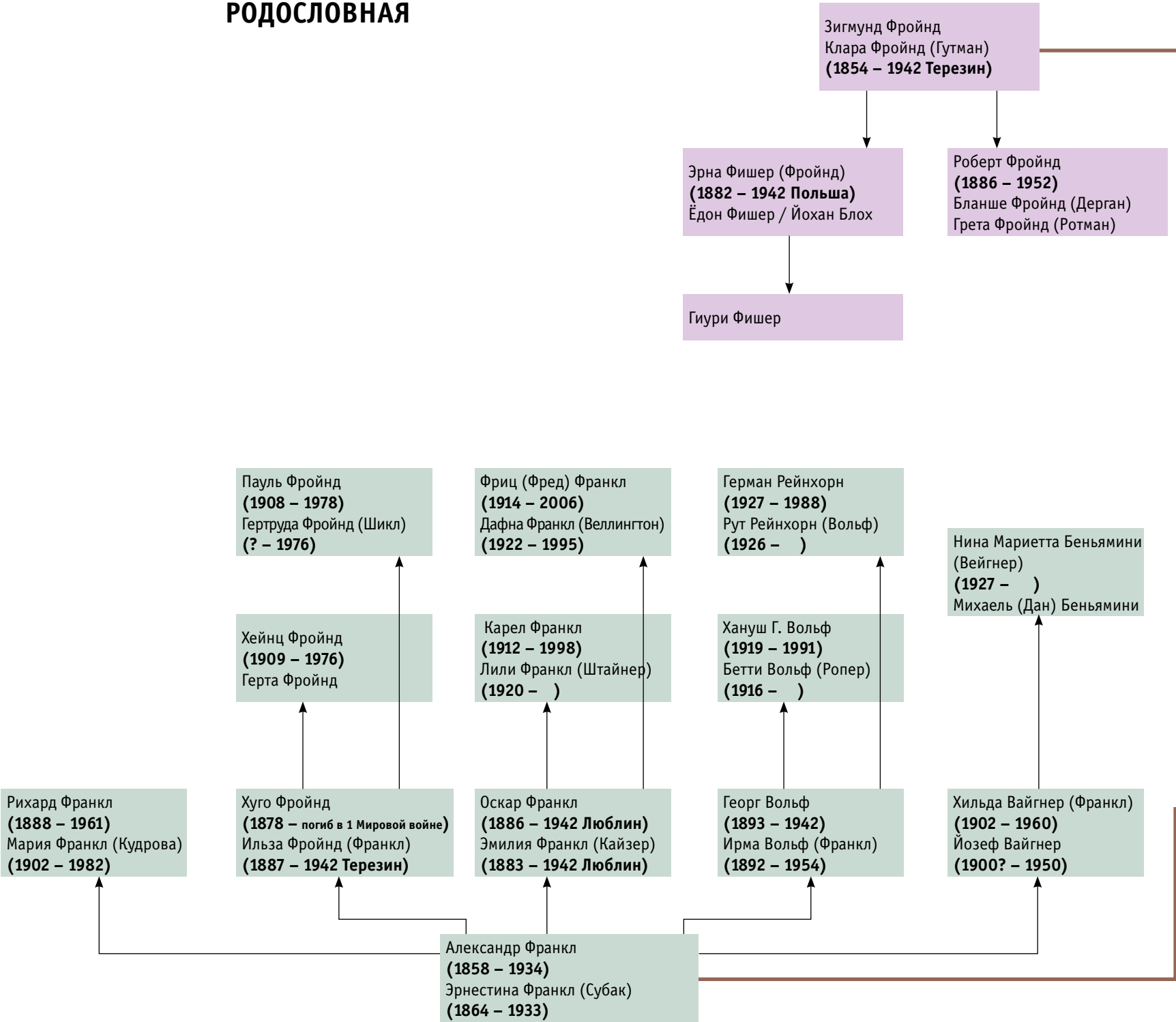
<div>Преподает в школе для еврейской молодежи Алият ХаНоар¹. Участствует в студенческой выставке Официны Прагензис (7.6. – 1.9). Летний лагерь в Ахшаре (16.6. – 27.7). 1 октября: Женится на Ильзе Странской. 1 октября: Начинает преподавать на курсах графи-ки при Виноградской синагоге.</div>	<div>1940</div>	<div>15 марта: Все еврейские религиозные конгрегации в районе Праги подчинены пражской еврейской общине. 23 марта: Депортация на восток приостанавливается. 13 апреля: Лагерь в Ниско закрывается. Оставшихся в живых заключенных от-правляют в Силезию и Вену. 20 мая: Открыт концлагерь Освенцим I, куда прибывают первые узники (поль-ские политзаключенные). 5 августа: Еврейским детям в протекторате запрещено посещать публичные школы. 13 августа: Евреям запрещено снимать квартиры, но они могут подселаться к евреям, имеющим жилплощадь.</div>
<div>Ведет два курса графики при Виноградской синаго-ге, дневной и вечерний. 4 декабря депортирован в Терезин в составе рабо-чей бригады АК 2. Начинает работать в графической мастерской тех-нического отдела. Знакомится с Хельгой Вольфенштейн</div>	<div>1941</div>	<div>20 января: Ванзейская конференция об «Окончателъном решении еврейского вопроса». 22 июня: Германия нападает на Советский Союз. 5 июля: В протекторате объявлены Нюрнбергские законы с пометкой о всту-плении в силу с 15 марта 39 года. 1 сентября: Всем евреям приказано носить желтую звезду. 3 сентября: СС произвел первое испытание газа «циклон Б» в блоке 11, убив около 600 советских заключенных. Тест был признан успешным. 27 сентября: Рейнхард Гейдрих назначен заместителем имперского протектора Богемии и Моравии. Октябрь: Закрываются все синагоги протектората. Октябрь: Начинается сооружение Освенцима II (Биркенау). 16 октября: Первый транспорт в гетто Лодзь. 19 октября: Терезин выбран для оборудования гетто. 24 ноября: Прибытие первого транспорта в Терезин (АК1, 342 человека). 4 декабря: Прибытие второго транспорта (АК2, 1000 человек) и Штаба гетто – 33 человека во главе с Я. Эдельштейном, главой созданного в Терезине наци-стами Совета старейшин. 7 декабря: Япония атакует Перл Харбор. 11 декабря: Германия объявляет войну США</div>

1 Алият ХаНоар (ивр., букв. «восхождение юных») – сио-нистское молодежное движение, осуществляло массо-вую эмиграцию из стран Европы в Палестину.

ОСЬ ВРЕМЕНИ

<div>Продолжает работу в графической мастерской тех-нического отдела. 16 июля: Ильза депортирована в Терезин. 30 июля: Родители Ильзы, Карл и Марта Странские депортированы в Терезин. Весна-лето: Написаны пьесы «Медая», «Марионетки», поэтический цикл «Чума» и сценарий к первому нацистскому пропагандистскому фильму.</div>	<div>1942</div>	<div>9 января: Первый транспорт из Терезина – 1000 з/к в Ригу. 10 января: Первая экзекуция. Казнено 9 з/к за передачу писем на волю. 26 января: Вторая экзекуция, казнено 7 з/к за передачу писем на волю и прочие «нарушения». 20 марта: В Освенциме-Биркенау оборудованы 4 газовых камеры, в которых будет уничтожено около миллиона евреев. 27 мая: Покушение на Р. Гейдриха и начало волны репрессий против чехов и евреев. 10 июня: 30 терезинских з/к направлены в Лидице – копать могилы для расстре-лянных (месть за убийство Р. Гейдриха). 17 июля: Начало Сталинградской битвы. Сентябрь: Транспорты из Германии и Австрии. Население гетто достигает макси-мума – 58 491 з/к. 5 626 человек живут на чердаках казарм. 3941 человек умер в Терезине в сентябре. Октябрь: Группа под начальством оберштурмфюрера СС Отто приступает к съемкам 1-го пропагандистского фильма, съемки завершаются в середине ноября.</div>
<div>Продолжает работу в графической мастерской тех-нического отдела. 31 января: Ольга и Леонард Кин депортированы в Терезин. Май: постановка Г. Шоршем «Марионеток» (сыграно 25 раз). 28 сентября: Читает на вечере свою новую драму «Шабтай Цви». Ноябрь-декабрь: Написаны пьесы «Страшный сон» и «На границе», либретто к опере «Император Атлантиды», сказка «Пятеро великих». Декабрь: Исполнение песенного цикла Г. Кляйна на стихотворный цикл П. Кина «Чума».</div>	<div>1943</div>	<div>2 февраля: С этого дня депортации из Терезина приостановлены на семь месяцев. Общее число з/к – 44 672 человек. 2 февраля: Сталинградская битва проиграна, начало поражения Германии в войне. 21 апреля: Создание «Банка еврейского самоуправления», выпущено 53 миллиона гетто-крон. 1 июня: Закончено строительство ж.-д. ветки Богушовицы-Терезин (2,8 км). 6-9 сентября: 5007 з/к депортированы в Освенцим-Биркенау (первый «семейный лагерь») 9 ноября: Я. Эдельштейн арестован. 11 ноября: Пересчет з/к в Богушовской котловине. 15-18 декабря: 5007 з/к депортированы в Освенцим-Биркенау (второй «семейный лагерь»).</div>
<div>Продолжает работу в графической мастерской тех-нического отдела. Много рисует, принимает участие в выставке тере-зинских художников. Принимает участие в «кампании приукрашивания». 12 октября Карл и Марта Странские депортированы в Освенцим (транспорт Eq) 16 октября депортирован в Освенцим с женой и ро-дителями (транспорт Er).</div>	<div>1944</div>	<div>Февраль: Начало «кампании приукрашивания» к планируемому посещению Терезина Комиссией Международного Красного Креста. 6 июня: Высадка союзников в Нормандии – открытие второго фронта. 23 июня: Прибытие в Терезин комиссии МКК. 17 июля: Художники Б.Фритта, О.Унгар, Ф.Блох, Л.Хаас и Н.Троллер арестованы за «пропаганду ужасов»; они и их семьи переведены в Малую крепость. 16 августа – 11 сентября: Съемки 2-го нацистского пропагандистского фильма. 23 сентября: Сообщение о транспорте 5000 «физически полноценных мужчин» в «улучшенное гетто на востоке». 28 сентября – 28 октября: Депортация 18 402 з/к в Освенцим-Биркенау. 2 ноября: Остановлена работа газовых камер Освенцима. 27 ноября: Газовые камеры взорваны по приказу Гиммлера.</div>

РОДОСЛОВНАЯ

*Ты подумай о том, кто, в зеркало глядя,
Безотрывно рисует себя самого.*

П. Кин, 1935

Читая Кина, рассматривая его картины и рисунки, невольно задаешься вопросом, а что же своего, кинового привнес он в литературу и искусство? Можно ли поставить его в ранг осуществившихся? Есть ли у него законное место на небосклоне Клио?

«Родился 1-го января 1919 года в Варнсдорфе. Посещал реальную школу в Брно. Аттестат с отличием + особая похвала по трем предметам. Шесть семестров Академии художеств в Праге. В прошлом году одна картина куплена Министерством образования. Одновременно я посещал чешский киносеминар, где выучился на сценариста, и Официну Прагензис. Последние политические события ставят под вопрос мое развитие как художника». На этом и обрывается автобиография, начертанная на оборотной стороне альбома для набросков. 1939 год. Через пять лет история выставит в его биографии окончательную дату. Незадолго до этого, в минуту отчаяния, Кин напишет любимой женщине: «Как слепые у Брейгеля погружаются в трясину, следуя за слепым поводырем, точно так же тонут в дерьме все мои надежды, планы и виды на будущее. Невозможно это остановить. Мне 25 лет, я 8 лет учился, но так и не постиг смысла этой простой профессии. ... Неудача, которая постигает художника в его высоких намерениях, прибавляет ему чести; увы, в моем случае это не так».

Из дошедших до нас произведений – более 2000 рисунков, сотен картин и стихов, десятков рассказов и сказок, пяти

Франц Петер Кин, Варнсдорф, 1921
Частная коллекция, Израиль

пьес, либретто оперы «Император Атлантиды», – вырисовывается огромная личность, имя которой Петер Кин.

Впервые Францль увидел масляные краски в ателье художника Гарри Бартеля, куда пятилетним был приведен за ручку отцом. «Варнсдорфский Ван Гог», как величали Бартеля местные знатоки живописи, дал ребенку задание – нарисовать петуха в реалистической манере. Задание было выполнено, но мастера в восторг не привело. Больше к нему Францика не водили.

Этот и прочие эпизоды из жизни вундеркинда будут описаны отцом в шуточных стихах весной 1942 года и приурочены к майским дням рождения невестки Ильзы Кин и ее бабушки Клары. Кин к тому времени уже будет в Терезине. Рифмованная одиссея не только развеселит адресатов – она и нам сослужит неоценимую службу.

В неудачном уроке папа Лео винит «мазилу». Францик – вне подозрения. «Он с детства был очень умным, и его нельзя было заставить делать то, что не казалось ему правильным или хорошим». На самом же деле, ребенка, в котором живет художник, не могло не потрясти ателье живописца с его мольбертами, холстами и запахом красок. Чтобы быть принятым в этот мир мечты, чтобы стать там своим, всего-навсего нужно нарисовать петуха, похожего на петуха! В доказательство того, что он, Петер, на это способен, он с десяти лет упрямо рисует с натуры.

«Я рисую очень много, но все мои коллеги из академии презирают меня, потому что реализм – фу!». (Из письма Рене Странской 15.8.1941).

Возможно, насладившись живописанием реальности, он с возрастом стал бы другим Кином? Так случилось, например, с Малевичем, который в юности создавал прекрасные реалистические полотна, но, отчаявшись от невозможности, а может и ненужности отражения реального мира, пришел к черному квадрату.

Лео и Ольга, родители Ф.П.Кина, 1919
ПТ

¹ Переработанная версия статьи выставочного каталога (Елена Макарова. Ира Рабин. Франц Петер Кин, 2009).

* * *

*Картина напоминает так отдаленно
То, что старался ты воссоздать на земле,
Лишь островочки грез плавают уединенно
В этой ночной, окаменевшей мгле.*

*Кисти мазок – это жизни частица,
На могилу картины – земли печальная горсть.
И всю красоту, что еще не успела родиться, –
Прячет в себе самом онемевший холст.*

Но сколько бы Кин-поэт ни предостерегал Кина-художника, тот упрямо натягивал холст на подрамник и доставал тюбики с красками. Трансформация самого материала жизни в произведение, будь то пьеса, картина или рисунок, была для него захватывающим приключением. Возможно, нечто похожее испытывали герои Джека Лондона, пробирающиеся сквозь пургу к невидимой цели. Всегда ли он был доволен результатом этой «трансформации»? Нет, конечно, он был чрезвычайно взыскателен к себе. «Петер ... безусловно делает успехи, хотя иногда он в совершенно невменяемом состоянии и сомневается в своих способностях», – сообщит теща Петера Марта Странская в апреле 1940 года.

Талант Кина-художника развивался стремительно и при этом совершенно естественно. Он рисовал как дышал, уже в рисунках пятилетнего ребенка виден этот свободный полет линии. Схватывая движение на лету, он не пригвождал его к листу. Кажется, отвернись от рисунка, и нарисованный объект изменит позу, а может, и вообще покинет лист. Похожее ощущение создают у зрителя и барочные деревянные скульптуры богемских мастеров. Сегодня умение точно выхватить фрагмент приписывается фотографии, и ее детищу – кино. Известно, что Кин

подростком много фотографировал и писал сценарии. Возможно, благодаря этому, у него практически не случилось промахов в композиции; даже на листах, заполненных всевозможными набросками, всегда есть воздух и ощущение бескрайности.

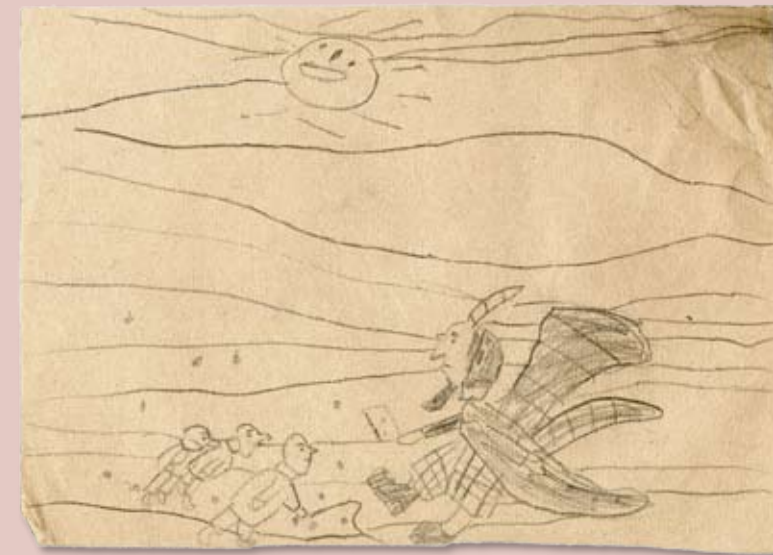
Учась передавать движение, он рисовал по своим собственным фотографиям футболистов и прыгунов с шестом во время тренировки; учась рисовать фигуру в разных ракурсах, он срисовывал ее с фотографии, на которой видны одни пятки, и его задачей было восстановить по пяткам всего человека.

Альбомы по искусству, иллюстрированные журналы и газеты – все служило ему учебным пособием. Копируя портреты знаменитых людей, он к 14-ти годам так поднатерел в рисунке, что несколькими линиями мог создать шарж, в котором прототипы безошибочно узнавали себя. По словам его родственницы Кэте Стрениц-Фишл, Кин рисовал весьма нелестные карикатуры на ее отца, который после обеда разваливался в кресле и курил сигару.

В 1936 году Петер получил разрешение рисовать натуру в Технической академии в Брно, – вспоминает Кэте Стрениц-Фишл. – Гостю разрешалось не отвечать требованиям академического курса, что в те времена было обязанностью студентов. Профессор, стопроцентный академик, был восхищен его свободными и многообещающими рисунками.

В Терезине, по воспоминаниям Г.Г. Адлера, Кин создавал поразительные по точности карикатуры. «Если ему хотелось кого-то нарисовать, отвертеться было невозможно. Он усаживался перед «жертвой» и буквально поедал ее взглядом».

Несмотря на близорукость, Кин обладал уникальным зрением. Внутреннее око схватывало суть предмета, внешнее же, фотографическое, одновременно делало «раскадровку». «Он умел смотреть на вещи пристально и подолгу, –

Ф.П. Кин

Франц Петер Кин
Детские рисунки, 1923–1924
Частная коллекция, Франция

рассказывала его приятельница Вера Неванова. – Во время долгих прогулок по Праге я водила его за руку, а он смотрел в маленькое зеркальце, которое держал в руке, на плавную смену кадров, в которых, как в кино, отражалась жизнь улицы».

По словам отца, Кин начал говорить в 12 месяцев и 12 недель и говорил много. С трех лет он занимался рифмоплетством, в пять лет свободно читал и писал. Он так увлекся этим процессом, что ему прописали очки. При этом ребенком он был неумным, и, если уж расхотелся, уговорить его можно было лишь строгим наказанием. Однажды Лео пришлось привязать его веревкой к скамейке. «Сиди, маленький преступник», – велел он сыну, на что тот, с полным сознанием собственного достоинства, заявил: «Преступников запирают, а не привязывают». Неудивительно, что «Преступление и наказание» Достоевского станет одной из любимых книг, а на афише к фильму «Раскольников» Кин изобразит самого себя.

Кин говорил безудержно, что вообще-то не очень свойственно художникам, но зато весьма свойственно писателям. По рассказам Лео, в Варнсдорфе они вдвоем отпраздновали на праздник, где собрались все друзья-евреи. Франц разговорился, и никто не мог заставить его умолкнуть. Но тут вступил другой говорун, Фриц Лёви. «Я куплю тебе яблочный сок, чтоб ты замолчал, хотя бы пока будешь пить». Дали ему стакан соку, он выпил и снова стал говорить. Следующая идея Лёви: «Получишь пять крон, если промолчишь 5 минут». Но Франц не согласился: «Я буду говорить столько, сколько хочу, и заплачу 5 крон, чтобы вы молчали».

Этот поток красноречия и подчас бессвязных мыслей позже обрел форму, разделившись на два рукава: поэтический и прозаический. Кин плавал по ним свободно и часто

Франц Петер Кин
Варнсдорф, 1922–1923
ПТ

одновременно. Он учился облекать свои размышления и чувства в слова, и при этом не гнушался ни прямым подражанием, ни интерпретацией прочитанного.

«Все относились к нему как к юному гению, – говорит Кэте Стрениц-Фишл. – Я была младше него на четыре года и испытывала перед ним благоговейный трепет. Со временем он превратился в молодого человека и перестал заниматься вместе со мной всякими глупостями, которые составляли огромную часть нашего совместного времяпрепровождения. Так, например, мы нарисовали в спальне углем на обоях битву на какой-то дальней горе, когда мои родители отсутствовали, тогда его еще звали Францль».

В первом классе Кин пропустил по болезни целую четверть, судя по табелю, болел он много и подолгу. «Когда мы встретились с ним впервые, у него была гнойная ангина, – вспоминает Кэте. – Ему было где-то лет десять. Он свесился из окна, воздушный, тонкий, с большими ушами и толстым желтым компрессом на шее, наверное, у него очень болело горло». Частые ангины, по всей видимости, и привели к пороку сердца. Летом 1940 года по этой причине он был досрочно освобожден от сельхозработ, которые были организованы сионистской организацией Ахшара; по этой же причине его исключили из списка нелегалов-эмигрантов, отбывающих на последнем корабле в Палестину.

«Тяжелая книга мягко выскальзывает из рук/ И медленно смежаются веки», – писал Кин в юношеских стихах. Порой Кин-книголюб восставал против своей неодолимой страсти к чтению:

«...Книги формируют твою душу, и ты снова изображаешь то, что усмотрел у других или из книг. ... Ты вечно повторяешь слова, сказанные до тебя и не тобой, у тебя целый мешок цитат, которыми ты умеешь жонглировать, ты совращаешь

меня, мерзавец, я бы с удовольствием наплевал на тебя, но тут я ловлю сам себя на том, что вру как по-писаному».

О правде и лжи ведется диалог в первой неоконченной пьесе 13-летнего драматурга, где известные литературные герои действуют наряду с вымышленными. С одной стороны Дон Кихот и Санчо Панса, с другой – шеф-повар – Тощая Курица и Король страны Тьмутаракань. Судя по всему, воображение автора питали Шекспир, Макиавелли, Сервантес и немецкие романтики. Эту комическую пьесу, написанную то прозой, то стихами (похожая форма будет использована Кином в Терезине при создании «Марионеток»), отличает живая простонародная лексика и раблезианский натурализм.

Дон Кихот и Шут рассуждают:

«Дон Кихот: Для Бога 1000 лет – это краткий срок, несправедливость же может торжествовать долго. В страну, которая основана на насилии, однажды поступится месть. Ложь – выбучий песок, тот, кто на нем строит, в нем и утонет. ... Пожинать плоды лжи, чтобы погибнуть от их тлетворного яда? Я бы предпочел умереть за правду.

Шут: На тех, кто живет по таким принципам, судьба обрушивает все кошмары и мерзости, она терзает их хуже, чем сатана. Умный сподличает и спасется, а дурак останется стоять столбом на посту и погибнет... И то плохо, и это нехорошо».

Кин уже догадывается, что в мире, основанном на насилии, честность и прямотушность вовсе не ведут к благополучию – дабы выжить, надобно изворачиваться. Эта спонтанно возникшая в пьесе тема станет актуальной в Терезине. Не раз и не два придется Кину взвешивать каждый свой поступок, каждое решение, каждый разговор с высокопоставленными деятелями еврейского самоуправления. Не родился он дураком, вот беда! Но ни один самый что ни на есть циничный шут на свете не мог понять, что убийцам все равно, умен ты или глуп.

В 1933 году Гитлер выдает еврейскому подростку волчий билет. Пока не на руки. Пока еще можно посмеяться над безумными речами косноязычного ефрейтора. В рассказе «Война с Абецедой», то бишь с алфавитом, написанном на ломаном немецком, без труда угадывается образ фюрера. Нарушение порядка букв в алфавите ведет к тотальному хаосу, к войне против всех – вот до чего додумался Кин, и эту мысль он подчеркивает в названии рассказа. Война всех против всех – эта тема прозвучит позже в «Императоре Атлантиды».

Пока война с алфавитом не приносит ощутимых результатов. Все по мелочи – там 50 человек угрохал, там отвоевал маленький кусочек земли, и семья недовольна, зачем затеял он войну с алфавитом!

«О боже, боже! О боже, боже! Как я несчастен! Даже несчастье другого не делает меня счастливым... Паж говорит, что я доведу страну до банкротства. Ничего, выпущу новые облигации, пока следующая война не закончится».

В пародийном рассказе-письме, написанном в нарочито витиеватом восточном стиле, шестнадцатилетний Кин описывает тюрьму, которую посетил в Брно некий вельможа с Ближнего Востока с целью изучения тамошних методов пыток для последующего применения их на его родине.

«Еще я видел кое-что, такую жестокость, от которой сопли стынют: всех заключенных отпускают домой, однако на следующий день они должны вернуться. Гениальнейшая пытка! Более изощренных адских пыток, чем полусвобода этих несчастных, нельзя и представить. Я позабочусь о том, чтобы нечто подобное было введено и у нас».

Тюрьма, созданная его воображением, увы, материализуется, только домой его оттуда уже не отпустят. Даже на день. Несвобода как система, при которой никто не задается вопросом о смысле жизни, станет позже одной из основных тем его литературных произведений. Несвобода

страшнее смерти – таков будет вывод автора «Императора Атлантиды». Несвобода – это смерть при жизни, сама же смерть – «свободы торжество»:

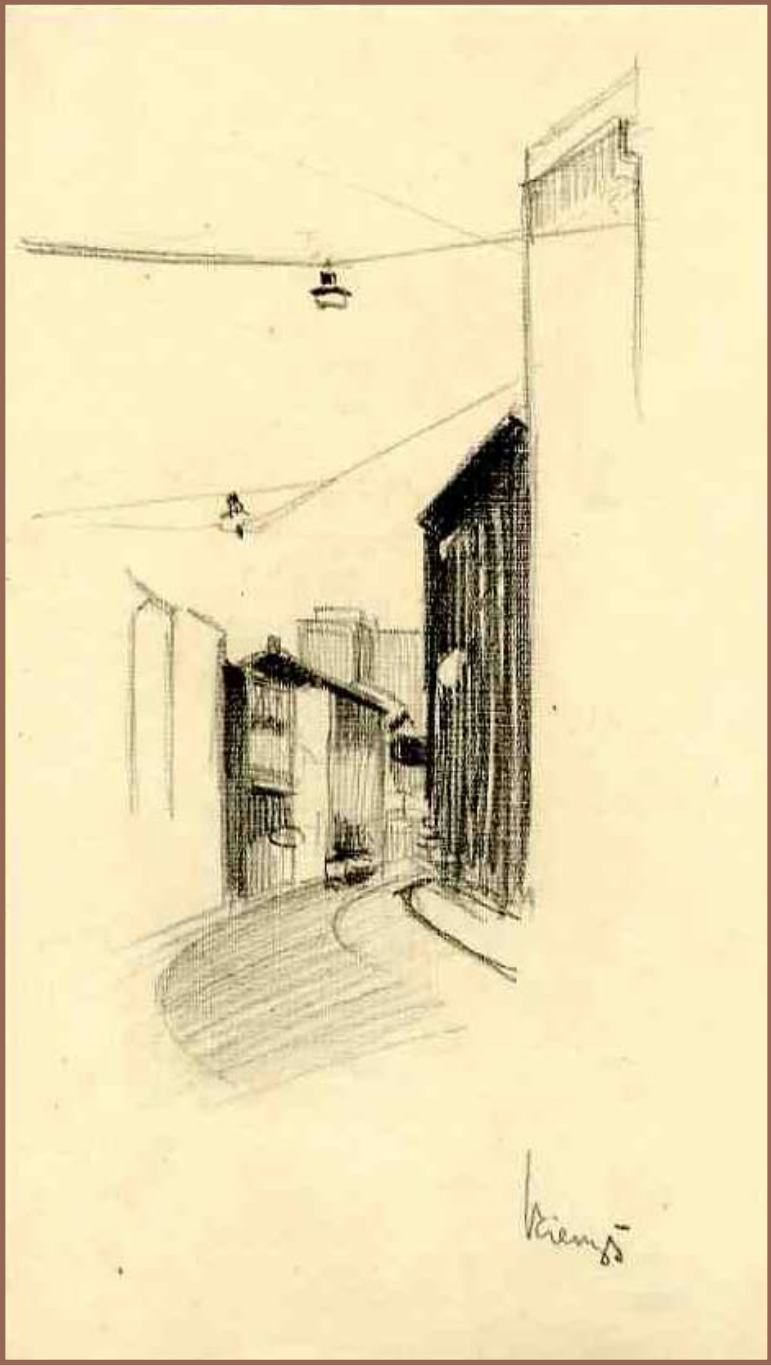
*Я полное свободы торжество,
Я торжество последней колыбельной.
Покоен мой гостеприимный дом.
Придите в тихий дом и отдохните.*

Мысли о смерти естественны для всякого подростка. Не по годам зрелый и начитанный Кин то предается философским размышлениям о неизбежности смерти, то открыто против нее протестует.

*Жизнь полна светлыми свойствами,
Жить на земле чудесно.
Мы сняли жильё со всеми удобствами
Насколько – нам неизвестно...*

*Я смерти боюсь, нет её ничего страшней и темней,
Я в страхе дрожу от одной только мысли о ней, –
Поджидает коварно она за каждым углом
Убивает она стариков, слабых женщин, детей,
Насыляет болезни, здоровье бросает на слом.
Я и думать об этом Ничто не хочу, не хочу!
Оно в бесконечность уходит по ту сторону всех границ,
И с криком –
еще не хочу!
Никогда!
Я падаю ниц,
Я падаю по ту сторону, в Никуда.*

Кин постоянно рисовал себя, словно бы всякий раз пытаюсь убедиться в реальности собственного существования. Композитор Шёнберг тоже чуть ли не ежедневно фикси-

Ф.П. Кин
Улица в Брно, 1935
РТ

ровал свое присутствие в этом мире. То он в галстуке, то без галстука, то в шляпе, то без шляпы. Для него и для Кина автопортрет стал одним из способов самоутверждения – я есмь.

Частенько это «я есмь» принимало шутливый облик. На одном из его рисунков смешной старичок читает книгу с золотым обрезом, на котором написано имя автора – Кин. Понятно, Кин лелеял мечту стать настоящим писателем, и не это он высмеивал, но свои амбиции.

*Критик, оппозиционер и ворчун
Любитель и заемщик карандашей
График и живописец, говорун и поэт
Пишет немецким шрифтом,
говорит на брненском диалекте
Богохульник, как когда-то Тео,
Тайный читатель Бальзака – Бог, кто видит это?
Спортсмен без всяких, но все же шарлатан
Нет только имени, и это ... (Франц)¹*

«Критик, оппозиционер и ворчун» рос в Брно, центре архитектурного авангарда. С одной стороны – воздушное средневековое и пышнотелое барокко, с другой – железобетонный конструктивизм. Немецкая гимназия, где учился Кин, находилась неподалеку от главной площади города. Жили же Кины в захолустном районе, за вокзалом, окна их трехкомнатной квартиры на верхнем этаже выходили на улицу. Отсюда мальчик «фотографировал» свой город.

«Воскресенье пробирается по пустым улицам, прижимается к стенам домов и наполняет ужасом сердца пробегающих торговцев. Оно забирается в головы редких прохожих и ложится свинцом на душу городского, дремлющего на перекрестке. Оно обволакивает усталые головы башен густым туманом.

¹ Подстрочный перевод.

Ф.П. Кин
Брно, ул. Славичка
ПТ

В многочисленных лужах отражается бесконечная серость неба; тяжелый шаг неосторожного прохожего нарушает скупающий покой луж, и они раздражаются злобным ворчанием. Очень редко гудок заблудившегося автомобиля разрывает безрадостную тишину».

По воспоминаниям Рут Рейнхорн, обстановка в квартире была типичной для мелкой буржуазии Центральной Европы, с громоздкой мебелью и коврами на стенах. «Семью я запомнила так: милая маленькая мама, могучий папаша-шутник, сын-вундеркинд и преданная служанка».

Город, в котором Кин провел восемь лет, запечатлен в его рисунках, стихах и прозе. Разглядывая из окна классной комнаты многоэтажный железобетонный торговый дом Бати, Кин предается размышлениям о новшествах архитектуры. Герой его рассказа, студент-медик, разумно использует огромный лес, обманом полученный в наследство: *«Ему удалось построить гигантскую доходную казарму, темные и крошечные ее квартирки он обставил столами, стульями и шкафами из своей мебельной фабрики в Палусе. А для того, чтобы его квартиросъемщики не бегали черт знает куда за покупками, он напхал в этот квартал всевозможные магазины».*

Романтика и ирония жили в душе по соседству, частенько навевались друг к другу, но никогда не сливались, ибо слишком тесное соединение романтики и иронии ведет к цинизму, качеству, которое Кину было чуждо. Он искренне страдал и искренне смеялся. Над собой, современной цивилизацией и самим мирозданием.

*Я – образ и Божье подобье,
Ты – образ и Божье подобье.
О, Господи, жаль мне тебя,
Если ты такой же, как я.*

Луна – частая гостья Кина, она освещает таинственные пражские улицы, «обходит на ходулях коньки крыш» страны под названием «Антлантида». Его старушка-луна инспектирует звезды.

Франц Петер Кин фотографирует себя в витрине, Брно, 1932
ПТ

*При технике современной,
Чьи скорости – чудеса,
Кому нужны во вселенной
Старые небеса?*

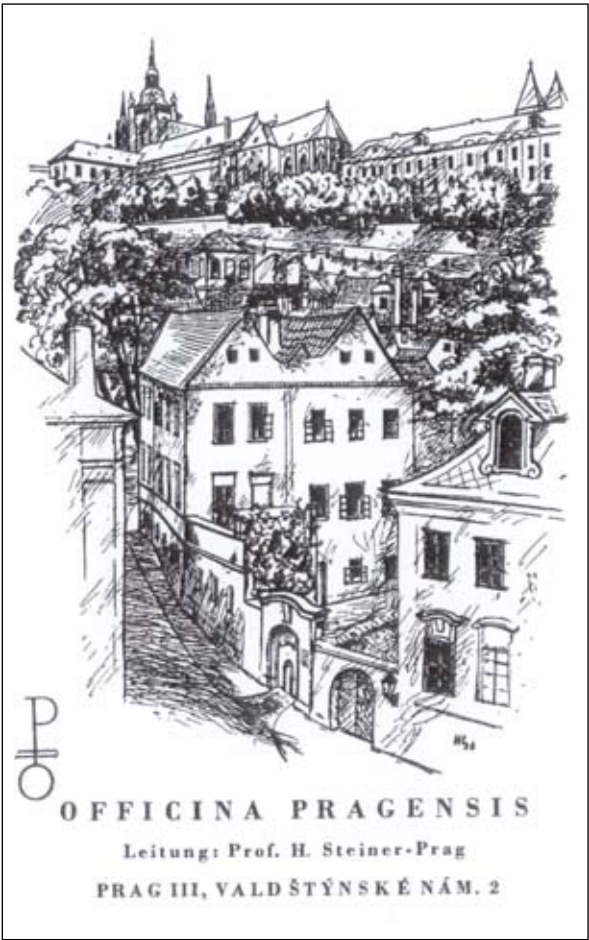
Будучи отличником и всеобщий любимцем, Кин очень боялся сподличать, осознанно совершить дурной поступок. Тема предательства станет сквозной в его терезинской пьесе «Медея». Но уже в шестнадцать лет он пишет об

этом в рассказе «Паращют»: *«Мне простят, что я лишил жизни моего школьного товарища Франца Крауса, если примут во внимание то, что мне было 11 лет. ... Я бы мог его спасти, но молчал».*

Закончив в 1936 году с отличием брненское реальное училище, куда практичные родители отдали его, дабы мальчик получил профессию, Кин прибыл в Прагу. Ни классического образования, которое он мог бы получить в замечательной Еврейской гимназии, ни гроша за душой. *«Я люблю тебя, Прага, – признавался ей Кин по-немецки, – ... хоть и знаю, что ты не отвечаешь мне взаимностью...».* Прага 1936 года говорила и думала по-чешски. Национальное самосознание, укрепившееся в Первой Республике после тысячелетнего засилья «немчуры», возрастало с усилением фашизма в соседних странах. Но и в чешской среде Кин чувствует себя как дома. Именно как дома – у него впервые в жизни нет своего угла, квартиру снимать не на что, он живет то у родственников, то в семье своей возлюбленной Ханы Вайнбергеровой, то в мастерской у Невана, нового приятеля по Академии. Кин нуждался; по свидетельству Алены Эрбеновой, соученицы по Официне Прагензис, он приезжал к ним на дачу, чтобы одолжить денег. «В те несколько дней, что он гостил у нас, он отдохнул и отъелся». (Из письма А.Эрбеновой, 2008)

*Квартира-дыра
Никакой мебели
Нечем ее пока что заполнить
Эх, приبلудился бы клоп
Почел бы за счастье его убить
Жарким взглядом изжарить
И не без удовольствия
С вареной картошкой откусать¹.*

¹ Подстрочный перевод.

В. Ледерер
Рекламный плакат
Официны
Прагензис,
1935
Архив
университета
в Нью
Джерси, США

Алена Эрбенова, 1939
Частная коллекция,
Оклахома, США

Что у Кина несомненно было – это талант, и он требовал пищи. В Праге Петер был полностью отдан искусству. Он изучал живопись в Академии художеств, а графику – в Официне Прагензис. Дорога от Академии в Дейвицах до школы графики на Вальдштейнской площади пролегла по самым красивым местам Праги.

В окнах старинного особняка допоздна горел свет, и, войдя в воротца, можно было услышать мерный стук печатной машины. Официна Прагензис стала новым детищем профессора Хуго Штайнера-Прага¹. Певец Праги, знаменитый иллюстратор «Голема», вернулся домой после тридцатилетнего перерыва. Были на то понятные причины – еврей, возрадивший за время преподавания в Лейпцигской Академии графики и книжного искусства целую плеяду мастеров, – нынешней Германии был не нужен. Зато он востребован на родине. «Трудно вообразить, что эти старые стены способны вместить в себя бурную новую жизнь, – восклицали газетные репортеры, – в просторных комнатах, оснащенных по последнему слову техники, идет интенсивная работа, здесь все служит достижению главной цели: развитию современного прикладного искусства. Здесь работают печатные машины, осуществляется печать с медных плат и литографического камня, вспахиваются необозримые поля книжного искусства и

¹ Хуго Штайнер-Праг родился 12.12.1880 в Праге. Иллюстратор, дизайнер и педагог. В 1900 начал учебу в Королевской Академии изящных искусств в Мюнхене, но вскоре перешел в училище «учебно-экспериментальных мастерских», где впоследствии преподавал. В 1905 принял крещение и получил немецкое гражданство. В 1907 стал профессором Королевской академии графики и книжного искусства в Лейпциге. В 1916 Штайнер-Праг создал свой шедевр, двадцать пять литографий к роману Густава Майринка «Голем». В последующие годы он был также арт-директором издательского дома «Пропилеи» в Берлине и организовал несколько выставок книг, среди которых – Первая международная выставка книги в Лейпциге в 1927. В 1933 его выгнали из Академии. Он вернулся в Прагу, где открыл свою школу. Бежал в Стокгольм незадолго до того, как немцы оккупировали Прагу. В 1941 ему удалось эмигрировать в США. Последние годы он провел в Нью-Йорке, где иллюстрировал книги и читал лекции. Умер 10.9.1945.

Вольфганг Ледерер, Паула Штайнер-Праг, неизвестная, молодожены Хельга и Ханс Розенкранц, Хуго Штайнер-Праг, Прага, 1936
Литературный архив Марбаха, Германия

Типография Официны Прагензис, Прага, 1935
Литературный архив Марбаха, Германия

художественной рекламы, причем необходимые связи с производством поддерживаются с самого начала. Уже после сравнительно короткого, но интенсивного периода работы школа пополнилась иностранными студентами, которые приезжают из-за границы, чтобы учиться у Хуго Штайнера-Прага» Кина пленили как искусство, так и сама личность Хуго – певца Старой Праги с ее таинственными закоулками и еврейским кварталом, по которому вечно бродит отбившийся от рук Голем. Темная графика, проникнутая духом немецкого мистицизма, никак не вязалась с обликом самого Хуго. Он был веселым и жизнелюбивым, своего рода идеалом для Кина.

По словам Вольфганга Ледерера¹ «Хуго больше всего давал тем, у кого был талант, но не было представления о том, с чего начать, или менее одаренным, которые могли начать с малого, чтобы получить как можно больше». К безусловным талантам Хуго Штайнер-Праг относил троих учеников, в том числе и Кина.

«Петер по запаху клея мог определить имя издателя», – вспоминала Хельга Вольфенштейн-Кинг. Бесконечная любовь к книге нашла приют в Офисине, где «книжный червь» Кин смог вгрызться в сам процесс создания чуда.

В Академии художеств Кин тоже был на хорошем счету: «Петер был самым младшим в группе. Талантливый и работающий, он быстро приобрел расположение профессора Новака, – вспоминает Ф.Йироудек. – Мы все с ним подружились. Он ходил со мной писать пейзажи, нас обоих в то время занимали пражские мотивы, жизнь большого

Хана Вайсбергера и Петер Кин, Прага, 1937
ПТ

¹ Друг Кина и ассистент Штайнера-Прага. Вольфганг Ледерер родился 16.1.1912 в Манхейме, Германия. Художник-график и книжный дизайнер, учился в Лейпцигской Академии графики и книжного искусства и в Скандинавской академии в Париже. Эмигрировал в Нью-Йорк в 1939 году, позже обосновался в Калифорнии, где оформлял издания Калифорнийского университета. Почетный профессор полиграфического искусства и иллюстрации в Калифорнийском колледже искусств и ремесел Окленда. Его последняя выставка состоялась в Центре Книги в Сан-Франциско в 2000. Умер 13.5. 2003 в Калифорнии.

города. Но еще больше Петера привлекали портреты. Он написал их огромное множество, я тоже ему позировал. Особенно он любил писать женские портреты с натуры. ... По своему уровню они намного превосходили ученические работы».

Профессор Вилли Новак, друг Кафки, основатель знаменитой группы «Восьмая», чье появление было прямо связано с рождением чешского авангарда, был личностью необыкновенной. Будучи импрессионистом, он не настаивал ни на каком «изме», и его студенты свободно творили в разных стилях и жанрах. Он был Учителем, и его заботило не только качество работ, но и будущее студентов.

Что ждет их, изучающих законы искусства в мире, где правит беззаконие? Как оберечь их? Тем же был озабочен и режиссер Э.Ф.Буриан, сплотивший вокруг своего театра D 38 театральную и художественную молодежь столицы. Осенью 1937 года он устроил в театре выставку, на ней впервые были выставлены работы Кина.

«Открываем «Галерею на лестнице» – писал Е.Ф.Буриан. – Неизвестные и малоизвестные молодые художники бегом бросились к лестнице; там, по соседству с буфетом, туалетом и гардеробом, они громко заявили о своем праве на жизнь. – Такая теперь система, – заявляет «Галерея на лестнице», – искусство по уши в дерьме. ... Молодые художники не нужны, не на что их употребить, они – мусор. Отвергнут народ, выброшен человек, никому нет дела ни до таланта, ни до того, в какой ситуации и зачем это искусство создано... Если сегодняшнее искусство прячется по комнатам вместо того, чтобы украшать выставочные залы, зарывается в яму, вместо того, чтобы греться на солнце, ютится на лестнице, вместо того, чтобы занимать собой галереи, если оно не способно сражаться с таким положением вещей не на живот, а на смерть – значит, что-то прогнило в датском королевстве, но никак не в самом искусстве...». В галерее на входе рядом с работами Кина висели рисун-

Петер Кин, Вера Котизова и Франтишек Йироудек в Праге, 1939
Частная коллекция, Израиль

Петер Кин и Михаэль Стрениц на балконе в Праге, 1938–1939
ПТ

ки его кухни Кэте, – Петер пригласил ее участвовать в выставке. С Кэте его связывала детская дружба, любовь к искусству и музыке. В Праге они вместе ходили на представления Освобожденного Театра, где выступали звезды – Восковец и Верих.

«Они были политические, – рассказывает Кэте. – У них были потрясающие джазовые композиторы, которые писали музыку для спектаклей, до сих пор это поют. Петер был очень увлечен чешским театром. Он часто бывал на домашних концертах в нашем доме, где играли известные музыканты. Петер очень любил Бетховена, особенно канон Signor Abate, мы часто пели его вместе. Мы даже начали писать вместе оперу и тем доводили весь дом, поскольку в шесть утра начинали играть на пианино. Я еще помню строфу из нашей оперы: «Пацифист-дурачок, он только и знает, что ратует за мир. Но, чтобы тушить пожар, его сперва нужно разжечь!»»

В марте 1938 года немцы оккупировали Австрию, на очереди были Судеты. «Мы с Кином несли на выставку в Академию мою картину «Вселенский театр», – рассказывает Петер Ульрих Вайс. – Неожиданно из окна выпрыгнул человек и грохнулся на тротуар. Мы отставили в сторону картину – перед нами лежал человек с разmozженной головой». Тесная дружба Кина с художником и поэтом Вайсом возникла как бы в продолжение дружбы с Йозефом Ханом, тоже художником и поэтом. С Ханом они учились вместе в реальном училище, с Вайсом – в Академии. В 1936 году Вайс, имевший чехословацкое гражданство, переехал из Германии в Варнсдорф, где у его отца было текстильное дело, то есть оказался в городе детства Кина. Но это был уже совсем другой город – с демонстрациями национал-социалистов, потасовками между рабочими и фашистами Хейнлейна, свастикой на флагштоках.

Фриц Франкл (в центре) и его джазбанд, Прага, 1938
Частная коллекция, Израиль

Петер Вайс и его автопортрет, Лондон, 1935
Архив Петера Вайса, Берлин

«У меня в комнате был граммофон, пластинки, любимые книги, там я писал и рисовал...», – рассказывал Вайс впоследствии. Теми же словами Кин мог описать свою комнату в Брно.

«Кин был в том же классе, тоже еврей, он был на меня похож, родственная душа. В то время он, как и я, находился под влиянием Кубина. Он познакомил меня с произведениями Кафки, я прочел «Замок», «Процесс» и «Америку».

Друзья обменивались подарками – Вайс подарил Кину художников Баухауза, Шлеммера и Фейнингера, Кин подарил Вайсу Кафку. Кубин был их общим любимцем – он не только рисовал, но и писал.

В 1938 году Вайс уехал Швецию, и Кин по его просьбе переправил туда оставшиеся в Праге картины: «Это был поступок, – говорит Вайс. – Я получил от него свои картины, а его захлестнула волна уничтожения». Через год Кин напишет своей будущей жене Ильзе Странской: *«Петер Ульрих! Как это уже все далеко, и каким чужим это стало! В июле исполнился год с тех пор, как мы с ним попрощались»*... Тем не менее, последнее письмо Вайса он возьмет с собой в лагерь в качестве талисмана: *«Я постоянно перечитываю его, хоть и помню наизусть каждое предложение, – пишет Кин из Терезина.*

Вайс, сумевший вовремя уехать из Праги, в будущем прославится на весь мир своей пьесой «Преследование и убийство Жан-Поля Марата»¹, его будут переиздавать и изучать. «Беги, Кин, беги!», – писал ему Вайс, но, к вели-

¹ Цахи – Арношт Кесслер, родился 28.6.1921 в Брно. Физик, музыкант-любитель. Принимал участие в сионистском движении. В 1940 преподавал в одной из школ молодежной алии в Брно. Депортирован из Брно в Терезин 4.4.1942, в Освенцим – 28.9.1944. Он и его жена Элен (Лене) пережили войну и вернулись в Брно, где Арношт получил ученую степень кандидата наук по физике (1952). Директор Института физики Словацкой академии наук (1955–1968). В 1968 эмигрировал в Германию, работал в Институте физики при Штутгартском университете. Умер 31.3.2006 в Штутгарте.

Первая публикация Ф.П.Кина в воскресном приложении «Прагер Тагеблат», 6.10.1936
Государственная библиотека, Прага

чайшему сожалению побег не удался, – и «возмутительная машина», как называл Кин фашизм в пьесе «Страшный сон», уничтожила его вместе с миллионами других, с талантом и без.

*Я люблю тебя, Прага, люблю тебя, Прага, –
И все больше, всё больше день ото дня.
И в признание моем – вся моя отвага, –
Я ведь знаю, что ты не полюбишь меня.*

*Я люблю тебя, хоть и бываешь продажна,
Даже в миг, когда я признаюсь в любви,
Я люблю блеск Градчан, – окна светятся влажно,
Я люблю берега – эти бедра твои.*

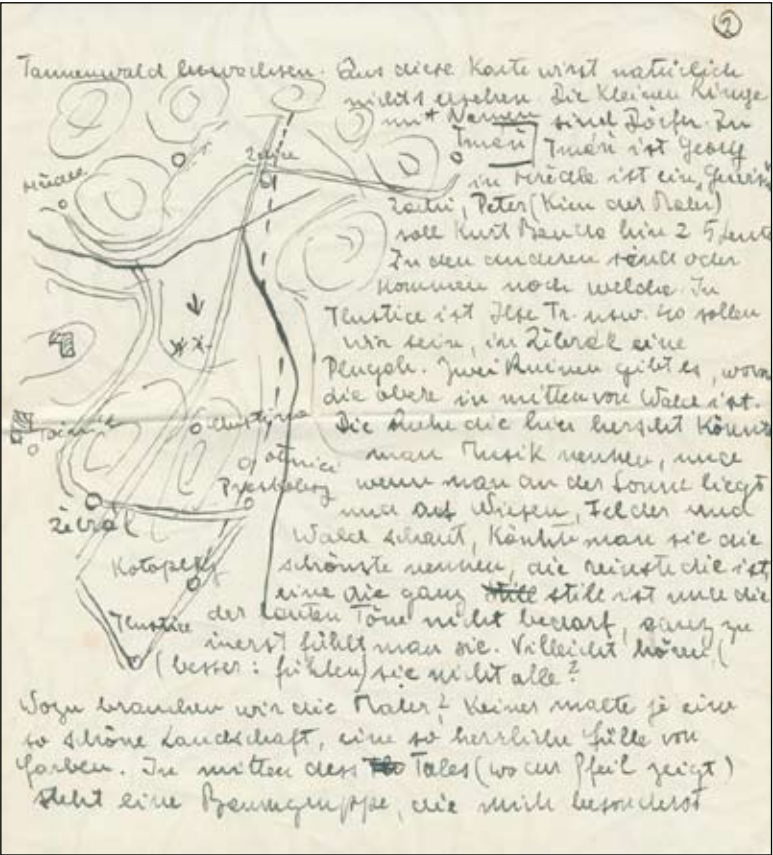
*Словно воды реки, все слова мои зыбки,
Обожаю всем сердцем тебя и хвалю.
Я тебя не за роскошь – за скромность улыбки,
Спотыкаясь при каждом признание, люблю.*

Улыбка покинула лицо Праги в марте 1939 года, глаза Градчан закрыло полотнище со свастикой. 3 апреля 1939 года американское консульство вносит имя Кина в лист ожидания. «При благоприятном решении вопроса о возможности вашего содержания в Америке, если вы все еще будете состоять в очереди, вам будет послано приглашение на выдачу официально-го разрешения. Приглашение вам будет послано в надлежащее время еще до того, как истечет срок проверки документов». Но поручителя для получения визы в Америку у Кина не было. Податься в Палестину? Для этого, по меньшей мере, нужно вступить в Хехалуц. 23 мая 39-го года Кин заполняет анкету, из которой следует, что он парень крепкий, с развитыми мышцами рук, с нормальным слухом и неко-

Кэте Стрениц и Франц Кин, Прага, 1938
Частная коллекция, Израиль

торой близорукостью, что легкие и сердце у него в норме и нервная система в порядке. Зовут его Франтишек Петр Кин, еврейское имя Давид, и по профессии он художник. При этом знает несколько языков: немецкий, чешский, английский, французский. В Брно он уже состоял в Тхелет Лаван, в Праге тоже, до 1937 года. В Ахшаре хочет посвятить себя земледелию и садоводству. В начале июня 1939 года Кин отбывает в деревню Хржедле. Теперь у него новые друзья, сионисты, среди них и Цахи¹. «Тем временем я в так называемой Сельхоз-Ахшаре, – пишет Цахи под вычерченной им картой местности. – Что здесь есть: 1) Изумительная местность, которая, невзирая на 16-часовой рабочий день, все-таки меня радует, особенно, когда есть хоть какое-то досужее время. Холмы, как шлемы бывшей Чехословацкой Армии, образуют широкую котловину, на 1/3 заросшую сосновым лесом. Из этой карты ты, конечно, ничего не поймешь. Маленькие кружки с названиями – это деревни. В Тмане Георг², в Хржедле – «известный вам» Цахи, Петер (Кин, художник), Курт Бауде – всего 25 человек. ... Здесь царит покой, который можно назвать музыкой – а когда лежишь на солнце и взираешь на луга, поля и леса, то эта музыка кажется самой красивой. В тишине она

Страница из письма Цахи (Арношта Кесслера) Рене Странской, 14.6.1939
Частная коллекция, Германия

1 Георг (Иржи) Моргенштерн (Мортон) родился 6.11.1918 в Брно. Переехал в Прагу в 1939, после оккупации решил эмигрировать в Палестину. Как член нелегального «транспорта» вместе с 1500 евреями из Протектората уехал в Братиславу, где провел 10 месяцев в ожидании отправки в Палестину. Когда корабль, наконец, достиг берегов Хайфы, евреи узнали, что им предстоит еще один путь – на остров Маврикий, где находилась британская тюрьма. Оттуда в 1942 году он в качестве добровольца попал в Чехословацкую армию. За исключением сводного брата, который бежал в Канаду, все его ближайшие родственники прошли через Терезин и погибли в Освенциме. В 1944 в Лондоне Мортон женился на сестре Ильзы Странской, Рене, с ней он был дружен еще до войны. После войны он получил докторскую степень в области статистики, работал в лондонской Школе экономики. После развода с Рене женился вторично, переехал в Швейцарию, где умер 30.5.1999.

2 Из письма Марты Странской от 28.11.1939.

слышна, хотя в ней нет громких тонов – полное погружение в себя. Может быть, ее слышат (лучше – чувствуют) не все?

Когда был в Праге, заходил к Стреницам и убедился, что Кэте интересная личность... В воскресенье будет выставка графической школы, где я с удовольствием увижу работы ее и Петера... Твой Цахи. 14.6.1939. Хржедле». (Из письма к Р. Странской).

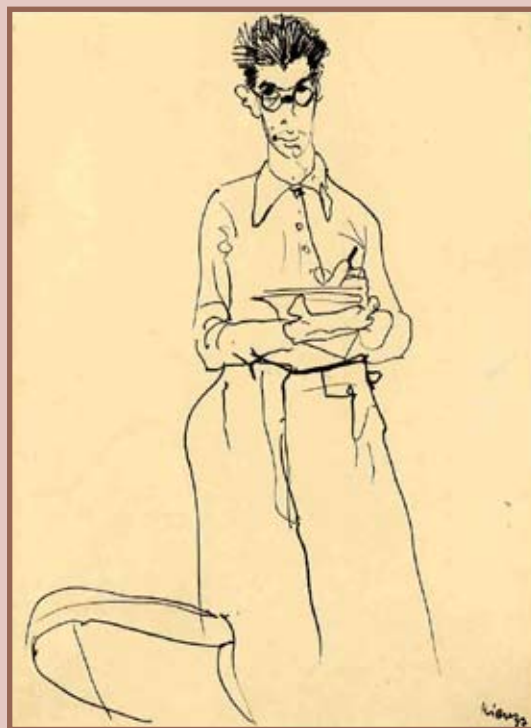
Это была последняя выставка, на которой демонстрировались, среди прочих, произведения юных художников еврейской национальности. Через несколько дней после ее открытия, 21 июня 1939 года, на территории Протектората вошли в действие Нюрнбергские законы. Путь в Академию художеств заказан. Надежды последовать за Вайсом и Хуго Штайнером-Прагом, который через Швецию каким-то образом смог добраться до Америки, – не оправдались. Ответа из американского консульства нет, но Кин все еще надеется найти поручителя и получить визу. Он переписывается с Ледерером, ассистентом Штайнера-Прага, ждет от них помощи, не представляя себе, насколько трудно даже коренным американцам выписать из Европы еврея, об эмигрантах и говорить нечего. Даже великий композитор Арнольд Шёнберг не смог добиться от американских властей визы для своего брата – что может сделать никому не известный Ледерер?

Кин уехал к родителям. Дорога в Брно и сам город произвели на него тяжелое впечатление. В незапамятные мирные времена, приезжая из Праги навещать родителей, Петер, по словам его отца Лео, вместе с «добрым настроением», вносил в их дом суету и художественный беспорядок: «Все заляпано масляными красками, пол в ошметках глины, повсюду разбросаны мелки; по дому бродят незнакомые люди, одни уходят, другие приходят, чайник кипит и бурлит, без конца звонит телефон. «Петер здесь, Петер там!»

Ф.П. Кин

В мастерской Хуго Штайнера-Прага, Курт Пловиц слева, 1937
ПТ

Ф.П. Кин

Автопортрет, 1937
ПТ

На этот раз беспорядок в доме был учинен не Петером, а обстоятельствами – предстоял переезд из Брно в Бзенец.

«Вам будет интересно узнать, что первое время я тут много рисовал, – пишет Кин друзьям, – теперь мама это дело приостановила, поскольку мы должны переезжать к дяде в Бзенец, и довольно скоро; все тут выглядит, как в военном лагере: вещи вывалены из шкафа на постель, ковры на стуле, а на стене, где четыре года висел прекрасный персидский ковер, остался лишь тонкий орнамент, нарисованный пылью. Повсюду стоят огромные чемоданы, белье разбросано по квартире, да, весьма уютно. Книги тоже запакованы, так что читать нечего.

...Вчера до поздней ночи рассматривал репродукции картин Коро, мне так беспокоит, я как жеребенок на привязи, который видит перед собой бегущих лошадей, их аристократическую красоту и силу, они бегут... а за углом стоит палач».

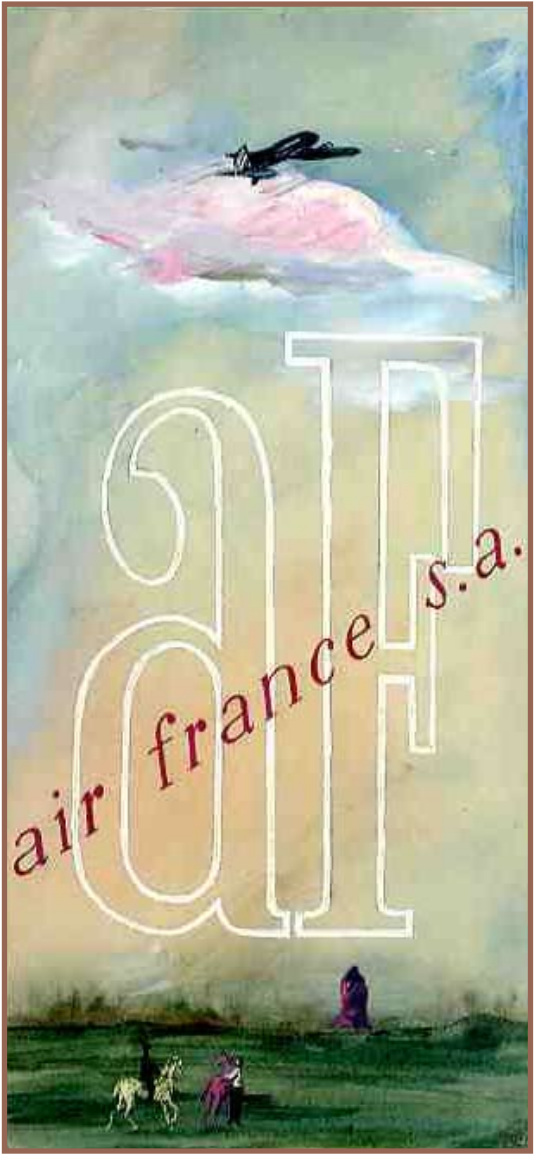
Родители вернулись в Бзенец, туда, где 21 год тому назад сыграли свадьбу. В доме Рихарда, брата Ольги, они чувствовали себя куда более защищенными. Сколько счастливых воспоминаний было связано с этим домом, с дядюшкой Рихардом, – в Бзенце Кином был обсмотрен и обрисован каждый уголок. Вместе с подслеповатым дядюшкой они ходили на пленер, обязанностью «ассистента» было закреплять треножник и охранять покой юного дарования.

Накануне депортации в Освенцим Кин попросит свою подругу позаботиться о дядюшке, который, по его сведениям, неминуемо окажется в Терезине. Рихарда устроят помощником санитаря, что позволит ему получать рабочий паек и выжить.

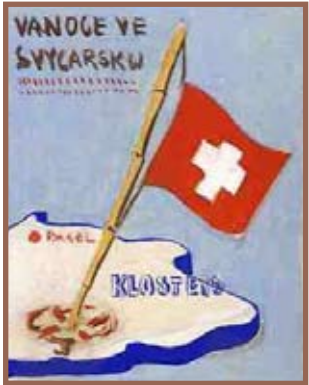
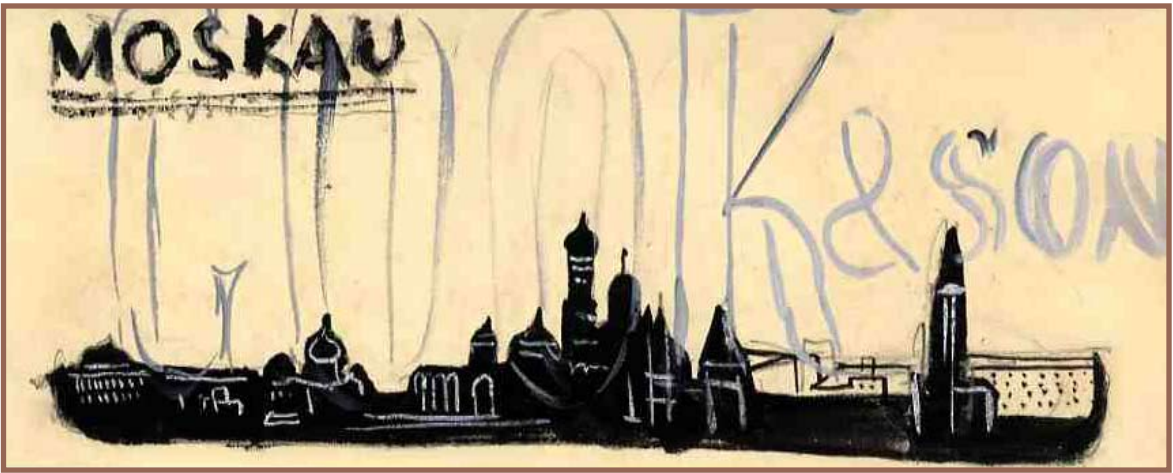
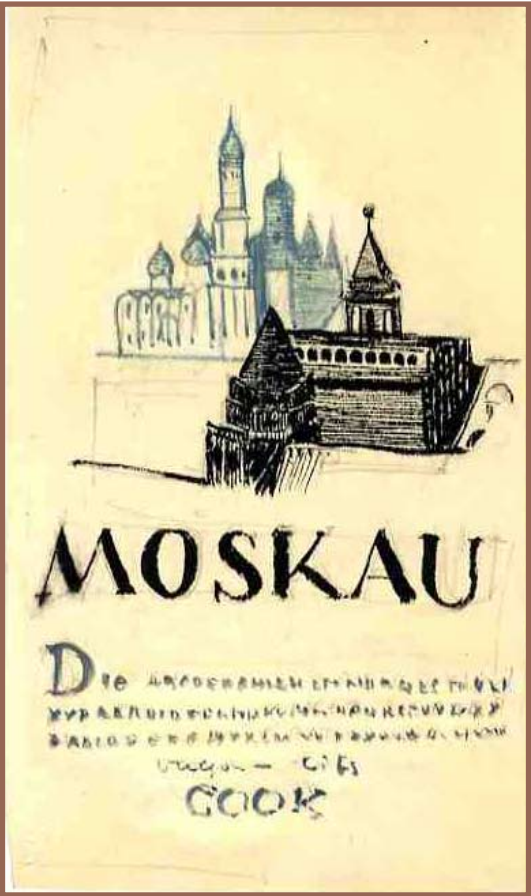
Всю свою оставшуюся жизнь Рихард и Мария посвятят Петеру: они будут хранить каждый росчерк его пера, без них мы сегодня не знали бы и десятой части его творческого наследия.

Пражская академия художеств, Ф.П.Кин (5-й в верхнем ряду) в группе студентов Вилли Новака, 1938–1939

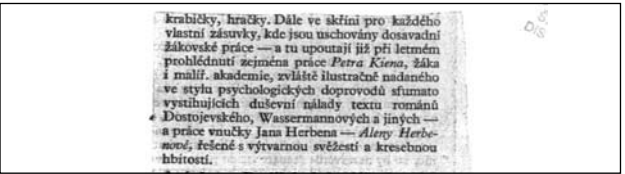
Ф.П. Кин
Эскизы рекламных проспектов
для бюро путешествий,
1940–1941
ПТ

«Мысли о «вчера» и «завтра», как черные очки между мной и прекрасным, тихим, зеленым миром. Зачем познал я столько счастья? Неужто лишь затем, чтобы так мучительно не хотелось уходить?» (Август 1939, из письма к В. Невановой). И в этот, быть может, самый безнадежный момент его жизни, Кин создает цикл самых ярких акварелей – родительская комната, заполненная светом, Рихард, засыпающий на прозрачном стуле, кафе в зеленом саду...

«Я люблю жизнь, глупую, безобразную грубую, мучительную, великолепную, без всяких «почему», просто люблю – и все», – напишет он вскоре своей будущей жене Ильзе Странской.

Новая любовь, возможность, хоть и недолгая, учиться и работать в Официне Прагензис у Ярослава Шваба, принявшего эстафету у Хуго Штайнера-Прага (тот эмигрировал в Америку), – примиряет Кина с жизнью и самим собой. Шваб взял Кина к себе на том условии, что он не будет зачислен официально и что опубликованные в каталогах работы не будут подписаны его именем. Частная школа Шваба располагалась на улице Дитрихова, рядом с набережной Влтавы, ее работу контролировала государственная система образования и госинспектор. Подробно расписанная программа школы была заверена министерством. Ее целью было выявление творческих способностей учащихся с тем, чтобы они могли применить полученные в процессе обучения навыки в практической жизни, а также подготовка к продолжению обучения в художественно-промышленной академии в Праге. В план занятий входило: 1) Рисование предметов, натюрмортов и изучение материалов, рисование портретов и обнаженной натуры, изучение костюма, рисование на пленере, рисунки цветов, изучение перспективы, техническое рисование; 2) Изучение орнамента, создание образцов на бумаге и ткани, упражнения на композицию, наброски

«Официна Прагензис – Графическая школа Ярослава Шваба – сердечно приглашает вас посетить выставку работ учеников за 1940–41 год 7 – 29 июня 1941. Выставочный зал Холлар, Набережная Влтавы, 68. Из рецензии в газете: «Даже при беглом осмотре экспозиции участников групповой выставки внимание останавливают работы Петра Кина, ученика и художника пражской академии, особо талантливого в области иллюстрации; психологическая атмосфера в стиле sfumato передает главное настроение текстов романов Достоевского, Вассермана и других». РТ

для рекламы (торговые знаки, проспекты, плакаты, диапозитивы, оберточная бумага); 3) Художественное письмо, книжные переплеты и обложки, книжная и журнальная иллюстрация, макеты дипломов, шрифтовое оформление; 4) Современные техники графики, включая гравюры по линолиуму и дереву, работу с сухой иглой, литографию; 5) Применение фотографии в рекламе и пропаганде (плакат, проспекты, объявления, монтаж, ценники, выставки); 6) Тетральное оформление и костюмы.

В школу принимали с десяти лет. Для поступления требовалось представить работы, а время обучения зависело от способностей, творческой энергии и наличия определенных художественных навыков. (Из проспекта, 1939).

По словам Ярослава Шваба, «Кин был полон энергии и работал с огромным воодушевлением. У него было врожденное чувство композиции, это проявлялось во всем, что он делал, начиная от плакатов и кончая этикетками для спичечных коробков». (Из воспоминаний Я. Шваба, Штегликова)

Если в живописи Кин был поэтом, а в литературе – художником, то в книжной и промышленной графике он был драматургом. Он точно «выстраивал историю», в его арсенале было множество стилей и приемов, которые он использовал строго по назначению. Просматривая эскизы оберточной бумаги, рекламы лекарства ангинол и бюро путешествий, обложки книг, которые и сегодня выглядят совершенно современно, поражаешься невероятной свободе и лихости его композиций.

К двадцати годам он стал мастером своего дела, что дало ему возможность преподавать графику на курсах переквалификации при Еврейской общине. В черновике, составленном для объявления в газете, он пишет: «Занятия будут проводиться по известной методике проф. Хуго Штайнера (ныне профессор Гарвардского университе-

Виноградская синагога на ул. Сазавской в Праге
В одном крыле синагоги располагался еврейский детский дом, в другом – мастерские Петра Кина и Рудольфа Саудека
Архив Еврейского музея в Праге

та), под руководством которого я занимался в Офисине Прагензис. Это обучение в первую очередь направлено на развитие индивидуальных творческих способностей, при этом даются практические навыки, которые позволят работать в разных видах прикладной графики. Разнообразие самих видов работ даст возможность каждому определить ту область, в которой он захочет специализироваться. Плата за курс будет достаточно низкой, максимум 800 крон за полный день, информацию об этом можно будет получить, когда сформируется группа (в зависимости от числа учащихся). Желающие начать учиться, записываются сразу, это даст возможность быстро приступить к занятиям. Из-за большого количества желающих введен отборочный экзамен».

Община становится вторым домом для всех людей, «назначенных евреями», она обеспечивает работой и готовит к эмиграции. При ней и открылись знаменитые курсы переквалификации, где можно было научиться всему на свете. Дабы люди не утонули в море предлагаемых профессий, община открыла курс подготовки к сдаче психотеста. Все объявления публиковались в «Еврейской газете». Ее первый номер на немецком и чешском языках вышел в свет 24 ноября 1939 года. Будучи объединенным органом печати еврейской общины и сионистской организации Праги, газета на деле подчинялась центру эмиграции, основанному нацистами, то бишь Адольфу Эйхману. С одной стороны, газета публиковала указы – по какому адресу и до какого часа евреи должны сдать кошек, собак и канареек в клетках, с какого и до какого часа им дозволяется покупать продукты, и какие именно, с другой стороны – она призывала евреев уезжать в разные страны. Под рисунком, символизирующим розу ветров с направлениями Нью-Йорк, Шанхай, Буэнос-Айрес, Сан Паоло и Тель-Авив, стояла подпись – «Сегодня это символ всех евреев». Газета была наполнена фотографиями пре-

Роза ветров – символ нынешнего еврейства
Еврейские новости, 5.4.1940
Архив Яд Вашем, Израиль

красных уголков мира, особенно радовала глаз Палестина с ее кибуцным избытком и гордыми евреями с вилами на плечах. «В будущее с Хехалуцем», «Иврит – наш родной язык», «Со здоровым телом – на новую родину»! Напечатанные в газете литографии Бедржиха Фритты с изображением садовниц, нянечек и портних, имели общее название – «Женщины на пути освоения новой профессии», а его рабочие с рубанками и пилами воспевали труд «еврейской молодежи, идущей своим путем». Весь этот ужас будет продолжаться и в Терезине, в графической мастерской, где Кин станет правой рукой Фритты. Оба они будут выполнять заказы нацистов, и при этом создавать самые что ни на есть свободные произведения искусства.

5 января 1940 г. «Еврейская газета» успокаивает подписчиков – американское консульство не меняет своего адреса, остается на прежнем месте в Праге-Дейвице, в двух шагах от дома Странских. В двух шагах – а визу получить невозможно. Остается надежда на Палестину, хотя последний многострадальный транспорт в Палестину уже отбыл из Праги 30 ноября 1939 года, и на него попало чуть больше 1000 человек из многих тысяч желающих.

7 января 1940 года Петер напишет сестре Ильзы в Лондон: «...сегодня мы чувствуем себя как крысы, у которых есть выбор между прыжком в море и ожиданием, пока море не явится за ними. Мы решились на прыжок».

В доме Странских Кин появился поздней осенью 1939 года. «В последнее время Петер приходит к нам каждый день, водит Ильзу на концерты или показывает ей свои картины. Он очень интеллигентный и приятный молодой человек. ...Я слышу голоса в прихожей. Ильза с Петером пришли из Официны. Сейчас устроим чаепитие»¹.

1 Из интервью Глории Теслер.

Hechaluz
PRAHA I., DLOUHÁ TŘÍDA ČÍS. 49/III. Číslo 2339

Zdravotní vysvědčení

Jméno a příjmení: Kien Frankl Petr
Stav (svobodný, ženatý, vdovělý): svobodný
Stáří: 1919 Byl nemocen:
Když: 1937, 1938 Jakou měl nemoc: Revmatizmus, tonzilitida

Všobecný tělesný stav:

Tělesná konstrukce: střední Svalstvo: střední
Stav výživy: dobrý
Sluch: norm. Zrak: -2.0
Plíce: norm. Srdece: norm.
Tep: 70/min Moč: norm.
Střevní: norm. Kůže: norm.

Stav nervového systému a duševní stav:

Eventuel. prohlídka:
Diagnóza: norm.
Kategorie: 4
Vydáno dne: 23. 5. 39

KUDr. Walter Wolff
MUDr. Karel Hlaváček
Podpis lékaře

Анкета для вступления в Хехалуц, 23.5.1939
Прага,1, Длоуга Тжида, 49/III
Справка о состоянии здоровья
Кин Франтишек Петр

Холост
1919 г.р.
1937 – дифтерит
Физическое состояние
Достаточно сильный, мышцы развиты, питание – в норме, слух – в норме, зрение – близорукость (-2), легкие и сердце в норме, температура в норме, моча в норме, селезенка и печень работают нормально.
Нервная система здоровая, душевных болезней нет.
Категория «А».
Др.Мед. Вальтер Вольф, ул.Нова, 16, тел. 13534.
Данная справка была выдана для вступления в Хехалуц.
Архив Яд Вашем, Израиль

Hechaluz
PRAHA I., DLOUHÁ TŘÍDA ČÍSLO 49/III. Číslo 2339 (Nevyplnil!)

Informace jen od 10 – 12 h, mimo sobotu a neděle. Přiložte 2 fotografie a označte je jménem

Jméno a příjmení: Kien Frankl Petr hebrejské jméno: David
narozen dne: 1. ledna 1919 ve: Varnsdorfu
domovská příslušnost (obec a země): Uh. Obchod, Morava státní příslušnost: protektorát Čechy a M.
bydlíš dne 1. ledna 1938 a později: Praha, Brno
doklady: domovský list (na magistrátu v dom. okr.) rodný list, osvědčení o státní obč.

a) domovský list
b) rodný list
c) osvědčení o státním občanství
d) cestovní pas (druh): rodný číslo: 4136 vystavený dne: 10. VII. 1935
kým: Polie. řed. v Brně platný do: 10. VII. 1940
pro které země: Evropa

Je zapotřebí pracovního povolení?
nynější adresa: Brno, Cejl 57 Praha II, Štepanská 34
povolání: akad. malíř
školní vzdělání: maturita na reálce, akad. výt. umění
znalost řeči (slovem i písmem): němcky, česky, anglicky, francouzsky
znalost jazyka hebrejského: začátečník - pokročilý
příbuzní v Palestýně: Josef Weigner, Misrah
organizován kde? Tcheleth Lavan od kdy? 1930-34 M.H. pak D.
místo: Brno od kdy:
pluga: Brno od kdy:
kdy ochoten nastoupit? ihned
reference: p. Karel Hlaváček
kterému povolání se chcete věnovat: zemědělství, zahradnictví
majetkové poměry: nemajetný; otec bez zaměstnání
jméno otce nebo poručníka (i když zemřel): Leonhard Kien
zaměstnání: obchodní zástupce
jméno matky (i když zemřela): Olga Kienová rozená: Franklová
adresa rodičů: Brno, Cejl 57
poznámky: otec je už dlouho bez zaměstnání a nejím vyhlídky, aby dostal práci
Datum: 23. V. 1939 Podpis: P. Kien
Kartotéka:
Poznámky vedení svazu:
Nepřikládejte doklady!

Хехалуц № 2339.

Кин Франтишек Петр. Еврейское имя – Давид.
Род. 1.1.1919 в Варнсдорфе. Прописан в Угерском Остроге, Моравия. Протекторат Чехии и Моравии.
До 1.1.1938 и позже жил в Брно и Праге.
Прилагаемые документы:
прописка (заверенная в домоуправлении), свидетельство о рождении.
Заграничный европейский паспорт, 4136 от 10.7.1935, выдан в полицейском управлении в Брно, действителен для Европы [Европа перечеркнута] до 10.7.1940.
Нужно ли разрешение с работы? – ничего в графе не сказано.
Нынешний адрес. Брно, Сейл, 57 [адрес зачеркнут], [еще один адрес зачеркнут]: Прага 2, Штепанска, 34, у пани Турнауэровой, адрес верный: Прага, 19, Хеннерова, 506.
Профессия: художник.
Школьное образование: Свидетельство об окончании гимназии в Брно, Академия художеств.
Знание языков: немецкий, чешский, английский, французский.
Знание иврита – новичок.
Родственники в Палестине: Йозеф Вейгнер, Юг.
В какой состоит организации? Тхелет Лаван, 1930-1934, потом Тхелет Лаван до 1937.
Когда собирается вступить в Ахшару? Сейчас.
К кому обратиться за дополнительной информацией? К Карелу Счастному.
Какому делу хочет посвятить себя? – Земледелию и садоводству.
Имущий? – Неимущий. Отец безработный.
Имя отца – Леонард Кин, профессия – агент по торговле.
Имя матери – Ольга Кинова.
Адрес родителей: Сейл, 57
Заметки: Отец давно безработный, никто не может помочь ему устроиться на работу.
Дата: 23.5.1939. Подпись: Ф.П.Кин.
Архив Яд Вашем, Израиль

Рене, младшая дочь Марты, уехавшая в Лондон в сентябре 1938 года и знавшая Кина только по переписке, рассказывает: «Петер жил в квартире с моими родителями. – Моя сестра Ильза не была того типа девушкой, около которой выются ухажеры, она была серьезной, вдумчивой, старше него года на четыре. Портреты, им написанные, как нельзя лучше отражают особенности ее натуры. Кину повезло – он попал в высшей степени образованную семью. Литература и искусство пользовались здесь огромной любовью, у нас было множество книг».

Проще представить апофеоз трагедии, нежели повседневную жизнь в ней. Письма Странских в Лондон, где жила тогда младшая сестра Ильзы, проходили цензуру. Тем не менее, отрывки, выстроенные в хронологическом порядке, дают представление о происходящем.

«5. 1.1940. Ильза уже почти готова подать на выезд, это выяснится в ближайшие дни, – пишет Марта Странская. – Тогда у нас станет совсем тихо. Сейчас у нас благодаря Петеру довольно весело, он страшно милый, живой и привязчивый юноша».

«12.1.1940. Сегодня у нас собрались на чай г-жа Шифф, Эрн [Фишер], Петер и Ильза. И хоть крепкий чай я сегодня подать не могу, у нас было весьма уютно. Петер – энтузиаст и всегда приносит с собой доброе настроение, которое очень полезно для Ильзы».

«Сегодня Ильза с Петером ... в D 40, на пьесе Диккенса. ... Ганс [Шнайдер] очень не доволен, что мы выходим по вечерам. По нему, все должны сидеть дома и не высываться. Что мы обычно и делаем. Однако твой друг Цахи оставил в наследство абонемент в филармонию. Вчера у меня был чудесный вечер с Брамсом и Фёрстером¹. Кстати, я теперь переписываюсь с твоими друзьями.

...Спасибо за обещание заботиться об Ильзе. Надеюсь, она сможет как-то там устроиться. Вначале от самого

Марта Странская и ее мать Клара Фройнд, Прага, 1939
ПТ

¹ Йозеф Богуслав Фёрстер, чешский композитор.

ужасного ее будет хранить принадлежность к сионистскому движению; видимо, как и Петеру, ей придется заниматься сельским хозяйством. Однако я сомневаюсь, что в ближайшее время из этих проектов что-нибудь выйдет – нет кораблей для транспорта».

Кораблями для нелегальной перевозки евреев в Палестину ожидают в Братиславе все уехавшие из Праги, и ждать им еще долго – до сентября. Пока что Ильза по утрам ходит учиться делать корсеты, а по вечерам посещает курсы ухода за больными. Кин занят работой у Шваба и подумывает поступить на курсы фотографии.

«19.2.1940. Теперь у нас не бывает никого из той молодежи, которую мы от тебя унаследовали, – пишет Карл Странский дочери в Лондон. – Все – друзья Петера. Но у нас вовсе не скучно, иногда даже чересчур весело. Как жаль, что я не могу послать тебе кое-что из книг и репродукций, их становится все больше. Мне даже пришлось построить новый шкаф. Мы надеемся, что у тебя не такой холод как у нас, наша квартира превратилась в большой холодильник, а мы превратились в мороженое мясо с пузырями ожогов на ногах и руках. И это при замечательной американской печке, глянцево никелированной и роскошной, мы прозвали ее Лоэнгрин».

«10.3.1940. Два дня тому назад Ильзе и Петеру сделали прививку от тифа, у обоих высокая температура, – пишет Марта. – Поскольку у Петера нет никого, кто бы за ним смотрел, он лежал у нас. Они так мило беседовали друг с другом, это был тот еще лазарет».

«21.3.1940. Мы вам уже писали, что Ильза не попадает на следующий транспорт и поэтому Петер тоже не едет; с его стороны это не разумно, но он и слышать об этом не желает, – пишет Марта Странская. – Цахи тоже, между прочим, отказался, мы не знаем, почему. Он преподает, как и Петер, в школе для Халуцим, оба бесплатно. При этом ведь оба бедняки. Петер, к сожалению, в денежных

Петер Кин за работой, Прага, 1939
ПТ

делах совершенно не практичен и слишком благороден для своего положения. Просто не представляю, как в этом браке дело будет обстоять с заработками. Однако теперь для нас всех все выглядит довольно мрачно. Для Ильзы такой умный и тонкий друг значит чрезвычайно много, она ведь была страшно одинока, почти ожесточена. Сейчас ей приходится волей-неволей много работать. Утром она шьет, после обеда – курс по уходу за больными, кроме того, иногда ей приходится дежурить в санатории».

Но даже если бы Ильза попала в списки, это ничего бы не изменило. Известно, что транспорт, отправленный из Праги 30 ноября 1939 года и застрявший на десять месяцев в Братиславе, был последним, и присоединиться к нему не было никакой возможности.

«7.4.1940. Сегодня утром у нас неожиданно появился Цахи, – пишет Марта Странская, – он был так элегантно одет, что я его не узнала. Он был здесь по поводу алии [репатриации в Палестину], которая, однако (как Ильзина и Петера) задерживается. Он не переживает, получил работу учителя в молодежной школе алии. Справлялся о тебе и Кэте. От Георга из Братиславы было вчера очень печальное письмо».

«21.4.1940. Петер усердно пишет пейзажи. Его настроение заметно улучшилось. Иногда он пребывает в полном отчаянии, поскольку не может учиться и потому, что у него нет своего места для работы, он вообще живет в таких неблагоприятных условиях. Жаль, что он не может работать в галереях и музеях, – пишет Марта Странская. – Но и у Кэте дела обстоят не лучше, с той разницей, что у нее есть надежда на будущее. Я не верю, что Ильза и Петер в скором будущем отправятся в Палестину. Вместо этого им придется идти в Ахшару, одна мысль об этом переполняет Ильзу возмущением.

Ильза проходит сейчас испытательный срок в салоне, работает с утра до вечера с получасовым перерывом на

Петер Кин, Прага, 1940
ПТ

обед, но получает приличную зарплату. Она надеется там подучиться и продвинуться по службе. Она и Петер заняты с полвосьмого утра до вечера, и лишь в конце недели могут отдохнуть. У Петера множество друзей, которые почти постоянно торчат у нас. Он пишет много портретов, и, кажется, делает успехи. Ему удастся несколькими чертами передать сходство. Его графика тоже прелестна».

«21.4.1940. ...Петер и Ильза собираются в скором времени в Ахшару, жаль, что Ильзе придется прервать курс шитья...

...Петер пишет портреты всех своих друзей и подруг, безусловно, он делает успехи, хотя иногда он в совершенно невменяемом состоянии и сомневается в своих способностях. Однако это бывает у каждого, особенно у художников».

«13.5.1940. Ильза стонет, потому что должна вставать без четверти восемь. – Она теперь работает в мастерской – делает корсеты, даже днем на обед не приходит домой. Обычно Петер заходит за ней около полудня, и они идут на два часа гулять. Сегодня они (несмотря на дождь) поехали за город. Может быть, через неделю им придется ехать в Ахшару – бедная Ильза, как-то ей будет работать в деревне!»

«Май, 1940. Петер иногда встречается с Тулле и Х., они вместе поют. – Через 8-10 дней они едут в Ахшару. Тогда у нас будет тихо-претихо».

«Дорогой Вольфганг, сегодня 30 июня. – Ильза и Петер провели это воскресенье у нас, насладились заботой и покоем, они много работают оба, но настроение у них уже получше, чем было в течение последних недель, – оторванность от всех и интенсивная деятельность не оставляют им никакого времени на размышления о будущем. Мы очень полюбили Петера и очень ценим его живой дух и его тонкий характер. Он полон любви к Вам, и мы часто думаем о Вас, и разлука, как нам кажется, вовсе не будет

Петер Кин, Прага, 1939
Частная коллекция, Англия

столь долгой. Мы все очень радуемся, что у Вас хорошо идут дела и желаем самого лучшего в будущем».

В июле 1940 года Кин с Ильзой отправляются с Ахшарой на сельхозработы. «В это время, когда никто не хозяин своей судьбы, и никто не знает, куда подует ветер завтра, для меня невыносимо расстаться с Ильзой», – пишет он Хази. «Август, 1940. Милая Рене, – пишет Ильза, – сегодня у нас просто чудесная вторая половина дня – сначала Петер прочитал доклад об истории и задачах кино, очень интересно, а потом мы славно побеседовали. Я сейчас часто встречаюсь с твоими старыми добрыми знакомыми, Лизой Куммерманн¹, Беппо², Жаки³ мы были вместе в лагере Ахшары. Лиза очень славная, особенно мы подружились с ней и Беппо. В Ахшаре я работала с Лизой вместе на кухне, мы готовили на тринадцать человек. Там было очень хорошо. Мы были в бывшем имении Калеров. К сожалению, у Петера начались проблемы с сердцем, пришлось уехать. Очень жаль, жизнь в деревне мне очень понравилась, особенно потому что местность очень красивая. Я даже попробовала доить, и молоко пошло. Но в качестве профессии я бы это не выбрала – уж очень воняет. В поле я не работала. Интересно, намного ли это тяжелее, чем в кухне. Петер, кстати ни на что не жалуется, просто, ему нельзя тяжело работать. Он такой яркий и интересный человек. Благодаря ему я узнала много нового, познакомилась с милейшими людьми, великолепными книгами».

1 Лиза Куммерманн (Гидрон-Вурцель), родилась 4.12.1920, депортирована в Терезин 8.8.1942, в Освенцим – 1.10.1944, осв. в Кудове. Живет в Израиле.
2 По словам Лизы, настоящее имя Беппо – Курт Штойер. Он был депортирован в Терезин 8.8.1942, дальнейшая судьба неизвестна.
3 Жаки – Якоб Вурцель. Родился 25.12.1919 в Брно. Лидер сионистской организации «Тхелет Лаван», заведующий и учитель школы «Молодежная алия» в Моравской Остраве; секретарь «Хехалуца» в Праге. Депортирован в Терезин из Брно 29.3.1942. Работал в молодежном отделе, преподавал иврит. Депортирован в Освенцим 28.9.1944. Освобожден в Аугсбурге. Вернулся после войны в Прагу, женился на Лизе Куммерман, умер 18.3.1946 в Праге.

Ф.П. Кин
Ильза Странская, 1939
ПТ

«Август, 1940. Петер прочитал сегодня доклад об искусстве и его истории шести хорошеньким девушкам, – пишет Марта Странская вскоре после возвращения. – Ильза, конечно же, была при этом. ... Цахи¹ работает вместо Петера, пишет, что ему приходится таскать тяжелые мешки, что его изматывает. Для его волос это очень плохо, их теперь можно просто пересчитать».

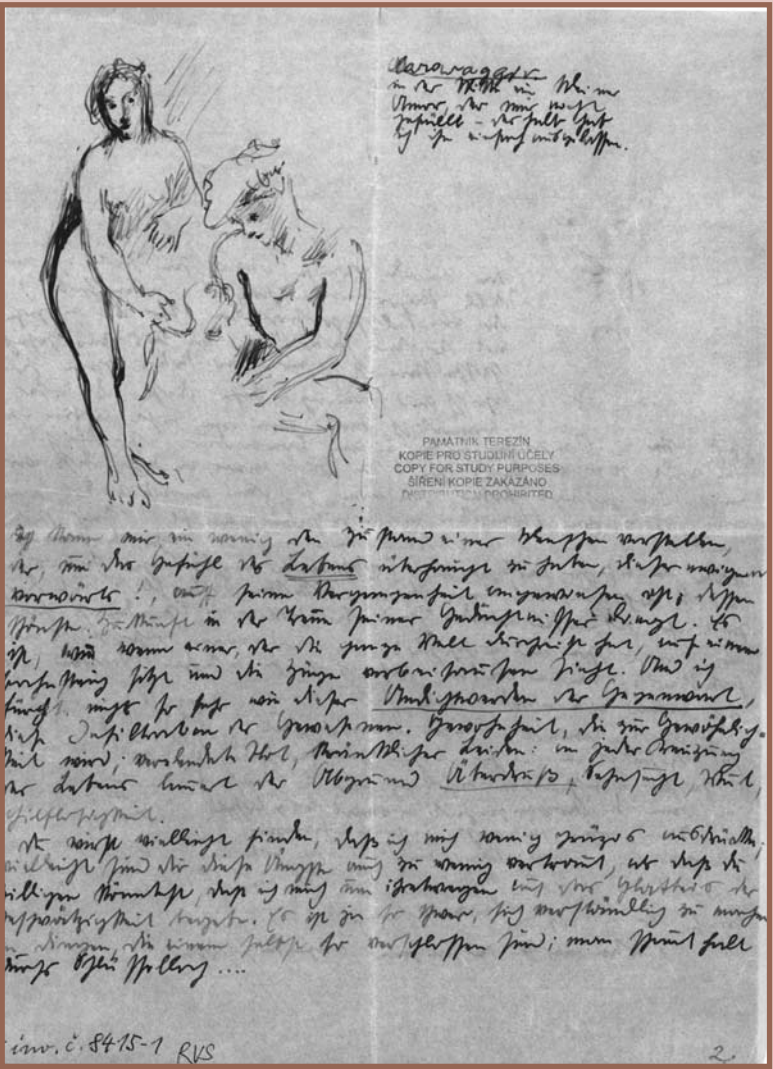
Я не верю, что Петер и Ильза в обозримом будущем смогут уехать к Роберту², это, скорее всего, будет невозможно, – пишет Марта в конце августа. – Ильзе все равно, потому что у нее есть сейчас Петер, которого она очень любит. Он очень живой. Все его ученики часто приходят его навещать...»

В сентябре 1940 года «транспорт» с евреями, наконец, отплыл от берегов Братиславы. На этом корабле Ильза с Кином мечтали пожениться. Пришлось регистрироваться на суше, что и произошло 1 октября 1940 года.

«Мы поставили среднеевропейский рекорд по скоростному венчанию, 26 часов с момента принятия решения до его претворения (С 11 часов утра в понедельник до часа дня во вторник), – пишет Ильза сестре в Лондон тотчас после свадьбы. – При этом жених чуть не оставил меня на бобах – он едва успел вернуться домой к обеду. Пытаемся получить студенческие сертификаты [для выезда в Палестину], но с оплатой дело обстоит не просто».

А вот как описывает это событие Марта Странская в письме к младшей дочери:

1 Цахи отправился работать вместо Петера, которому по состоянию здоровья пришлось покинуть лагерь.
2 Фройнд Роберт, брат Марты Странской, родился в 1886 году в Пльзне. Химик по образованию и издатель по призванию, он был близким другом художников Оскара Кокошки и Макса Оппенгеймера. Совладелец крупного мюнхенского издательства «Пипер» с 1926, он, после «каризации» издательства в 1937 переехал в Вену, где основал новое издательство «Бастей». Ему удалось эмигрировать в США. В 1941 в Нью-Йорке он основал издательство «Твин Эдишнз». Работал в области репродукции и цветной печати. Умер в Нью-Йорке в 1952.

Страница из письма Ильзе Странской
ПТ

1 1.10.1940.

2 Терезия Гуттенштейнова родилась 14.2.1883, депортирована из Праги в Терезин 24.4.1942, в Освенцим 12.10.1944.

«4.10.1940. ...Однако сядь покрепче, потому что я хочу тебе сообщить огромную новость. Итак, Петер и Ильза неделю провели в деревне, где навестили родителей Петера и хорошо отдохнули. В воскресенье вечером они вернулись домой и нашли официальное письмо, из которого следовало, что их могут разлучить. Тогда мы серьезно взвесили, не следует ли им пожениться немедленно, поскольку в принципе они уже об этом договорились. Весь понедельник они бегали с утра до вечера по конторам, во вторник ¹ начинался курс Петера (у него 21 ученик) и когда он вернулся домой на обед без четверти час, Ильза закричала: «Не раздеваться, мы женимся в час». Я помчалась с обоими в мэрию, свидетелей Ильза вызвала по телефону, только папу, который навещал Ризу ², мы предупредить не успели, и как он ни спешил, пришел с опозданием. За 15 минут Ильза стала Ильзой Кин, а у нас появился милый сын, – мы очень любим Петера, да и ты наверняка его полюбишь. Он не только очень одарен и умен, но и отличается большой художественной чуткостью, он очень хороший, порядочный человек, очень теплый и нежный. Благодаря ему Ильза стала намного мягче. Мы очень надеемся, что ему будет сопутствовать удача, потому что назвать его практичным никак нельзя. После свадьбы Петер едва успел съесть тарелку супа и должен был тут же бежать назад на работу».

«6.10.1940. Передай привет не знакомой мне Кэте, – пишет Ильза сестре. – Я знакомлюсь сейчас со многими ее друзьями, особенно мне нравятся Эвжен и Вера. Вера будет танцевать на премьере, она сейчас много лепит. – Ты составила себе о Петере неверное представление на основании его писем. Мне его письма кажутся весьма экзальтированными, на самом деле он совсем не такой. Во

Петер и Ильза, Прага, 1940
Частная коллекция, Англия

всяком случае, скучать с ним я не буду. Он сейчас страшно горд: была выставка Официны, и только его плакат был напечатан в газете – но без его имени».

«23.10.1940. Карл и Петер объединились в своей любви к книгам и картинам и защищают каждую книгу с храбростью льва, – пишет Марта. – У нас повсюду лежат груды книг и альбомов. Тебя отсюда было бы не вытащить. Нам только страшно не хватает музыки».

«15.11.1940. Петер – очень добрый и нежный зять, просто уникам. Он умудряется даже свою тещу сажать к себе на колени. Здесь сейчас многие женятся».

«Декабрь, 1940. Квартира выглядит как рабочий цех. – Карл дает уроки, Петер пишет картины или рисует, мы с Ильзой шьем. Петер усердно трудится. Сегодня, например, он ушел в полвосьмого утра, а вернулся в пол-одиннадцатого вечера, поскольку ему дали большой заказ из общины. Его ученики помогают, они его очень любят.

Ты, наверное, писала Петеру и Ильзе, но ничего не пришло. Они так счастливы вместе, потому все переносят легче, да и мы тоже. Петер такой привлекательный, живой и радостный человек, мы никогда не скучаем дома, разве что вечера слишком коротки. Как хорошо ты вписалась бы в наш круг! К нам приходит много друзей, молодые и старые, на чашку чая. Большого, увы, предложить не могу. Но нам хорошо, ты не должна беспокоиться, у нас всегда достаточно еды.

Петер написал за последнее время несколько прелестных натюрмортов. Сейчас, однако, ему приходится руководить еще одним курсом, после обеда, так что у бедняги совсем нет времени работать для себя. У него 44 ученика. От Вольфганга пришло замечательное письмо, он доволен, работает, однако работа не совсем та, какую бы желал. Но он пробьется, он так счастлив, что ему удалось убежать из Европы. Я очень беспокоюсь за Георга. Дадут ли ему

Петер и Ильза, Прага, 1941
ПТ

остаться в Эрец, или отправят, судя по здешним слухам, в другую колонию»¹.

С января 1941 года Кин вел два курса в день, утренний и вечерний. Помимо практических занятий, в программу входили теория композиции, история искусства и прикладной графики, учение о красках, материалах и стилях, а также применение разных шрифтов в оформлении рекламы. Среди его 44 учеников были люди разного возраста и профессий.

«Мы больше не имели права ходить в школу, – рассказывает Хана Андерова. – И поэтому еврейская община организовала для нас различные курсы, в том числе рисования, живописи и графики. И, поскольку я с малолетства черкала бумагу, родители меня туда устроили. Вел занятия Петр Кин. Занимались мы в пражской Виноградской синагоге, на нашем курсе было человек двадцать.

Я была очень стеснительной, всегда забивалась в угол, боялась быть на виду. Петр это заметил и помог мне освоиться... Очень скоро мы стали как одна семья. К тому же оказалось, что мы с Петром – дальние родственники, с того момента, как мы это обнаружили, Петр стал называть меня «племяншкой», а я его – «дядей». Всем курсом мы ходили в мастерскую к приятелю Петра рисовать обнаженную натуру, позировали Петру для портретов. Это был гениальный человек, в свои двадцать лет он успел прожить целую жизнь, жениться, стать большим художником, поэтом, – стихи писал по-немецки, говорил по-чешски... Вокруг него всегда были люди.

Мы рисовали модель, а жена Петра Ильза читала нам вслух стихи, иногда мы слушали прекрасную музыку, а в перерывах рассматривали книги по искусству. Помню, на меня огромное впечатление произвели рисунки Домье, и Петр, заметив это, разрешил мне взять книгу домой. Это была

¹ В действительности, 26-го декабря 1940 года корабль с евреями, которым не позволили остаться в Эрец Израэль, прибыл на остров Маврикий.

Маргот Фишлова и Йозеф Шпигель на курсах в Виноградской синагоге, 1940–1941
ПТ

Петер Кин (справа) с учениками на курсах в Виноградской синагоге, 1940–1941; (справа налево) Вера Вальдштейнова, Маргот Фишлова, Хана Герцигова, Хана Фишера, Хана Стендлерова (Андерова), Йозеф Шпигль, Грета Херманова, Герт Вейнбергер, Ян Бурка, Бедржих Кляйн ПТ

какая-то невероятная атмосфера, в ней рождались удивительные мысли и чувства, ничего подобного я в жизни не испытывала, ни до, ни после. Райский остров в эпицентре землетрясения. Остановленное время».

«5.5.1941. Петер делает огромные успехи, – пишет Марта, – хотя у него нет учителя, но работает он неустанно. Ильза и Петер мечтают выбраться в США, но на это теперь, видимо, надежды мало.

Рената передаст тебе карточки Ильзы и Петера, для того чтобы ты могла познакомиться со своячеником. Вы друг другу наверняка понравитесь и не дадите друг другу слова вымолвить. Мы теперь часто вместе поем, особенно при мойке посуды».

«6.6.1941. Я рада, что ты получила известие от Георга, – пишет Марта, – потому что мы не могли ничего о нем узнать, сколько ни запрашивали Цахи. Значит, вместо Рахели, он оказался у дяди Мориса?»¹ ... Цахи недавно написал довольно тоскливое письмо. Работа, вроде, у него есть и даже зарабатывает, но квартира переполнена, и он никогда не остается один. Такое сейчас происходит со всеми...

Ильза и Петер, два влюбленных зайчика, живут душа в душу. ... Картины Петера стали в последнее время более легкими, он пишет более свободно. Он много работает и много читает. Папа только что закончил «Я, Клавдий» Грэйвса, ему очень понравилось, теперь книга у меня. Пьесы Мозма доставили нам много приятных часов. Самое чудесное, когда можно забыться, забыть время и все нынешние заботы».

«3.8.1941. О Петере я не беспокоюсь, – пишет Карл Странский, – он колоссально одарен и очень трогателен, практичность придет со временем, он и в этом уже делает успехи и вскоре выйдет из младенческого возраста. Наша квартира выглядит как картинная галерея, конечно,

¹ Т.е., вместо Эрец Израэль на Маврикии.

Грета Херманнова, Хана Фишера, Петер Кин и Ян Бурка на курсах в Виноградской синагоге, 1940–1941
ПТ

Хана Стендлерова (Андерова), Петер Кин и Грета Херманова на курсах в Виноградской синагоге, 1940–1941
ПТ

множество Ильз, но и пейзажи, а также масса прикладной графики. Его многочисленные друзья и приятельницы вносят в дом молодость и веселье – в наши времена это бесценно. В нашем кругу никто не вешает носа, и когда, как сегодня, небо затянуто тучами, я даже не переживаю, что не могу выйти на улицу и что жаркое лето, которым мы здесь не можем насладиться, скоро пройдет.

В октябре 1941 года началась депортация пражских евреев в Лодзь. Эту страшную новость Хана Андерова узнала от своего учителя Кина.

«Я сидела в темной комнате при свете ретушерской лампы, и вдруг дверь распахнулась и вбежал Петр. Одного этого было достаточно, чтобы понять – он чем-то невероятно взволнован. В испуге я оторвала взгляд от работы. «Что случилось?» – «Манди в транспорте». Я уставилась на него – ничего не понимаю: «В транспорте? Что это значит?»

Петр поглядел на меня внимательно – где я, на каком свете? – и сбивчиво, нервно стал объяснять: «Транспорты – результат регистрации всех пражских евреев, той самой регистрации, которая началась несколько недель тому назад. Это значит, что по спискам будут призваны тысячи евреев, списки составлены в Стешовицком гестапо, и все, похоже, будут эвакуированы в печально известные польские гетто. А это значит – надо оставить дома все свое имущество и через два дня, с пятьюдесятью килограммами багажа, явиться на сборный пункт, откуда всех переправят на поезд и – вперед». Я молчала, пытаюсь понять вникнуть в смысл его слов».¹

«С сентября 1941 года мы уже не имели права появляться на улице без звезды, но я упрямо отказывалась ее носить, – рассказывает Хана Андерова. – Отец умирал от страха, когда я уходила в фотоателье. Понимая, что наше-

1 Хана Андерова (Стейндлерова), Голубая тетрадь (1942-1945).

му кружку приходит конец, Петр перепоручил меня своему другу Миро Бернату, знаменитому пражскому фотографу, впоследствии режиссеру фильма о терезинских детях «Бабочки здесь не живут»)¹.

«На курсах была атмосфера дружеского сотрудничества, – вспоминает художник Ян Бурка. – Мы стали одной большой семьей. Петр подсказывал мне, какие выставки посмотреть и какие книги прочесть. Я ходил в читальню копировать мастеров (Дюрера, Леонардо, Жерико и других), брал альбомы, что было сопряжено с опасностью, потому что звезду нужно было прятать или оставлять дома. Петр посоветовал мне учиться не только графике, но и живописи у его друга Эвжена Невана. И я ходил к Невану аж до самой депортации.

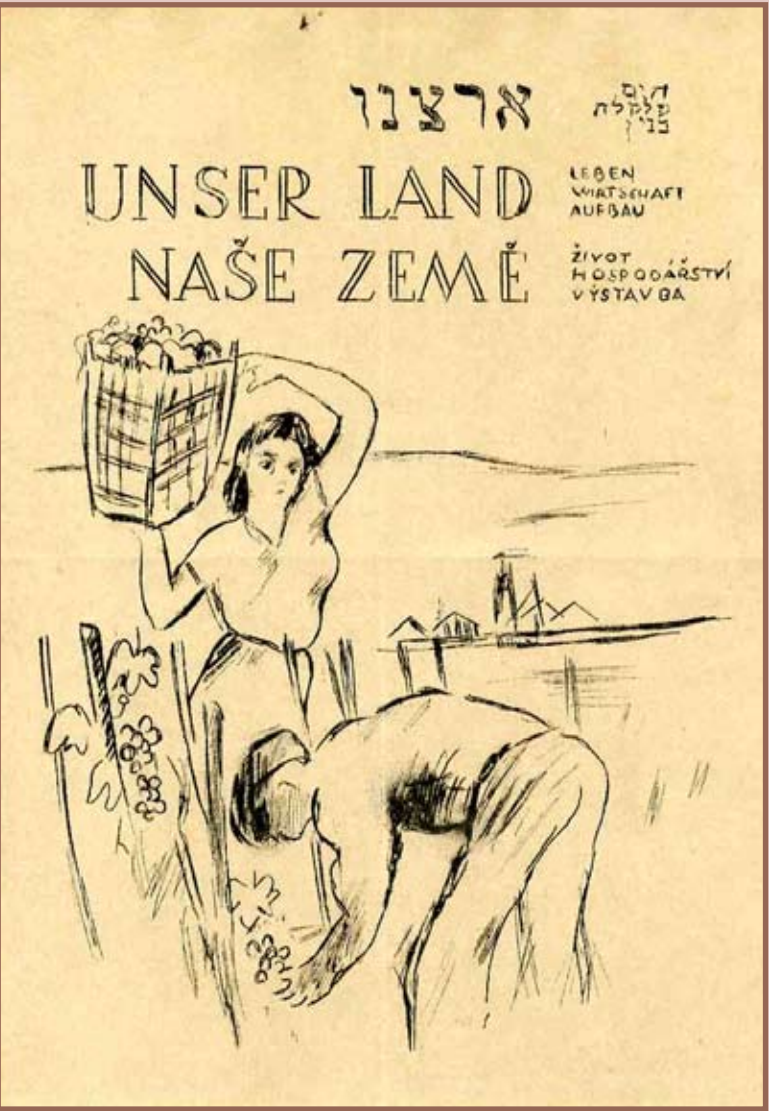
В одной из наших бесед Петр сказал мне: «Раз у тебя есть способности к прикладному искусству, доведи это дело до блеска, чтобы в будущем было на что жить. Мало кто из художников может прожить на свои произведения.

Петр был неисчерпаемым источником творчества, в его альбомах для набросков можно найти все – пейзаж с видом на Градчаны, Ильзу за швейной машинкой, лица студентов, философские размышления, эскиз плаката, письмо кученикам, эскизы детских игрушек, мосты, парки, жанровые сцены, или пса, спящего перед дверью. Жаль, что курсы продолжались всего 10 месяцев. Кин с грустью объявил, что курсам пришел конец, и для поддержки нашей веры в будущее раздал каждому свидетельство. «Господин Х У 10 месяцев посещал курсы прикладной графики...»²

В Праге Кин сочинял мало, сохранились лишь несколько стихотворений и сценарий, видимо, написанный на сценарных курсах. В Терезине он вернется к литературе;

1 Из интервью с Х.Андеровой, 2002.

2 Воспоминания Яна Бурки. Б. Штегликова.

Ф.П. Кин
Наша страна, 1940–1941
ПТ

непрекращающийся диалог с самим собой и системой закрытого общества откроет в нем талант драматурга. Все любили Петера и верили в его звезду. Родители трепетно хранили все его произведения, полуслепой отец собственноручно переписывал его детские пьесы и стихи. Теперь его таланту предстояло выдержать последнее испытание – неволей.

Ранним утром 4 декабря 1941 года Кин с вещами прибывает на сборный пункт, расположенный в помещении Велетржинского дворца. Актер Фишер, которого Кин позднее изобразит в роли Чубкина во время репетиции «Женитьбы» Гоголя, тоже был в этом транспорте. «В Терезин мы ехали как люди в нормальном поезде, – вспоминает он. – Потом все было ужасно. В Терезине нас всех запихали в какой-то склад с бетонным полом, и мы положили на него наши матрацы, уборные были на нижнем этаже, умывальня не работала, везде грязь, умыться невозможно, обходились чем могли. Это мучение, которое мы испытали в эти три дня, казалось нам невыносимым, смешно, мы не знали, что нас ждет дальше».

«5.12.1941. Насколько печальна разлука, мы теперь видим по Ильзе, поскольку Петер в понедельник уехал, – пишет Марта Странская. – Мы все по нему скучаем. Ильза надеется вскоре последовать за ним. [...] Жаль, что наш Петер теперь долго не сможет рисовать – в последнее время он сделал такие успехи, рисовал такие чудесные вещи, особенно портреты. Он единственный из нас, кто занимался созидательной работой. Мы, остальные, просто катимся по жизни, без цели и смысла». В одном Марта Странская ошиблась: рисовать Кин начал сразу же по прибытию в Терезин. С первого до последнего дня в Терезине он работал в графической мастерской при Техническом отделе, который возглавлял инженер Цукер,

Лео Хаас
«Господину инженеру Грюнбергеру от Лео Хааса, Терезиенштадт, 1943»
Графическая мастерская
За столом слева: 1.Неизвестный, 2.Л.Водак, 3. О.Унгар, 4. Х.Цадикова, 5. М.Вельс, 6. Л.Хельбрюн, 7. Х.Вольфенштейн, 8-9 – неизвестные, 10. Ф.П.Кин.
Справа: 1. Неизвестная, 2. Ф.Блох?, 3. А. Аузенберг. 4. Б. Фритта, ПТ

правая рука главы Совета Старейшин Якоба Эдельштейна. Чтобы представить себе, куда попал Кин 5-го декабря 1941 года, прочтем указ администрации гетто, датированный тем же числом.
«5.12.1941. По приказу начальства в Терезин вчера прибыли Якоб Эдельштейн и инженер Отто Цукер, чтобы принять на себя руководство здешней еврейской общиной. В течение последующих дней они разработают план организации (лагеря) и представят его на утверждение вышестоящего руководства. Отбор работников будет по деловым признакам.
Руководство не может давать жителям никаких обещаний заранее. Лишь честное исполнение распоряжений. Работа, предлагаемая новым руководством, чрезвычайно трудна; спокойствие и выдержка, соблюдение порядка и чистоты, доверие начальству и активнейшее сотрудничество с ним, – необходимые условия для обеспечения дисциплины, работы и существования жителей. Руководство приложит все усилия, чтобы удовлетворялись основные потребности и желания жителей. Одновременно новое руководство будет строго обходиться с теми, кто выступает против руководства и дисциплины. Руководство будет советоваться с жителями, как устроить все наилучшим образом.
Работа бюро будет организована таким образом, что жители смогут высказывать свои претензии и пожелания устно или письменно. Указания руководства должны неукоснительно соблюдаться. Руководство обращается к жителям с настоятельным призывом помочь ему в выполнении трудных задач.
Отсылка писем и любых письменных сообщений из лагеря строго запрещена». Заручившись поддержкой начальства, Цукер предоставил художникам «свободу» пользования художественными материалами и совместное проживание с семьями в Магдебургских казармах – административном центре

Лео Хаас
Графическая мастерская при Техническом отделе, Терезин, 11.2.1943
ПТ

гетто. Немаловажно и другое – члены строительных бригад АК1 и АК2 в то время были защищены от депортации на восток.

Бедржих Кляйн, ученик Кина, попал в Терезин в январе 1942 года. «Петр тотчас вытянул меня из процессии депортированных и устроил на работу в графическую мастерскую технического отдела. В ней было 36 художников. В потайном табеле о рангах, который составили Фритта с Кином, первым номером стоял Фритта, вторым Кин, я был седьмым. Чем больше порядковый номер, тем выше шанс на депортацию. Так Петр сохранил мне жизнь, понимая, что способностями я не блещу.

Искусство, которое создавалось в техотделе, можно поделить на три категории: официальное, подпольное и пропагандистское, связанное с «акцией приукрашивания». Фритта и Кин рисовали на жуткие темы, Фритта был покруче Кина. Официальным искусством были ежемесячные отчеты для коменданта лагеря, мы все их видели. Художники в своих рисунках пытались запечатлеть жуть происходящего, они лелеяли пустые мечты о том, что раскроют нацистам глаза, и те улучшат положение. Иллюзии! Все принимали участие в «акции приукрашивания», иначе было не выжить»¹.

Мастерская выполняла заказы отделов статистики и строительства. Кин, в основном, был занят иллюстрированием таблиц и недельных, месячных и годовых отчетов лагерной администрации, для чего ему приходилось делать множество набросков с натуры.

В этих целенаправленных прогулках по гетто его постоянно сопровождала Хельга Вольфенштейн: «Мы тотчас подружись с Петером. Он был светлой и радостной личностью, с прекрасным, но несколько странным, чувством юмора; он прочел множество произведений мировой литературы (в

Ф.П. Кин
Дружеский шарж на Хельгу Вольфенштейн (рисунок из серии «Человек и его грезы»), Терезин, 1943–1944
ПТ

¹ Из воспоминаний Б.Кляйна, публ. Б.Штегликовой, см. раздел «Библиография» в конце книги.

немецких переводах) и помнил наизусть длинные пассажи. ... Мы были вместе 8 часов в чертежной мастерской, а затем еще час или два сидели друг подле друга, рисовали или писали маслом. Петер меня учил, он давал мне книги для чтения. Я его обожала...

Пришел день, когда из Праги прибыла его жена Ильза. Петер был очень взволнован и без конца говорил о ней. Очень скоро после ее прибытия Петер впервые поцеловал меня... Родители Петера, Странские, Ильза и Петер все жили в маленькой комнатке в «правительственной» Магдебургской казарме – отнюдь не идеальная ситуация для молодой пары. Однако Петер пытался устраивать с Ильзой свидания в комнатах друзей, где он позднее рисовал меня обнаженной».

Личная драма, случившаяся на фоне трагедии Терезина, с его транспортами, виселицами, голодом, теснотой, очередями за едой, – уносит Кина далеко за пределы гетто. Неслучайно первой пьесой, написанной им в Терезине, стала «Медея». За чтение античных авторов Кин, по его же свидетельству, принялся лишь в феврале 1941 года. «Историческое получает для меня все большее значение. Становлюсь старше», – писал он Рене Странской. Кин-драматург ставит во главу угла Ясона, блистательного победителя многих сражений, который рвется в новый бой, но супруга Медея не отпускает его от себя.

*«Что заставляет коня бежать вперед, – задается вопросом Ясон, выслушав упрёки Медеи. – Почет, богатство, жратва, шпоры наездника, что ведет юношей и стариков на поле битвы, если они могут там все потерять и ничего не получить? Что заставляет изобретателя просиживать ночи напролет с открытыми глазами? Что посылает первооткрывателей за смертью в чужие страны? Почет, слава, богатство? Какой ничтожный словарь! Можешь ты остановить ветер тем, что назовешь его по имени?»*¹

¹ Текст пьесы см. Часть 3.

Ф.П. Кин
Ильза Кин, 1942–1944
ПТ

Сотворяя мир, Господь всему давал имена, но место, где теперь находился Кин, было созданием Дьявола, который заменил имена на номера, да и вообще лишил человеческое существование всякого смысла. «Более изощренных адских пыток, чем полусвобода этих несчастных, нельзя себе представить».

«Как и прежде я рисую в техническом отделе, – пишет он родителям в сентябре 1942 года. – Работа интересная, я многому учусь. Папочка бы удивился всему тому, что умеет теперь его Францпетер».

Его рисунки отличаются от сурово-фантазмагорических рисунков его коллег и друзей – Фритты¹, Блоха², Унгара³,

Гетто Терезиенштадт, отчет о деятельности, 1 апреля – 30 апреля, 1942 для представления в лагерную комендатуру
Государственный архив Праги

- ¹ Бедржих Фритта (Фриц Тауссиг) родился 19.9.1906 в Вишнове у Анны и Йозефа Тауссига, начальника станции Вишнов близ города Фридланта. В 1928 переехал в Прагу. В начале 30-х жил в Париже. В 1934 графика Фритты экспонировалась на международной выставке карикатур в Праге. Фритта сотрудничал в сатирическом журнале «Симпликус», а с осени 1934 по лето 1935 был главным редактором сатирического журнала «Дер Симпл». В 1936 Фритта женился на Ханси (Эдите Фантловой). В 1936-1937 супруги жили в Париже и путешествовали по Рутении, где Фритта рисовал деревни и еврейские местечки. 22.1.1941 у них родился сын Томаш (Томми). 4.12. 1941 Фритта прибыл в Терезин. Ханси с Томашем последовали за ним 2.7.1942. В лагере он возглавил графическую мастерскую при техническом отделе. 17.7.1944 Фритта был арестован по «делу художников» и помещен в Малую крепость, а 26.10.1944 депортирован в Освенцим, где погиб 8.11.1944. Ханси умерла в Малой крепости в феврале 1945. Уход за Томми взяла на себя Эрна, жена художника Лео Хааса. Томми и Эрна были освобождены в Малой крепости в мае 1945 года.
- ² Фердинанд Блох родился 15.8.1898 в Вене. В справке из городского архива значится коммерсантом. С женой Антониной они жили какое-то время в Италии, а в 1938 эмигрировали в Прагу. Блох работал графиком в пражской еврейской общине и преподавал на дизайнерских курсах. 30.7.1942 Блох с женой прибыли в Терезин. Блох работал в графической мастерской. 17.7.1944 арестован по «делу о художниках». В тот же день Антонина умерла в тюрьме Малой крепости. Блоха убили там же 31.10.1944.
- ³ Отто Унгар родился в Брно 27.11.1901. С 1924 по 1926 учился живописи у проф. Тилле в пражской Академии художеств. Получив диплом, он в 1927 вернулся в Брно, где преподавал рисунок и начертательную геометрию в еврейской гимназии. С женой и дочерью депортирован в Терезин 28.1.1942, где работал в графической мастерской. 17.7.1944 арестован по «делу художников». Прошел все лагеря и умер 25.7.1945 в госпитале Бланкенгейм близ Веймара. Его жена и дочь пережили Освенцим.

Фляйшмана¹, – в них много воздуха, света и улыбки. Разумеется, он рисовал так без всякого намерения «приукрасить действительность».

«Многие терезинские художники изображали горе. Петер Кин был влюблен во все светлое, легкое и воздушное. В трагедии смерти ему виделся отсвет негасимого сияния»².

Разве что люди, которых он рисовал и писал с натуры, выглядят растерянными, уставшими, состарившимися.

«Вчера 25-летний чешский художник Петр Кин (очень талантливый) нарисовал мой портрет. Рисунок вышел очень удачный, я впервые увидела, что выгляжу, как моя собственная бабушка!»³

В Терезине Кин подружился с известным голландским графиком Йо Спиром⁴. «Удивительно, мы говорили о

- ¹ Карел Фляйшман родился 22.2.1897 в городе Клатовы, Богемия. Врач, писатель, художник. Окончил гимназию в Чешских Будеевицах, затем медицинский факультет в Праге. В 1925 вернулся в Чешские Будеевицы, где открыл свою клинику кожных болезней. Член авангардного течения «Линия», входил в редколлегию альманаха «Линия», где печатал свои рассказы, эссе и графику. Автор ряда романов, в частности: «Возвращение» (1933), «Палец на карте» (1936), «Люди в приемной врача» (1937). Депортирован в Терезин из Чешских Будеевиц 18.3.1942. Работал заместителем заведующего, а затем заведующим отделом социальной помощи. Депортирован в Освенцим 23.10.1944. Фляйшман оставил после себя обширное литературно-художественное наследие. Единственная посмертная выставка его произведений прошла в Праге в 1984.
- ² Хельга Вольфенштейн-Кинг. Цит. по Ю.Зерке, «История любви и муз» (Liebes und Musengeschichten). Else Lasker-Schueler-Gesellschaft, Wuppertal. с. 24 – 27.
- ³ Из дневника художницы Э.Аргутинской, 1 мая 1943 года.
- ⁴ Йозеф (Йо, Джо) Эдуард Адольф Спир родился 26.6.1900 в Цутфене, Голландия. Известный голландский иллюстратор и карикатурист. Рисовал для газеты «Де Телеграаф». В 1930 Йо Спир с Дж. Фейтом выпустили в свет рекламное издание про историю какао – «Что Колумб привез с собой» – для процветающей шоколадной фабрики. В 1938 Спир вошел в десятку самых популярных голландцев. Во время оккупации он был арестован за карикатуру на Гитлера, после чего был интернирован с женой и тремя детьми на вилле Бучина в Детинхеме, откуда вся семья была депортирована в транзитный лагерь Вестерборк, а 22.4.1943 – в Терезин. Спир, коллега и друг Кина, был задействован лагерным начальством в проектах «Приукрашивания» и на съемках нацистского пропагандистского фильма. После войны Спир с семьей вернулся в Голландию. До отъезда в Америку (1951) работал в издательстве «Эльзевир», где вышли его книги «Это не наша, а их вина – записки об аннексии» (1945/1999), воспоминания о Терезине «Все, что увидели мои глаза» (1978) и др. Умер в Америке 21.5.1978.

Ф.П. Кин
Портрет Йо Спира, 1943–1944
Частная коллекция, Нью Джерси

Петере Кине несколько дней тому назад, стоя перед великолепным портретом нашего отца, который Кин написал в 1944 году. Кто бы мог вообразить, что эта картина когда-нибудь будет висеть в Нью Мехико... Мой отец был близким другом Петера Кина, они работали вместе в комнате со многими художниками, на первом этаже блока Q 209, в невыносимой тесноте. Они часто встречались и после работы, ходили в гости друг к другу»¹.

Главный хирург Терезина Эрих Шпрингер рассказывает: «Когда мы с женой получили комнату в Верхлабском госпитале, у нас появилась возможность часто встречаться с Кином, и тогда я увидел, что Петра интересует все, и все, что он видит, он рисует. Он часто присутствовал на операциях, но я не знаю, сохранились ли рисунки, которые он там сделал. Он рисовал и вне помещений, в госпитальном дворе, и отдельно стоящие блоки операционной»².

«Я сопровождала Петера повсюду, где он делал зарисовки, – вспоминает Хельга Вольфенштейн. – Мы рисовали и в театре, и во время разных культурных мероприятий, разрешенных немцами, на репетициях спектакля «Ты этого хотел, Джордж Данден» Мольера и «Женитьбы Фигаро». ... Я повстречала много талантливых музыкантов, друзей Петера, среди них Гидеона Кляйна, одного из самых молодых и самых почитаемых музыкантов в Терезине».

А еще Кина сопровождали любимые поэты и художники. Поэтов он цитировал, художников копировал. Когда смотришь на его терезинские копии Гольбейна, Гойи, Эль-Греко, Веласкеса, Домье, Коро, Пикассо, Ван-Гога,

Ф.П. Кин
Д-р Шпрингер, 1944
ПТ

Эрих Шпрингер родился 12.9.1908 в Марианских Лазнях. Депортирован из Праги в Терезин 4.12.1941. Главный хирург гетто. Освобожден в Терезине. Умер в Румбурге в 1993.

Ф.П. Кин
Кафе, лето 1944
ПТ

¹ Из письма П.Спира Е.Макаровой, 2007. Петер Спир, старший сын Йо Спира, родился в Амстердаме 6.6.1927. В 1951 вместе с семьей эмигрировал в Америку, где стал знаменитым писателем и иллюстратором. Автор более тридцати детских книг, он удостоен множества престижных американских премий.

² Из воспоминаний Эриха Шпрингера, главного хирурга Терезина.

Руссо и Ренуара, – понимаешь, насколько глубоко он проник в их мир.

Кин не отказывался от заданий, возлагаемых на него администрацией, он не изображал из себя героя. Но то ли по наивности, то ли по умыслу, удовлетворить эсэсовских заказчиков не мог. Его сценарий для первого нацистского пропагандистского фильма (1942) был забракован: описанные им сцены были слишком похожи на правду.

«Шлойска.¹ В тесноте и духоте сидят служащие за жеструганными столами, народ все прибывает, становится еще тесней, люди наталкиваются друг на друга. Неопиcуемый шум, путаница, неразбериха. Перегородка прогибается под давлением толпы, в неистовой поспешности пишутся бумаги, загромаждая все вокруг.

Заключительный кадр (монтаж): невыносимый темп, опустошенные работой люди, падающие с ног старики. Уставшие рабочие, вернувшись домой, должны идти на новую, срочную работу, они медленно проходят через ворота и уходят тяжелыми шагами».

При создании терезинского банка Кину поручили сделать эскиз терезинской гетто-кроны. Кин согласился. Пражский гравер Индра Шмидт превратил библейского Моисея в жителя гетто.

Когда в июле 1944 года его ближайших друзей и соратников по графическому отделу, арестуют за «пропаганду ужасов», Кин каким-то образом сможет остаться в стороне. «Мы жили все вместе в большом помещении, разделенном перегородками, – рассказывает вдова художника Унгара. – Половина принадлежала Фритте с семьей, половина – нам. В прихожей жил Кин с семьей (жена и родители с обеих сторон). Однажды в комендатуру были вызваны все художники. Они туда пришли, помещение

¹ Шлойска – помещение-«отстойник», контрольно-пропускной пункт лагеря для прибывающих и убывающих з/к.

было пустым, никого. На столе лежали их рисунки (Унгар, Фритта, Хаас¹, Кин)... Пришел эсэсовец, спросил, чьи это работы, кто их нарисовал. Каждый признал свои вещи. ... Как Кину удалось спастись, не знаю». По воспоминаниям Хельги Кин не одобрял действия своих друзей, подвергавших опасности жизнь близких. Он делал все возможное и невозможное, чтобы спасти тех, кого любил. Будучи на коротке с еврейской администрацией, он наверняка знал, что ждет депортированных на восток. «Я уверена, что Петер все знал, но не говорил. ... Он потратил целую ночь, пытаясь вызволить меня из транспорта, и утром, когда он, в конце концов, этого добился, он ... упал в обморок». (Х. Вольфенштейн-Кинг).

Но не чувство самосохранения, ни благие намерения не властны над поэтом, и каждое из произведений, выходящих из-под его пера, могло привести его на плаху.

Летом 1942 года Петер Кин пишет пьесу «Марионетки». Текст ее, к сожалению, не сохранился. По воспоминаниям Мирко Тумы, в пьесе говорилось о принцессе и двух ее любовниках; первая часть пьесы была рифмованной и романтической, а вторая прозаической – в ней трое измученных людей мечтают о приходе революции, реальной и духовной. Историки считают, что поводом к написанию пьесы послужило убийство «гаулейтера»

¹ Хаас Лео (Леопольд) родился 15.4.1901 в Опаве (горная Силезия). Учился в Академии художеств в Карлсруэ, затем, с 1921, у Эмиля Орлика в Берлине. Лео много путешествовал по Европе, до прихода нацистов жил и работал в Опаве. В 1938 переехал с женой в Оставу. 17.10.1939 в составе рабочей бригады был отправлен на строительство концлагеря в Ниско близ города Люблина. 13.2.1940 лагерь был распущен, Хаас вернулся в Оставу. В сентябре 1942 он был арестован гестапо, а 1.10.1942 депортирован в Терезин вместе со своей второй женой Эрной Давидович. Поначалу работал на строительстве железной дороги, затем в графической мастерской. Арестован 17.7.1944 по «делу художников» и помещен в Малую крепость, откуда отправлен в Освенцим как политзаключенный. Освобожден в Эбензее 6.5.1945. Его жена дождалась освобождения в Малой крепости, умерла в 1955. Хаас жил в Восточном Берлине, работал художником в сатирическом журнале, на киностудии ДЕФА и на телевидении. Умер 13.8.1983.

Терезинская купюра достоинством 100 гетто-крон. Частная коллекция, Израиль

Протектората Гейдриха, повлекшее за собой страшные казни. «Марионетки» в переводе Зденека Ледерера и постановке Густава Шорша¹ были сыграны 25 раз. Цикл «Чума» в чешском переводе, положенный на музыку другом Кина, композитором Гидеоном Кляйном в 1943 году, вполне подходит под статью «пропаганда ужасов».

*Вряд ли осмелится кто обозреть
Город чумной – эту полую сеть, –
Там смерть.*

Ключевая дилемма пьесы «Страшный сон» – быть убитым или сотрудничать с убийцами? Реальная дилемма заключенных, возглавлявших еврейскую администрацию Терезина. Для новичка, доктора Бенды, тюрьма, в которую он попал, выглядит чистым безумием. В ней все – заключенные, и никто из них не знает, почему он там оказался. Главное – не задаваться никакими вопросами и выжить. *«Не во сне ли мне все это снится?» – думает Бенда. «Нет, это прежде вам сны снились, а тут наша действительность», – объясняет ему сокамерник. Но кто-то же выдумал эту ужасающую машину и не желает ее остановить! Начальник тюрьмы, тоже заключенный, утешает новичка: «К счастью, такие взрывы сумасшествия предусмотрены. Никто не смеет говорить с комендантом...». Бенда не сда-*

¹ Густав Шорш родился 29.1.1918 в Хожице, Богемия. Театральный режиссер, актер. В 17 лет руководил в школе группой риторики, группа была награждена Чехословацким обществом Классической культуры. Учился драматическому искусству в Пражской консерватории и на курсах философии в Карловом университете. Перевел Титуса Лукреция Кара, играл главные роли в театре при консерватории. Соучредитель театра D34. Принимал участие в постановке пьесы «На дне». В 1939 Шорш стал ассистентом известного режиссера Карела Достала в Народном театре. С 1941 по 1942 был заключен в рабочем лагере «Чешская Липа». Депортирован в Терезин 22.12.1942. Возглавил сектор чешского театра в Отделе досуга. После «Марионеток» Кина поставил «Женитьбу» Гоголя. Депортирован в Освенцим 16.10.1944. Расстрелян нацистами в концлагере Фюрстенгрубе в январе 1945.

Ф.П. Кин
Портрет Густава Шорша, 1943–1944
ПТ

ется и обращается к коменданту, к тому, с кем запрещено говорить. Их беседа напоминает диалог жертвы и палача в Набоковском «Приглашении на казнь».
«Комендант. Я – самое низшее звено между вами и государством – я знаю лишь моих непосредственных начальников, которые передают мне команды сверху, с более высокопоставленными чиновниками я практически не знаком. А о наивысших знаю лишь то, что они существуют. Кто стоит во главе этой бесконечной лестницы, да и стоит ли там вообще кто-то, я знаю так же мало, как и вы. Несите ваш крест с достоинством!
Доктор Бенда. О Господи, это же чистое безумие! Тысячи людей помогают преследовать другие тысячи, не знают почему, не имеют от этого никакой выгоды и радости, однако не могут вырваться из заколдованного круга. ... Избавьте меня от этого кошмара ненависти. Я требую. Слышите, я требую!»

Параллельно Кин работает над либретто к опере Ульмана «Император Атлантиды, или смерть отрекается»¹. Сюжет таков: император объявляет тотальную войну всех против всех до полной победы, чтобы искоренить «испорченность», а заодно уничтожить весь род людской. Он призывает Смерть нести свое знамя во главе войска. Но она устала, эта машина уничтожения ей не по плечу. Смерть покидает свой пост, и люди перестают умирать. Император в ярости, как же теперь вести войну? Смерть должна вернуться к своему делу. Та согласна, но лишь при одном условии: Император должен принести себя в жертву – умереть первым. Император соглашается. В финале Жизнь примиряется со Смертью: «Войди же Смерть высокочтимой гостьей в сердца людей»...

¹ Полный текст либретто см. в Части 3.

Ф.Зеленка
«Ульман-Кин, Атлантида, 44»
Архив Национальной галереи в Праге

В начале 1944 года известный берлинский режиссер Карл Мейнхард¹ приступил к постановке, знаменитый пражский дизайнер Франтишек Зеленка² нарисовал к ней эскизы, блестящий дирижер Рафаэль Шехтер занял свое место «за пультом» колченогой фисгармонии. Но до премьеры так и не дошло. Считается, что опера была запрещена за чересчур явные аллюзии на фашизм и самого фюрера. Мы не нашли ни одного документа, подтверждающего это общее мнение. Скорее всего, во время репетиций углублялся конфликт между режиссером и авторами оперы. «Петер принес мне карикатуру, изображающую все правки, которые вносили в его либретто ответственные за постановку, – пишет Вольфенштейн-Кинг. – На карикатуре явственно видно, как скруглялись острые углы в тексте».

По мнению Гантшахера, исследователя и постановщика «Императора Атлантиды», опера имеет много «скрытых источников». В ней слышны отголоски первой мировой войны. Кин с раннего детства слушал рассказы отца, а Ульман сам был батарейным наблюдателем на фронте. Для связи с батарейным расчетом он использовал телефон или радио и всегда начинал сообщение со слов: «Алло! Алло!» Опера «Император Атлантиды» так и начинается. «Алло! Алло!» –

¹ Карл Мейнхард родился 28.11.1875 в Йиглаве, Моравия. В 1898 переехал в Берлин, где они с Рудольфом Бернауэром организовали свой театр. После 1927 работал режиссером в берлинском театре им. Лессинга, театре «На Кёниггрецерштрассе» и др. В 1933 вернулся в Прагу. Депортирован в Терезин из Праги 24.10.1942. Работая ассенизатором, поставил в Терезине несколько спектаклей, среди них – оперу «Император Атлантиды». Освобожден в Терезине. Эмигрировал в Аргентину. Умер в Буэнос-Айресе в 1949.

² Франтишек Зеленка родился 8.6.1904 в городе Кутна Гора, Богемия. Архитектор, дизайнер и театральный художник, автор более 150 архитектурных проектов. Оформлял спектакли в Народном театре и «Освобожденном театре» в Праге. В 1942 – 1943 готовил по приказу нацистов экспозицию «Еврейского музея» в здании пражской синагоги. В Терезине с 13.7.1943 с женой Анной и сыном Мартином. Глава секции театральных художников в Отделе досуга, оформил около двадцати спектаклей, в том числе и «Императора Атлантиды». 19.10.1944 депортирован в Освенцим вместе с семьей. Все погибли.

Лео Хаас
Дружеский шарж на Ф.П.Кина, Терезин, 1942–1944
ПТ

произносит персонаж по имени Громкоговоритель – «реально не существующее радио».

С другой стороны, и в терезинском подполье существовало «реально не существующее радио», мы знали его создателя инженера Франца Вайса. Правда, работало оно только на прием, никаких «Алло! Алло!». А может, Кина впечатлил роман Марка Твена «Янки при дворе короля Артура»? Героине романа настолько понравилось техническое выражение «Алло, центральная!», что она называла так собственную дочь.

Одним из «скрытых источников» мог бы быть и пересчет в Богушовской котловине 11 ноября 1943 года. Десять часов весь лагерь стоял в строю под прицелом конвоиров, лил дождь, старики падали с ног, дети плакали. Между рядами ходили эсэсовцы с собаками. Никто не понимал, что происходит, почему их снова и снова пересчитывают. Стоя между жизнью и смертью в этой котловине, которая вполне могла стать для всех братской могилой, заключенные мечтали о том, чтобы поскорее оказаться дома – в гетто.

Музыковед Инго Шульц обратил наше внимание на трагедию, скрытую за пятнадцатью страницами машинописи либретто «Императора Атлантиды».

По указанию СС еврейское самоуправление вело учет прибывших и убывших узников. Личные дела обычно закрывались после смерти или депортации на восток. 4 октября 1942 года прибыл транспорт из Берлина.

В его составе было «б старых дам, чьи личные данные сохранились только потому, что на обратных сторонах их карточек пропечатался через копирку машинописный текст оперы «Император Атлантиды». Поверьте мне, пожалуйста, что даже исследователь, знающий в деталях многие терезинские события, при виде такой связи впадает в оторопь: выходит, что машинописное либретто печаталось на обратных сторонах смертных приговоров. Картотека, вероятно,

заполнялась в середине июня 1944, и бумага освобождалась для новых надобностей».

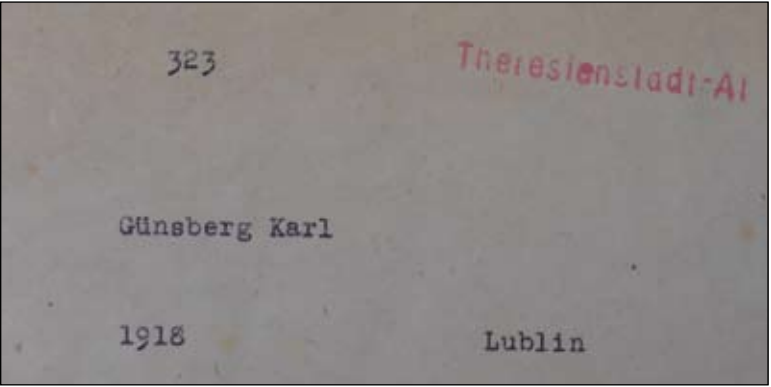
Тем же способом мы датировали «Медею»: она была написана на бумагах из личного дела Фридриха Гюнстлинга, депортированного в Собибор 9 мая 1942 года. «Марионетки» были очевидно написаны в августе 1942 года, поскольку владелец этой папки Карел Гюнзберг был депортирован в Собибор 4 августа 1942.

На некоторых открытках Кина 1942 года значатся имена отправителей, депортированных на восток. Таким образом, ему удавалось посылать весточки на волю чаще, чем допускалось режимом. 13 марта Кин пишет две открытки, Ильзе – от имени Труды Зингер, а родителям – от имени Франтишки Тюркель – обе были депортированы в Избицу 11 марта: *«Любимая, солнце светит, я думаю о тебе, о тысяче вместе прожитых с тобой часов – со мной, и – друзья. Я здоров. Папа учится? Мама варит? Бабушка выздоровела? Целуй всех очень нежно...». «Любимые, думаю о вас с нежной любовью. Как поживает мамина голова, как папины боли в спине... Я продолжаю рисовать в техническом отделе...».*

Время – центральный персонаж Кина. Уже с самого детства он как скопидом ведет ему учет: «Ненасытно пожирает стрелка минуты...». Как всякий художник он был рожден для бессмертия и примерял себя к вечности, или вечность к себе. Ему нужно было успеть не только научиться всему тому, что умели великие, но и сказать свое слово.

Летом 1939 года в его время вторгается чуждая сила: *«Движения жизни сделались механическими, стою, сняв перед временем шляпу, удивляюсь и восторгаюсь, и весь страх и все надежды собраны в тревожный комок, маленький шарик подвижной ртуты».*

В Терезине, где время поэта узурпировано, оно оживает в стихах: дни прячутся в углу, взвиваются ввысь как цветные

Папка Карла Гюнзберга, в которой хранилась рукопись Медеи. Частная коллекция, Англия
Согласно Терезинской Памятной книге Карл Гюнзберг, родившийся 29.7.1918 был депортирован в в Терезин 7.5.1942, оттуда 29.7.1942 в Собибор, погиб в Майданеке 4.8.1942

ленты, часы парадом проходят по улице, они плачут и смеются, и зовут за собой. Но Кин на этот парад не успеет, он не успеет стать тем Кином, которому он воздвиг памятник в юношеской карикатуре. И потому, обращаясь к вещам, созданным им в неволе, он произносит горькую фразу: «Вы должны пропасть во времени». В «Императоре Атлантиды» Ангел Смерти и Арлекин «продают время».

*Дни, дни, кто купит наши дни?
красивые, свежие и нетронутые; все как один.
Кто купит наши дни?
Быть может, удача зарыта в одном из них –
Станешь ты королем!
Кто купит дни? Кто купит дни? Старые дни по дешевке!
«Прикажите же расстрелять меня на месте, – говорит коменданту д-р Бенда в «Страшном сне». – Право и правду вы уже расстреляли на месте и превратили в фарс. У меня украли мои дни, и вы укрываете краденое! Вы укрыватель краденого. Вы прячете ворованное! Отдайте мне мои дни!»*

Кин раздаривал «украденные» у него дни друзьям, ученикам и близким.

«Петр устроил мою первую выставку, – вспоминает Ян Бурка. – У входа в Магдебургские казармы, слева и справа, были два застекленных шкафа, в них он разместил мои рисунки. В свободное время он читал нам замечательные лекции по искусству».¹

«Петр мне невероятно помог вначале, – говорит Хана Андерова, – каким-то образом он устроил мне пропуск «с целью рисования» в Магдебургские казармы, хотя с рисованием тогдашняя моя деятельность не была связана, – я работала уборщицей. ... На семнадцатилетие он подарил мне рисунок с изображением крепостных валов

Ф.П. Кин
Портрет Яна (Гонзы) Бурки, 1940
Частная коллекция, Франция

¹ Из воспоминаний Яна Бурки. Б.Штегликова.

и посвящением в стихах. Он писал, что, несмотря ни на что, я должна продолжать рисовать»¹.

Лео Кин в 1942-м году описал в стихах характер своего сына. В частности там была одна история про то, как по дороге из школы домой Францерля настиг ливень и он, забежав в незнакомый дом, попросил у дамы зонтик. Та уговаривала его переждать дождь, но мальчик был неумолим. «Вы хорошая, умная, добрая дама, однако я не могу у вас остаться. Потому что мама помрет от страха. Мне срочно надо к маме. Если вы не желаете одолжить зонтик, пойдемте вместе, мама вам даже заплатит или пригласит на полдник».

В концлагере, где сами условия деформируют личность, Кин остался тем же чутким мальчиком, – он никого не желал огорчать, напротив, он старался помочь всем и примирить всех. При всей любви к Хельге, он не оставил жену и родителей. Даже в нормальной жизни такой конфликт разрешить непросто. Здесь же все три семьи – Петер, Ильза и их родители – ютились на трехэтажных нарах в крошечной комнатке, а по ночам подвергались атакам полчищ клопов. Правда, благодаря Кину, они не голодали: «Когда не хватало еды, Петер рисовал картину или портрет, и у них снова все было...»²

16 октября транспорт Eг увозит 1500 человек в Освенцим, среди них – создатели «Императора Атландиды» вместе с их семьями.

«Они бы непременно выжили, – пишет сестра Карла Странского после войны, – они были в хорошей форме, но осенью 44-го начались транспорты в Освенцим.

Когда их отправляли, Ильза была лежачей, ... она вообще в последнее время много болела. Она стала очень красивой и элегантной – у меня есть карточки Ильзы и Петера. ... Ты бы очень полюбила Петера, мы все его очень любили – сердечный, милый, талантливый юноша».

1 Из интервью с Х.Андеровой, 2002.

2 Из письма Хедвиг Шнайдер, сестры Карла Странского.

* * *

*Часы, которые ты ни с кем не делил,
Не могут забыться.*

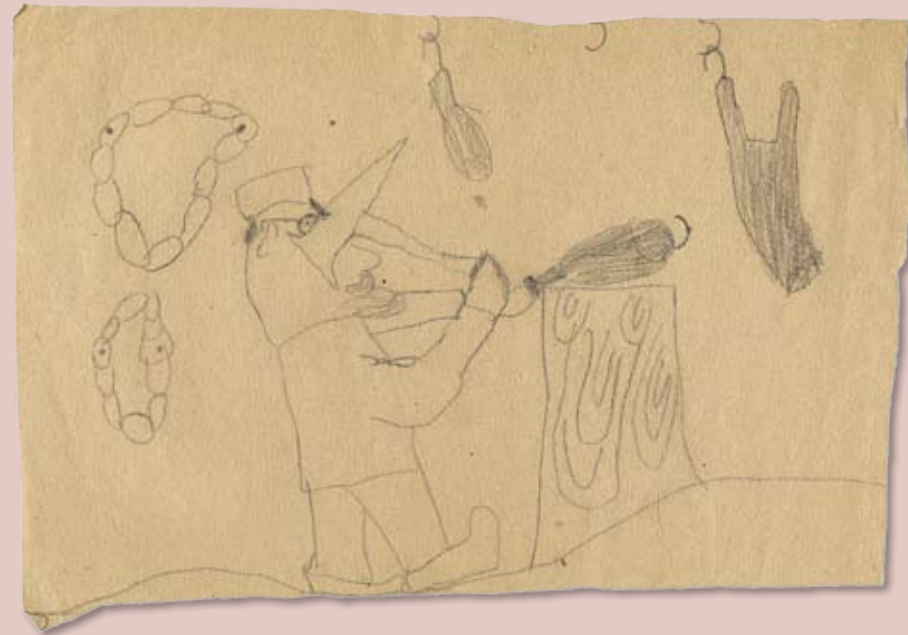
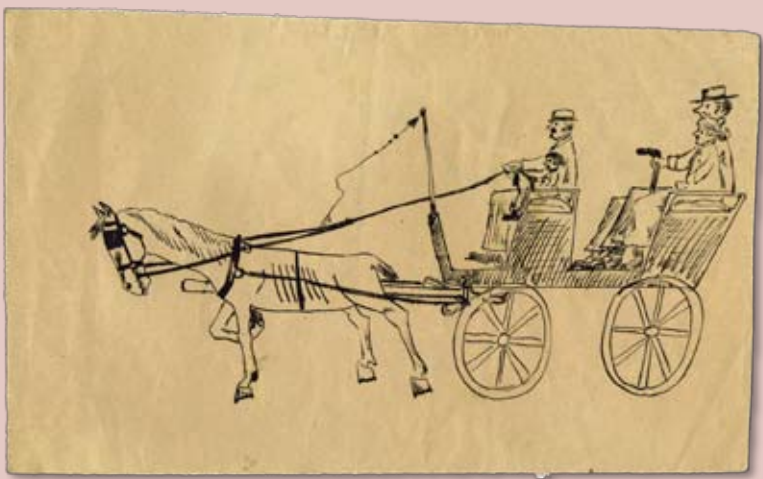
Ф.П. Кин

На редкость разнообразное и не по возрасту совершенное творчество возводит Кина в ранг осуществившихся. Однако у него отняли время, необходимое для претворения в жизнь всего огромного художественного замысла. Со школьной скамьи Кин упорно совершенствовал свое мастерство, осваивая различные техники; с их помощью учился запечатлевать мысль в рисунке. Это видно по его книжной и промышленной графике, где уже есть синтез повествовательного и изобразительного. Мостом от слова к изображению служил сценарий: зарисовка словами на бумаге – сцена из фильма – фотография – рисунок. На все происходящее Кин, в первую очередь, отвечал словом, зачастую это и оказывалось его последним ответом. В изобразительном искусстве он настойчиво искал адекватную форму выражения мысли и чувства.

«... Я слишком поздно научился применять верные методы работы в живописи, не под силу мне реализовать это знание в нынешних обстоятельствах...» (Из письма к Х. Вольфенштейн, Терезин, 1944 год)

Кин был физически уничтожен в тот момент, когда он научился применять «верные методы» в работе. Что это были за методы? Каким бы он стал художником? Сослагательное наклонение к прошлому не применимо.

І глава.
ВСЕ СЧИТАЛИ ЕГО МАЛЕНЬКИМ ГЕНИЕМ
ВАРНСДОРФ, 1919–1929
(детские рисунки)

II глава.

ГРАФИК И ЖИВОПИСЕЦ, ГОВОРУН И ПОЭТ

БРНО, 1929–1936

<div>Я – образ и Божье подобье, Ты – образ и Божье подобье. О Господи, жаль мне тебя, Если ты такой же, как я.</div>
<div>Косим мы или хромаем Табаком или мятой воняем, Заикаемся иль ковыляем, Мы на Тебя похожи, О Боже! Хороши мы или мы плохи, Мы Божьи пенки и сливки, Мы портреты своей эпохи, – Фотографии Господа – наши лики. В ста миллионах простых репродукций Бог повторен: и сильный и куцый, Все мы как миллионы богов. Снимок блестит, если нов.</div>
1935

Огни большого города. Голод. Голод.

Я стоял в толпе, пред толпою мал и смирен
но потерянность воспринимал как сласть,
И потерянный, слушал я вой сирен, –
Благодарный, за их надо мною власть.

Из неоновых вывесок речь рекламная прет,
Черной шеренгой растянут машин поток,
И на улице каждый клаксон поёт,
В фонарях замирает электроток.

Существуют люди, растившие этот век:
Буйство этих огней и скорость езды
И ты слышишь, как город, будто бы человек,
Будто бы попрошайка, просит питья и еды.
А ты мимо бежишь, как будто избегнешь беды.

5.2.1936

Авто

Гибкая желтизна на шинах горя,
Светит пронзительно неимоверно,
Закругляется желтый свет фонаря
Белокурой короной модерна.

Рождено это чудище в тьме ночной,
Нас авто ослепляет и мчится мимо,
Свет из фары течет как карбункула гной,–
Это новый герой современного мифа.

Мчится с бешеной скоростью, зычный рык
Замирает вдали, а машина вторая
Вслед за первой спешит, в полночный миг
Жеребенка отставшего напоминая.

25.1.36

Сумма суммариум

Белое пятно, красное пятно,
Клякса на зеленом фоне,
Снизу подпись в правом уголке –
Это называется картиной.

Маленькое полотно, большое полотно,
В комнате с линолеумом
Полно снобов, господ и дам,–
Это называется музеем.

Тут музей, спортплощадка – там
Напротив – храм муз,
Немного убийства, чуть – воровства, –
Это называется культурой.

Культура и еда, любовь и вино,
Наполовину плакальщики,
Наполовину певческий хор, –
Это зовется жизнью завидной.

Два мироздания, малышка-луна.
Мишура – блестящие звезды.
Наверху – незримый Господь,
Остальное во тьме сокрыто.

Я – комок великой печали,
От которой всякий бежит.
Я – комок великой печали,
В неизвестность мой путь лежит.

Что ни шаг – иностранца поступь,
А мой взгляд – холодный пожар,
Одежонка – зола. Я просто –
Одиночества нищий дар.

Я, великой печали потомок,
От всего и от всех далек.
Заблудившийся в мире ребенок,
Я во времени одинок.

1935

В своем необъятном царстве
Месяц, ленив и толст,
Плывет в небесном пространстве,
Будто инспектор звезд.

Так много тысячелетей
Как ему не претит
Катить по одной орбите
И не менять пути?

Когда-то внушал он оды
Поэтам в ночной тишине,
Но свет его вышел из моды
И резко упал в цене.

При технике современной,
Чьи скорости – чудеса,
Кому нужны во вселенной
Старые небеса?

1934

Когда южное солнце печет без пощады,
И твой лоб покрывается потом, мой друг,
Ты подумай о том, у кого досада
Карандаш выбивает прямо из рук.

Когда образы мира, красы его ради,
Дарят кисти твоей всех тонов торжество,
Ты подумай о том, кто в зеркало глядя,
Безотрывно рисует себя самого.

Когда сердце от радости лопнуть готово,
И потребность о счастье кричать велика,
Ты подумай о том, в чьё нутро сурово,
Но украдкой вползает тихоня-тоска.
13.5.1935

Ф.П. Кин
Автопортрет, 1935
ПТ

ВОСЕМЬ УТРА

За окном осень. Настоящая осень с легким туманом, дождем и желто-красными листьями. Размытые грязной холодной водой, они валяются в канаве. Осень с шелковыми каплями черных зонтов, размытыми отражениями и переливающимся асфальтом. Рядом во дворе нищий крутит ручку шарманки, музыка бедных проникает сквозь закрытые двойные окна. Иногда беззубые старые валики зацепляются друг за друга, и раздается резкий скрежет, эти прохудившиеся валики такие же старые, как сам бродяга.

В классе тепло и скучно. Сонный ученик плюнет, бывало, на железное тело старообразной печи, и та загудит, заурчит, зашипит негодуя. Распятый на голой желтой стене уронил увенчанную терновым венком голову, он нынче печальней обычного, и думает, что в такой «недружелюбный» день и тени отбрасывать не стоит. Тепловатый кофе еще постоит в желудке. Тепло постели еще ощущается всеми частями тела, некоторым из них все еще мерещатся прерванные будильником приключения утреннего сна. Мысль об учебном процессе не мешает инертному мозгу жевать свою жвачку. Мысль о сонных учениках не понуждает профессора снять очки и протереть платком чуть запотевшие стекла. Иногда кто-нибудь встанет, и, осторожно поглядывая на профессора, отправляется к умывальнику. Там он очень медленно и таинственно продельывает какую-то процедуру с губкой или промывает авторучку, после чего с довольным видом возвращается на место и с быстро остывающим усердием продолжает разрисовывать тетрадь. Плотный занавес из облаков обволакивает помещение уютным полумраком, и это полностью соответствует пению печи и потребности людей и вещей во сне...

31.10.1935

Ф.П. Кин

Улица в Брно, 1935

Частная коллекция, Англия

ПАРАШЮТ

Мне простят, что я лишил жизни моего школьного товарища Франца Крауса, если примут во внимание то, что мне было 11 лет. Мы ходили во второй класс, он был отличником, огромный мальчишка, нерасторопный и медлительный. Я был его главным конкурентом. Между нами не было открытой вражды, однако я ненавидел его и мечтал его свалить.

Сын богатых, но скупых родителей, он носил дешевые никелированные очки и потрепанную одежду, и, вопреки массивному телу, отличался мягким нравом и изнеженностью.

У нас были одинаковые инициалы.

Однажды поздней осенью я принес в школу бумажный парашют. Мы привесили к нему большую коричневую пуговицу, и при всеобщем ликовании отправили его в полет в лестничном пролете школы. А пуговица была с пальто Крауса.

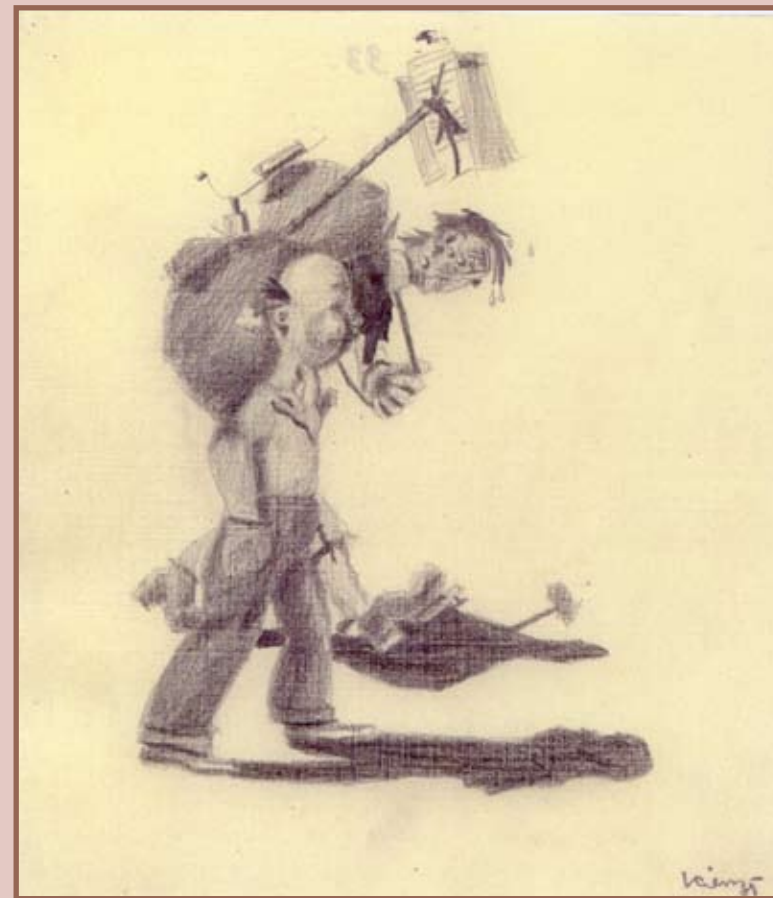
Гордый владелец, я написал свои инициалы на уже грязной бумаге парашюта, и задорно называл его «Отличником». После урока мы с Краусом решили пустить парашют в большой полет из окна чертежного зала на третьем этаже. Так и произошло. Краус стоял на улице, готовый принять летуна. Я пустил в полет клочок бумаги. В этот момент вошел учитель и спросил, что я делаю. Там летит маленький парашют, сказал я, указывая на что-то белое, мелькающее и крутящееся в воздухе.

– Так-так. Кто это сделал?

– Он летит сверху, с четвертого этажа.

Тем временем парашют опустился вниз и попал на шляпу одного господина, причем так, что коричневая пуговица угодила ему между глазом и очками. Парашют плавно опустился на землю.

Краус хотел спасти то, что еще можно было спасти, однако наступил на несчастный парашют, поскользнулся и упал.

Ф.П. Кин

Путешественники, 1935

Частная коллекция, Англия

Господин схватил несчастного за шкурку и потащил его, пойманного с поличным, да еще и с вещественным доказательством, к директору. Пуговица была опознана как принадлежащая к пальто Крауса. Инициалы Ф.К. на парашюте казались явным доказательством его вины, равно как и имя «Отличник». У меня было алиби, так как учитель сказал, что он был рядом и видел, что это не я запустил парашют. Краус ничего не делал для своей защиты. Следствие велось неделями, Краус молча прокрадывался по коридору, не отвечая, если с ним заговаривали. Я бы мог его спасти, но молчал. Наконец, ему присудили 4-часовой карцер. Он выбросился из того же окна, из которого я запустил парашют.

17.9.1935

ПИСЬМО ИЗ ФАСЛИВАНА

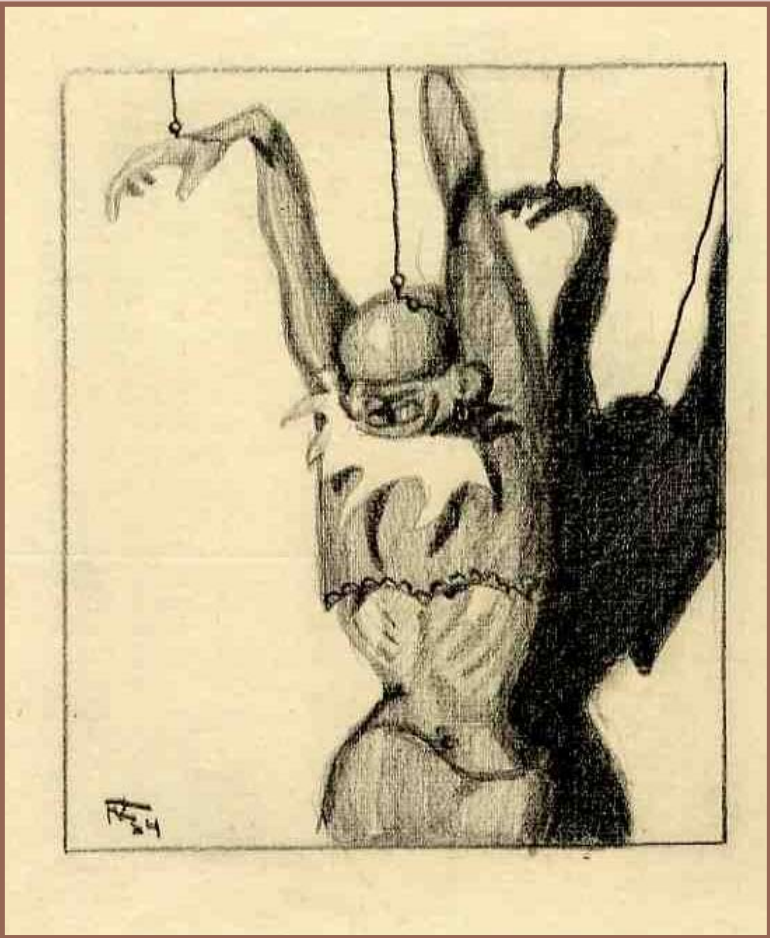
Дорогой мой Улла-Мизра-Фехабд, ты будешь очень удивлен тем, чем мое грязное перо запятнало сию белоснежную бумагу. Я пишу тебе это из места, которое лежит между городами Лош и Обергешпиц, и которому Аллах подарил имя Брно. Нам показали там много необыкновенных вещей, которых никогда не узрели твои старые глаза. Улицы посыпают здесь пестрой бумагой, что выглядит очень красиво, и на каждом углу служащий предлагает тебе бумагу, которая комкается и разбрасывается. Но самое интересное не это, главное – это городская тюрьма. Она лежит напротив великолепного дворца из светлого стекла, владелец которого имеет странное пристрастие к обуви, все окна заполнены ею. Но я хотел говорить о тюрьме. Я видел камеру пыток. О, Мизра и т.д., желаю тебе, чтобы твой почтенный взор никогда не упал на такое. Я научился очень многому и смогу передать дяде Аллахаву инструменты для пыток, которые

Ф.П. Кин
Рисунок на фирменном бланке текстильной компании Эдмунда Кина, 1934
ПТ

можно применять к заговорщикам и женщинам прежде, чем дать им змеиный яд. Пленники с обнаженными торсами выстраиваются в линейку и наносят сами себе жутчайшие увечья. Я поразился тому, как выглядят камеры. 20-30 арестантов сидят у ног надзирателя, который подзывает их к своему трону и подвергает тайному допросу. Тех, кто упрямится и молчит, прогоняют назад. В одной камере происходил допрос, надзиратель вопил так, что пена изо рта брызгала, и глаза чуть не вылезали из орбит. Когда он замолчал, заключенные принялись молиться по книгам, причем некоторых факиров кололи иглами и закидывали шарами. А один, согнувшись в три погибели, глотал большой красный шар, типа нашего апельсина. По звуку колокола арестанты могут покинуть камеру и спрятаться в длинных темных коридорах, однако многие падают или, измученные пытками, мечутся с криками по коридорам. Мне сказали, что заключенным нельзя говорить, пока им не зададут вопрос; что им не дают спать насильственным образом, причем надсмотрщик особо монотонно поет или допрашивает. Короче, все пытки, как в нашем любимом отечестве. И женщины есть в тюрьме, и им, о, стыд, бреют головы. Далее, имеются принудительные поселения, там томятся несогласные с государством. Еще я видел кое-что, такую жестокость, от которой сопли стынут: всех заключенных отпускают домой, однако на следующий день они должны вернуться. Гениальнейшая пытка! Более изощренной адской пытки, чем эта полусвобода, нельзя себе и представить. Я позабочусь о том, чтобы нечто подобное было введено и у нас. Скоро я вернусь домой, поприветствуй за меня, о, благородный, моих лошадей, моих птиц, высокородного дядю и моих жен; тебе же целует руку твой

Шмуз бен Квачи¹
11.4.1935

Ф.П. Кин
Зло, гравюра, 1934
Частная коллекция, Англия

¹ В оригинале *Schmuss ben Quatschi* – пародийное имя с игрой слов, что-то вроде Вздор, сын Чепухи.

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ УСОПШИХ

Слабая, согнутая в суставе рука коммерсанта устало играла с золотыми кистями, украшавшими роскошный гроб. Лишь тонкая кость среднего пальца с кольцом непомерно для него великим, возвышалась над окостеневшей ногой, скрытой под пологом.

Коммерсант лежал полусогнувшись, опершись черепом на руку, и с ужасом прислушивался к тем редким звукам, которые не облегчают мрачную тишину могилы, но продолжают мучение беззвучных минут. Привидение молодого художника как всегда сидело на чемодане с конторскими книгами, принадлежавшим коммерсанту.

Он поплотнее закутался в полуистлевший саван, чтобы скрыть от своего спутника, что он дрожит от холода.

«Какой неприятный день», – сказал старик после долгого молчания, «так холодно и так сыро, сыро». Он лег поудобнее в открытом окованном золотом гробу, завернулся в вышитый шелками полог.

«Какой неприятный день...», – повторил он и поглядел на художника. Тот не проявил никакого участия. Он весь промерз, сидя на чемодане, но ему не хотелось, чтобы тот ощутил его страдание.

«Когда я умер, был точно такой день, как сейчас помню, да, – как видно, коммерсант был расположен к беседе. – Было сыро и неудобно, густой туман лениво полз сонными улицами и превращал пыль в серую грязь. Помнится, тогда продавали цветы, много цветов, на каждом углу, – в основном, белые, белые острова в море удушающего воздуха, белые цветы, белые венки. «Зачем эти цветы? – спросил я Карла, но ответа не услышал. Воздух навалился на меня, туман окутал мои мысли, и все провалилось... Небо... Дома... Видимо, я упал на цветы».

Художник вдруг пошевелился. «Карла? Кто такой Карл?» Согревшись у костра воспоминаний, старик не обратил вни-

мания на вопрос; точка мысли в пустом черепе причиняла боль... как тогда. «Я еще тогда надел галоши, поскольку шел дождь, злой, коварный дождь, не тот по-крестьянски грубый ливень, который одним махом выливается из бесконечности на землю, и не тот настырный занудный деревенский дождь; капля по капле, как издевательство, капала грязная вода с грязного неба. И такой же дождь сегодня. Послушайте!» Но художник ничего не слышал.

«Кто такой Карл?» – спросил он снова.

«Я был болен, тяжело болен, не надо было выходить при такой погоде. Цветы тоже чувствовали себя неудобно, их светлые головки были растрепаны, такими же взъерошенными выглядели и продавцы. Боюсь, что падая, я придавил цветы».

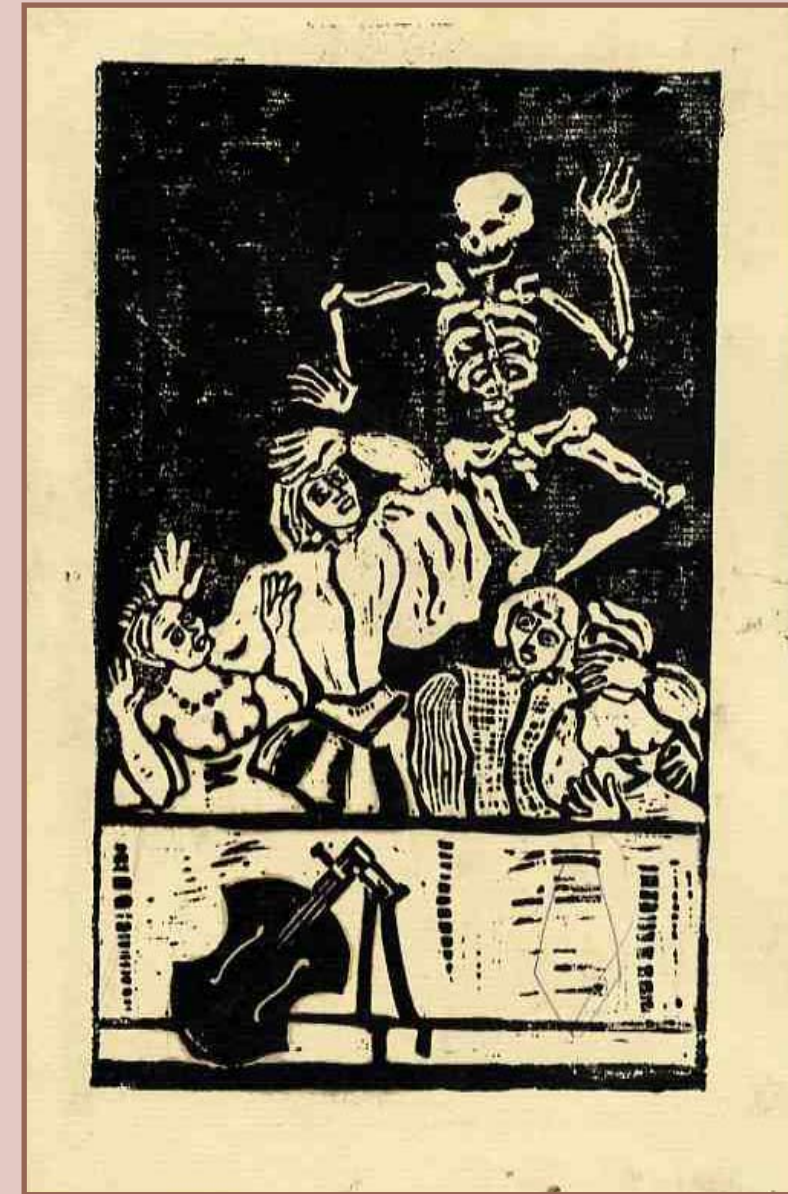
Молчание.

Давно истлели тела коммерсанта и художника. Давно сгнили цветы, исчезли их краски и сладкий аромат. Как долго они страдали? Здесь под землей растут только бледные цветы смерти, невидимые, но жуткие, их произвел тлен могильных украшений. Они ужасны, потому что питаются трупами, увлажненными слезами оставшихся жить.

«Художник начинает нервничать. Он ходит взад-вперед; сквозь изношенный саван, едва защищающий от холода, просвечивает тусклая желтизна костей.

«Придет ли она вообще? В прошлом году она приходила раньше. Свечи как будто уже зажжены, я это чувствую, но придет ли она? Основная масса людей уже прошла». Волнение заставляет забыть о холоде, но мороз сводит скулы. Старик глядит на него с завистью, он слишком слаб, чтобы подняться и сделать хоть один шаг, зубы уже выпали из слабого рта, выскользнули желтоватыми жемчужинами на доски гроба. У него были великолепные, неиспорченные зубы.

Он лежит здесь слишком долго, чтобы ощущать те флюиды в костях, которые помогают другому справляться с холодом и страхом. Раз в году, один лишь раз...

Ф.П. Кин

Песни смерти, гравюра, 1934

Частная коллекция, Израиль

Внезапно она оказывается здесь. Никто не видел, как она появилась, и никто не видит, как она уходит; запах влажной листвы пристал к ее телу, дух, не менее печальный, чем дух могилы, овеивает ее волосы.

Несчастнейшая из несчастных, утешение мертвецов, направляется она к художнику, который ее обнимает. Саван соскользнул с его плеч, ее тело просвечивает сквозь ужасный скелет.

Покрытый плесенью глупец жадно пьет дыхание жизни с бесплотных губ.

«Последняя свеча погасла», – произносит еле слышно коммерсант. Скелет с хрустом опускается на землю. Глухая тишина, исчез чужой живой элемент, все мертво, совершенно мертво.

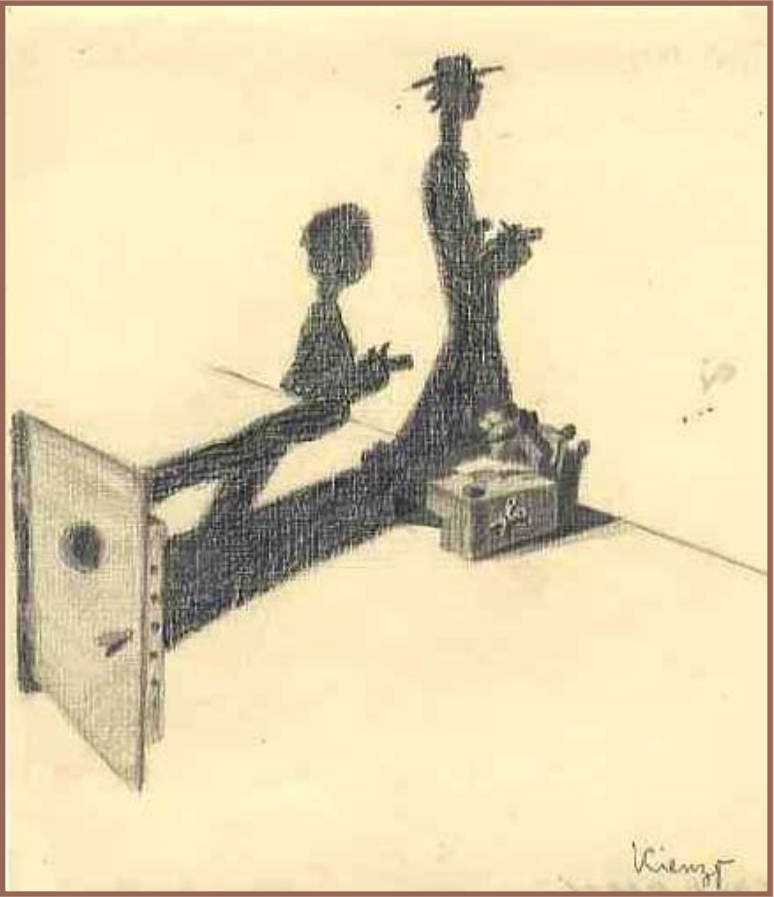
Тяжело покоятся кости коммерсанта в открытом, роскошном, окованном золотом гробу; застыла кость среднего пальца, украшенная кольцом, слабая рука, чуть вывихнутая в суставе, вцепилась в вышитый шелками полог.

1935

АМБИЦИИ ЮНОСТИ

Когда наивный юноша на скудной почве своих талантов сооружает воздушный замок (чем выше, тем лучше) там, где стены обклеены офортами, полы застелены гравюрами, и все вокруг покрыто акварелями, ему следует подумать о том, как уберечь вышеупомянутое сооружение от падения, иначе ему придется за все поплатиться сполна.

И вот этот наивный молодой человек, который был тих, безвреден и скромен, надел однажды свой лучший галстук, побрился и отобрал свои лучшие рисунки. Уж лучше бы он покрыл бумагу иероглифами или просто продал ее (20 геллеров за кг), но он был, как сказано, очень наивен и верил в свой талант.

Ф.П. Кин

Люди и тени, 1935

Частная коллекция, Англия

Этот молодой человек собрался посетить рекламный офис Микрил и Ко., что вполне объясняет тщательность его туалета, однако зачем он взял с собой рисунки, пока неясно. Он шел в Микрил и Ко., и так как он был нерешителен, то сердце у него, скорее всего, билось учащенно. Так или иначе, голос его дрожал, когда он спрашивал, не нужны ли кому-нибудь рисовальщики.

Господин, примерно сорока лет или чуть помладше, вынул ручку из рта без видимой на то причины и сказал звучным голосом:

«Господина шефа тут нету. Господин в конторе кинотеатра «Реноме». Проходник туда и вопросник господина Микрила». Тем и завершил разъяснения. Он снова взял ручку в рот, но все-таки счел необходимым добавить любезно:

«В пять. Идите тыды».

«Господин Микрил? – сказали там, – господин Микрил в кабинете господина директора. – Поэтому идите тыды». Опять «идите туда»! Но юноша проигнорировал цитату из Моргенштерна и пошел в частный офис.

«Господин Микрил? – сказали там, – господин Микрил скоро будет в кафе «Альфа».

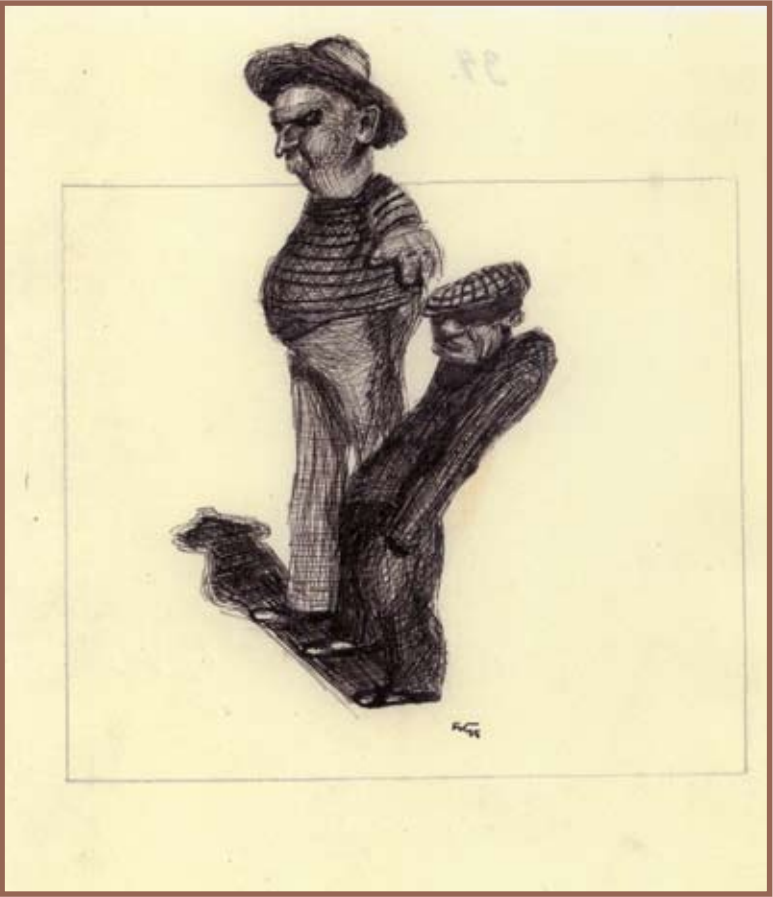
На этот раз без всякого «идите тыды». Сразу видно, что директор уступал простому народу в литературном образовании.

Из кафе «Альфа» юношу послали (без идите тыды) в рекламный офис, так как господин Микрил туда якобы довольно давно отправился.

Когда он прибыл в рекламный офис, то спросил сосущего перо, может быть господин Микрил дома, и последовал веселый ответ: „Это я, это я».

Тогда молодой человек пошел, плача, домой и написал эти строки.

1935

Ф.П. Кин

Люди и тени, 1935

Частная коллекция, Англия

СНЫ МОЕЙ ЮНОСТИ

Если я захочу записать сны моей юности, мне придется сначала распределить их по разделам, например, так:

I – то, что относится к моей юности

II – то, что относится к любви

1 – сны, когда спят

2 – сны наяву

а) сны, которые я рассказал

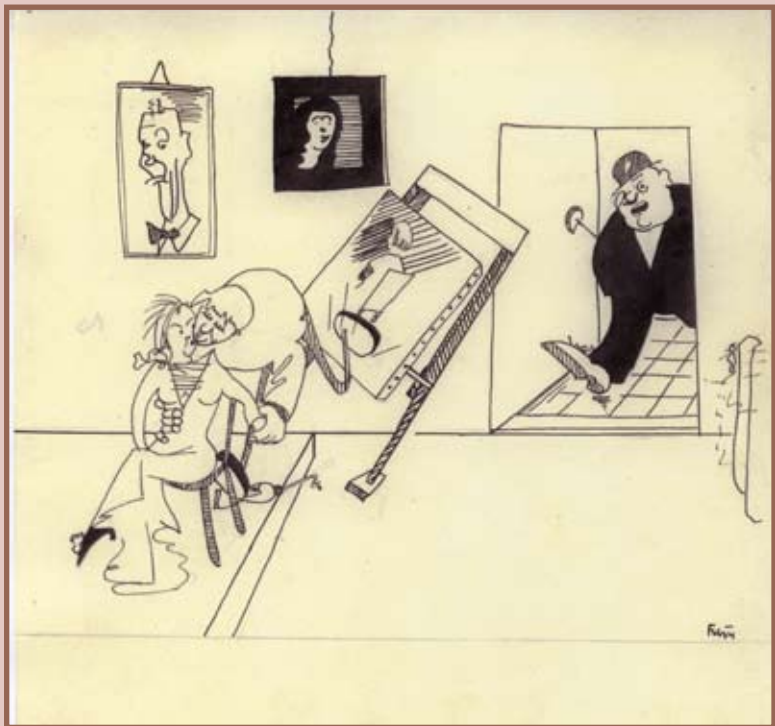
б) сны, которые никому рассказаны не были.

А теперь сон из подраздела II 2б.

...Моя подружка – я помню даже ее прелестную прическу «под пажа» – шла совершенно одна по полю в предвечерние сумерки; уходящий дневной свет еще вспыхивал, летали комары, и предметы отбрасывали длинные тени. Вдруг, неожиданно, на возлюбленную напали разбойники. Они пытались ее похитить, она душераздирающе кричала. Я, бледный, безмолвный и жестокий, освободил ее от чудовищ. ...

После того, как чудовища обратились в бегство, я, естественно, падаю у ног спасенной. Бездыханный, весь в крови, но не слишком тяжело раненный. Она же, проливая горькие слезы над моим безмолвным геройским телом, опускается на колени и целует меня в лоб. Дальнейшее я предоставил Господу Богу, возможно, я бежал с ней на необитаемый остров на быстром как ветер и черном как смерть мустанге.

Другая версия: моя подружка стоит с моим смертельным врагом и соперником на другой стороне улицы; только что прошел дождь и ее черные волосы сверкают японской густотой на большой детской голове. Она смеется надо мной, страдающим, – я понимаю это вполне отчетливо – я же стою, облокотившись на дверь дома, строя страшные, но благородные планы мести. Улица заполнена гуляющими, везде царит воскресное настроение.

Ф.П. Кин

Художественные приключения, 1934
Частная коллекция, Англия

Вдруг, неожиданно, подобно разбойникам, появляется бешеная собака, которая несется вдоль по улице; страшная голова бульдога на короткой толстой шее, клыки торчат из тупой челюсти. Все с криками разбегаются по домам, мой соперник берет ноги в руки и уносится. Лишь темноволосая девочка стоит как прикованная, дикий зверь несется прямо на нее. Я, презирая смерть, бросаюсь к бестии: железными пальцами стискиваю собачью шею, бью ногой в живот и, в конце концов, раздираю ей пасть, как Самсон льву. После чего падаю к ногам возлюбленной аналогично первой версии.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Огромная фантасмагорическая тень воскресенья висит над городом. Воскресенье пробирается по пустым улицам, прижимается к стенам домов, и наполняет ужасом сердца пробегающих торговцев. Оно забирается в головы редких прохожих и ложится свинцом на душу городского, дремлющего на перекрестке. Оно обволакивает усталые головы башен густым туманом. В многочисленных лужах отражается бесконечная серость неба; тяжелый шаг неосторожного прохожего нарушает скушающий покой луж, и они раздражаются злобным ворчанием. Очень редко гудок заблудившегося автомобиля разрывает безрадостную тишину.

Воскресенье. Снова начинает идти дождь. Капли рисуют маленькие круги в лужах, круги ширятся, расплываются и исчезают. Заботясь о чистоте своей одежды, люди передвигаются гусиными шажками; с высоко поднятым воротником и руками, глубоко упрятанными в карманы, проходит между ними Брюль. Он не обращает внимания на дождь, его башмаки грязны, при каждом шаге вода взбрызгивает и рисует темные пятна на его брюках.

Ф.П. Кин

Брно, 1934
ПТ

Сталкиваясь случайно с прохожими, он бормочет «простите» и спешит дальше. Один среди многих. Ничем не выделяющийся среди тысячи себе подобных.

– Простите, не могли бы вы подсказать, который час.

Спрошенный (под мышкой толстый портфель) останавливается:

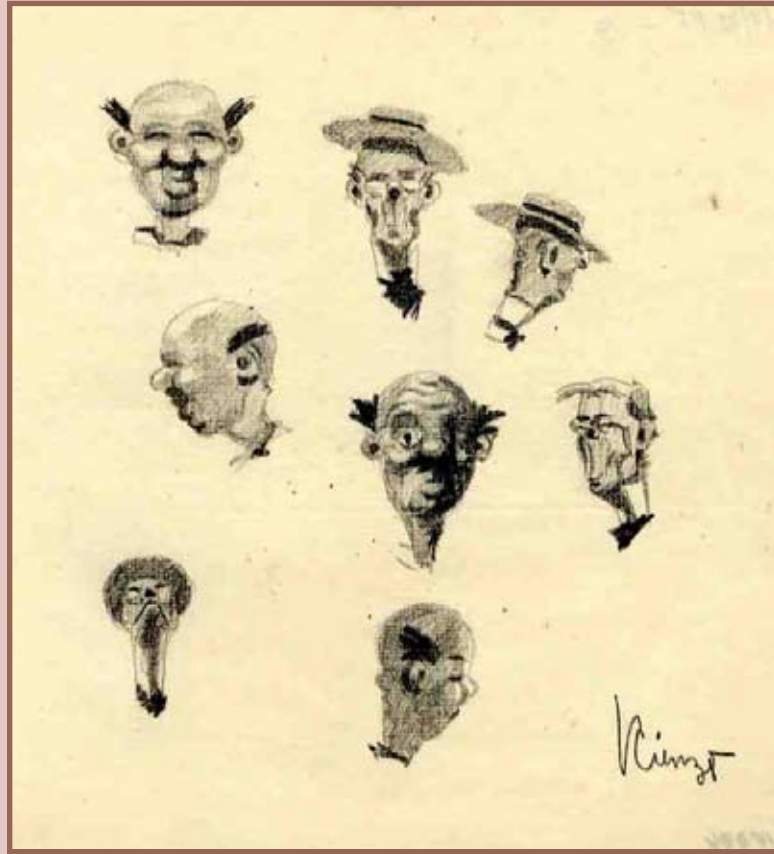
– Почему вы спрашиваете меня? – отвечает он мрачно, – не могли бы кого-нибудь другого спросить, а?

Брюль краснеет и быстро отходит.

Почему вы спрашиваете меня? А кого он должен был спросить? Может того господина, который в подворотне закуривает сигарету? Наверняка он ответил бы так же, как господин с портфелем. Люди неприветливы, еще неприветливей они становятся от безнадежности дождливого дня.

Одетый в золото портье берет равнодушной рукой билет и отрывает один конец. Еще несколько секунд тому назад билет был гордостью его обладателя, на нем были сосредоточены все мысли. Снова и снова проверял он его наличие, этот билет позволял ему на два часа удрать от скуки повседневности, он обеспечивал ему два часа прекрасного мира. И все же он безжалостно сдал его на растерзание, посмотрел, как ему оторвали голову и скомкали. Однако он не создает и этой несправедливости. Спокойно берет он назад искалеченный билет и засовывает его себе в карман.

В фойе жарко. Толкутся люди в застегнутых пальто. Руки мужчин или засунуты в карманы или нервно играют с сигаретой. Из-за закрытых дверей слышится приглушенная музыка. Вдруг она обрывается, на какое-то время наступает полная тишина, нарушаемая лишь нетерпеливым шарканьем ног ожидающих. Двери распахиваются. Поток людей устремляется в зал. По одному они отделяются от толпы. Сначала наипочтеннейшие. Со своих дорогих мест они снисходительно улыбаются менее почтенным; те же,

Ф.П. Кин

Карикатуры, 1935
ПТ

со своей стороны, презируют плебеев с еще более низким классом билетов. Несчастные, которые вынуждены сидеть в первом ряду, виновато и растерянно пробираются на свои места.

У Брюля хорошее место. Дешевое, но приемлемое. Соседство обычное. Справа общество старых дам, которые «из-за своих глаз» купили недорогие билеты; дамы заполняют паузы скучными анекдотами. Слева – господин неопределенного возраста, который тут же заговорил с Брюлем и принялся рассказывать ему скабрёзные истории «с изюминкой». Деловитое гудение заполняет зал, оно нарастает и завершается тремя ударами в гонг, возвещающими о начале представления. Свет гаснет, красный занавес высвобождает экран, на котором появляется надпись, возвещающая о том, что стоимость гардероба снижена на 50%.

Тощий мальчик с несчастным и туповатым лицом перестал ходить между рядами и ноющим голосом предлагать «шоколады и конфеты». Он прислонился к столбу, ящик с товаром поставил на землю, и смотрит ничего не выражающим взглядом на массу зрителей с белыми пятнами лиц. Тихий стрекот аппарата усыпляет его слух, и он устало прикрывает глаза.

По залу ходит человек; в его руках странная машинка, которая вспрыскивает в липкий воздух благоухающие облачка. Люди, сидящие на угловых местах, недовольны – к чему эти помехи. Зал пронизывает бледный луч света. Он возникает из маленького окошечка в задней стене, растёт, потом ослабевает и исчезает в бездушной серости пространства перед экраном. Резко, со скрежетом, фильм обрывается.

Перерыв.

Красный занавес скрывает надпись от взглядов, но она бледно просвечивает и растворяется в потоках света. Шоколад, конфеты. Тощий мальчик протискивается между сидения-

Ф.П. Кин

Их нравы, 1935
ПТ

ми, смотрит с неприязнью на потенциальных покупателей, словно бы не желая расстаться с товаром. Господин рядом с Брюлем рассказывает уже четвертую историю.

Старые дамы промывают косточки отсутствующей подруге. Мило улыбаясь, они говорят о ней отвратительные вещи. Точно так же улыбается вся публика, беспричинно, бессмысленно. Брюль тоже улыбается, смеется шуткам веселого господина и ядовитым замечаниям старых дам.

Три удара гонга. Шепот смолкает. 800 пар глаз жадно смотрят на экран. В 800 головах процесс мысли отключен. 800 человек отдыхают, улыбаются... В первых рядах плачет ребенок. Сначала тихо, потом все громче и громче. При всех стараниях матери это кваканье не утихает даже под звуки джаза. В конце концов, мать с несчастным видом выбирается из зала. Ее сосед безучастно глядит ей вслед. Брюль видел, что они пришли вместе, что это отец ребенка. Он громогласно хохочет над шутками соседей, в то время как всхлипывающая женщина исчезает за боковой дверью.

Пространный и бессмысленный фильм движется к финалу. Действия актеров наиграны. Брюль едва глядит на экран. Мысли скачут. Громко рассмеяться или закричать? Может быть, об этом напишут в газете:

«Сумасшедший в кино»... или просто «Дурацкая выходка шестиклассника». Что скажет господин рядом с ним, если он вдруг встанет и запрыгнет на маленькую сцену. Он уже видит себя на сцене, в руке револьвер, «стоять, ни шагу вперед!» Или нет, лучше: «Все ценные вещи положить на пол!». Об этом уж точно бы написали в газете. Фильм вот-вот кончится, скорее выбежать, станцевать индийский танец... или...

С горячей головой и с глазами, утомленными от сосредоточенного вглядывания в экран, выходит он на улицу. Дождь еще не прекратился. Ругаясь, люди спешат к трамвайной остановке. Продавцы «Экстренных выпусков» нынче мно-

Ф.П. Кин
Профессор, 1934
ПТ

го не заработают, им с трудом удастся продать несколько номеров. Впереди Брюля идет господин, который купил «Экстренный выпуск». У Брюля денег не осталось, но почитать хочется. Он семенит за господином и пытается читать через его плечо. Не выходит. Ничего, он подождет, когда тот выбросит газету. Он следует за ним от улицы к улице, останавливается, когда останавливается тот, и разглядывает витрины. Минут через пять человек роняет газету, она падает в открытый канализационный люк. – Нужно же быть таким неудачником, – думает Брюль.

Где он? Место совершенно незнакомое. Непросто понять где он находится. Улица темная, с пунктирными проблемами света. Тела прохожих отбрасывают длинные гротескные тени, которые нервно танцуют, удлиняясь и сокращаясь. Стоит лишь приблизиться к фонарю, как тень, уплотняясь на глазах, становится объемной; она подгоняет тебя в спину, проскакивает вперед, снова расплывается и тончает до тех пор, пока человек не оказывается в поле света следующего фонаря.

Брюль идет за тенью одной пары. Он бежит зигзагом и тихо говорит сам с собой. Люди, качая головой, смотрят ему вслед. Сумасшедший – вот приговор ночного сторожа. Следующий прохожий думает о нем то же самое.

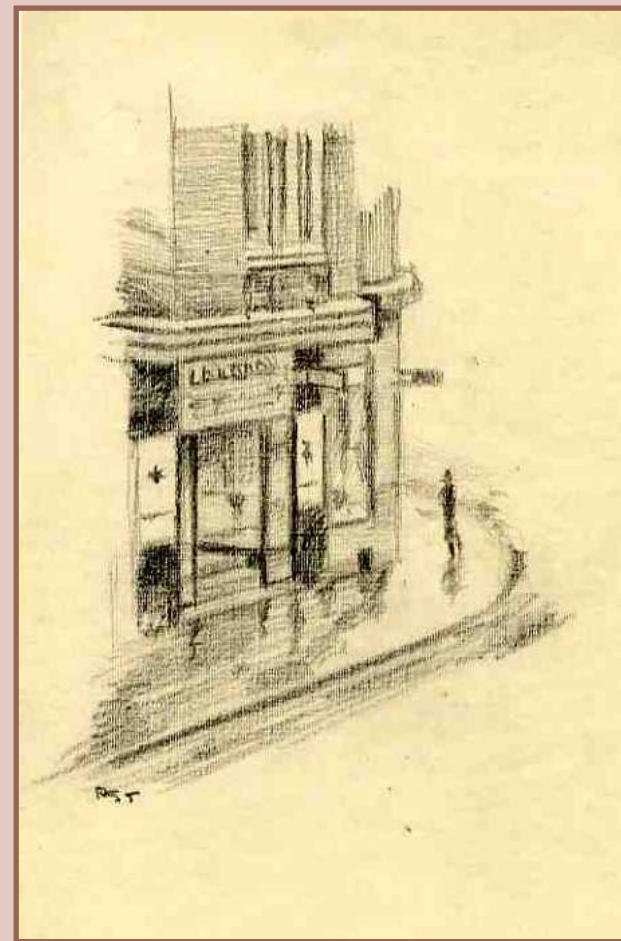
1935

КАРЬЕРА СКАКОВОЙ ЛОШАДИ

Жила как-то раз одна молодая лошадь. Золотошерстая и длинноногая, сильная и стройная. Ее владелец решил – быть ей скаковой.

Бедная молодая лошадь!

Каждый день ее будили в 5 утра; человечек, маленький как гном и уродливый настолько, что даже мысль заглянуть в глаза лошади и увидеть там свое отражение была

Ф.П. Кин
Брно, 1935
ПТ

для него невыносимой, вскакивал ей на спину и, ругаясь последними словами, пускал ее в галоп.

Лошадь бы еще с удовольствием поспала, но как бы она не становилась на дыбы и не кусалась, гном был сильнее. Он стискивал ее ребра и страшно щекотал ее ногами, тонкими и уродливыми, как ноги петуха, он надевал на нее уздечку и проделывал с ней всякие штуки.

Она бегала и прыгала, перескакивала через колючие препятствия, которые щекотали брюхо, носилась галопом по воде жарким летом и холодной зимой. Ее мучитель был ею доволен; однажды в знак поощрения он привел ее в городскую библиотеку, где можно было отдохнуть и почитать последние новости. В отделе, посвященном скаковым лошадям, она прочла о том, как тяжело, оказывается, работают другие лошади, и поняла, как хорошо ей жилось. Я должно быть глупа, подумала лошадь, раз я не нахожу прелести в жизни, - обратилась она с вопросом к директору библиотеки. Тот упрекнул ее в неблагодарности и сказал, что она должна сказать всевышнему спасибо за чудесную судьбу, а не скулить и не отрывать директоров от важных дел.

Вскоре после этого начались первые бега. Гнома заменило существо еще меньшее и походившее на обезьяну, возможно, оно и было обезьяной. Обезьяна ловко вскочила на спину лошади и вместе с другими лошадьми, на которых сидели похожие обезьяны, молодая лошадь помчалась по великолепной травяной дорожке. Но ни остановиться, ни попробовать вкуснейшей травы ей не довелось. Наездник бил и колот ее шпорами, так что в нежных боках образовались раны. Он бил ее кулаками по голове и кричал страшные ругательства ей в ухо. Вдоль дорожки сидели люди, они тоже кричали и бесновались и били кулаками по деревянному барьеру.

Наконец обезьяна замедлила безумный бег, а уставшую и затравленную лошадь еще заставили надеть на шею тяже-

Ф.П. Кин
Карьера скаковой лошади
ПТ

лый и колючий венок. После этого ее оставили на время в покое. Но уже наутро снова появился гном.

Так продолжалось три года. Гномы и обезьяны постоянно сменялись, а лошадь, которая уже была немолодой, приносила хозяину много денег.

Но однажды пришел человек в обычной одежде, большой и сильный, и увел ее.

Теперь она тащила небольшую коляску, в которой возила своего господина из города в город; новый хозяин был добродушен, никогда ее не бил, давал сахару и пел в дороге красивые песни.

Лошадь старела и слабела, и уже не могла тащить коляску.

Тогда хозяин привел ее однажды на большой луг и оставил там. Лошадь побрела. Она брела и брела много дней подряд. Луг кончился, лошадь брела по песку и пыли. Солнце пекло, лошадь хотела есть и мечтала вернуться назад на луг. Но она заблудилась. Уж много дней она не ела и не пила, тело ее болело. Лошадь легла и приготовилась к смерти.

Она вспомнила свою карьеру скаковой лошади, как ей приходилось носить колючий венок, вспомнила сильного господина и великолепный луг.

Поразительно, подумала она, после такой тяжелой молодости – такая чудесная старость и легкая смерть. Тут она умерла.

Она была просто очень прозаической лошадью.

1935–1936

III глава.
ПРИВЕТ СВОБОДЕ
ПРАГА, 1936–1942

*И когда прошлое вырывается на свободу,
его уже больше не поймать.*

Петер Кин

Июнь 39-го, Хржедле
Дорогой Вольфганг!¹
Когда-нибудь я смогу написать тебе радостное письмо: ура, все прекрасно, солнце сияет, я счастлив и все счастливы. Думаю, у меня это получилось бы превосходно. Но пока что приходится плавать в стоячей воде – и это кошмарно, противно и отвратительно. Однако жаловаться не хочу, здоров как никогда (разве что есть какая-нибудь невидимая болезнь). Ты меня не узнал бы, каким я стал мускулистым мужиком! Причина сего препротивнейшая: уже 14 дней батрачу у одного крестьянина. При всем богатстве фантазии вряд ли тебе удастся представить, что это такое: 15 часов чистить хлев, точить косу, косить траву, убирать сено и т.д.

Бзенец, Июль, 1939
Дорогой Вольфганг!
Это мое третье письмо к тебе в Америку, ответа от тебя пока нет. Возможно, я неверно записал адрес, на всякий случай посылаю это письмо твоим родителям. Прошло не более трех-четырех недель с момента моего последнего письма, а, кажется, годы прошли. Я был месяц на полевых работах, потом организация отозвала меня – я должен был получить новое назначение – но тут пришло письмо от Штайнера. У него были, конечно, замечательные наме-

¹ Вольфганг Ледерер, художник, друг Петра с 1936 г. по Официне Прагенсис, к тому времени эмигрировал.

Ф.П. Кин
Иллюстрация к книге Я.Вассермана
«Неизвестный гость», 1941
ПТ

рения, но лучше бы он его не писал. Он разбудил тысячу надежд, не будучи в состоянии исполнить и малейшую из них. Я взял отпуск на 14 дней и поехал в Прагу, чтобы немного осмотреться. Из встречи с Ханой ничего хорошего не вышло. Ах, Вольфи, как глуп все же человек, всегда-то он причиняет боль любимым. По-видимому, иначе не бывает. Люси уже совершенно здорова – ты ведь знаешь, она выпала из трамвая и пролежала месяц с сотрясением мозга и переломом черепа. Сейчас я снова в Брно, немного рисую. Знаешь, я здорово продвинулся, тебя бы это порадовало. Ах, как бы работалось сейчас, если бы будущее не выглядело так безнадежно и отвратительно. Сегодня мне написал Шваб, он на летнем курорте у Лилли Вурц, там же и жена профессора Штайнера. Хана и Люси в маленьком городке на севере Богемии, уже неделю ничего от них не слышал – может, умерли. Милый Вольф, когда пишут в Америку, нужно конечно больше стараться, но что делать. Описать эти дни, похожие один на другой, как макароны, можно только в романе. Главное, мы друг друга любим. Я часто думаю о тебе и чудесном времени, которое мы прожили вместе. Привет свободе. С нежным дружеским приветом –
Твой Петер
Я сегодня немного по-женски настроен, этаким плакса. Напиши мне поскорей по адресу: Рихард Франкл, Бзенец, 322, Моравия.

Лето, 1939
Милая Верка!
Сегодня воскресенье. Мы спали аж до полдевятого, я бы еще мог валяться в постели до полудня, и после полудня – читать, спать и видеть сны, – но нужно написать кучу писем, так что начну с тебя, чтобы расписаться. Вещи тоже, как и я, валяются по комнатам, отворены розовые и светло серые дверцы, ковры зевают и хлопают ресницами, повсюду платья и чулки.

Ф.П. Кин
Иллюстрация к книге Я.Вассермана
«Неизвестный гость», 1941
ПТ

Вчера до ночи рассматривал репродукции картин Коро, мне так беспокойно, я как жеребенок на привязи, который видит перед собой бегущих лошадей, их аристократическую красоту и силу, они бегут... а за углом стоит палач. Чувствую, что-то во мне меняется. С той же любовью, которая прежде была отдана картинам Ван Гога, Гогена, Сезанна, Ренуара, – глаза мои нынче смотрят на Гойю, Домье, Делакруа и Коро.

Только к Мане осталась у меня старая любовь. К мастерам светлых красок и света без тени. Но что-то во мне меняется.

Движения жизни сделались механическими, стою, сняв перед временем шляпу, удивляюсь и восторгаюсь, и весь страх и все надежды собраны в тревожный комок, маленький шарик подвижной ртути. Вопрос «почему?», который эти дни отпечатали в каждой живой душе, в конце концов, приводит к апатии – да ну его! По правде говоря, не знаю, хотел бы я быть счастливым. Не знаю!

Да ну его! – вот мой ответ на все вопросы жизни и смерти. Любовь? Сексуальные связи? Еда? Искусство? Дружба? Одни плюсы? Только иллюзии? Не знаю... Да ну его!

При всей анархии чувств тут есть и свой диктатор: страх перед ударом под дых, голодом и уничтожением.

Мысли о «вчера» и «завтра», как черные очки между мной и прекрасным, тихим, зеленым миром. Зачем познал я столько счастья? Неужто лишь затем, чтобы так мучительно не хотелось уходить? Прошлое страшит, будущности нет...

И в случае с тобой, Верушка, я понял, каким плохим магнитом являюсь в дружбе. Думаю, если бы я не воззвал вовремя к своей милой вороньим криком, остался бы в тебе живым воспоминанием – как мертвый.

Мне бы было очень больно, если бы ты меня списала со счетов.

Хотелось бы, чтобы мои друзья обращались со мной ина-

Ф.П. Кин

Вера Котизова и Петер Кин, 1938–1939
ПТ

че, чтобы не было этого дурного призыва безразличия. Не хочу также, чтобы пришел Эвжен и устроил дежурную встречу с чаем и мрачным молчанием. Ты сделай так, словно я лишь заглянул к вам, и вот уже уезжаю куда-то – в Брно, или в Бзенец, или в Америку, в забытые края. Желаю тебе и Эвжену много здоровья, сил, шлю всяческие пожелания,
Ваш Кин

Новый адрес: Рихард Франкл, Бзенец, 322, Моравия

Брно, 17 августа 1939

Милый, хороший Вольфганг!

Такое письмо от тебя из-за океана – это просто глоток живой воды: выпил – глаза раскрылись! Вперед – и с песней! Тут же чувствуешь незначительность внешних обстоятельств, и что жизнь – в самом себе и в чудесной связи с любимыми: в Америке, Швеции, Англии. Нет, правда, перестаешь ощущать себя таким одиноким; кто знает, быть может, именно расстояние делает отношения такими чистыми и сильными, укрепляет их так, что они становятся источником счастья, в то время как обычно мы весьма расточительны и не ценим реальное присутствие друзей. Я тут же хочу извиниться за то, что не могу написать хорошее упорядоченное письмо, мысли несутся как обезумевшая неуправляемая толпа к выходу из горящего театра, в этом пожаре как всегда погибают самые нежные и красивые. У тебя мало времени для жизни и писем, а у меня его как раз хоть отбавляй...

Пустые дни – как тюрьма без решетки, решетку хотя бы можно потрясти.

Пиши для меня Рихарду, адрес которого ты уже знаешь (Рихард Франкл, Бзенец, 322, Моравия). Если бы удалось найти там модель... – ну, в наихудшем случае – то есть, почему, собственно в наихудшем? – возьмусь за ландшафты. Кажется, я делаю успехи, ты бы порадовался. Да и в

Ф.П. Кин

Автопортрет, 1939
ПТ

человеческом плане, думаю, я избавился от агрессивного дилетантизма с его «Ужасно! Кошмарно! Омерзительно!» При этом не стану отрицать некую склонность к преувеличениям, свойственную мне от природы. Просто все – по крайней мере, мне так кажется – обрело опору и вес. Но, пожалуйста, Вольфганг, не сочти меня таким уж сильным и энергичным: мне было бы бесконечно больно тебя разочаровать, хоть я делаю все, что могу! Ты пишешь, я не должен терять мужества и надежды – нет, я не теряю. На самом деле ведь неважно, насколько велика вероятность исполнения: лучшее и единственно великое в Надежде и Вере именно то, что они позволяют переносить настоящее! Завтра, или послезавтра, или через неделю найдется гостеприимный дом! Не беспокойся! Смеяться и плакать – да, но задирать или вешать нос – нет, этого нет! [...] Я уже давно без музыки, недавно попала 8-ая симфония, я был счастлив. В Бзенце есть хорошее радио, надеюсь на чудесные вечера. Ты так занят, что у тебя нет времени на чтение. А я сдружился с Германом Гессе, так что и Петер Ульрих стал ближе. Короче, я счастлив, вопреки всему. [...] Вольфен! Пора кончать, а то уж и не знаю, что еще наболтаю. Если бы ты знал, как меня поддерживает и окрыляет твоя верная дружба и каждая твоя строчка! Желаю тебе всего наилучшего и немножко лишнего времени! Тебя обнимает твой Петер

Брно, 26 августа 1939 года

Мои дорогие!

Я невероятно обрадовался Верину милому письму, которое пришло вместе с письмом от Алены¹. Так долго ничего не слышал от своих друзей. Люси², которая мне

¹ Алена Эрбенова, приятельница Кина с 1936 г. по Официне Прагенсис.

² Люси Вайсбергерова, сестра Ханы.

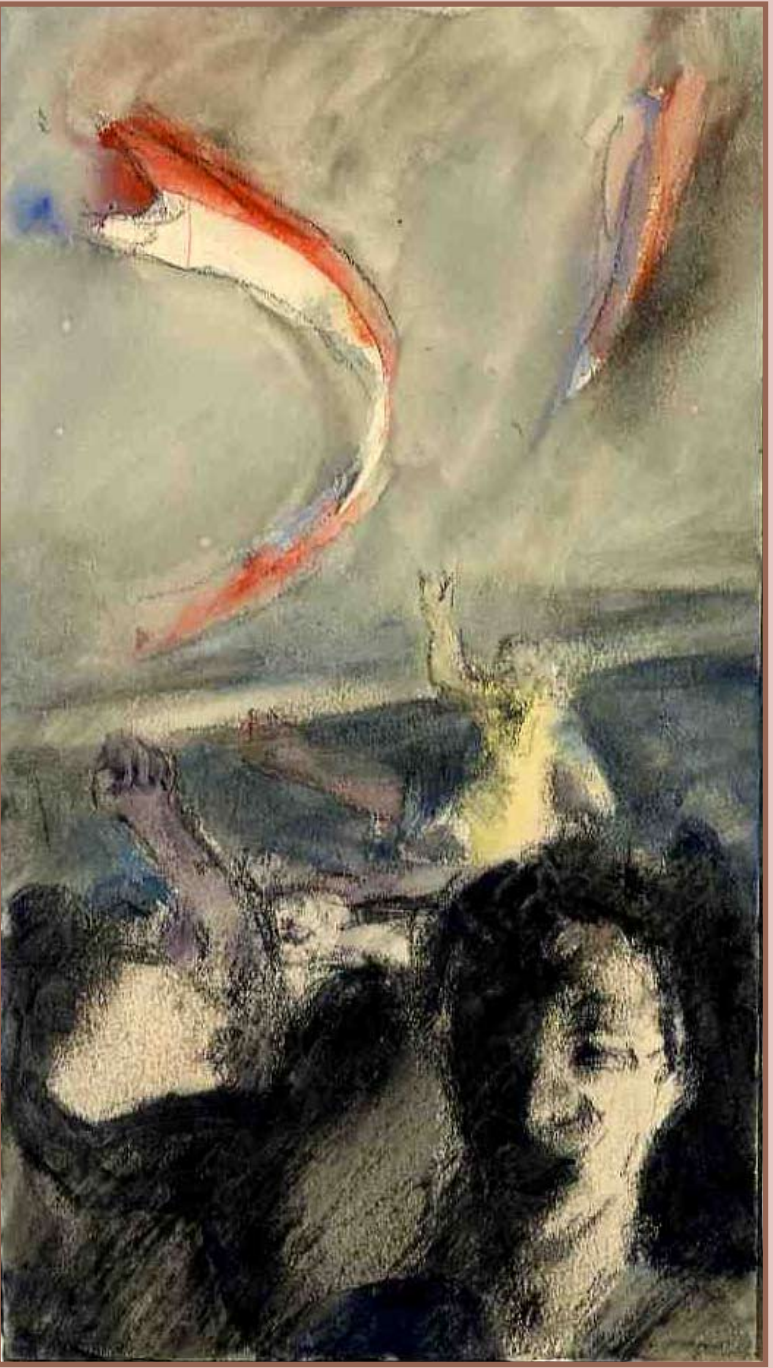

Ф.П. Кин

Автопортрет, 1936
ПТ

пообещала, что будет писать, молчит уже 14 дней, так что не знаю, жива ли она, что делает, и каково душевное состояние Ханички¹. Да, от Вольфганга я получил длинное письмо, у него хорошая работа, и он ужасно счастлив. Велел передавать вам привет. Вам будет интересно узнать, что первое время я тут много рисовал, но теперь мама все это остановила, поскольку мы должны переезжать в Бзенец к дяде, похоже, очень скоро, – все тут выглядит, как в военном лагере, – вещи вывалены из шкафа на постель, ковры на стуле, а на стене, где четыре года висел прекрасный персидский ковер, остался лишь тонкий орнамент, нарисованный пылью. Повсюду стоят огромные чемоданы, белье разбросано по квартире, да, весьма уютно. Книги тоже запакованы, так что читать нечего. Моюсь два раза в день, пользуюсь напоследок услугами нашей прекрасной ванной. Верушка, читая твои милые строчки, я целиком был с тобой, вспоминал тот полдень, когда мы в последний раз виделись. Вспоминал также и один вечер, когда я пришел из Хржедле и спал под деревом на лавке, а утром, без пятнадцати четыре, ехал на извозчике до Прашной Браны, и потом до шести, пока не открылись кафе, ходил по тихой Праге, не мог дождаться того счастливого мгновения, когда увижу Ханичку. Боже, дети мои, правда ли это? Мне страшно грустно. Я тут проститую с разными девушками, от этого рвет. Эвжен, Верка, не получается у меня сегодня писать – не сердитесь на меня. Картины, впечатления – все промелькивает перед пером, как фрукты перед голодным ртом Тантала. Не сердитесь. Мне доставляет радость говорить с вами не о вещах глубоких и тяжелых, а так, чуть прикасаясь к жизни, гладить радость и грусть, как маленького котенка. Сегодня я ходил гулять, лежал у железнодорожной колеи и смотрел на бесконечно долгие товарные поезда, увидел два скорых в Прагу, взгрустнул. Возьмите меня с собой! – попросил бы я их, да нет во мне прежней страсти.

¹ Хана Вайсбергерова, возлюбленная Кина.

Ф.П. Кин

Слет «Сокола», 1936–1939
ПТ

Стожары вели себя как-то очень таинственно и странно, словно бы много знали и ничего не рассказывали. Слышал, как сквозь пелену, смех детей у воды. За мной был киоск, где продавали лимонад и сладости, там сидели два голые по пояс господина и болтали о политике. Пели цикады, за скучной присобранной кулисой леса заходило солнце. При этом я не ощущал полного счастья, мысли о вчера и завтра были как черные очки между мной и прекрасным, тихим, зеленым миром. Зачем познал я столько счастья, неужто затем, чтобы так не хотелось уходить? Прошлое страшит, будущности... нет...
Ладно, когда будем в Бзенце, напишу вам более вразумительное письмо. Верьте, единственной настоящей радостью этих дней было чувство, что я с вами, что дружественные слова любви обращены ко мне. Обнимаю вас, Ваш спокойный и веселый Петр.

Декабрь, 1940 г.

Милая добрая матушка Ледерер!
Не могу выразить, как я обрадовался Вашей открытке и особенно новостям, что у нашего Вольфганга дела идут хорошо, что у него хорошая работа и что он так часто Вам пишет. Я получил от него три письма и всякий раз ему немедленно отвечал, но сообщение отвратительное и неудивительно, что письма исчезают в пути. Последнее письмо я отправил приблизительно три недели назад, а до этого послал одно через профессора¹.
Верьте мне, я думал о Вас и хотел Вам написать. Но когда из-за повседневных забот тяжелеет сердце, ему не перелететь к друзьям. Я знаю, что Вы не сердитесь и не объясняете мое молчание легкомыслием.
В начале нового учебного года я снова стал рисовать в Праге, но с этим теперь обстоит кисло. У меня есть маленькая работа при общине – оформлять статистические отчеты и писать вывески «Куриль воспрещается». Кроме

¹ Имеется в виду Штайнер-Праг.

Ф.П. Кин
Эскиз рекламного проспекта «Прага», 1941
ПТ

того, я изготавливаю обложки для журнала Хехалуц. Со следующим транспортом халуцников я еду в Палестину.
Я часто вспоминаю то ненастное мартовское утро, когда Вы с Вольфгангом были в Академии. С тех пор я существенно продвинулся. Те картины, что Вам понравились, давно записаны – они были всего лишь этапом в пути – две-три я все же храню, чтобы полностью не сжигать за собой мосты. Кто может сказать с уверенностью, что новый путь ведет к цели? Очень хочется надеяться, что этот кошмарный отдых скоро окончится.
Я бы с удовольствием переслал Вам письмо для Вольфганга, но у меня сейчас очень мало времени – сегодня в Праге мой отец, и у меня много беготни, связанной с эмиграцией. Пожалуйста, передайте В. тысячу приветов и мою благодарность за верную дружбу – в ближайшее же время, когда немного приду в себя, напишу ему и перешлю это письмо Вам для него.
Семья Кин снова существует – Вольфганг обрадуется, когда узнает, что г-жа Кин – его старая добрая знакомая Ильза Странская. Если ничего не случится, мы женимся на корабле – я не исправим.
До свидания, милая матушка Ледерер, до радостного свидания. Приветствуйте всех Ваших. Я обнимаю Вольфганга. Всего наилучшего,
Ваш Петер
P.S. Вельсы¹ часто вспоминают Вольфганга, Официна

¹ Рудольф, Ида, Мартин и Томаш Вельс. Архитектор Р.Вельс родился 28.4.1882 в Осеке у Рокицан, Богемия. Учился в Венской академии у Фридриха Омана, посещал курсы Адольфа Лооса. Работал в Карловых Варах, сотрудничал со знаменитым производителем стекла Мозером (1921-1922).Его проекты - знаменитый Дом Шахтера в Соколове (1923), гостиница Белевью и дом медицинского страхования в Карловых Варах. В 1930 Вельс переехал в Прагу, открыл студию с архитектором Гвидо Лагусом, с которым они работали как художники кино и проектировали роскошных апартаменты. 30.1.1942 Вельс вместе с семьей был депортирован из Праги в Терезин,где работал в техническом отделе. Поскольку Мартин учился в Офисине Прагезис,Кин взял его в Графическую мастерскую. 6.9.1943 Вельсы были депортированы в «Семейный лагерь» в Освенциме, где погибли 3.8.1944. Из всей семьи спастись удалось одному Томашу.

Ф.П. Кин
Эскиз рекламного проспекта «Прага», 1941
ПТ

передает приветы, особенно Ружа Весела и Лилли Вурц. Пожалуйста, напишите мне вскоре снова. Рихард Франкл, Бзенец, 322, Моравия. Кто знает, как долго я еще пробуду в Праге.

Рождество, 1939

Дорогая маленькая Эсли, Илюша!
Как странно, я сижу у Эрны с отцом и матерью, в тени меж закрытыми окнами тикают коричневые часы с секретом, маленький сводный братик Лознгрин в мантии тамплиера греет действительно по-рождественски. В кухне моют, громыхает посуда. Эрна вяжет на спицах, бывают же такие мирные острова в наше время. Если бы я так не тосковал по тебе, моя любимейшая, то был бы просто счастлив, мне бы чудилось, что я перехитрил судьбу и могу спокойно наслаждаться теплом и бездумьем.
Что делает теперь моя Эсли? Может, спит – уже 9.30 – или читает прекрасную драму Георга Кайзера, или стоит, прижавшись к белой изразцовой печи, или думает обо мне? Я очень радуюсь тому, что завтра можно будет спать до бесконечности. ...
Скоро мы, вероятно, поедem в Бзенец, и вечером я, по-видимому, уже смогу послать телеграмму. Мама очень любопытна и выжала отца как лимон. Однако сока вышло немного.
Я чувствую себя, как и ты, любимая, дух перехватывает, так хочется все тебе написать, а возьмусь за ручку, слова на кончике пера замерзают. Прежде всего, хотелось бы избавиться от печали и серости этой жизни. Вот Эрна и ее брат Людвиг, мой меценат, который подарил мне прекрасный старинный порванный прорезиненный плащ, и Ида, ее сестра, вдова, единственный сын которой отправился месяц назад в Эрец, как-то со всем справляются. Я должен был бы описать тебе жизнь этого мальчика посекундно.

Ф.П. Кин

Автопортрет с отцом, 1936–1939
ПТ

Без тебя, однако, мысли хромают и не продвигаются ни на йоту, сегодня я слишком устал и глуп вдвойне. Не сердись, если я пожелаю тебе доброй ночи, а также твоим родителям и бабушке. Любовно целует тебя твой Петер.

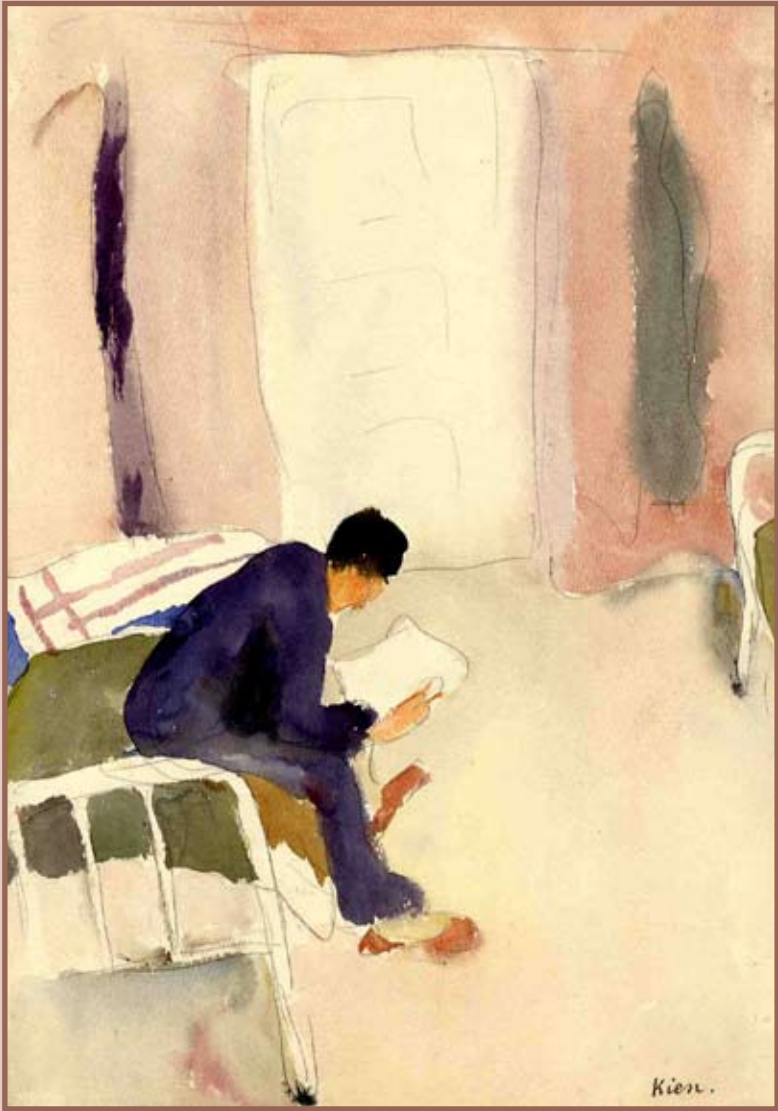
Дорогая Ильза, через две минуты отправляется поезд, старый трясущийся подагрик. Мы сидим в темном купе, напротив нас двое – злые люди, чужие, за фасадом отчуждения спрятана та плачевность, которая составляет жизнь. Страшно чужие... Отец смотрит в окно; мать сидит, съевшись в углу, и ест ириски, вкус которых, кажется, вырос из грязи этого поезда. Все жалкое такое, свист машиниста, шипение пара, рожок начальника станции – все, все навевает грусть. Вот мы отправляемся, можно выплюнуть конфету.
Серые поля и фабрики проплывают мимо. Перед измазанным окном как пьяная мотается грязная занавеска. Телеграфные провода медленно растут перед глазами и неожиданно пропадают из вида, как дети, которые прячутся за спинкой кресла. Вдали появляется деревня, поле с бороздами, как открытая рана...
Как ползет этот поезд! Снова остановка. Входят женщины в платках. Мужчина, около пятидесяти, с лицом, изборожденным глубокими морщинами, шерстяной жилет, рубаха без ворота держится на одной пуговице. Он в коротком пальто. На лице его не осталось ни малейшего места для радости и счастья. На полях лежат последние сугробы снега, одиноко и безнадежно выглядят они на блекло коричневом. Отец смотрит в окно. Сердце судорожно сжимается во мне при мысли, что, быть может, я никогда его не увижу. И мамочка, которая читает газету и держит ее близко к дорогим мне близоруким глазам!
Иные путешествующие читают модные журналы.

Ф.П. Кин

Портрет Эвжена Невана, 1939
ПТ

Эвжен Неван (Нойфельд) родился 18.1.1914 в Мохаче, Баранья, Венгрия. Вскоре семья переехала в Липтовски Миклаш, Словакия. Известный словацкий художник. В 1934 начал учиться в медицинском училище в Праге, в 1936 стал заниматься искусством у профессора В.Новака в Пражской Академии художеств. В 1939 взял фамилию Неван. Первая персональная выставка Э. Невана состоялась в Пражской галерее «Топич», в 1944. После войны Неван преподавал в Академии художеств в Праге. В 1950 переехал с семьей в Братиславу, где преподавал в пединституте. В 1964 издана монография «Эвжен Неван». Последняя персональная выставка состоялась в 1965 в Доме искусств в Острове. Страдая от глубокой депрессии, Неван 15.10.1967 покончил жизнь самоубийством.

Ф.П. Кин
Акварели, выполненные в Бзенце, август–сентябрь, 1939
ПТ

Ф.П. Кин
Акварели, выполненные в
Бзенце, август–сентябрь, 1939
ПТ

26.12.1939

Дорогая Эсли,
Мне очень грустно, что я не смог послать тебе телеграмму; у тети тяжелый грипп и будет лучше, если ты перенесешь свой приезд на потом. Я не могу передать тебе, моя любимая, как мне тошно. Теперь я делаю перерыв....
Дни пролетят быстро – поработать, как следует, вряд ли получится. В просторной квартире холодно, обогревается только большая кухня, при всеобщей болтовне очень трудно сконцентрироваться. Поездка была очень странной. В полной тьме иногда вспыхивала сигарета. Мама положила белую головку мне на плечо и держала мои руки в своих маленьких лапках. Однако было бы в тысячу раз прекраснее, когда бы я держал в своих руках твои руки, любимая, я так ужасно тоскую по тебе, по твоим глазам, по твоей сладкой нижней губке, по твоему обожженному запястью, по твоему любимому ломкому голосу, по твоей походке. Илюша, моя маленькая, не забыла ли ты меня? Пришли, да побыстрее, маленькие фотографии от Берната! Я приеду, по-видимому, в субботу, если можешь, оставь, пожалуйста, вечер свободным. Как бы сильно не любил я своих родителей, ты мне нужна, чтобы жить, дышать, смеяться. Когда я один, мне кажется, что я разбит и располовинен.
Здесь меня ожидала прелестная открытка от Лилли Вурц из Официны. В Брно я говорил с ней о Хески¹, показывал ей его такое странное письмо... Он – потрясающий пианист, будет играть на рояле (Бах, Шопен, Дебюсси). Я заранее радуюсь тому, что мы с ним что-то устроим. Не можешь ли ты разыскать для этого пианино? Вот такие события наполняют мое элегантное письмо к тебе! (Нафтали² – это мой прадедущка). В Брно я нанес следующие визи-

Ф.П. Кин

Пригласительный билет на концерт из произведений Бетховена под управлением Вацлава Талиха, 1940–1941 ПТ

¹ Д-р. Эдвард Хески родился 31.7.1911, депортирован 28.1.1942 из Брно, погиб 11.3.1942 в Избице.

² Письмо написано на бланке фирмы дедушки Нафтали.

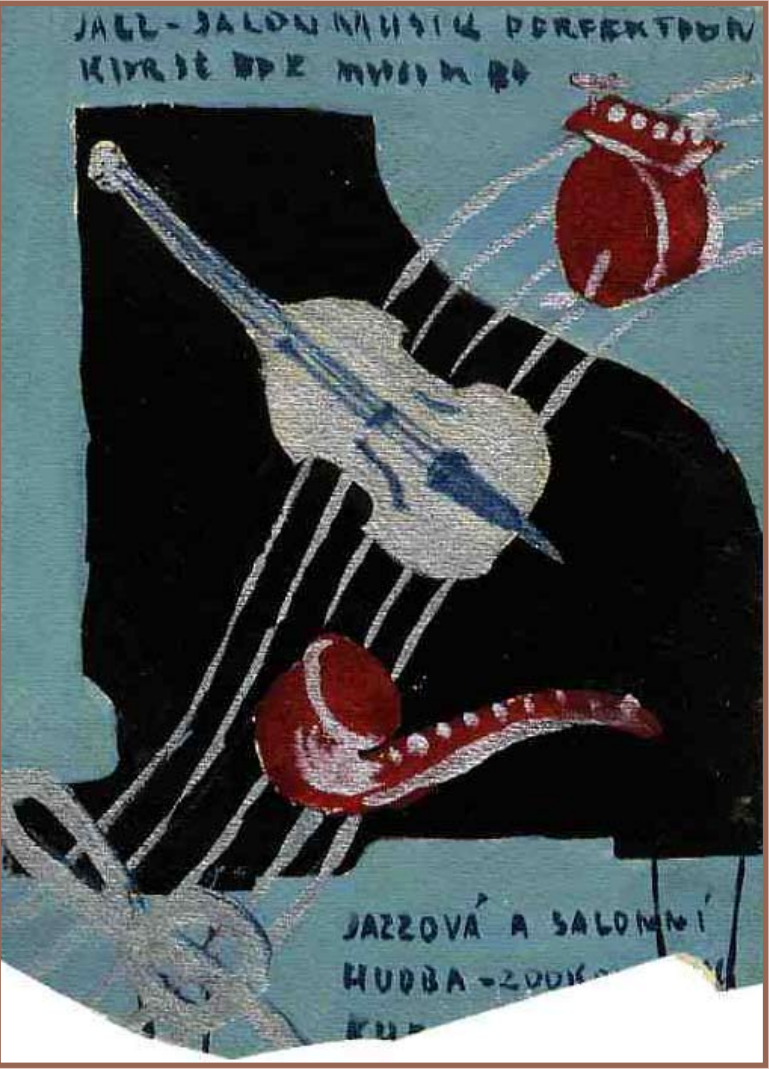
ты: Цахи, Мартин + Стогл, тетушки, профессор Гольдринг (старый учитель французского), Фр. Розенфельд (семья), Фриц, Фр. Гертц (мать Герты), Эдин Хески и еще раз Цахи – все между десятью и двенадцатью. Бзенец все еще пахнет как 15 лет назад – как платоновская идея навозной кучи и дождя... Я сравнил его с плюгой¹. Был в Бзенце у Вилли Функенштейна², взял его с собой на званый ужин в честь забоя скота. Вчера вечером я записал, кому должен послать открытки к Новому году. Получилось 22 адреса. Ильзочка, теперь я заканчиваю – на самом деле я и не начинал – уж слишком коротко мое письмо, да еще и глупо. Передай бабушке и твоим дорогим родителям мои сердечные приветы. Любящий Петер целует тебя.

28.12.1939

Дражайшая Илюша, мне жаль, чтобы я снова разочаровал тебя беглым письмом – но ты не злишься на меня, ОК? Вчера я написал 11 новогодних поздравительных открыток и сегодня должен отправить 5 писем, брр! Я только быстро хочу тебе рассказать, как день протекает, что я всегда думаю о тебе, что мне без тебя, бабушки, отца и матери Марты очень тоскливо и что я люблю тебя. Вчера я спал до девяти (!), потом брился два часа, учусь теперь ножом, большое искусство! Чтобы нравиться тебе во время долгих путешествий. После этого я был у Вилли Функенштейна, у инженера Брифа и Берти Бриф, о которых тебе еще много расскажу. Во второй половине дня я обнаружил свои рисунки и акварели и выбрал некоторые с собой, я был приятно поражен и немного грустен. Порисовал немножечко, так как в четыре уже должен был идти на богослужение; до ужина дела с по-

¹ Плюга (ивр.) – взвод. Так сионисты называли свои группы.

² Funkenstein Vilem, род. 8.7.1921, 16.10.1941 депортирован из Праги в гетто Лодзь, погиб.

Ф.П. Кин

Эскиз афиши «Джазовая и салонная музыка», 1940–1941 ПТ

чтой были закончены и книги прочитаны; нашел длинное двадцатистраничное письмо Вольфганга и читал его как печальное напоминание, нашел стихотворение, вернее, строфу, написанную под натиском ритмов Верхарна; пошел спать; 21.30 – увидел во сне мою дорогую Эсли. Встал в 9.30, программа: рисование, письмописание, бритье, поход в храм, сование носа в книги, радование при встрече с моей маленькой Ильзой. Маленькая, я никак не могу представить, что ты есть, и что через 2 дня я нюхну твоё сладкое дыхание. Я приезжаю в субботу около 20.40 на Вилсоновский вокзал, однако не пойду к Инке, чтобы спастись от упреков, что я уехал на день раньше от родителей – кроме того, этот «отпуск» я хочу провести с тобой! Мамочка тоже прибывает в Прагу, после чего мы уедем в Бзенец. Надеюсь, что сегодня вечером смогу написать тебе, Эсли, правильное письмо! Не обижайся на меня за эту записку. До свидания послезавтра вечером, моя дорогая! Передавай твоим родителям и бабушке мои приветы! Крепко целует тебя твой Петер.
P.S. Ко дню рождения желаю себе самого дорогого, что может пожелать один человек другому: тебя.

Моя дорогая Эсли!
Это Вилли Функенштейн, которого ты знаешь¹. ...Мы сидим в общей комнате плюги. Печка очень теплая, как раз для тебя. Трехчасовой перерыв. Мы с Вилли² рассматривали репродукции. Внизу я тебе перерисовал автопортрет Отто Дикса, который как будто списан с Петера Ульриха. Только черты лица Петера скорее лиричны и печально отважны, а у Дикса драматически жестокие, он выглядит рядом с ним как рыцарь-разбойник рядом с трубадуром.

1 Замечание относится к рисунку в письме.
2 Вилли Функенштейн (см. рождественское письмо к Ильзе).

Ф.П. Кин
Книжная иллюстрация, 1939–1941
ПТ

Ф.П. Кин
Эскиз афиши, 1936
ПТ

Петер Ульрих! Как это уже все далеко, и каким чужим это стало! В июле исполнился год с тех пор, как мы с ним попрощались. Именно так прощаются, когда полагают, что увидятся через два месяца: Пока, Петер! Пока, Петер! У меня много его прекрасных писем, таких, которые в последствии опубликуют ретивые издатели с факсимиле в приложении, письма, которые были написаны с кокетливым прицелом на будущее издание; но с тех пор, как он в Швеции, он мне писать совсем перестал. Он все более и более превращается для меня в сказочного зверя; да был ли он вообще? Были ли мы, действительно, друзьями? Или мне все это только пригрезилось? Связки писем вообще являются неким волшебным храмом, который витает над головой. И когда прошлое вырывается на свободу, его уже больше не поймать. Очень странно читать письма от людей, которые прекратили для нас существовать, письма задушевные, относящиеся к периоду глубочайшего доверия, – теперь они ухмыляются нам мертвой маской прошедших дней.
В середине маленький Амур, который мне не нравится, поэтому я его опустил¹. Я могу лишь до некоторой степени представить себе состояние человека, который, чтобы вызвать в себе ощущение жизни, это вечное вперед, должен смотреть назад; чье самое замечательное будущее заключено в верности его памяти. Слово человек, объехавший весь мир, теперь обречен сидеть на платформе и смотреть на проносящиеся мимо поезда. Ничего более я не боюсь так, как это сочинительство настоящего, затемненного прошлым, пропитанного бывшим. Как это все надоело – и нужда, перешедшая всякие границы, и выдуманные страдания. На каждом перекрестке разверстая бездна – пресыщение, тоска, ярость, беспомощность. Может, ты считаешь, что

1 Замечание относится к рисунку в письме.

Ф.П. Кин
Набросок к пластинке «Его божественный голос», 1940–1941
ПТ

Ф.П. Кин
Книжная иллюстрация, 1940–1941
ПТ

«Переписывайте пластинки на новейших машинах «Его божественный голос». Голос наш инструктора. Ф.П. Кин и график Орхейзер. 33 вариации во всех тональностях на тему «дальше»: Allegro-Presto-Prestissimo-Finale. Гнев по поводу потерянной Виндзор (честь). «Перевернуть». Голос инструктора, продолжение – 30 вариаций на тему «Покой – покой – покой!!!». Каденция, господин кантор...
Финал: выстрел пушки, секундная тишина, потом весь оркестр курса (большой барабан г-на Сметаны, пожалуйста, перевернуть)!

я путано выражаю свои мысли, вероятно, тебе эти страхи не так знакомы, и ты воспримешь мои слова как танец на льду болтовни. Ведь так тяжело быть внятным в тех вещах, которые от самого себя закрыты. Смотришь словно сквозь замочную скважину.

... Сегодня я попробовал сделать несколько листов к Георгу Кайзеру. Ведь я отовсюду выброшен. Вот один из эскизов допроса в полицейском участке. Еще недавно у меня было угрюмое настроение. Утренняя и вечерняя молитвы, все было мне отвратительно: искусство, любовь, картины природы. Одно из цветных пятен на полотне. Женщина? Чтобы лежать с нею в постели? Луга, леса, реки, трава и вода. Удовольствия... Красота, боль. Не то, чтобы мне не хватило мужества на логический вывод из этого – и не мысли о родителях удержали меня от него – я просто не позволил мыслям течь в этом направлении – хотя они и вполне нормальные! Я люблю жизнь, глупую, безобразную грубую, мучительную, великолепную, без всяких «почему», просто люблю – и все. ... Я люблю ее; я говорил это еще прежде, чем познакомился с тобой, моя любимая: я люблю мое одиночество, мою печаль, мой страх. ... А теперь я люблю тебя, Ильза; все сокровища мира, все картины, все колодцы и поля, все краски на моей палитре, все стихи, все рассказы ... это фон для моей любви к тебе: я тебя люблю. Какое счастье, что ты есть: твои глаза, твои руки, твой голос. Я все еще боюсь, что это сон.

Если однажды я поведу себя плохо по отношению к тебе, если мы будем глупо и безобразно ссориться, как это бывает между людьми, хотелось бы вспомнить это письмо: но я боюсь, что счастье прошедших дней не сможет сохранить от краха в будущем. ... Хотелось бы, чтобы мы всегда могли смотреть в прошлое без горечи.

Илюша, кажется, я начинаю молоть вздор, и при этом еще всего без четверти десять. Кажется, я совсем разучил-

Ф.П. Кин

Ночная Прага, 1936–1939
ПТ

ся писать письма и чувствую себя, как человек, который встал с постели после долгой болезни: он думает, что уже может ходить, но падает пластом.

Слева сверху – Арлезианка, мне показалось, что она похожа на тебя¹. Но это не так. Ты ведь ослик, мой осленок, и женщина Пикассо, голова которой опирается на руку. Я страшно тоскую по тебе, Илюшенька.

Сегодня луна холодна как лед, глаза замерзают, если долго на нее смотреть! Когда я был маленьким, я боялся стать лунатиком.

Эсли, спокойной тебе ночи. 1000 поцелуев. Твой Петер. Приветы бабушке и the two parents², это не просто плохой английский язык, а звучит как в варьете: бабушка and the two parents! Непревзойденный номер: дрессированные животные на арене – эквилибристика в апогее!

7.1.1940

Дорогая Рене

Пишу тебе второй раз за этот месяц. Сегодня все не веселы – мы сидим и рассматриваем картинки, Ильза изображает белого медведя, прильнув к горячей строительной печке. Георг в Братиславе, Цахи – в Брно, рассеянные близких ужасно. Каждый день уносит еще одного друга в далекие края. И мы чувствуем себя как крысы, у которых есть выбор между прыжком в море и ожиданием, пока море не явится за ними. Мы решились на прыжок. Не сердись на Ильзу за то, что она не пишет, это сейчас очень трудно. Если бы я тебя знал немного лучше, я бы попытался писать вместо нее – сейчас, однако тебе придется удовлетвориться знанием того, что о тебе думают и тебя любят. С сердечнейшими пожеланиями, твой Петер.

¹ Замечание относится к рисунку в письме.

² Двое родителей (англ.)

Ф.П. Кин

Книжная иллюстрация, 1936–1939
ПТ

28.1.1940

Дорогая Рене!

Я не получил еще ответа на мое длинное письмо, поэтому не могу написать тебе больше, чем тогда, потому что пришлось бы повторяться и «daïgen» – спроси у Кэте, что это значит. Вообще у меня весьма странное ощущение от писем к тебе, ведь единственное, что нас связывает, это то, что ты сестра Ильзы и подруга Георга. Хотя я с тобой немного знаком по твоим письмам, все же с моей стороны довольно нагло писать о вещах, которые ты обсуждаешь со своими родителями. Я бы охотно поболтал с тобой о книгах, картинах и музыке, но не хотелось бы делать этого прежде, чем ты напишешь лично мне. Посему удовольствуюсь приветом (сегодня нельзя ожидать особого повода) тебе, Кэте, Зеппу и Душу. Петер.

Без даты

Дорогая Ренка, ты, наверное, удивляешься и тебе больно, что Ильза тебе совсем не пишет. Я надеюсь, что ты не пришла к выводу, что она тебя меньше любит, потому что не может ради тебя вырваться из нынешнего состояния замкнутости, в которой пребывает. То, что могло бы тебя обидеть, должно тебя тронуть, потому что исходит от наплыва чувств. Я не могу в письме говорить об этом подробнее. Мне бы хотелось предотвратить охлаждение чувств вследствие некоторого перерыва в письмах. П.

12.4. 1940.

Мои дорогие, сегодня день рождения Кэте. Желаю всего наилучшего и побольше удачи. Этими двумя словами я должен удовлетвориться, так как Странские потеряли мое длинное письмо – оно лежало здесь несколько дней – а теперь вдруг нужно быстро-быстро отправлять, ничего не подделаешь. Solong. Петер.

Ф.П. Кин
Прага, 1937
ПТ

Ф.П. Кин
Прага, 1937
ПТ

8.6.1940

Дорогой Хази ¹!

В воскресенье меня проверили в амбулатории. Врач нашел двусторонний порок сердца, и, как ты видишь из прилагаемого свидетельства, запретил мне работать, поскольку этой работой я могу нанести непоправимый урон здоровью. Поэтому прошу тебя немедленно меня отозвать и назначить мне замену, что в связи с последним развитием событий не должно быть сложно.

В это время, когда никто не хозяин своей судьбы, и никто не знает, куда подует ветер завтра, для меня невыносимо расстаться с Ильзой. Пожалуйста, замени также и ее, и это тем более легко, что она является членом плюги, а не работником фермы. И для нее сейчас можно легко найти замену; Лене Хауэр и Цахи, например, выразили большое желание отправиться в плугу. Я в ближайшее время буду продолжать жить у Ильзиных родителей, и уже из-за этого мне важно, чтобы Ильза одновременно со мной ушла из Ахшары. Кроме того, у нее есть возможность вернуться в должность в виде портной.

По моему мнению плюга в последние дни научилась многому. Если и впредь повезет, она себя еще покажет. Нужно только добиться пробуждения радости и инициативы. Там нет никого, кто идет впереди, а не только следует вместе со всеми. Очень благотворно подействовало возвращение Вилли Фрейлиха, он отличный парень, работающий, выносливый, скромный, умный и любит учиться. Жаль, что он уезжает!

Надеюсь, что ты вскоре выполнишь мою просьбу.

Врача, который меня осматривал, порекомендовал мне Макс Вайс, которого я случайно встретил по дороге.

Ф.П. Кин
Автопортрет, 1939–1940
ПТ

¹ Хази – Герхард Рубичек. Родился 7.8.1919 в Теплиц-Шёнау (Теплице). Сионист, член движения «Ахшара». Депортирован в Терезин из Праги 10.8.1942, в Освенцим 19.10.1944. Погиб.

Июнь, 1940

Мой хороший Вольфганг!

Сегодня прибыло письмо твоей матери, она пишет, что ты уже давно не имел обо мне никаких вестей. Так что хочу написать тебе еще одно письмо, несчастное письмо, которое никогда тебя не достигнет, и все же, я хоть как-то к тебе приблизился и смог представить тебя, дорогого, скрытого покрывалом времени. Прошел ровно год с той поры, как я был у крестьянина, и теперь я с двенадцатью молодыми людьми, в том числе с моей любимой Ильзой, в большой усадьбе. Как невообразимо давно это было, когда я писал тебе в тихой, маленькой деревенской комнате с тяжелыми, странно душистыми рубанками, с глубокой тоской и сердечной печалью и, вместе с тем, с каким-то ощущением счастья от пережитого страдания и от одиноко шумящих лип под окном. Вспоминая те дни, я всегда почему-то вижу в сумерках семь гор и дальнюю Прагу, или как на тяжелых рабочих лошадях едут верхом по мелководью.

Здесь жизнь шире, переживания расплываются по поверхности. Тяжелая работа притупляет, из каждой минуты отдыха хлебаешь непредвиденное наслаждение; мое сердце спокойнее, так как Ильза со мной; только иногда, когда я думаю о дальних мирах Гойи и Рембрандта, от которых мне пришлось убежать, о солнце в картинах Ренуара и Боннара и о подвижной темноте Домье, о пыльном ателье с косыми окошками, которые светятся радостью от происходящей там работы, о совместной жизни с друзьями, для коих империя красок является единственной, любимой родиной, – глаза мои глядят вверх. Что поделать, приходится гасить в себе тоску по кисти и палитре, по гусиной коже моего вечно скверно загрунтованного холста, по счастью сведения красных, синих, черных участков в единую систему. Я никак не могу уразуметь, что и я был гражданином в этой империи разума и порядка! Мы рабо-

Ф.П. Кин
Автопортрет, 1940–1941
ПТ

таем по десять часов в день, и даже если вечером удастся хоть немного порисовать, то это все-таки совсем не то! Перед тем, как я сюда приехал, я много рисовал, ландшафты, портреты, думаю, я хорошо продвинулся вперед. Но это как зеркальный лед – шаг вперед, два назад! Как тут достичь цели? Теперь у нас прекрасно, конец рабочего дня, керосиновая лампа стоит на столе, спиртовой кипятильник гудит, люди пишут, читают и играют в шахматы, моя Ильза сидит рядом со мной, положила подбородок на мое плечо. Завтра спозаранку дела – снова идти в луга на сенокос. Вольфганг, мои дружеские чувства не охладели за этот год! *Loîn ueux, grès ты соеиr*¹! Всего хорошего! До свидания! Верный дружбе, обнимает тебя твой Петер. P.S. 100 писем к тебе, кажется, пропали!

Октябрь, 1940

Мой дорогой Вольфганг!
Настоящим делюсь с тобой приятной новостью, что вступил в законный брак. Во вторник 1 октября мы с Ильзой поженились. Вместе с тем вчера от твоей дорогой матушки, которая ни о чем не знала, пришло милое, очаровательное письмо, которое звучало как поздравительное. Она также пишет, что ты получил оба моих последних письма. Далее, начался на днях мой курс прикладной графики, у меня 21 ученик, в основном от Роттера, из Официны Прагензис – Фриц Кляйн и госпожа Майова-Реннер, которые тебе сердечно кланяются. Этой парой фраз сообщаю о том, что происходит в смысле дел. Можно было бы добавить еще несколько слов, но они мало что изменят. В конечном счете, этим сказано все – и ничего. Когда мы так далеко друг от друга и, к сожалению, отношения уже не так тесны, остается лишь сообщать о событиях дня. Об истинных вещах можно было

1 Глаза далеко, сердце близко (франц.).

Ф.П. Кин
Портрет Ханы Вайсбергеровой, 1936–1939
ПТ

Хана Вайсбергерова (Пштрсова) родилась 26.12.1920 в Праге. Подруга Кина в 1937-1939 гг. Депортирована в Терезин 5.7.1943 из Праги, затем 12.10.1944 - в Освенцим. В январе 1945 Хана и ее сестра Люси сбежали с марша смерти. Профессор В. Новак помог найти в Праге убежище для сестер. После войны Хана вступила в компартию, ее сестра Люси, напротив, сбежала о коммунистов на запад. Хана принимала участие в документальном фильме о Петере Кине «Художник номер 855», режиссер В.Полесны. Умерла в Праге.

бы и ничего не писать... да и зачем? За последнее время я немного подучился жить: пафос повседневности трогает меня все реже и реже, надеюсь на меньшее и боюсь меньше, люблю меньше и ненавижу меньше, сплю меньше и бодрствую меньше, со мной происходит как с бургером в одной сказке, который стал «поспокойнее», или даже «более зрелым». Короче говоря, неуклонное развитие душевного заизвесткования, которое становится ощущаемым, когда в один прекрасный момент перестаешь чего-то ждать от жизни, чуда или сказки, немного усилило выделение желчи. В остальном я в лучшем настроении... (я уже не тот попрыгунчик-худырка Францпетрушка, известный озорник и петушок, узнаваемый издали, когда он бежит по переулку) – никогда еще так хорошо не выглядел, наел себе жирок. Но иногда, когда солнце вдруг выглянет из уголков глаз, или когда вечер обнимется с тобой в тумане нижнего города... Кажется, что я что-то потерял, что раньше я был богаче. Если бы в той же лихорадочной спешке я попытался плыть против потока, может, сделался бы лучшим художником – тогда я еще совсем ничего не умел, а сейчас по сути уже ничего не могу, – у меня были шансы преодолеть хоть какой-то участок пути в Бесконечность – от Подмоклы до Букстехуде¹. Возможно, все дело в том, что я отказался от мысли оставаться ребенком, поскольку понял, что не смог бы быть – и хотеть быть – добрым – потому что быть добрым – значит отдать замерзающему брату половину своего пальто, а больному – целое. Я уже не прихожу в бешенство, видя всю подлость, злобность и некомпетентность; я не двигаю завесу кеер smiling, не держу гневную маску, закрывающую нос или уши млекопитающего, ибо сказано: «Кто без греха, пусть кинет в них первым камень!» В шко-

1 Т.е. выбиться из грязи в князи, из деревни Подмоклы – в знаменитости (Букстехуде – великий композитор и органист).

Ф.П. Кин
Портрет Ильзы Кин, 1941
ПТ

ле это стали бы анализировать так: а) Герой (в смысле «объект анализа») недоволен собой и миром, не может больше сочинять стихов и обещается насрать на всё; б) он обнаруживает, что охотно ест жареные легкие, конфеты и бычий суп, охотно пишет картины, рассматривает книжки с картинками, влюбляется в себя и обсуждает своего соседа, и вследствие всего этого уже не может на все насрать; в) он покупает себе 10 литров смеси [нрзб.] и собирается взять всё на себя, уважить отца и мать, полюбить друзей, стать порядочным художником (ибо уже не может стать порядочным человеком) и на все насрать, что его не привлекает. Занавес.

Знаешь что, может быть отложить, наконец, в сторону лживые одеяния и осудить ложь еще до того, как станешь (как Толстой) старым, ворчливым импотентом с испорченным желудком – но тут я наверно несправедлив. Между тем я сдерживаю себя, стараясь закрывать глаза на очевидную, высосанную из пальца ложь, и культивировать ее отборные сорта, включая чёрта с футляром для рогов и копыт...

Вольфганг, будь здоров, работай смело и не забудь твоего любящего собутыльника и сотрапезника –

PS. Кэте Стрениц и Рене Стрениц ... пошлешь запрос? Paul Fantl, New York State, Flashing I., 47-18, Robinson Str.

Октябрь, 1940

Дорогая Рене, я всегда мечтал о младшей сестре, так что можешь себе представить, как я счастлив «женившись в вашу семью» (точнее, счастлив, став членом вашей семьи). Теперь у меня есть перспектива стать «дядей», то есть не быть единственным в моем поколении, если не считать нескольких двоюродных братьев-сестер и мою жену. В твоих письмах ты проходишься насчет «Военных браков». Но я все-таки полагаю, что не каждый брак во время войны должен быть из этой категории. Хорошо, что

Ф.П. Кин

Обнаженная (Ильза Кин), 1941
ПТ

Ильза
позирует
Петеру Кину,
1941
ПТ

я пока тебя мало знаю. Как приятно будет познакомиться со своей младшей сестрой, ведь незнакомцам есть, что рассказать друг другу, не правда ли? Я сейчас преподаю. Это довольно сложно, и гораздо более утомительно, чем я предполагал. Ко всему прочему, большая ответственность. И меня не утешает тот факт, что и другие с этим как следует не справляются. Надеюсь, что мои собственные работы он этого не пострадают. Вот уже полтора года как у меня нет своей настоящей мастерской (здесь это называют ателье). Не очень-то приятно быть выброшенным из культурной среды. После того, как дилетантизм остался позади, я занимаюсь одинокими поисками, у меня нет ни критиков, ни единомышленников. Может это и к лучшему, буду бороться в тени. Когда-то давным-давно я видел тебя с Георгом у Манеса ¹, это было днем. Дорогой рогалик, до скорого свидания. Привет Кэте, Сеппу и Душинскому. Новоиспеченный брат обнимает тебя.

Петер

Октябрь, 1940

Дорогой Вольфганг, хочу поделиться мыслями, возникшими при чтении твоего милого письма. Каждое письмо с воли для нас большая радость, а уж такой знак преданности и добрых чувств превратил весь день в праздник. Я еще и сейчас, вечером, околдован твоими словами, полными дружбы, ума, понимания и знания жизни. Бог мой! Разве тихий ручеек меньше принадлежит Природе, чем водопад, разве Коро меньший художник, чем Гойя? Я совершенно убежден, что у тебя большое и чистое дарование, и что ты именно такой человек, в котором заложена способность развивать свои задатки! Подумать только: начинающий художник, живущий целиком в своей работе, после долгих лет поисков и ошибок, должен найти свою форму – не модную одежду модной расцветки – нет, это

Ф.П. Кин

Интерьер, 1939–1940
ПТ

¹ Выставочное помещение на берегу реки Влтава.

именно его собственную, прилежно выработанную форму, несущую его мысли и открытия. Ты, однако, силой обстоятельств должен зарабатывать на хлеб – но это ведь не значит, что ты не готов в любой момент бросить все свои силы на борьбу за свое искусство, даже если на то, чтобы стать победителем, уйдет много времени?

Ты пишешь, что тебя угнетает склонность к рассматриванию натуры глазами других художников, и это ввергает тебя в сомнение; но эти тенденции – в полном соответствии с тенденциями нашего века, который иным и быть не может. Что такое наша живопись, от Пикассо до Новака, как не передача иными живописными средствами художественных ценностей прошлых эпох? Ах, мой дорогой, если бы мы были вместе – насколько более уверенным стал бы тогда наш путь!

Я уже целый год двигаюсь в одиночестве, время от времени, правда, хожу к Новаку, но его равнодушные оценки не способствуют ни малейшему продвижению! Правда еще иногда встречаюсь с Нойфельдом, но он настолько прирос к своей собственной художественной платформе, что вряд ли может быть путеводной звездой, он не ведущий, он всего лишь попутчик. ...

... Для меня этот путь опасен – двадцать один год двигаться одному, не имея никакого иного ориентира, кроме самокритики и пары репродукций, появившихся в прессе! Ты пишешь об односторонности художников – как это верно! Руо, Кокошка, Шагал, или Дерен, Матисс, Сезанн – это матадоры, которые неуклонно идут вперед и ничего не знают, кроме своего пути.

Всеобщий лозунг: «Да – да, нет – нет»!! Такое всемирное искусство а ля Пикассо неукоснительно заводит в тупик самый плодотворный талант.

Однако сперва мы должны найти путь, которому будем следовать всю жизнь – никакой полигамии в искусстве! Но и никакой догматики! Я все же верю в то, что натуры,

Ф.П. Кин

Прага, 1939–1940

ПТ

Ф.П. Кин

Прага, 1939–1940

ПТ

от природы непоследовательные, могут загореться быстрее всех!

Я бы с огромным интересом посмотрел твои работы и так же охотно показал бы тебе картины, которые пишу – с небольшой долей уверенности и большой дрожью в коленках. Особенно я продвинулся в пейзажах – про некоторые Новак сказал, что это готовые картины! Моя самая большая боль в том, что я слишком сильно завишу от модели, и что я (все еще!) слишком быстро пишу. Но я чувствую, насколько улучшилось бы и это, если бы я, наконец, смог работать с утра до вечера. Тогда я больше доверял бы самому себе и смог бы благополучно проругать между Сциллой и Харибдой. Я уже начинаю упорядочивать прежде слишком импрессионистические краски и собирать все формы в одну, короче, я определенно уяснил для себя, что скоро смогу сбросить с себя детскость [нрзб.] – был бы только подходящий для этого климат!

Для меня большая радость, что ты, как и я, принял в сердце мою любимую книгу книг – Жан-Кристофа. Я эти три прекрасных тома так часто перечитывал, что теперь заглядываю в них как в Библию! С какой очарованностью я сопровождал маленького Жан-Кристофа¹...

Добрый дедушка и мать Луиза у колыбели ждут Мельхиора! И «В Париже» – эти прекраснейшие истории мещанской культуры Франции! Это пестрое сборище людей, это болото модной жизни искусства, эта поверхностность политических суждений! И чудесно печальная, нежная история любви бедной Антуанетты! О, Кристоф и Отто Динер, Минна, Манхейм, Ада, Сабина, Ойлеры и Оливье! Восстание, бегство, Анна, Грация, Георг... я мог бы еще долго декламировать любимые имена, каждое из них принадлежит человеку. Разве эти люди не представляют нам

¹ Жан-Кристоф – герой одноименного романа Ромена Роллана. Луиза – няня Жана-Кристофа, Мельхиор – отец, Отто Динер – друг. Далее перечисляются имена разных героев романа.

Ф.П. Кин

Прага, 1939–1940

ПТ

Ф.П. Кин

Бзенец, 1939

ПТ

жизнь более пластичной и полнокровной?! Ну что ж, с таким родством душ и с Карамазовыми Жан-Кристоф в хорошей компании; однако настолько же исключительным как эти трое является сегодня и высшее дворянство, показанное в «Войне и мире» Толстого (читаю, затаив дыхание, эту изумительную вещь). «Обыкновенная история» Гончарова, «Воспитание чувств» Флобера – эти книги современному поколению столь же чужды, как понятие «родство душ» или «Кристоф» – они доставят тебе уйму радости, хотя может ты их еще и не читал. Знаешь ли ты, что твои письма еще больше приближают тебя ко мне, ты становишься душевным другом, я так рад, что ты прочел «Жан-Кристофа», – и я к тебе приближаюсь, представляя себе, как ты теми же словами греешь сердце, плачешь над теми же судьбами, над которыми я проливал слезы, и смеешься в тех же местах, где смеялся я. За последнее время и я прочел много замечательных книг: «Генри Эсмонда» Теккерея, новеллы Мопассана, прозу Франца Кафки... однако, не буду составлять книжных списков.

Весной, когда я в той школе вел курс по истории культуры, я познакомился с несколькими любознательными молодыми людьми, и теперь, вернувшись с сельских работ, имею удовольствие служить им проводником в дебрях искусства.

Это прекрасная задача, я открываю в себе дар учителя; что мне, как мне кажется, удастся, – это способствовать дифференцированным процессам мышления без того, чтобы принимать на себя роль ментора, мешающего творчеству. С грустью читал я о твоём разочаровании в девушке, с которой я с таким удовольствием общался! Продумай как следует, как тебе дальше с ней себя вести. Возможно, твои ожидания были слишком напряженными. Вообще-то одно единственное письмо не может дать полной картины. Я уверен, что тебе надо было еще до поездки в Мексику как следует узнать ту девушку, на которой ты хотел же-

Ф.П. Кин

Эскиз обложки журнала мод «Ева» (Официна Прагензис), 1940
Архив Художественно-промышленной академии в Праге

ниться. Я далек от мысли давать тебе советы, но все же ужасно было бы на основании всего лишь одного письма потерять стоящего человека!

Ну вот, ты уже успокоился и все обдумал, и когда ты получишь мое письмо, ты, надеюсь, уже будешь женат!

Тебе, конечно, не терпится что-нибудь услышать об Ильзе, но поскольку она это письмо непременно прочтет, я эту сплетню приберегу на будущее. Скажу лишь, что я ее совсем, ни капельки не люблю! Ха!

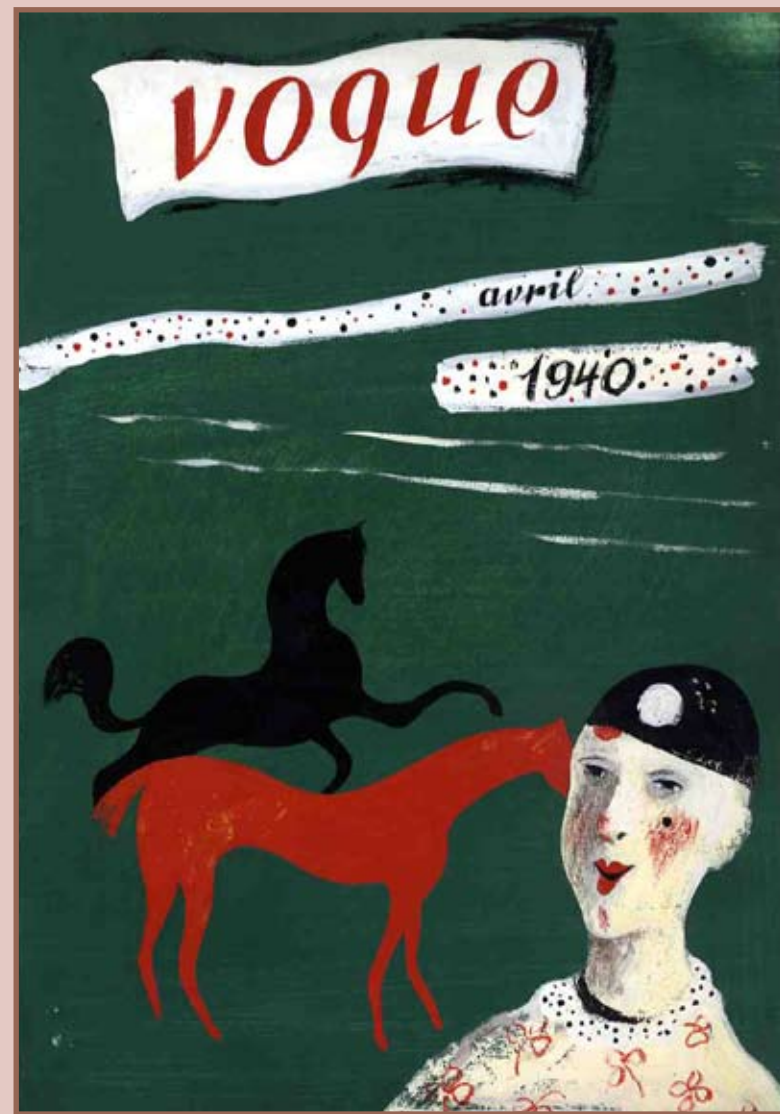
Надеемся, мой дорогой, что все это пройдет благополучно, и мы скоро свидимся. И что ты мне никогда больше не станешь писать глупости вроде того, что ты сожалеешь, что мир не состоит из ангелов, и что ты ничем не можешь этому миру помочь!

Всего самого наилучшего и всяческих успехов во всех живописных и амурных похождениях! Истинно дружески обнимает тебя твой Петер.

Прага 25 ноября 1940

Мой дорогой Вольфганг!

Впервые, когда я пишу это письмо, мне хочется подкрутить номер года в дате, ибо кто знает, когда эти строки тебя достигнут; да, число и месяц никак не изменишь, а вот год – год можно запросто сделать главной координатой для узнавания. Знаешь ли ты, что прошло двадцать месяцев с того дня, как мы сказали друг другу адъё на Вильсоновском вокзале. Потом меня приветствовали твои вдохновенные открытки из Италии; в то время я действительно думал, что скоро за тобой последую. Я еще не полностью расстался с этой надеждой, и вполне верю, что мы, пусть даже через 20 лет, но обязательно отпразднуем встречу, которая сегодня невозможна, ибо друзья со схожей судьбой разбросаны по земному шару. Ты фактически единственный друг периода этих душевно-счастливых лет, когда моя голова была заполнена изюмом, а руки – на-

Ф.П. Кин

Эскиз обложки журнала мод «Вог» (Официна Прагензис), апрель, 1940
ПТ

гlostью, счастьем и несчастьем жизни, и я был все время в ожидании какого-то невероятного будущего.

Не скажу, что я за эту пару месяцев стал «старым» – но кое-что я усвоил из опыта еще-не-прожитого: я пасую перед банальностью происходящего – интеллектуальная изоляция совсем не способствует тому, чтобы дух ходил бодрячком или по-детски резвился; происходящее куда страшнее, чем ты можешь себе представить; оно не только держит тебя в цепях полной личной изоляции, оно становится постоянно висящим над тобой бичом, уничтожает время со всеми его проблемами, н а ш е время, м о е время; нет даже поверхностного соприкосновения с культурно-этическими, социально-общественными слоями окружающей среды – и интересы ржавеют, чахнут, становятся рудиментарным в о с п о м и н а н и е м, которое лишь хронологически связано с жизнью.

Откуда взяться зрелым размышлениям по поводу мировой политики? В нашем положении мы можем думать только о выживании, умозрительный взгляд на данный предмет не выдерживает испытания, он умирает после нескольких растерянных минут, он превращается в химеру.

Таковы приблизительно игры, в которые играет с нами жизнь – они определенно тебя удивят своей рутинной и банальной формой.

У меня курс графики, 25 учеников, работаю по 10 часов ежедневно, в субботу и воскресенье стараюсь рисовать для себя – да, зачем я тебе об этом пишу, помнишь? Как хорошо я тебя теперь понимаю.

С тех пор, как мы не виделись, я многому научился в области прикладной графики, настолько, что смог пойти на такое рискованное предприятие как преподавание. Но теперь, спустя два месяца преподавательской деятельности, успех показывает, что я был прав. Как бы я хотел выслать тебе фотографии работы учеников – к сожалению, это невозможно.

Ф.П. Кин

Эскиз плаката «Союз художников представляет Сержи Бастиенса в роли Раскольникова», 1939–1940
ПТ

Здесь масса очень одаренных людей, из твоих старых знакомых – Фриц Кляйн и Реннер-Майова, и последняя, ленивая Ш. (?), и все тот же небрежно-вороватый Эльстер. Кляйн как всегда честен и усерден.

Что касается моей собственной работы, уже давно нет того серо-зеленого Петра-привидения; я полагаю, что мог бы вполне успешно решать определенные задачи в декоративно-прикладном искусстве, и если бы имел больше времени для живописи, то и там смог бы достичь определенных успехов.

Беда наверно в том, что сознание мое отстает и находится еще на большем удалении от правды, чем раньше.

Что теперь делать чертовому бедолаге-художнику, который еще вчера отдавал всего себя высокой цели – рисовать живые и совершенно живописные портреты и ландшафты, как Коро, Мане, Ренуар, Ван Гог и Сезанн, коих он боготворил, а сегодня, преследуя ту же цель, удаляется на многие мили от шедевров Рембрандта, Рубенса, Гойи, Тициана, Тинторетто, Греко, Веронезе, которые старается понять?...

Да, да, мой дорогой, такие заботы у нас были и в старом мире, стоит только задуматься... Хотя вообще-то это частные вопросы, и последнее «мы» было ложью. Здесь не осталось никого, кто еще любит мир искусства, и, как ни заносчиво это может прозвучать, я не знаю никого, вместе с кем мог бы почитать великих с благоговением и полным пониманием.

Да и как можно осознать величие поэтов, мастеров, когда и собственная малость – груз? Знаешь, каким бы я был счастливым, если бы мы с тобой в один голос воскликнули: Толстой! Гете! Рембрандт! Как бы мы удивлялись людям другой веры, с их мелочными заботами, не верящим в то, что для нас с тобой – единственное.

В последнее время я начал учиться делать гравюры, попробовал себя и в скульптуре, однако похвалиться пока

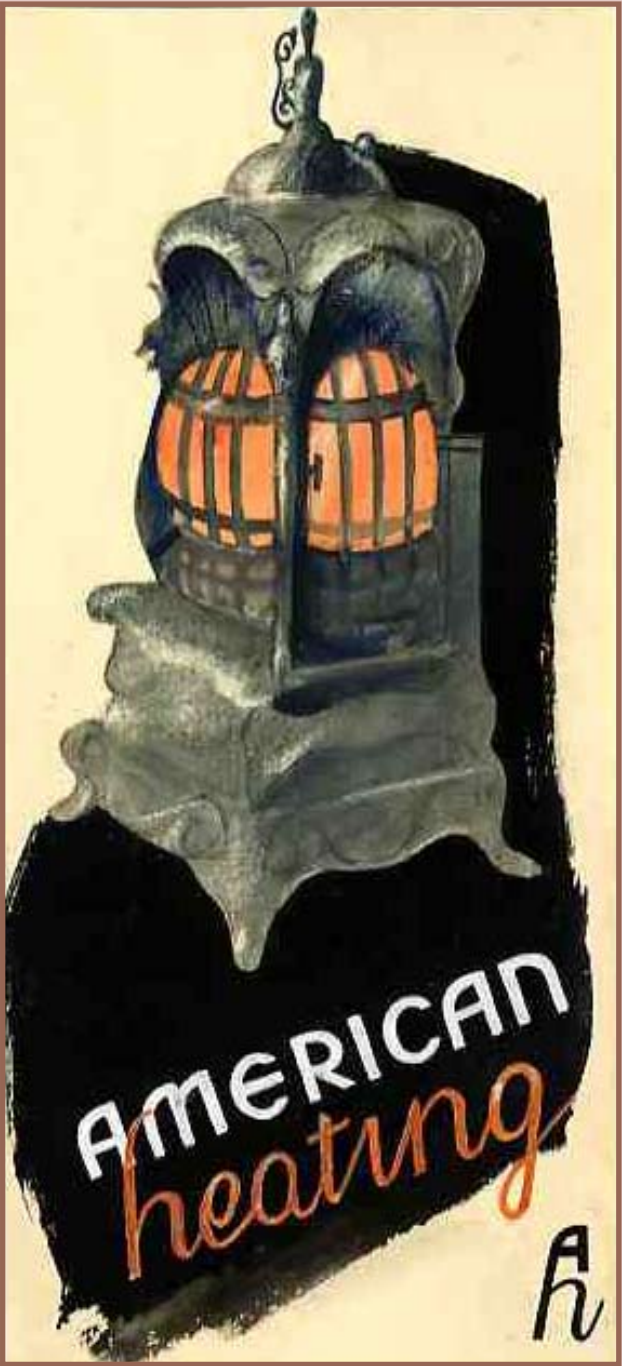
Ф.П. Кин

Эскиз плаката «Э.Ф.Буриан D40», 1940
ПТ

особенно нечем. Тебя наверно удивит, что я чувствую себя одиноким – ведь я женат на такой умной девушке, но Ильза настолько часть меня, что я не могу считать ее принадлежностью внешнего мира. Это не фраза и не сантименты, а простой и понятный факт. Мне было также ясно, что женщина не может заменить культурную жизнь, как соль, несмотря на всю ее важность, не заменяет белок. Фильмы, театр, музыка, выставки, книги, тысячекратное принятие всего и образы – как жаль! Дорогой Вольф, последнее слово не всегда стоит внизу страницы. Хотелось бы написать тебе еще гораздо, гораздо больше, но ведь нельзя сказать больше чем всё – а в общих чертах это всё. Надеюсь, ты будешь в наилучшем здравии и наилучшем настроении. Не женился ли ты, в конце концов? Приветствуй от меня Америку, сердечно обнимает тебя твой старина Петер.

26.2.1941

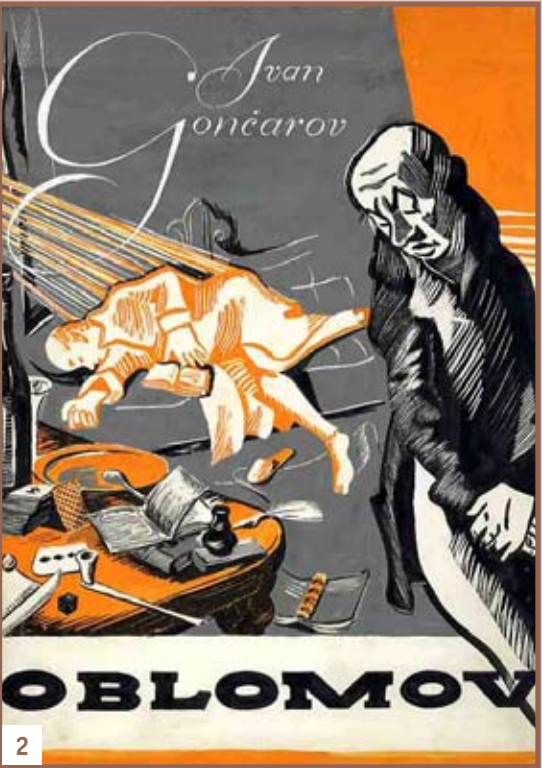
Милая Рене-свояченица, я не виноват, что страница уже кончается, втайне я даже рад, что не могу много написать, потому что такая переписка в течение многих месяцев – вещь непростая. Меня очень заинтересовало то, что ты читаешь Достоевского. Что именно? Мои любимые вещи – «Бесы», «Раскольников» и «Мертвый дом». Сейчас читаю Толстого, которой производит на меня еще более сильное впечатление, он спокойнее, здоровее. Также лишь теперь читаю античных авторов, в реалке их не проходили. История начинает меня по-настоящему занимать. Становлюсь старше. Познакомился с Данте. Рисовать я сейчас не могу как С и К, потому что 10 часов на работе. Когда мы однажды начнем!!!! Очень люблю Марту, золотой человек, прекрасное сердце, вторая мать. Но все же тоскую по моей маленькой мамочке, как и ты. Нежный привет, целую Кэте, Петер.

Ф.П. Кин
Эскиз рекламы «Американское отопление», 1940–1941
ПТ

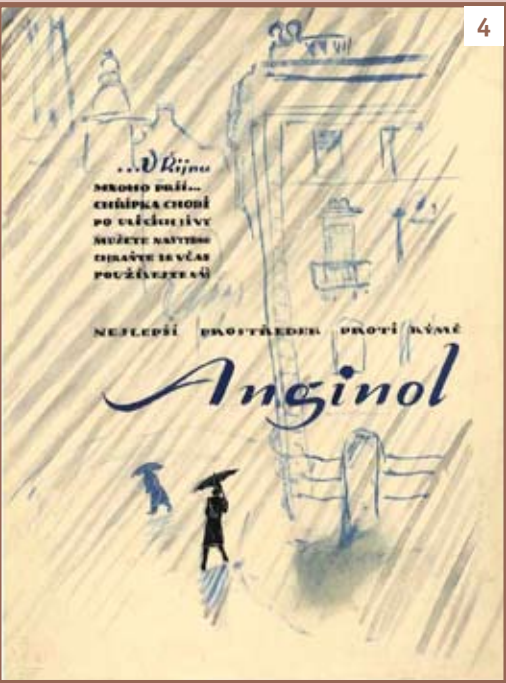
1

2

3

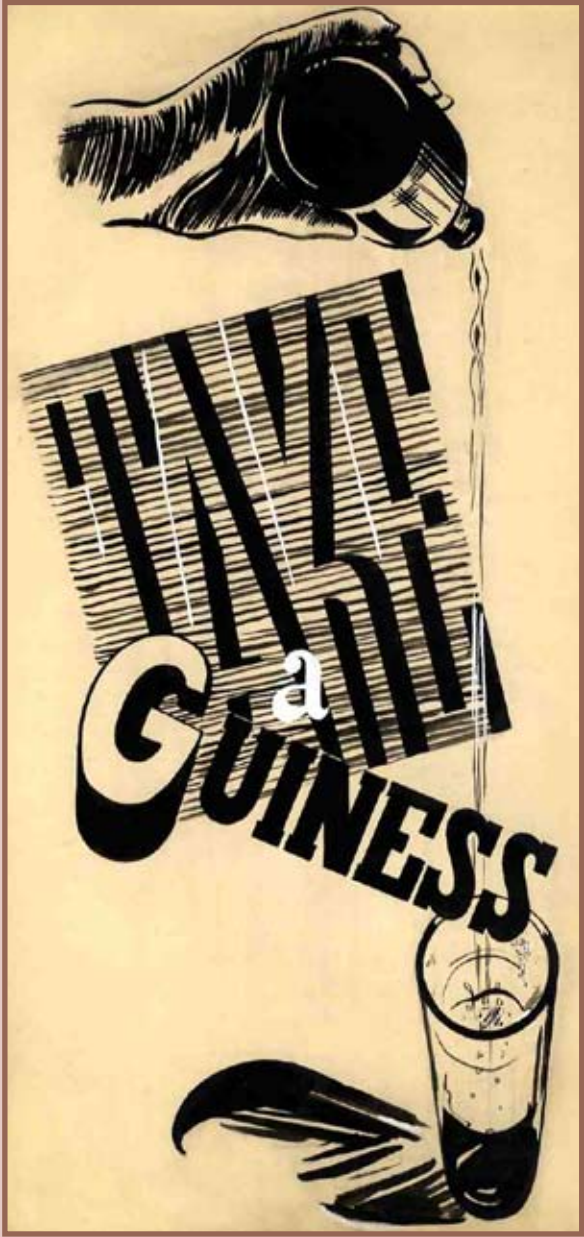

4

5

- Ф.П. Кин
1. Эскиз плаката «Выставка книги 1939»
 2. Обложка книги «Иван Гончаров. Обломов», 1940–1941
 3. Вацлав Каплицкий. «Июнь в Пучалках», 1941
Эта книга с обложкой Кина вышла в издательстве И.Вовс, Прага-Подоли, автором обложки значится Карел Пшибыл.
 4. Реклама лекарства «Ангинол», 1940–1941
«В сентябре часто идет дождь, простуда ходит по улицам, и вы можете заболеть. Имейте при себе Ангинол, он предохранит вас от насморка»
 5. Оберточная бумага, 1940–1941
ПТ

Ф.П. Кин
Эскиз к рекламе пива «Берите Гиннес», 1940–1941
ПТ

Ф.П. Кин
Эскиз к рекламе «Отдых в Швейцарии», 1940–1941
ПТ

Ф.П. Кин
1. Шрифтовое решение надписи «Ноэль (синоним Рождества), Париж, улица Маймонд», 1940–1941
2. Рекламный щит фирмы «Прокоп и Чап, Юбки», 1940–1941
ПТ

Ф.П. Кин
1. Керамика. Групповая выставка, 1940–1941
2. Реклама шляп фирмы Хесс, 1940–1941
3. Реклама биноклей фирмы «Либал», 1940–1941
4. Эскиз оберточной бумаги, 1940–1941
ПТ

15.8.1941

Дорогие детки!

Сегодня после обеда мы идем к Розл, и я могу себе уже явно представить, как она жалуется, что Рене пишет намного подробнее, чем Кете, и из писем Рене ясно куда больше, как она живет. А с Кэте наверно что-то случилось.

Я только надеюсь, что у вас обеих все в порядке и вскоре вы обе начнете учиться. Я много бы дал за то, чтобы увидеть, как Кэте теперь рисует, видно ли некое влияние, которое оставил некий дядя реалист. Я считаю, что просто безобразие, что ты ничего не пишешь, кроме того, что делаешь иллюстрации. Теперь мы сидим и ломаем голову, что же ты иллюстрируешь, юмористический журнал, детективные истории или Достоевского. Однако должно быть что-то хорошее, очевидно, что ты получаешь удовольствие, и что работа тебя радует.

Ты мне письма не заказывала, но поскольку ни Эвжен, ни Ганс не дают о себе знать, то хотя бы ты с интересом узнаешь от меня, как они поживают. У Эвжена уже несколько недель как начался рабочий период, он рисует как ненормальный, что после месячных депрессий снова сделало из него человека. Я его практически не вижу, но слышу от других, что он делает замечательные вещи. Ганс стал спиритом и антропософом, и я его, слава богу, уже давно не видел. Цахи работает дома и хорошо зарабатывает. У него много работы и он время от времени присылает несколько строк, в которых сообщает, что у него нет времени на письма. Приблизительно так выглядит здесь наша корреспонденция. По-видимому, у вас там перманентное состояние спешки, нежелание концентрироваться. Однако мне это простительно, поскольку никто не ждет моих писем, в то время как вашими письмами живут две пары родителей. Лили В. периодически вспоминает тебя, Вольфганг верен, как золото.

Ф.П. Кин

Автошарж, 1940–1941

Частная коллекция, Англия

Рене хотела знать, сколько у меня учеников – их 40 и одна пара, то есть довольно много работы, 15 из них очень одарены, а остальные типа Сильвио. Эти девочки из хороших семей летят на прикладную графику, как бабочки на свет. Я рисую очень много, но все мои коллеги из академии презирают меня, потому что реализм – фуй. Кроме того, делаю обложки для книг, кроме того, я должен работать почти до 11 часов, поскольку курс занимает очень много времени. А еще – читаю замечательные книги, которые дают мне новую систему координат, и которых хватит, по-видимому, на ближайшие 2 года. С Ильзой мы живем как голубки, Марта часто говорит Карлу про нее – глупая телка, такого они за ней никогда не замечали. Все, кончаю писать, всего доброго, пишите чаще, этого вам желает ваш добрый дядя Петя. А теперь еще Ильза, глупая телка, причесывается в 11 часов. Сегодня воскресенье.

IV глава.

АЛЛО, АЛЛО! ЧТО ЭТО – ЧЕЛОВЕК?

ТЕРЕЗИН, 1941–1944

*...мы были индивидуалистами и верили в то,
что наивысшая ценность – это человеческая личность.
И получили массовую судьбу...*

Карел Странский (из письма)

Петер Кин – Петеру Вайсу в Стокгольм
Терезиенштадт, Хаупштрассе 228.2

Дорогой Петер Ульрих! Твое письмо я держу при себе как талисман. Я постоянно перечитываю его, хоть и помню наизусть каждое предложение. ... Ему исполнилось три года, оно уже несколько утратило форму, слегка обветшало и истончилось, как все фетиши, которыми слишком часто пользуются. Но это делает их только более дорогими, благодаря сумме желаний, мыслей и воспоминаний, которые перетекли в них через пальцы.

Здесь началась поздняя весна, и она спешно разворачивает перед нами все свои прелести. Вишня уже отцвела, и ее цветы лежат под ногами, что грустно. Однако каштаны выставили свои сверкающие свечи и всё освещают при любой погоде. Я кое-что рисую, однако не слишком собран. Мне страшно интересны твои картины, старый швед, именно, может быть потому, что я так хорошо себе их представляю. Вчера я снова читал «Путь внутрь», отдельные вещи необыкновенно красивы, многое кажется насильно притянутым из периферии жизни и читать мне это физически неприятно (оскорбляет мою стыдливость). Когда кто-то без причины по каждому поводу обнажается. Ну, довольно, мой дорогой, я надеюсь, что ты еще есть, так же как и я, и подашь голос. Люси¹ здесь,

1 Люси Вайсбергера была подругой Вайса.

Ф.П. Кин
Автопортрет, Терезин, 1942–1944
ПТ

у нее все в порядке, правда, она – довольно скрытная нахалка, и к тому же очень толстая. Ну а кроме нее – лишь новые люди, которых ты не знаешь. Прощай, твой Петр.

20.2.1942
Магдебургские казармы, 166
Ильзе Кин

Любимая, тоскую страшно! Здоров, все в порядке. Передай привет жене Фритты, мы рисуем вместе. Ханси, Вилли передают привет. Эвжен¹ пусть пишет. Мне не хватает книг, репродукций. Тебя и всех любимых нежно целует Дональд².

5 .3.1942
Отто Унгар, U/971, Судетские казармы, 7
Ильзе Кин

Эсли, любимая, ты меня не забыла? Мысль о тебе – моя самая большая радость. Ты шьешь? Изучаешь усердно стенографию и машинопись? У тебя есть репродукции моих последних картин? Целую тебя, родителей и бабушку, Петр.

13.3.1942
Труда Зингер³, U-197, Гамбургская казарма, 211
Хеннерова 6, Прага,19, Марта Странска
Ильзе Кин

Любимая, солнце светит, я думаю о тебе, о тысяче вместе прожитых с тобой часов – со мной, и – друзья. Я здоров. Папа изучает? Мама варит? Бабушка снова здорова? Целуй всех очень нежно. Дональд.

1 Имеется в виду Эвжен Неван.
2 Дональд Дак, диснеевская уточка.
3 Гертруда Зингер (род. 10.5.1922, депортирована в Терезин 28.1.1942, депортирована в Избицу 11.3.1942).

Ф.П. Кин
Портрет Люси Вайсбергеровой, 1940–1941
ПТ

Март-Апрель, 1942
Ае 458 Карел Фройнд¹ Судетские казармы, 7
Ильзе Кин
Зайка! Когда я о тебе думаю, все во мне солнечно, как сегодня за окном. Ты меня еще любишь? Поцелуй папу, горничную, Марту, бабушку, друзья должны писать! Нежно сердечно целую тебя.

28.3.1942
U159, Франциска Тюркель²
Гамбургские казармы, 158
Лео Кину, Бзенец, 322
Любимые, думаю о вас с нежной любовью. Как поживает мамина голова, как папины боли в спине. Поздравляю Пауля. Я продолжаю рисовать в техническом отделе. Пишите Францелю.
Целую вас, Рихи, Марка и пражских любимых.

5.4.1942
J 855, Петер Кин, Магдебургские казармы, 166
Ильзе Кин
Любимая малышка Эсли! И в тридцати словах я могу тебе сказать, как бесконечно я тебя люблю, мое – все. Я счастлив, кроме тех моментов, когда не удастся работа. Твой Петр (Петруша).

9.4.1942
G 914, Камила Салюс³,
Дрезденские казармы, 102
Лео Кину
Любимые родители, я здоров, работа интересная. Эрна,

¹ Карел Фройнд (род. 22.8.1897, депортирована в Терезин 29.3.1942, депортирована в Пяски 1.4.1942).
² Франциска Тюркель (род. 9.6.1870, депортирована в Терезин 28.1.1942, депортирована в Избицу 11.3.1942).
³ Камила Салюс (22.11.1892 – 2.12.1941 – 1.4.1942. Пяски)

Ф.П. Кин
Терезинские валы, 1942–1944

Ф.П. Кин
Терезин, 1944
Еврейский музей в Праге

Людвиг, Франклы, Розенфельды¹ вас приветствуют, и многие из Варнсдорфа. Ильза пишет, а эти могли бы написать – Карл, Марта, бабушка, Рихи², Ольга, Лео, каждый мог бы написать.

21.3. [2.5] 1942.
Грета Нойман³, Гамбургские казармы,175
Лео Кину
Любимые родители, счастлив, что получил известие. Надеюсь, вы здоровы, как и я. У меня все есть. Работа радует. Как хорошо, что я работаю по профессии. Пишите Францику. Нежные поцелуи.

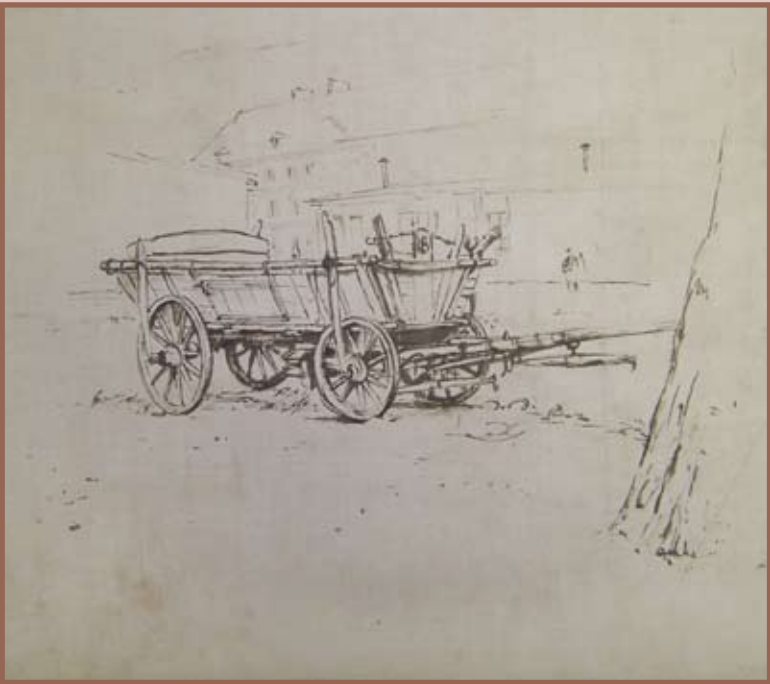
30.4.1942.
Ао – 787, Шлейзингер Хелена⁴
Кавалерские казармы, Шлойска
Лео Кину
Любимые родители, тысячу пожеланий ко дню рождения отца, как давно мечтаю подарить ему что-то, кроме пожеланий.
В прекрасном настроении, здоров, работаю. Бесконечное число поцелуев, ваш малышонок.

10.5.1942.
U/971, Отто Унгар, Судетские казармы, 45
Ильзе Кин
Эсли, редко пою песни – без тебя, дурочка? Пишите обо всех друзьях. Фритта передает привет.

¹ Скорее всего, речь идет о семье Розенфельдов из Брно, депортированной 28.1.1942. Розенфельд Альфред (Фреди) (19.2.1893 – 16.10.1944. Дахау 30.12.1944), Розенфельдова Марианна (25.11.1892 – 16.10.1944), Розенфельд Георг (16.3.1928 – 28.9.1944), Розенфельдова Хелена (4.3.1923 – 16.10.1944).
² Рихард Франкл
³ Грета Нойман (12.4.1905 – 28.1.1942 – 11. 3. 1942, Избица).См. письмо Ильзы к Франклам (май 1942).
⁴ Шлезингер Хелена (21.9.1876 – 28.4.1942 – 30.4.1942, Замошь).

Ф.П. Кин
Вид на водонапорную башню, 1942–1944
ПТ

Ф.П. Кин
Повозка, 1942–1944
ПТ

Один из тысячи поцелуев для Эвы Виндер ¹, хотелось бы иметь фотографии от OIR, репродукции. Вспоминаешь о Мельнике, Черношице ²?

2.5.1942

Магдебургские казармы, 164

Ильзе Кин

Любимая, золотая маленькая именинница! Счастья и солнца к 9 мая, а также поздравления ко дню рождения бабушки. Эвжен, Франц должны писать. А Карл? Здоров, рисую, тоскую по тебе.
Целую всех, твой Петр.

Июль, 1942

J 315, Зденек Ледерер

Судетские казармы, 70 а.

Ильзе Кин

Любимая, тебе также грустно? Ты мне снилась. Надеваешь еще красивую красную ночную сорочку? Фритта благодарит. Хотелось бы читать по руке, испанец! Штейнгерц, Мельник приветствуют.
Целую нежно Марту, бабушку, Карла, до свидания, любимая!

24.9.1942

Магдебургские казармы, 211

Лео Кин

Любимые родители,
Наконец-то могу вам снова написать, вы ведь знаете, я из рода сорняков, выполоть меня не так просто, так что все пока идет путем.
С тех пор как мы вместе с Ильзой и Карлом все выглядит почти как дома. Ильзочка работает садовницей, Карл – в канцелярии. У меня все по-прежнему. Я черчу как и рань-

¹ Эва Виндерова-Конова (30.01.1920 – 20.11.1942 – 19.10.1944, погибла).

² Города на севере Чехии.

Ф.П. Кин

Казарменный двор, 1942–1944

На обратной стороне: «Петричек, не могу тебя найти, почему ты не здесь? Хельга Шпрингер Шпрингер»
ПТ

Ф.П. Кин

Кавалерские казармы, 1943–1944

ПТ

ше в техническом отделе. Работа интересная, и я многому учусь. Папочка бы удивился всему тому, что может теперь его Францпетер. Я предвкушаю, как я вам буду рассказывать обо всем, что мы сделали за эти 10 месяцев. Тетя Эльза ¹ тоже в порядке, Ирена ² тоже. Дядя Оскар ³ уже не здесь. Я часто думаю о вас с нежнейшей любовью. Только бы все оставались здоровы и не теряли чувства юмора. Если мамочка еще не разучилась готовить, хорошо бы она послала нам бухту ⁴.
Теперь нам можно посылать подарки. Наилучшим подарком была бы открытка, в которой был бы ваш почерк. Я обнимаю и целую вас нежнейше, мои дорогие.
Ваш Францпетер

¹ Фройндова Эльза (Франклова) (28.3.1887 – 22.5.1942 – 26.10.1942).

² Франклова Ирена (12.1.1914 – 24.10.42 – 23.1.1943).

³ Франкл Оскар (26.4.1886 -22.5.1942 – 25.5. 1942).

⁴ Чешский дрожжевой пирог.

Чумной город

1

Вряд ли осмелится кто обозреть
Город чумной – эту полую сеть, –
Там смерть.

Флагами траура воронов тьмы
Реют. Завидует со стороны
Коршун – попутчик чумы.

Лугом обходит испуганный смерд
Вал, за которым хозяйствует смерть, –
В темени ужас, и косит он
Под музыку хриплых ворон.

2

Осень, настезь раскрыты все ворота
Не пестреет в сквере листва.
Осень – летнего зноя вдова
Опустила голые рукава.

На могилах чумные цветы растут,
А из трещин – известь зимы,
Где осенняя пестрота, что тут
Есть, помимо тюрьмы?

Где мальчишки, бегущие вдоль снопов,
И от змеев запущенных где восторг?
Где осеннее солнце, сердца без оков?
Земля как адский пылающий морг.

Наземь зеленой пала листва,
Затхлая немота уносится ввысь,
Осень стоит, опустив рукава, –
Художница уронила кисть.

3

Лежат на улице трупы не погребенные.
Воем больных в городе воеют дома, –
Это чума – шишки чернеют бубонные.
Самая страшная в мире из войн – это чума.

Гусары еще своими конюшнями хвастают
И сталью дуэлей тоненько дребезжат,
И маски по городу шастают –
Еще идет маскарад.

4

По улицам катятся, катятся трупные дроги,
Закутанные, как мумии, похоронщики
Безмолвно за ними передвигают ноги –
Костями гниющими устланы все дороги.

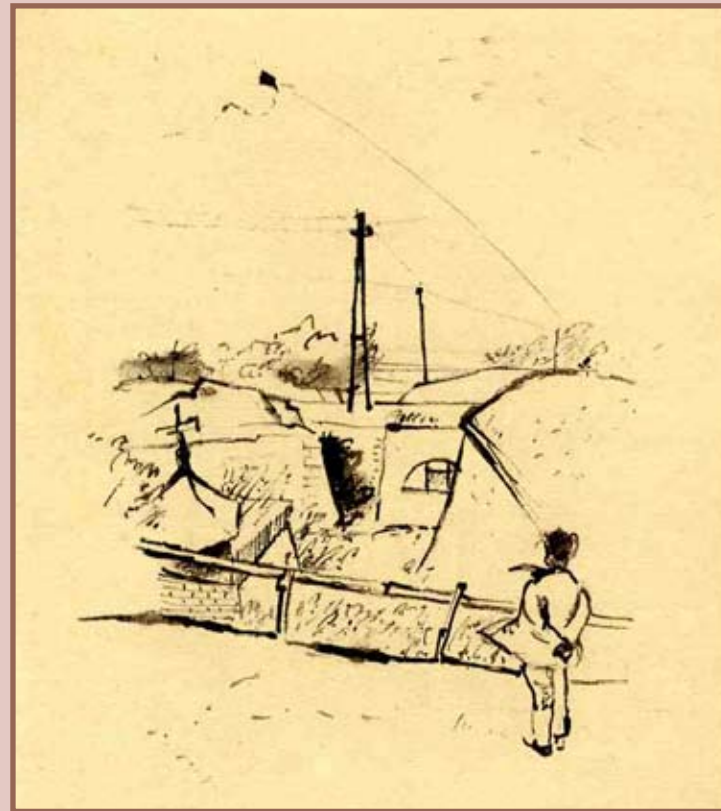
И воздух лежит, как спрессованный слиток заката
Над городом, где даже камни страхом объаты.

Там в доме последнем бушует праздник последний.
Надтреснутые мандолины сходят с ума,
Ведут хоровод надорванный арлекины:
Кровь, поцелуи, вино прячутся за гардины.
Чума.

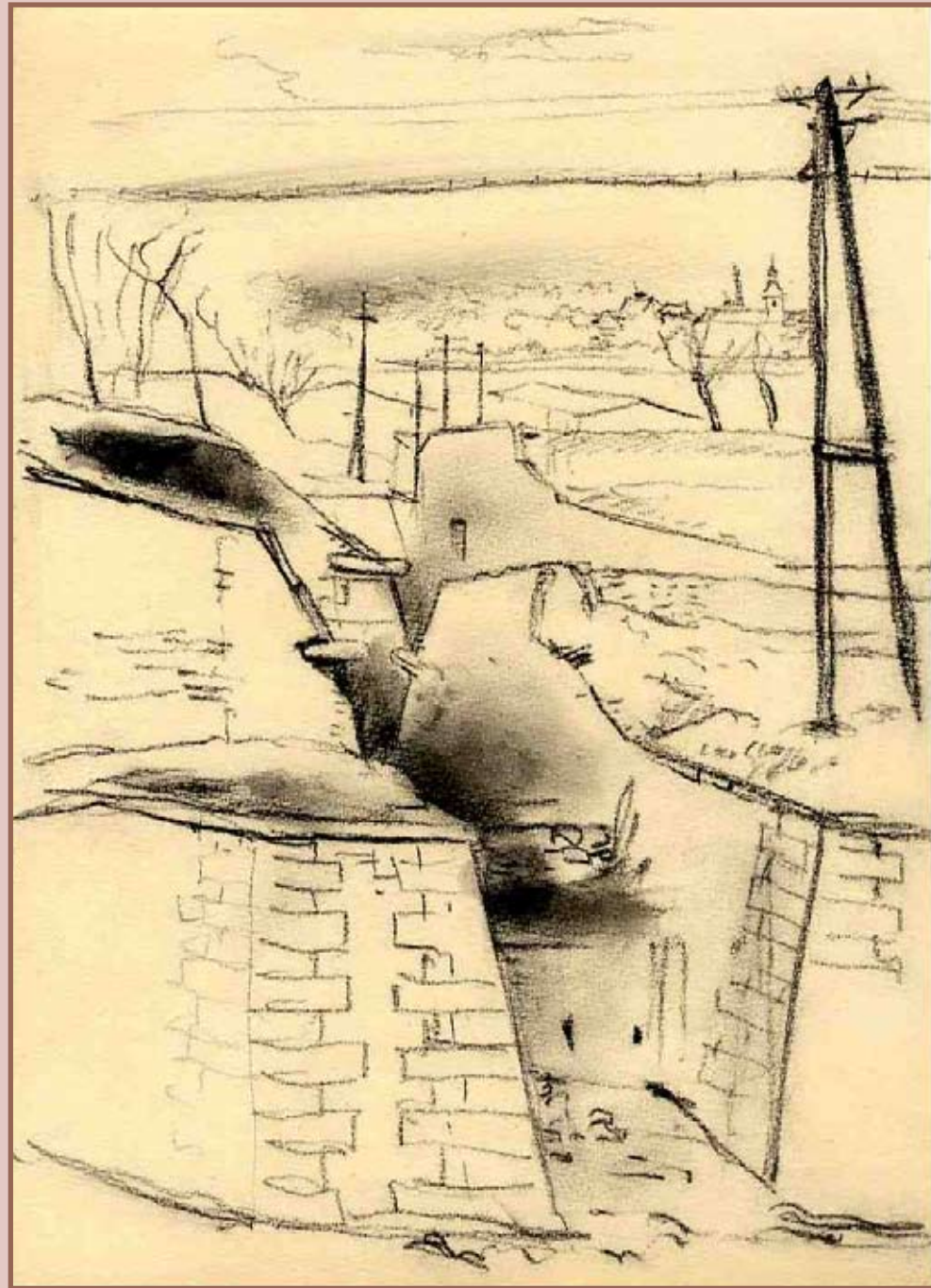
5

Ни один памятник не стоял так одиноко
В толкучке рынка, как этот сон:
Гневом своим напоминая Бога,
И сострадательного, как Он.

Руками измученными от страданий
Трогает лица своих созданий.
Глядят на Него в страхе, с чувством вины
Те, что смертью осенены.
Там, в чумной круговерти,
Старцы и дети,
И женщины оголенные, и туда
Идет для последнего в жизни труда
Врач последний на свете.

Ф.П. Кин
Терезин, 1943
ПТ

Ф.П. Кин
Вид с валов на Терезинский костел, 1942–1944
ПТ

Хельге Вольфенштейн

Ты – чудо-зеркало, внутри твоей души
Все то, что я искал на свете этом,
Как если бы любовь, какую звал в тиши,
Откликнулась сейчас мне стоголосым эхом.
Лишь ты все страсти в форму воплотила,
Куда я рвался всем сердечным пылом,
Ты девственный мой лес, мой берег чистый,
Асфальт Нью-Йорка в дрожи дождевой...
Ты отражаешь свет моей отчизны,
В тебе сгораю плотью и душой.
О, зеркало мое, твоя поверхность
Рисует мир, подсвеченный мечтой,
Жизнь пьяную от красоты и смерти,
Тот самый мир на этой жесткой тверди,
Который канул для меня в ничто.

Кто не целует сегодня, тот
И завтра не поцелуется.
Ржаво засовы больших ворот
Скрежещут на нашей улице.
Юноши, если сегодня вдруг
Постоять за себя не сумеете,
Выроните карандаш из рук,
За ночь одну поседеете.

Солнце, позволь нам еще разок
Опьянеть от охоты во поле,
Собаки – сбоку, у лошадиных ног –
Улюлю! – и дальше потопали.

Кто не целует теперь,
И завтра не поцелует, поверь.

Ф.П. Кин
Набросок с натуры, 1942–1944
ПТ

Никогда мне не бросит луна таких серебристых мячей,
Как за решеткой тюрьмы моей.
Никогда больше ветры не будут вольней,
Чем за решеткой тюрьмы моей.
Никогда я не встречу травы зеленой,
Чем за решеткой тюрьмы моей.

Ах, радость и горе жизни моей, –
То вздымаются, то опускаются ниже морей.
То жарче огня, то льда холодней.

Никогда не обнимет меня такой белый свет,
Как за решеткой клетки моей,
Его можно потрогать, однако нет –
Он далеко бесконечно за порогом иных планет –
Играет и плачет свободно, раскрыв секрет
Любви и страдания, чей портрет
Нынче размыт за решеткой тюрьмы моей.

Из детских лет, не ведающих о зле,
Леплю я автопортрет и вешаю на стену,
А он срывается и идет по земле
В погоду ясную и ненастную.
И оставляет меня одного как дыру ледяную в стене.
Моими глазами глядит, говорит моим голосом,
И смеется и плачет подобно мне,
Только сердца нет моего, нет моего...–
Лишь междуреберье голое.
Иногда моя копия возвращается и на меня глядит,
Мои глаза слепы, её – блестят.
Наделала моя копия много зла,
Чужою болью руки заляпаны, –
И это так дерзко, и так мне тошно моё житьё,
И шепчут мне сердечные клапаны,
Как азбука Морзе в груди:

– Убей её, ах, убей её!
А я ей твержу одно: эй, уходи!

*Флаги которых никто не поднимал
Никакой ураган снова сорвать не сумеет,
Поцелуй, который к губам не приникал,
Никогда не изнашивается, не постареет.*

*Цветок, который никто еще не срывал,
Никогда ни за что не завянет.
Счастье любви, которое не познал
Никогда тебя не обманет.*

*Часы, которые ты ни с кем не делил
Не могут забыться.
Раны, которых ты не лечил,
Не могут вновь воспалиться.*

*Враг, которого не победил, его
Всегда будешь видеть возле.
Не повторится в жизни твоей ничего,
Чего в жизни не было вовсе.*

*И снова по улице тихие дни будут шагать
И у камина по вечерам потягиваться спина.
И вновь облака-овечки кружево будут вязать,
В небе как в мирные времена.*

*И снова мы девушек будем домой провожать
Вдоль голых заборов, мимо фабричных стен.
И вновь будут дети мячи по асфальту гонять
И от пространства ждать перемен.*

*И за горизонтом, где был наш враг побежден,
Мальчики зариться будут на остров чужой,
И снова будут искать боевых знамен
В диких просторах – и бредить войной.*

*Ласточки на проводах
Не знают нашей беды:
Мы посеяли семена,
Кто же собрал плоды?*

*Поезда исчезали вдали
Пока я в тюрьме сидел,
Клюют косточки воробьи,
Кто же здесь вишни ел?*

*Воздух стригут стрижи,
Летят навстречу ветрам.
Кто здесь, кто же, скажи,
Могилу выкопал нам?*

*Снова луна стала круглой,
Холодной и плоской,
Снова душа стала смуглой
От снов своих пестрой,
В ней, как из бездны,
Рвутся виденья наружу,
Прошлое стало неизвестным,
И мучает душу.*

*Прошлое бьется подобно фонтану,
И превращается в рану.*

*Дни, как морские ленты,
Поднимаются ввысь,
И избегает Леты
Прошлая жизнь.*

*Считавшиеся потерянными,
Украденными судьбой,
Часы прошедшего времени
Двигутся предо мной.
И на эту процессию призраков,
На вереницу дней
Холодно смотрит и пристально
Окошко тюрьмы моей.*

Ф.П. Кин
Торс, 1942–1944
ПТ

1.
И голы и босы, в дырах – рубашки, глотки – в оскоме,
В подошвах – свинец, в путах колючих – сердца, –
Мы вечно чужие, чужие в собственном доме.

Из нас нашу жизнь, что ни день, что ни час, без конца
Выдерживают, как удилице на живца
Рыбу из моря и тут же швыряют на сушу.

На нас охотится горе, как жеребец на кобылу,
Сочетается с нами, и гривой, как плетью, душит
Нас, дышащих через силу.

Нас, голых и босых, синюшных от чумовой тоски,
Берет безысходность в стальные свои тиски.
Тупого отчаянья нож. Колкие камешки слез.

Но все же никто не лишит нас жизненных грез.

2.
Мы мелем минуты в будничной суете,
Слышите, как текут они друг за другом?
И как хрустят они – круг за кругом?

Но однажды устанет зрение дня,
И его рука, и его западня,
Которая ждет нас, и мы в итоге

Впряжемся в ракушку-повозку сна,
И полетит золотая она
И нас повезет по ночной дороге.

Сны идут в окружении светлых слов.
И мы не стыдимся обритых голов
Сны идут благословенно,

Как с цветами девочки-школьницы,
Дружелюбны, как лампы настольные
И ароматны, как сено.

3.
Нам снятся не долины и не горы.
Сердца наши сжимаются от горя,
Нам снятся наши нищенские пайки
И улиц наших грязных тупики.
Под мокрыми от сырости стенами
Идет беда пред нами и за нами
И нищенски звучат наши шаги.

Тупая боль настолько стала страшной,
Что мы спасаемся не в королевской башне
И не гостим на королевских джонках, –
Укрытьем служит маленький притон,
Где погружаемся в тяжелый сон.
Сон рвется там, где тонко.

Не сказочные снятся нам принцессы, –
К реке выходим с девушкой из леса,
А девушка погибельно бледна,
Мы смотрим в реку и не видим дна.

Цепляемся за малые мечтанья,
Мы и во сне боимся просыпанья,
Как яда смертоносного глотка,
Как ледяного в мире сквозняка.
И все ж во сне спасительны мечтанья.

Псалом из Вавилона, стенания

Под стенами Вавилона,
Сидели и плакали мы,
Родину поминая.

Родина! –
Это сады на склонах
Нашего рая,
Смоквы огни.
Ах, вырублены они.

Родина!–
Это большой реки
Дыхание дна.
Но иссохла она.

Родина! –
Окна молчащих фасадов,
Вчерашние дни.
Ах, потерты они.

Прошное,
Если тебя я забуду,
Если тебя я забуду,
То надежду помнить не буду.

Под стенами Вавилона
Сидели и плакали мы,
Озирая
Чумные холмы
Сгоревшего рая.

Рука в руке – страданье и преступленье
Бредут по земле.
В поисках оракула,
Копаясь в золе,
В утробе и во гробе.

Родина! –
Это сиротство,
Бредущее сумасбродство.

Под стенами Вавилона
Сидели и плакали мы,
О будущем размышляя,
Боясь непроглядной тьмы,
Память перебирая.

Для обратной дороги
Не спадают оковы с ног,
Мы развеяны на четыре стороны света,
Как перед бурей в пустыне песок.
И каждый из нас одинок.

ГАНС ХОФЕР ¹

Фильм о Терезине

Запоздалый репортаж

Осенью 1942 года по лагерю пронесся слух, что будет снят фильм «Терезин», якобы для опровержения «пропаганды ужасов». Начальником «проекта» будет гауптштурм-фюрер СС Отто, из штата тогдашнего коменданта лагеря д-ра Зайдла. Слух подтвердился, когда Отто вызвал к себе пражского режиссера Ирену Додалову и приказал ей подготовить заявку на «культурный фильм» ². ... Законченный сценарий был представлен коменданту лагеря, тот послал его в Берлин. Последовали недели ожидания. Мысли о фильме уже были вытеснены иными заботами, и тут прибыл приказ: «Завтра начинаются съемки». Отдел досуга всполошился, всем было велено приготовиться, хотя никто толком не знал, что будут снимать. Как выяснилось, из Берлина прибыл совершенно другой сценарий, по которому в Праге уже была снята первая часть фильма. По этому сценарию была выбрана подходящая семейная пара с ребенком, которую просто-напросто включили в списки очередного терезинского транспорта. Камера следовала за ходом событий. Пражские сцены были таковы: г-н Холендер – так звали этого несчастного, который заплатил за краткую карьеру кинозвезды преждевременной отправкой в Терезин, тре-

¹ Ганс Хофер (Гануш Шульхов), родился 12.4.1907 в Праге. Актер и режиссер. В Терезине с 27.7.1942. Депортирован в Освенцим 29.9.1944, освобожден в концлагере Аллах. После войны работал в разных театрах, с 1960 состоял в труппе Народного театра в Росток. Умер в 1988 году в Потсдаме. *Hans Hofer, The Film About Terezin, A Belated Reportage. Terezin, 1966.* В русском переводе репортаж Хофера опубликован целиком в 4-м томе «Крепости над бездной».

² Новейшие исследования Карла Маргри и Эвы Струсковой подтверждают мою давнюю версию о том, что забракованный в Берлине сценарий был написан Ф.П.Кином. Во-первых, Кин окончил высшие сценарные курсы, где преподавала И.Додалова, во-вторых, сценарий построен на статистических данных, которые Кин «художественно оформлял» в Графической мастерской.

Кадры из нацистского пропагандистского фильма «Еврейское поселение Терезиенштадт», 1942

1. В Графической мастерской: Бедржих Фритта и эсесовец на первом плане
 2. Съемки в госпитале.
 3. Кафе. Фриц Вайс (справа) играет на кларнете
- Государственный киноархив, Прага

мя годами в лагере и, наконец, гибелью в освенцимской газовой камере, – получает повестку. Холендер является в еврейскую общину, где встречается с членами Совета старейшин, пакует чемоданы, отправляется на сборный пункт, расположенный в Велетржинском дворце, проводит там три дня – распределение пищи, сон и т.д. Потом погрузка в поезд, прибытие в Богушовицы, пеший поход в Терезин, прибытие в гетто. На этом этапе и началась работа Додаловой. Были сняты следующие сцены: Холендера обыскивают (на терезинском сленге «шлойзуют»), поселяют в казарму, направляют в отдел труда, Холендер работает на обработке древесины, Холендер идет в кабаре, Холендер ложится спать... затемнение. Фон: пара тоскливых улиц, грязноватый детский дом и т.д. Ручку кинокамеры крутил некто по имени Сигизмунд. Материал был отправлен в Прагу, показан начальству и похоронен в каких-то архивах. С исполнителем главной роли не было сделано ни одного интервью. От постороннего взгляда были сокрыты «маленькие тайны» – пощечина, которую получил техник-осветитель, посмеивший повесить свое пальто на шинель эсэсовца; или история о том, как были отобраны двадцать красивых девочек, которые должны были плавать целый час голышом в бассейне, доставляя удовольствие г-ну Отто. Отснятый материал был забракован как дилетантский и не отвечающий целям пропаганды.

ПЕТЕР КИН

Гетто Терезин

Набросок сценария

Крупный план: Плакат. На нем призыв к населению покинуть город. Последний грузовик для перевозки доверху заполняется мебелью, на улице еще стоят несколько «ро-

Ирена Додалова, режиссер фильма, 3-я слева
Государственный киноархив, Прага

Ирена Додалова (Рёснер-Лешнер) родилась 29.11.1900 в Ледечнад-Сазавой, Богемия, в семье раввина Рёснера. В 1921-м закончила коммерческую академию в Брно, наряду с этим занималась танцами и пела в немецкой опере. В 1923 переехала в Прагу. Прошла курсы театрального искусства в Берлине у Макса Рейнхарда. После краткого замужества с Лешнером, уехала в Париж изучать кинопроизводство. В 1933 со вторым мужем Карелом Додалом они основали первую студию мультипликационных фильмов «Ира-фильм». За первым чешским мультфильмом «Тайна факела» (1935), последовал второй – «Идеи в поисках света» (1936) – фильм-провозвестник современной системы монтажа с помощью компьютерной графики. В 1937-38 Додалова преподавала на сценарных курсах, которые посещал Кин. В 1939 Додал эмигрировал в США. Ирена была арестована как американская шпионка. Депортирована в Терезин из Праги 20.6.1942. Работала в сельском хозяйстве. Была режиссером первого нацистского пропагандистского фильма. В 1943 – 1944 вела семинар «Театр и кино: сходство и различие». Поставила спектакль по балладам Ф. Вийона (премьера 20.7.1943) и «Парад лохмотьев», сыгранный 15-кратно на чердаке Гамбургских казарм. В театре («Идишская сцена») под руководством раввина Э. Вайса поставила «Еврейские мотивы в песнях и стихах» (октябрь 1943) в двух частях: «Восточная Европа» и «Западная Европа» и спектакль «Ин миттн вег» («В пути», ноябрь 1943). Фрагмент его вошел в нацистский пропагандистский фильм (1944). Отбыла из Терезина швейцарским транспортом 5.2.1945. Эмигрировала в Америку, где воссоединилась с мужем, и в 1948 они эмигрировали в Аргентину, где работали как кинодокументалисты. До последнего года жизни она вела семинары по искусству кино и театра. Умерла в августе 1989.

скошных» мешанских вещей – плюшевый диван, кресла-качалки, кровати. Проходящие на мгновение останавливаются. Мужчина, несущий свежеструганную скамейку, замедляет шаг возле кресла. Борт грузовика закрывается, грузовик отъезжает, трясется по булыжной мостовой, выезжает из города и исчезает вдали.

Картины рабочей жизни в гетто: активная деятельность в противовес первым спокойным сценам, быстрый слаженный ритм: рабочие на строительном дворе, жужжащие машины, техники чертят планы; водонапорная башня, крематорий, бараки в процессе строительства.

Крупный план: Плакат частично сорван ветром. Первые ключи вручают ответственному за передачу помещений.

Крупный план: Ящик полон ключей. Рука берет ключ, комиссия отправляется в соответствующий дом. Камера едет пустыми улицами, заезжает в пустой двор, проезжает через пустые комнаты. Монтер, электрик и дезинфектор проверяют состояние дома. Комнаты нумеруются. Они измеряются и изображаются на чертежах в чертежном зале. Устройство картотеки. Бактериологическое исследование питьевой воды в лаборатории. Дезинфектор во время работы.

Угол улицы с названием на табличке. Табличку снимают. Выцветшее пятно на пустом месте. Девушка пишет новое название улицы.

Планы домов направлены в жилуправление. Кинотрюк: по плану дома маршируют люди, которые определены для вселения в дом. Они втискиваются в переполненные комнаты.

Монтаж: Рабочие трудятся. Сотенная бригада марширует к станции встречать транспорт. На станции другая бригада занята выгрузкой товарных вагонов. Поезд въезжает, звучат команды, людей выгоняют из вагонов. Помогают спуститься старикам, ко-

Ф.П. Кин
Опасность тифа и дизентерии – по заданию администрации, 1942
ПТ

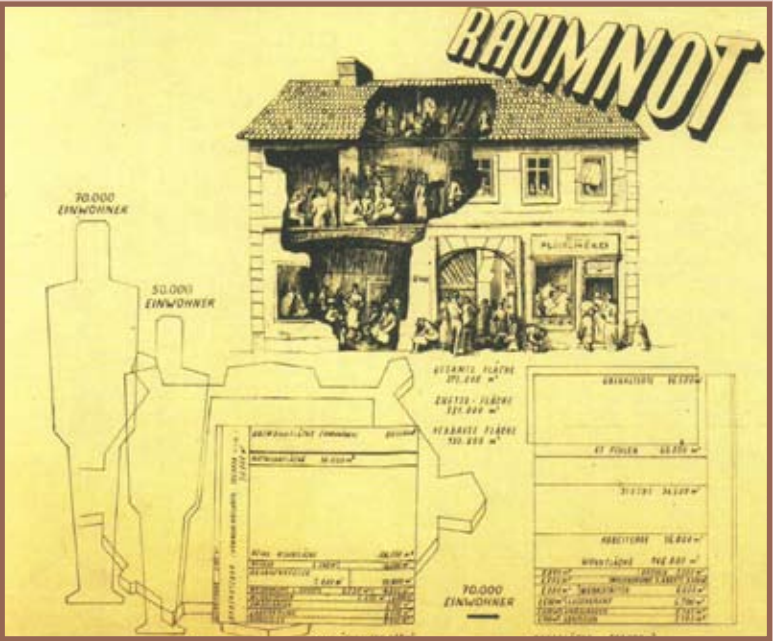
торые не могут прыгнуть с подножки. Спешат санитары с носилками, подъезжают грузовики, загружают больных. Сопровождающие поддерживают стариков и больных, чтобы они не выпали из кузова.

Крупный план: Лужа, в которую с брызгами падают капли дождя. Камера поворачивается вверх и охватывает бесконечную перспективу шоссе. Снимает с ног идущих вдалеке людей, они постепенно попадают в поле зрения.

В то время как последние прибывшие покидают вокзал, появляется новый транспорт. Грузики, не поднимая глаз, продолжают разгружать вагоны.

Монтаж из коротких съемок: Колонна заключенных в пути, рабочие заканчивают самые необходимые работы в доме, куда будет заселен новый транспорт. Поезд перегоняют грузовики, доверху нагруженные чемоданами. Очень старые женщины тащатся с тяжелыми сумками, маленькими стульчиками, умывальниками и прочими бессмысленными предметами, которые казались им особенно важными. Одна женщина не может идти дальше, роняет из рук узелок. Молодой сопровождающий подсказывает к ней, помогает ей нести узелок, свободной рукой поддерживает другую старуху. Когда уставшие ноги уже не могут больше нести тело, люди присаживаются отдохнуть. Они сидят на земле на обочине дороги, затем, передохнув, продолжают свой путь. Грузовики с чемоданами проносятся мимо, гора вещей в лагере все растет, новые чемоданы, мешки и тюки дождем сыплются из машин, многие при этом повреждаются, мешки рвутся, одежда и продукты рассыпаются в пыли.

Шлойска. В тесноте и духоте за свежеструганными столами сидят служащие, народ все прибывает, становится еще тесней, люди наталкиваются друг на друга. Неопишуемый шум, путаница, неразбериха. Перегородка прогибается под давлением толпы, в неистовой поспешности ищутся бумажки, загромождающая все вокруг.

Ф.П. Кин
Недостаток жилой площади – по заданию администрации, сентябрь, 1942
70 000 жителей
50 000 жителей
Общая площадь 373 000 кв. м
Площадь гетто – 331 000 кв. м
Застроенная площадь – 133 000 кв. м

Левая таблица:	Правая таблица:
Нежилая площадь: лестничные	Престарелые – 86 500 кв.м
клетки, коридоры и т.д. – 38 000	Недостает – 60 000 кв.м
кв.м	Инвалиды – 34 500 кв.м
Чердаки – 20 000 кв.м	Работающие – 25 000 кв.м
Прочие нежилые заселенные	Жилплощадь – 146 000 кв.м
помещения – 10 000 кв.м	Кухни – есть 2 250 кв.м,
Чистая жилплощадь – 58 150 кв.м	нужно 5 600 кв.м
Дворы – 2 250 кв.м	Умывальные и туалеты –
Больницы – 7 400 кв.м	есть 3 350 кв.м нужно 6 000 кв.м
Мастерские – 4 300 кв.м	Мастерские – есть 6 050 кв.м,
Амбулатории – 5 150 кв.м	нужно 8 000 кв.м
Склады – 5 500 кв.м	Складские помещения –
Конторы – 5 400 кв.м	есть 6 700 кв.м, нужно 8 500 кв.м
Требуемая площадь – 144 000 кв.м	Амбулатории – есть 5 100 кв.м,
	нужно 5 600 кв.м
	Конторы – есть 5 100 кв.м,
	нужно 6 300 кв.м

ПТ

Мать в толкотне потеряла ребенка, малыш, плача, ищет ее среди переутомленных служащих, которые не в силах помочь, и смертельно уставших спутников. Прошедшие регистрацию покидают шлойску, отправляются в свой новый дом. Стекольщик спешно заменяет последнее разбитое стекло. Голые сырые стены, на тесных лестницах поток прибывающих сталкивается с рабочими, которые только что закончили ремонт, в пролете между этажами электрик монтирует освещение. Вселяются без багажа, без кроватей, без матрасов. Какое счастье, когда в комнате есть маленький балкон и перед ним стоит одинокое дерево с благословенной зеленью. На складных табуретках, набитые как сельди в бочку, сидят, ссутулясь, мужчины, дети и старухи, они мечтают о покое.

Перед входными дверями стоят люди, молодые и старые, из разных стран Европы. Старик с пивной кружкой идет по улице, он что-то ищет. Подходит к полицейскому: «Скажите, пожалуйста, где я здесь могу выпить свою вечернюю кружку пива?» Ему сообщают, что нигде, но он не понимает и снова спрашивает: «Где здесь можно выпить?» Полицейский отворачивается, старик устремляется дальше и всем, кого встречает, задает тот же вопрос, на который ни у кого нет ответа.

Утро. Новоприбывшие идут на работу. Мужчины всех возрастов забивают частокол, отгораживающий улицу, старушки идут к помещениям для чистки картофеля.

Большая куча полусгнившего картофеля. Сгорбленные чистильщицы сидят вокруг нее кольцом. Корыта с очищенным картофелем тащат на кухню и загружают в котлы. Стрелки часов отмеряют время и символизируют беспрерывную работу. Котлы кипят с раннего утра до позднего вечера. Рабочие приволакивают все новые и новые корзины с картофелем. Полуголые повара, окутанные горячим паром, занимаются тяжелым трудом. Пар шипит, котлы дребезжат, вода бурлит. Готовая еда снова

Ф.П. Кин

Снабжение гетто питанием, сентябрь 1942

Емкость котла

24 ноября 1941 – 200 литров

Январь – 6 000 л

Необходимо – 8 000 л

Июнь 12 000 л

Необходимо – 20 000 л

4.

1) Составление ассортимента продуктов питания в отделе снабжения

2) Доставка продуктов на центральный склад

3) Ежедневно 850 мужчин и женщин чистят картофель

4) Повара за приготовлением пищи

5) Раздача пищи

6) Даже возросшие объемы котла не могут угнаться за потребностями возросшего населения

5. Порции питания – 1.VII – 20 833, 1.I – 7 350, 24.XI – 340

ПТ

выливается в баки, которые подтаскивают к стоящим в ожидании тележкам. Во дворах уже давно выстроились очереди голодных. Тележки провозят мимо очереди к пунктам раздачи, еда выплескивается из переполненных баков. Бочки, чаны, детские ванны, корыта для мытья. На перекрестках длинные хвосты очередей, люди строим и в разных направлениях расходятся по казармам на обед, движение часто застопоривается.

Заблудилась старушка. Ее спрашивают, где она живет. Старушка беспомощно тычет пальцем в разные дома и называет свой венский адрес. Номер блока? Забвение. Ее ведут по улицам, она не узнает свой дом, наконец, здания бывшего магазина старушку передают полицейскому. Камера поднимается и видит большую надпись: «Бюро находок». Посреди рюкзаков, чемоданов, одежды и тысячи бесхозных предметов на корточках сидят 8 – 10 человек, которые потеряли память и не знают, как их зовут и где их дом. Старушка подсаживается к ним.

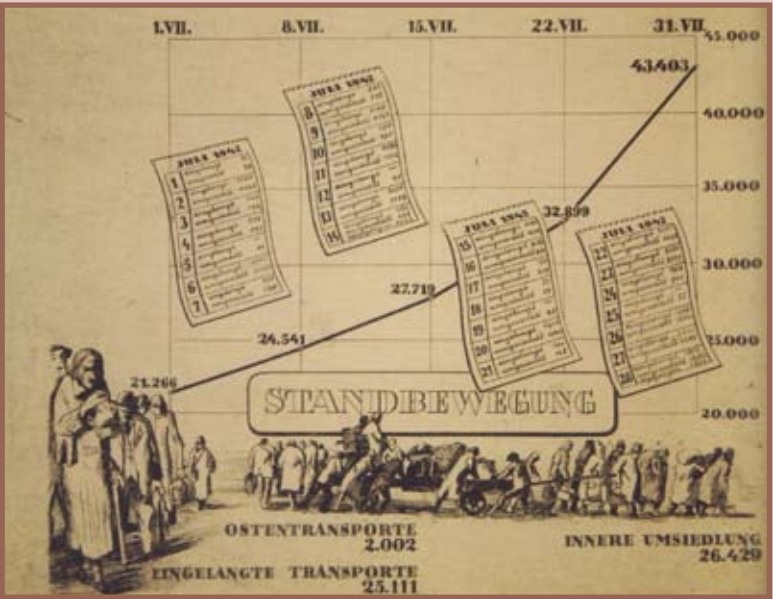
В воротах казарм пересекаются два потока, входящий и выходящий. Геттовский полицейский регулирует движение. Въезжает трактор, старики шарахаются в сторону. Неопикуемая толкотня.

Крупный план: Руки с посудой – миски для бритья, пустые консервные банки, кофейные чашки, тарелки, коробки в дрожащих старческих руках. Руки перемещаются из тени ворот на более светлую улицу. Крупные дождевые капли падают в еду. Старики огорчаются и пытаются ладонями защитить еду от дождя.

Часы показывают время: до 5 часов люди стоят в очереди за обедом, а уже через полчаса начинается ужин.

Старики и дети роются в куче негодного картофеля, в грязных очистках. Въезжает машина с новым грузом.

Канцелярия. Приказ – никому не выходить из казарм. Ночью все работоспособные должны приступить к переселению из центрального лагеря. Вернувшись после 10-часовой сме-

Ф.П. Кин

Насильственные переселения – по заданию администрации, июль 1942

Транспорты на восток – 2 002

Входящие транспорты – 25 111

Внутреннее переселение – 26 429

ПТ

ны, мужчины натягивают на одежду комбинезоны и снова идут работать. Безлунная темная ночь, призрачный свет прожекторов. Подъезжают машины, бесконечная вереница тяжелых коробок, ящиков и мешков, которые мужчины несут вверх по лестнице, перебрасывают с рук на руки и быстро складывают. Заполняются пустые подвалы нового лагеря, гора вещей, выброшенных из машин, постепенно уменьшается. Все новые грузовики въезжают во двор.

Наглядная статистика.

В то время как поезда с грохотом подъезжают один за другим, появляется таблица прибывших транспортов. Монтаж: виды городов, из которых они прибывают. Над бесконечными рядами людей – статистика событий в гетто. Поезда, исчезающие вдаль: транспорты на восток. Изменения в возрастном составе. Зима: молодые люди тянут за собой телегу. Наплыв: та же телега, но ее тянут старики.

Из ворот в освещенную зону один за другим вступают 10 человек, они символизируют процентный возрастной состав. Зимой 7 молодых, 3 старых. Теперь: 3 молодых, остальные старые и больные.

Работоспособность. Кинотрюк: старик растет на глазах в то время, как рабочий уменьшается.

Зима: Молодой рабочий поддерживает старика.

Теперь: Парень растерян, на его попечении уже пять стариков.

Зима: Похороны, семья окружают гроб, который лежит на санках.

Теперь: Пять телег, с верхом нагруженных двадцатью гробами, катятся по улицам.

Зима: Темная амбулатория. Врач, пожимая плечами, ищет и не может найти нужное лекарство; тогда он выдает каждому больному аспирин из одной и той же коробочки.

Теперь: Современные амбулатории, но бесконечные очереди на прием к врачу.

Монтаж: Здравоохранение, дом инвалидов, больница, хирургия, дом престарелых и т.д.

Водоснабжение. Зима: душевая в Судетских казармах. Намыленный мускулистый рабочий. Внезапно перестает идти вода.

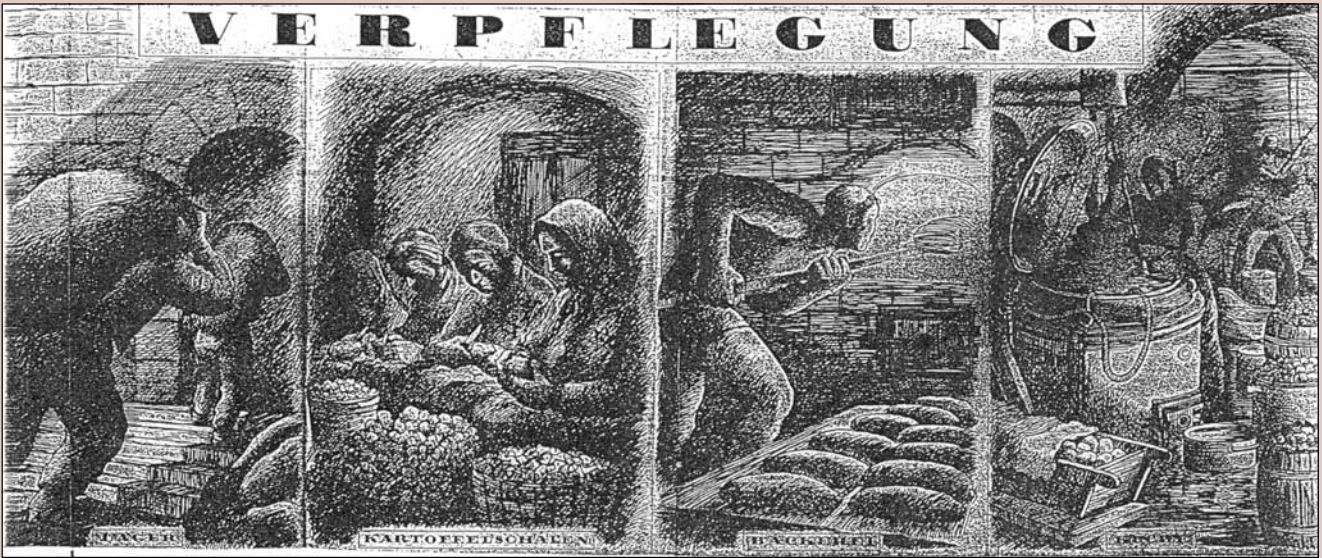
Теперь: Вода из крана с хорошим напором льется в раковину. Для этого – статистика.

Группа рабочих марширует по улицам. Из окон, плотно прижатые друг к другу, смотрят те же лица. В витринах и окнах бывших магазинов живут люди.

Монтаж: ход работы – статистика. Освобождаются части казарм, в них строятся новые помещения, они заполняются производственными станками; технический отдел планирует, воздвигаются водонапорная башня и крематорий, проводятся оздоровительные мероприятия (санация), отбивается старая кладка.

Заключительный монтаж: невыносимый темп, опустошенные работой люди, падающие с ног старики. Уставшие рабочие, вернувшись домой, должны идти на новую, срочную работу, они медленно проходят через ворота и уходят тяжелыми шагами.

Б. Фритта
Работа кипит, Терезин, 1942
Бейт-Терезин, Израиль

ПЕТЕР КИН

Медея

Пьеса в трех актах

1 АКТ

1 действие

Элегантно обставленная комната на вилле Креона.

Слуга и горничная вносят чемоданы.

Слуга:

Барин просто жить не может без гостей.

Горничная:

Тихо, тебя могут услышать.

Слуга:

Да нет, они там болтают в холле.

Горничная:

А ну-ка посмотрим, что у них за чемоданы.

Слуга:

Чемоданы барские, но обшарпанные. Ярлыки со всего света, а упакованы неряшливо. Посмотри, из одного ремень торчит, из другого платье выглядывает.

Горничная:

Детей видел? Детишки просто прелесть.

Слуга:

Да что, бродяги! Женщина, похоже, аристократка, а он – просто старый бретёр.

Горничная:

Ну, как ты можешь так говорить, какой красивый элегантный господин, а она, кстати, должно быть намного старше него.

Слуга:

Глупости, он весь седой, голова как мукой присыпана.

Горничная:

Должно быть, он великолепно танцует.

Слуга:

Так и будет он с тобой танцевать, дуреха.

Горничная:

Ты воду поменял в вазе? Давай скорей, они уже идут.

Слуга:

Интересно, это тот, о котором все газеты писали?

Горничная:

Конечно, тот самый знаменитый офицер и есть. Думаешь, за другим барин поехал бы собственнлично на станцию?

Слуга:

А что это была за история? Вроде он вел какую-то дурацкую войну...

Горничная:

Сам дурак. Будто каждый день не зачитывался газетами! Он еще был предводителем в войне за большую страну на юге. Как она там называлась?

Слуга:

Меня не спрашивай, в истории я слабоват.

Горничная:

Золотое Руно! Да, Золотое Руно. С помощью местной девушки из знатной семьи он спасся от страшных опасностей.

Слуга:

Охотно верю. Без баб ничто не обходится, даже во время боя они норовят засунуть свои юбки между пушками.

Горничная:

Услышала б тебя барышня, да был бы у нее хлыст в руке...

Слуга:

Ах, да пусть наденет хоть десять пар штанов, все рано останется бабой.

Горничная:

Та красивая девушка влюбилась в генерала и с ее помощью он...

Слуга:

То есть, она продала свою страну чужаку?

Горничная:

Но он сражался за правое дело, это было написано газете.

Слуга:

В войне всякая сторона правая.

Горничная:

Как ты не понимаешь, она ведь его любила! Он увез ее с собой, и они были счастливы. Но когда он привез ее к себе на родину, его встретили черной неблагодарностью, его прогнали, и он потерял всё...

Слуга:

Как, всё?

Горничная:

Не знаю, уж очень давно это было.

Слышны голоса и шаги. Медея несет младшего сына, старший следует за ней с бонной.

Горничная: Вот здесь детская.

Они проходят по сцене и уходят. Горничная и Медея возвращаются.

Горничная:

Барыня ничего больше не желает?

Медея:

Нет, благодарю вас милое дитя, вы можете идти.

Горничная:

Если я вам понадоблюсь, позвоните, пожалуйста, дважды.

Медея:

Хорошо, спасибо.

Горничная и слуга уходят, Ясон стучит в дверь.

Ф.П. Кин
Медсестра Ханзи, 1944
ПТ
Ханзи (Хана) Нойманнова родилась 19.4.1919 в Праге, депортирована из Праги в Терезин 14.12.1941, в Освенцим – 23.10.1944.

Медея: Это ты? Заходи.

Ясон: Очень устала, моя дорогая?

Медея: О господи, ты знаешь, я должна была бы уже привыкнуть к этим постоянным переездам, из города в город, из гавани в гавань. Сколько лет это уже длится! Здесь – приветливый хозяин, там ворчливый трактирщик, я действительно устаю.

Ясон: Здесь ты, наконец, сможешь отдохнуть, смотри, как Креон нас принимает, прямо по-княжески. Вилла в замечательном месте, климат мягкий, здесь ты найдешь покой.

Медея: Этот Креон, должно быть, безмерно богат.

Ясон: Говорят, индийские махараджи и американские миллиардеры просто нищие по сравнению с ним. Что дети?

Медея: Бонна укладывает их спать.

Ясон: Они, должно быть, смертельно устали.

Медея: Да, чуть было не уснули стоя. Давай-ка распакуем чемоданы, чтобы не чувствовать себя как в гостинице.

Они достают одежду из чемоданов и вешают в шкафы.

Ясон: Замечательно красивы наши покои, и вид из окна. Так далеко видно. Кто упаковывал этот чемодан? То, что лежало сверху, совершенно измято.

Медея: Я. В чем дело?

Ясон: Да... И как раз военная форма. Как всегда. Боюсь, что вечером нас ждет большой прием. Надеть мне форму?

Медея: Пожалуйста, не надо, ты же знаешь, что я ее терпеть не могу.

Ясон: Да, знаю. Ну, как хочешь.

Медея: Посмотри, это платье было на мне, когда ты приехал.

Ясон: Забудь эти старые истории.

Медея: Я ни разу не отдавала его на перешивку, и оно вышло из моды. Боюсь, что теперь оно на меня велико.

Ясон: Да, ты очень исхудала.

Медея: Тощая и старая. Да и у тебя уже появились седые волосы.

Ф.П. Кин
«3 дня 10 таб. Опиум», 1944
ПТ

Ясон: Я и чувствую себя старым. Старым и усталым. Я сыт по горло непрерывным бегством.

Медея: Послушай, а были ли мы молодыми? Уже и кровь устала струиться по венам. Когда я оглядываюсь, то далеко вдали угадываю тот водопад, из которого родился нынешний ровный поток. Тогда я прыгала по скалам, перепрыгивала через пропасти. Я бросила все, чтобы прийти к тебе. Неужели это тихое счастье рядом с тобой – дитя тех бессонных ночей? Неужто предала я отца и брата, чтобы стать пугливой и нежной матерью наших детей? Во что мы превратились! Ах, какая метаморфоза! Кровь в жилах требует благостной тишины. Так, должно быть чувствовала себя Дафна, когда во время безумной погони обратилось в дерево.

Ясон: О нет, я чувствую себя иначе. Не покой леса меня окружает, а кладбище. Прошлое с его блеском и его позором оставило отвратительное наследство: раскаяние, ярость, тоску. Я засеял поле, но что я сжал! Желчные воспоминания.

Медея: Ясон, у тебя есть дети.

Ясон: Да, нищее отродье! Кто позаботится о крыше над их головой, когда потухшая слава их отца перестанет подогревать тщеславие фатов? Кто выстелит перед ними дорогу, когда люди перестанут говорить: «Ах да, это же дети великого Ясона»?

Медея: Ну, у них ведь есть руки и ноги...

Ясон: Ты желаешь, чтобы мои сыновья стали портными, сапожниками, торговцами или поденщиками? Неужто я воевал и проливал кровь для того, чтобы мои дети открыли харчевню «У Золотого Руна»?!

Медея: Ладно, Ясон, не морщи так лоб, счастье может споткнуться о твои морщины, успокойся.

Ясон: Тщеславие, что осталось от моего тщеславия? Если бы я был крестьянином, то мое тщеславие произвело бы на свет самую большую репу на земле, самых тучных быков и самых

Ф.П. Кин
На окраине, 1942–1944
ПТ

пестрых кур. Но во что вылилось мое тщеславие? Клоун, который кувыркается в цирке. Тщеславный фат, который при жизни влез на пьедестал и изображает памятник, – чем дольше простоит, тем вероятней окупит расходы, которые были бы сопряжены с закупкой мрамора. Что от меня останется, если придется сойти с пьедестала?

Медея: Что останется? У тебя есть я.

Ясон: Прости, моя хорошая, меня вдруг охватила горечь, я не хочу жаловаться. Но иногда, когда я вдруг оказываюсь в роскошных апартаментах, так мало подходящих к нашему печальному положению, становится ясным контраст между усилием и платой за него – как будто жизнь насмехается надо мной сквозь эти шикарные портьеры.

Медея: Истинная доблесть – это не проявление мужества в бою. Ежедневное преодоление мелких унижений, жалких привилегий и былого величия в тысячу раз страшнее, чем Сцилла и Харибда.

Ясон: Да, да. Надеть сегодня вечером крахмальную рубашку?

Медея: Это будет так формально?

Ясон: Креон не мог отказать себе в удовольствии созвать полгорода и тем самым создать мне подходящее обрамление. Я говорил ему, что мы устали, он же обещал, что мы будем восседать в мягчайших креслах. Я убеждал его, что ты очень измучена, он же посулил нам самые веселые развлечения. Я намекнул ему, что ты не очень хорошо себя чувствуешь – он поклялся вылечить тебя шампанским.

Медея: Ты прав, мы чучела из паноптикума.

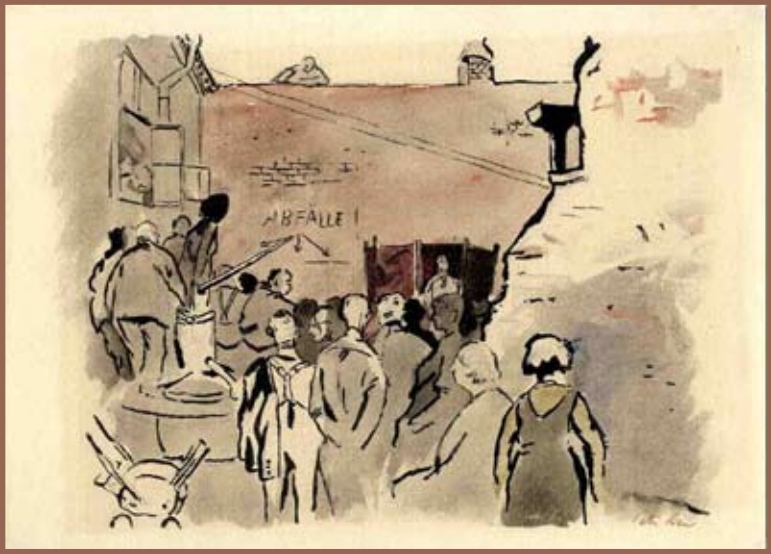
Ясон: Мир нас кормит, и посему он вправе заставить нас плясать.

Стучат в дверь. Глауке просовывает голову в дверь.

Глауке: Я не мешаю?

Медея: Ах, милая барышня, пожалуйста, заходите.

Глауке: Папа не оставляет меня в покое, я непременно должна справиться, удобно ли вам. Ах, вы уже распаковываете че-

Ф.П. Кин
Кабаре во дворе, “ABF LE”, 1943
ПТ

моданы! Когда я путешествую, то по приезде в новый город я тут же запираю свой номер и отправляюсь на прогулку.

Медея: У нас поездки вошли в привычку.

Ясон: Присаживайтесь, уважаемая барышня.

Глауке: Спасибо, побегу. Значит, я могу с чистой совестью заверить отца, что вы всем довольны?

Ясон: Мы благодарим господина Креона за его внимание.

Глауке: Я ему передам.

Медея: Итак, до вечера.

Глауке: Ах да, вечер. Отдыхайте (*уходит*).

Медея: Прелестная девушка!

Ясон: Да, очень хорошенькая.

Медея: Ясон, Ясон, в какого брюзгу ты превратился! Милый мой, я могу тебе сказать, что тебя угнетают не воспоминания, не то, что было, тебе просто скучно. Вот в чем дело. Тебе нужна страсть, которая тебя заполнит, страна, которую нужно завоевать...

Ясон: Медея, ты смеешься над отставным солдатом?

Медея: ...женщина, которую нужно покорить. Я, почтенная пожилая крепость, не буду ставить тебе капканы. Тебе скучно. При виде такой прелестницы твои глаза должны засверкать, плечи – развернуться, грудь –колесом... А у тебя спина колесом. Вскружи же ее прелестную головку.

Ясон: Мне не нравятся светские женщины.

Медея: Неужели так уж трудно хоть чуть-чуть увлечься Глауке! Я так мечтаю об отдыхе. Но когда вижу твое несчастное лицо и слышу скрежет зубовой, то прощай покой и отдых.

Ясон: Но и я жажду покоя.

Медея: Ты и ночью не можешь спать спокойно, ты и ночью маршируешь во главе своего войска. Когда в последний раз я видела тебя веселым и беззаботным? Где те времена, когда ты после дикого галопа возвращался домой, или встречался со старыми товарищами, или переплывал ледяную реку и едва живой выползал на берег, когда ты увивался

Ф.П. Кин
Кавалерские казармы, 1943–1944
ПТ

за красивой девушкой... Покой! Ясон – и покой! Влюбись в красавицу Глауке, поухаживай за ней. Ах, дурень, ты увидишь, все твои мрачные мысли тотчас развеются.

Ясон: Неужели ты думаешь, что после Медеи я могу целовать эту куколку?

Медея: Да, верю, у меня двое детей, и я старуха.

Ясон: Идем, старушка, пройдемся по парку.

Они выходят. Занавес.

2 действие

Холл. Креон разговаривает с Ясоном.

Креон: Этот участок я купил в год смерти моей жены, но виллу построил совсем недавно, когда подросла Глауке.

Ясон: Мы были потрясены размерами парка. Чарующим сочетанием ухоженных клумб и леса. Но все это меркнет, когда неожиданно, сквозь занавес пиний и оливковых деревьев начинается просвечивать голубизна моря.

Креон: О, вас далеко завела прогулка. Вы, наверное, заметили и маленькую гавань.

Ясон: Нет, мы лишь взглянули на море и повернули назад.

Креон: Если вы бы прошли еще сто шагов, вы увидели бы гавань Глауке, ее парусную яхту, моторную лодку и две гоночных лодки.

Ясон: Нет, гавани мы не видели, однако видели барышню Глауке верхом на лошади.

Креон: На буланом жеребце?

Ясон: Нет, на рыжем.

Креон: Опять на рыжем! Я просил ее не брать рыжего, он совершенно дикий. Я не люблю, когда ребенок садится на жеребца. Но что ей страхи старого отца! В самую жуткую бурю она из гавани выводит яхту в море. Видавший виды морской волк не мог бы маневрировать лучше, чем моя малышка.

Ф.П. Кин

Кабаре во дворе I, 1943

«Литография, моему любимому хирургу Шпрингеру, Терезиенштадт. П.Кин»
ПТ

Ясон: Среди ваших гостей так много чужестранцев!

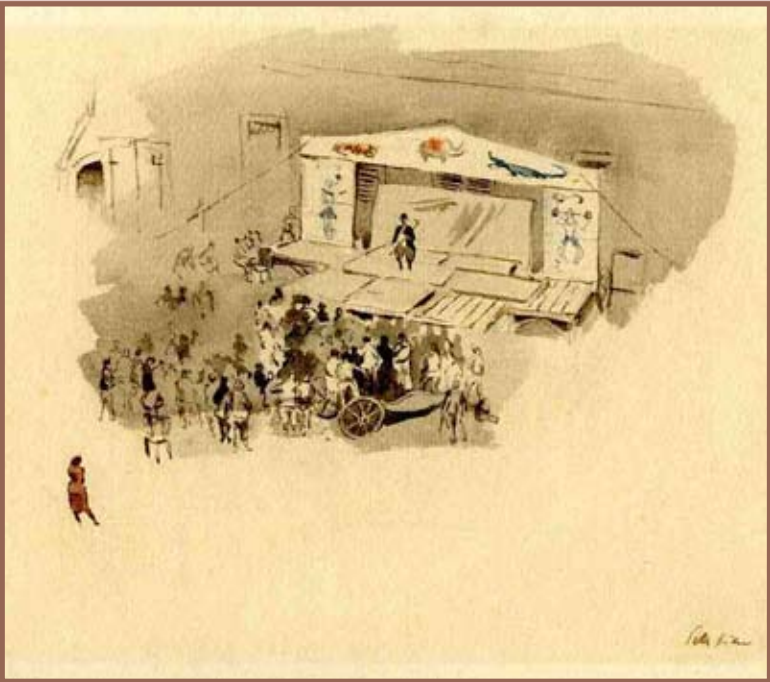
Креон: Это все деловые партнеры, я взял себе за правило после дня за рабочим столом проводить вечер за белой скатертью. Мои предприятия огромны, они не знают государственных границ. Египет, Америка, Восток, – встречаются в моем доме.

Ясон: Да. Вы известны на весь мир. Со времен Фугера¹ не было имени более знаменитого. Креон! При выезде у меня возникли сложности с паспортом, но стоило показать чиновнику ваше письмо, он отдал честь и оставил меня в покое.

Креон: О, это меня очень радует, я счастлив, что смог вам помочь. Точно, моя подпись вызывает уважение. Ну да, она известна. Нет гавани, в которую не входили и из которой бы не выходили корабли Креона, каждый ящик, каждая жердочка, каждый мешок имеют штамп Креона. Сирены грузовых пароходов и колокола рыбных шхун славят мое имя. Грязные босые мальчишки Италии, обнаженные туземцы Бомбея, закутанные по самый нос эскимосы, толстокожие негры – все мечтают стать Креоном. Телеграфы старого и нового мира день и ночь выстукивают мои депеши. На моих письмах вы найдете штемпели более ста государств. На моих складах хранятся товары со всей земли. Шведская руда, каучук из голландской Индии, австралийская шерсть, кокосовые орехи, апельсины, золото, оружие...

Ясон: Оружие?

Креон: Станки, книги, автомобили, оружие, калифорнийские фрукты, мороженое мясо из Чикаго. Солдаты экзотических правителей носят форму, созданную веселым воображением моих портных. Солдаты Европы упражняются с автоматами из моих оружейных заводов. Говорят, что и стреляют по моему приказу. Однако, это не верно, я всего лишь коммерсант. Я построил небоскреб в пустыне и разбил небольшой парк с тишайшей виллой посреди

Ф.П. Кин

Цирк во дворе казармы, 1943
ПТ

¹ Богатые банкиры в Эпоху Возрождения в Аугсбурге.

делового района Нью-Йорка. Министры стоят в очереди к моим директорам, а к моей дочери сватаются короли. Я мог бы... Но я всего лишь бизнесмен...

Ясон: Дух гения может вселиться и в предпринимателя.

Креон: Ах, мой милый господин Ясон, нам нужно было встретиться, когда я был молод, тогда бы вы не растратили плоды ваших побед.

Ясон: Ну, это не серьезно! Причем возраст? Вы на вершине пути.

Креон: Именно поэтому, именно поэтому. Дерзать проще в начале пути. Это я имею в виду.

Ясон: Я же оказался по другую сторону в самом низу.

Креон: Нет, нет, не говорите так.

Ясон: ...и бедней, чем в начале. Солдаты, солдаты! Откуда взять бездомному беженцу армию?

Креон: На это нужны деньги, прорва денег, невысказанно много денег.

Ясон: Ваши деньги, господин Креон, и моя голова.

Креон: Ах, вы шутите, милый друг, такая честь...

Ясон: О нет, вполне серьезно.

Креон: Что за идея! Однако, это абсурд. Уж извините, я не намерен швыряться своим капиталом во имя чужих интересов. Если бы я обеспечил каждого изобретателя фабрикой, каждого поэта театром, каждого военачальника армией, о чем меня все просят, я бы давным-давно даже не в доме призрения оказался бы, а в сумасшедшем доме. Видите ли, Ясон, я стал таким великим лишь потому, что всегда следовал собственным планам и не позволял веселой охотничьей компании загонять мои деньги как бедного оленя. Что за идея! Пойдемте, посмотрим, как общество развлекается без нас.

Ф.П. Кин
Театральная репетиция 1, 1943
ПТ

Он выходит. Ясон медленно следует за ним. Затем Медея.

Медея: Ты здесь? Я еле это выдержала. Наша слава – истинная мука, хоть и открывает нам все двери. Каждый кидается ко мне с вопросами, на которые я уже сто раз отвечала,

все приглашают меня танцевать, и все для того, чтобы потом, при случае, бросить фразу: это было, когда я танцевал с Медеей, ну знаете, с Медеей.

Ясон: Да. Я тоже сбежал от толпы почитателей, воздыхателей, любопытствующих, сочувствующих, они чуть ли не щупали мои мускулы, а протруби я сигнал к бою, они все бы обрадовались и закричали браво, браво. А Креон-то, Креон! Почему судьба ведет себя со мной, как кошка с мышью, которая бьется в ее когтях между надеждой и отчаянием. Креон приоткрывает мне золотые источники своего богатства, хвастается, говорит о своих миллионах, делает вид, что сожалеет, что не мог раньше, ты понимаешь, раньше! – использовать их в мою поддержку. Первым словом он дает армии возникнуть, а следующим ее уничтожает. Медея, ты права, лучше уютненько устроиться в дерьме, чем постоянно подымать глаза к солнцу, которое с утра до вечера медленно плывет по небу и насмехается: как, ты не можешь до меня дотянуться? Креон, Креон, твои как бы невзначай брошенные слова прошлись катком по моим тайным надеждам, по моему сердцу! Да протяни ты мне соломинку, в моем кулаке она стала бы копьем.

Медея: Оставь ты эту многократно попанную надежду, что мир тебе поможет, мир, который своих падших героев душит почетом, а борца за мир готов удавить своей ненавистью. Почему ты не наслаждаешься мягким осенним солнцем нашей жизни, солнцем, которое греет нас после стольких тревог и забот? Радуйся детям, радуйся мне и оставь свои мечты о власти и величии, мечты, которые омрачают сиюминутное счастье.

Ясон: Нет, нет, мое дело еще не полностью проиграно, Креон не был в ужасе от моей идеи. Я был слишком напорист. К нему нужен подход, я хочу запрячь его амбиции в мою колесницу, тогда он начнет сыпать золотом.

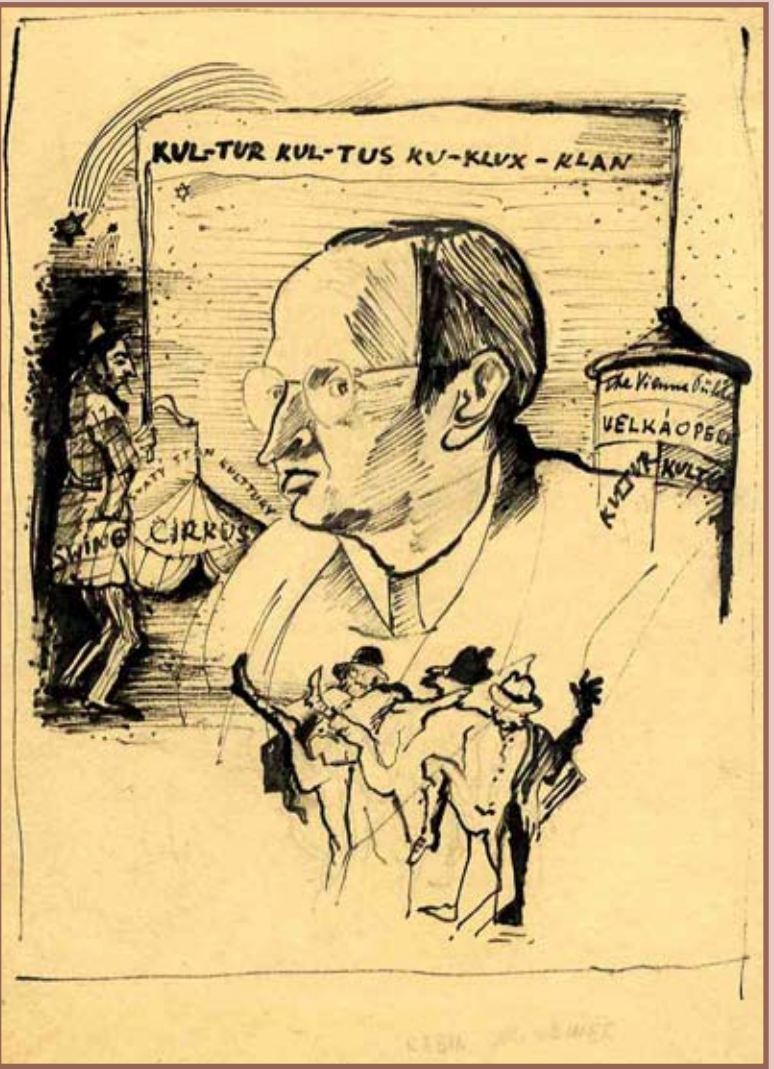
Медея: Это ты говоришь о амбициях?! Ты? Его вернейший поданный! Ах, прекрати играть, ты опьянен игрой. Твое

Ф.П. Кин
Театральная репетиция 2, 1943
ПТ

разгоряченное воображение того и гляди превратит ее в целое предприятие. Твой сын играет в оловянные солдатики, а ты играешь в королей. Та же игра. То же ребячество. Миллионы Креона лучше вкладывать в железо, полотно, перец и корицу, чем в честолюбие изгнанника и искателя приключений. Наслаждайся моментом, отдыхай под сочными пиниями, заплывай в море, играй с детьми, ухаживай за красивой Глауке. Что ты хочешь отвоевать у судьбы? Почет? А разве ты не являешься самым знаменитым героем столетия? Славу? О тебе говорят в каждом городе и каждой деревне больше, чем о знаменитых тореадорах. Богатство? С каких это пор в войне завоевывали богатство? Разве и победитель, и побежденный не возвращаются с поля боя полными банкротами? Чего ты собственно, хочешь? У тебя нет жены, которая тебя любит, нет красивых детей, нет мягкой подушки под головой? Ты попал в сказочный замок, у тебя есть все, что душа пожелает. Забудь свои мрачные мысли.

Ясон: Почет, слава, богатство, бабы, дети, сладострастие, комфорт, – на черта мне все это? Ладно, можешь называть тщеславием то, что сжигает мне сердце – думаешь, так ты погасишь огонь? Да назови это честолюбием, авантюризмом, жадностью, обругай на всех языках, думаешь, ты меня этим излечишь? Что заставляет коня бежать вперед? Почет, богатство, жратва, шпоры наездника? Что ведет юношей и стариков на поле битвы, если они могут там все потерять и ничего не обрести? Что заставляет изобретателя просиживать ночи напролет с открытыми глазами? Что посылает первооткрывателей за смертью в чужие страны? Почет, слава, богатство? Какой ничтожный словарь! Можешь ты остановить ветер тем, что назовешь его по имени? Сможешь ли заставить скупца расстаться с его сокровищами, если закричишь ему «скряга, скряга»? Позволь, Медея, мое дело еще не проиграно.

Ф.П. Кин

Карикатура на раввина Др. Винера, заведующего Отделом досуга в Гетто
«Культура, культ, священный оплот культуры, свинг в цирке, долгая опера, культура, культура», 1942–1943
ПТ

Медея: Все это было мне когда-то знакомо. В те времена, ты знаешь, я была готова на самые чудовищные вещи, чтобы тебе понравиться. Да что там – я это делала. Да я бы этими самыми руками убила, кого прикажешь, будь на то твоя воля. А если б ты меня оставил, убила бы и тебя. Ах, молодость! Со временем начинаешь улыбаться, думая о тех вещах, которые когда-то вызывали горькие слезы. Не думай, что я тебя не понимаю. Просто меня это больше не трогает. Ты и дети – вот весь мой мир.

Ясон: Что ж, ты вовремя его завоевала. А что я?

Быстро выходит.

Медея сидит, задумавшись.

Глауке кричит кому-то, кого мы не видим.

Глауке: Стоп, ни шагу вперед! Не следуйте за мной, господин, а то мне придется спустить на вас собак. О, госпожа Медея, и в одиночестве. Там в зале очень весело, вас все ищут. Мы так разбушевались, что же вы от нас убежали? Может, неуклюжие танцоры наступили вам на ноги? Или слишком гремит оркестр?

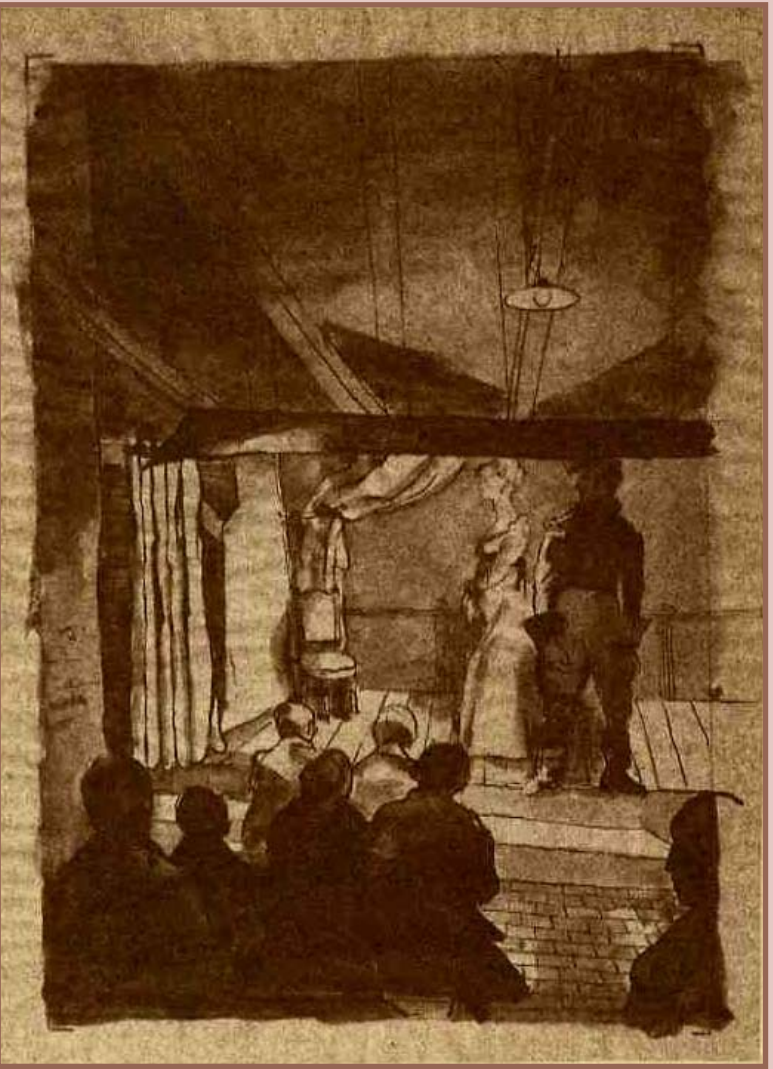
Медея: Я немного устала, Глауке, в этом все дело. Праздничный шум как канонада в моих ушах.

Глауке: Поверьте, я просила отца избавить вас от оваций и танцев, но он и слышать об этом не хотел, он разыскал самый громкий оркестр, который считает самым лучшим. А я пригласила веселых молодых людей, чтобы подперчить как следует это безвкусное старое мясо, тоскующее за карточным столом.

Медея: Если бы в Ясоне была хоть щепотка веселого перца!

Глауке: Как? Он скучный человек?

Медея: Вообще-то нет... Может, ему скучно. Он грустит. Займитесь им, барышня Глауке. Если ваши сверкающие глаза не растопят лед, в который заковано его сердце, то мне придется долго жить на леднике.

Ф.П. Кин

Представление, гравюра, 1944
ПТ

Глауке: Вы так полагаете?

Медея: Он говорит только о вас. Менее уверенная в себе женщина уже бы приревновала.

Глауке: О, тогда могу гордиться собой! Уважаемая госпожа, а у вас бывают поводы для ревности?

Медея: Ясону это нужно. Он вырос под легким небом.

Глауке: Наше небо не тяжелее, чем небо в другом месте.

Медея: Вы правы. Разбитые сердца – это нелепо.

Глауке: Да, по мне уж лучше сломанная нога или рука.

На сцену выходят Ясон с Креоном.

Креон: Нет, нет, нет, нет! Вы меня неправильно поняли, мой уважаемый друг. О, да тут дамы! Глауке, дитя мое, у тебя болит голова?

Глауке: Не более, чем у моих лошадей.

Креон: Еще одно слово, господин Ясон. Времена переменялись. Глауке, дитя мое, накинь шаль на плечи. Ночная прохлада коварна. Позвольте взять вас под руку, уважаемая госпожа.

Медея: Как вы нежно заботитесь о своей дочери! Вы выглядите как влюбленный молодой супруг.

Креон: Как старый отец, как старый отец.

Они выходят, Ясон смотрит так, словно его осенила мысль.
Занавес.

2 АКТ
1 действие

Тот же холл. Глауке входит в costume наездницы с хлыстом в руке и останавливается у статуи рыцаря в доспехах.
Она постукивает хлыстом по статуе.

Глауке: Эй ты там! Сегодня не хочешь мне ответить? Ты тоже всего лишь кусок камня как наши мужчины. Эй, ты, что это ты

Ф.П. Кин
Заклученный, 1944
ПТ

сегодня такой молчаливый! Здесь никого нет, и я веду себя с тобой вполне почтительно. Почему ты стоишь с саблей наголо? Я тебе не верю. Это всего лишь поза. Наши мужчины вечно стоят как на параде, а когда на них нападают, они исполненные самых миролюбивых намерений, используют шпагу как трость. Зато у них длинные волосы и усы, и сапоги начищены до такого блеска, что в них, как в зеркале, отражаются их усы, они чистят сапоги дольше, чем я запрягаю лошадь. Чтобы держаться прямо, им нужно больше энергии, чем мне, чтоб переплыть реку против течения. Они дольше подбирают носовой платок к галстуку, чем я завожу любовника. Тебя, например. Приходи ко мне сегодня ночью. Что, не хочешь совершить утреннюю прогулку? Нет охоты? (Машет) хлыстом. Ты тоже скучный. А я-то полагала по привычке, что твои каменные кости превосходят своей гибкостью жесткие ребра живых. И что у тебя больше крови в мраморе, чем в их бледных сердцах. Иди! Ты тоже всего лишь мужчина.

Ясон: Доброе утро, барышня Глауке.

Глауке: Вы так рано встали? А я бы побилась об заклад, что вы страшный соня и много лет не видели ни восхода солнца ни ухода луны.

Ясон: Солдаты обязаны бодрствовать. Частенько я не спал ночи напролет.

Глауке: Почему у вас плохое настроение?

Ясон: Вы правы, это просто стыд и позор. В такое лучезарное утро и с такой лучезарной женщиной. Что поделявает ваш уважаемый отец?

Глауке: Папа еще поживает на перине, у него, должно быть, тяжелое похмелье.

Ясон: Ваш отец любит вас превыше всего на свете.

Глауке: Вы так и будете беседовать со мной о любви моего отца?

Ясон: Я с большой охотой говорю с вами о любви.

Ф.П. Кин
Терезин, 1943
ПТ

Глауке: А я и забыла, что говорю не только с самым прославленным воином нашего времени, но и с известнейшим любовником.

Ясон: Я бы с удовольствием представил вам доказательства того и другого.

Глауке: О, вы должно быть непобедимый фехтовальщик!

Ясон: От вашего отца зависит, получу ли я возможность это вам доказать.

Глауке: Мой папа не фехтует.

Ясон: Да, но я лучше всего фехтую во главе армии.

Глауке: Не могу вообразить вас любовником, вы все воспринимаете так серьезно.

Ясон: Ах, если бы только господин Креон в меня поверил *(неожиданно обрывает фразу)*. Ах, не думайте, что я всегда так мрачен.

Глауке: Вы должны смеяться и шутить, когда говорите со мной. Да, у вас седые волосы. Но они вам очень идут.

Ясон: Хотите, невзирая на мои седины, скакать со мной наперегонки?

Глауке: О да, пойдемте, посмотрим, не обскочет ли вас бедная девушка.

Ясон: Возможно, если речь идет только о скачках.

Глауке: Идемте быстро, вы выберете себе лошадь.

Ясон: А какова будет награда, если я выйду победителем?

Глауке: Этого не произойдет. А впрочем, что захотите.

Они уходят. Входят Медея и Бонна.

Медея: Как спалось?

Бонна: Так, как спится, когда лежишь одна в кровати. Крепко и скучно. И далеко не так сладко, как когда полночи вдвоем не спишь.

Медея: Наверное, прошло много времени с тех пор, как ты полночи с кем-то не спала.

Бонна: Это еще почему? Разумные мужчины любят женщин, когда те достигают пятидесятилетнего возраста.

Ф.П. Кин
Терезин, 1943
Частная коллекция, Лондон

Медея: Дети хорошо себя вели?

Бонна: Старший плакал, потому что ему приснился страшный сон, но потом заснул.

Медея: Ясон сегодня встал спозаранку. Ты его не видела?

Бонна: Нет, уважаемая госпожа.

Медея: Я действительно тревожусь, столько лет он стойко и молча переносил свою судьбу, но в последнее время стал бунтовать. С чего бы это? Он ведь уже был так спокоен.

Бонна: Это весна, госпожа, поверьте мне.

Медея: Мне впрямь тревожно. Ночью он стонал и дважды зажигал свет. Страшно, что он снова предпримет попытку все завоевать.

Бонна: Нужно приложить пиявок.

Медея: Ах, что угодно, только бы не это ужасное напряжение. Я не хочу снова дрожать за него, день и ночь ждать известий, такая цена кажется мне непомерной и за половину мира.

Они подходят к окну.

Бонна: Вон он, мчится через поле.

Медея: Где? А, да *(она машет рукой)*. Он сюда не смотрит. А за ним... Да это же барышня Глауке, как отчаянно он скачет. Ах, если бы он хоть немного начал за ней ухаживать, он бы безусловно отвлекся. Он ведь всегда охотно флиртовал с хорошенькими женщинами. Но с тех пор как им овладело это безумие, он ничего не видит и не слышит.

Бонна: Да будьте довольны, что он за юбками не бегаёт. Когда мужчина достигает определенного возраста, скажу я вам, его хоть к цепями к кровати приковывай, все равно в другую убежит, если его прихватит. А наш господин не лучше других.

Медея: Ах, тебе этого не понять Если бы только знала, насколько я уверена в его любви. Скорей луна повернется другой стороной, чем Ясон отвернется от меня. То, что ему

Ф.П. Кин
Терезин, 1943
ПТ

иногда хочется поцеловать красотку и то, что он иногда это делает... Что ж, глупо было бы с моей стороны ему это запрещать. Он выглядит таким милым, этот большой мальчик, и улыбается так виновато, когда он кается мне в своих грехах – у меня двое детей, и тем не менее, он любит только меня. Только я зажигаю его кровь. После десяти лет брака он пишет мне страстные любовные письма. Если бы только он не был одержим бессмысленной войной! Война – единственная любовница, которую я боюсь. А ведь он не думал о ней уже так много лет.

Бонна: Не стоит полагаться на красивые глазки других женщин, уважаемая госпожа, лучше бы вы сами с ним пококетничали, да так, чтобы он забыл эти бредни. Наденьте платье с глубоким вырезом, покрасьте ярко губы, подведите глаза, поведите плечами... Вы одеты как монахиня! Покажите-ка ему кусочек вашего тела, он и позабудет про свою войну. Поверьте мне, в любви я дока. Он должен каждый день сызнова быть в сомнении, а не получит ли он оплеуху в ответ на поцелуй? Иначе вы будете его волновать как прошлогодний снег.

Медея: Нет, нет, это не для меня. Соперничать с его мыслями? Становиться между ним и его желаниями? Нет, это не для меня.

Бонна: Чем же вы его покорили, когда он приехал в Колхиду? Вы что же – и тогда носили платье, закрытое до шеи? Заставьте его ревновать! Почему бы не пококетничать со стариком Креоном? Тогда для него померкнет блеск всех его героических деяний, да и всей истории мира.

Медея: Ты действительно так думаешь? О нет, у меня двое взрослых детей, как я могу!

Бонна: Вот видите, какая вы! Вы боитесь его безумных идей и полагаетесь на других женщин, чтобы те вправили ему мозги. Ах, если бы я была на вашем месте, я бы ему показала. Тут высунуть ножку, там чуть-чуть обнажить грудь. Сегодня распустить волосы, на завтра зачесать их наверх,

Ф.П. Кин
Улица «Проминентов», 1942–1944
ПТ

каждый час менять платья. А вдобавок – Креон, то тут, то там. Он бы у меня попрыгал. На версту от вас не должно быть мужчины, который бы по вам не вздыхал. Но вы нежны и тихи, как обезжиренный сыр, с утра до вечера улыбаетесь сама себе и слишком много времени проводите с вашими сорванцами.

Медея: Возможно, ты и права, однако это не для меня. Все и так будет в порядке. Сегодня он поехал кататься с Глауке, а стало быть, не думает о войне. Вообще стоило бы поговорить с Глауке и попросить ее быть с ним особенно милой.

Бонна: Вы совсем потеряли разум. Вы толкаете его в объятия другой женщины только для того, чтобы он не думал о войне? Вы как будто впали в спячку! Когда вы шли через все это с Ясоном, мне казалось, что вы готовы сжечь свой родной город, чтобы осветить себе путь. А на корабле, когда к вам рвались пьяные матросы, разве вы не убили двоих вот этой самой лилейной ручкой? А теперь вы вздрагиваете всякий раз, когда господин Ясон режет ножом курицу, а вдруг нож напомнит ему о войне? Мальчик играет с хлопками, а вы слышите гром канонады.

Медея: Разве за все это я не заслужила права спать спокойно? Когда молоденькая девушка носит короткие юбки – это красиво, в моем возрасте это смешно. Что я могла тогда потерять – жизнь? Более ничего. А теперь? Мужа и отца моих детей.

Входит Креон.

Креон: Уважаемая госпожа, целую ручку, доброе утро.
Медея: Мы как раз восхищаемся великолепным видом.
Креон: Да, это я выбрал место для виллы.
Медея: Как удачно!
Креон: Как вы уже, наверное, заметили, вилла построена так, чтобы с одной стороны было видно море, а с другой горы.

Ф.П. Кин
Набросок, 1942–1944
ПТ

По левую сторону –покрытые лесом холмы, а там простирается равнина. Эта точка на местности совершенно уникальна.

Медея: Вы прямо настоящий архитектор.

Бонна: *(тихо)* Прекрасно! Смотрите, вы же можете! Побольше меда, и скоро он будет бегать за вами с высунутым языком.

Медея: Прекрати.

Бонна: Теперь немедленно изобразите недотрогу, а торт, который вы ему сейчас показали, тут же прикройте прозрачной крышкой, чтобы он его видел, а дотронуться не мог.

Медея: Смотрела бы лучше за детьми.

Бонна: И не забудьте поводить плечами. Отточите ваше орудие на одном, чтобы потом применить к другому. Одному такая игра будет приятной, а другому горькой, и после этого вы станете для него такой сладкой, что он позабудет все свои военные игры *(Выходит)*.

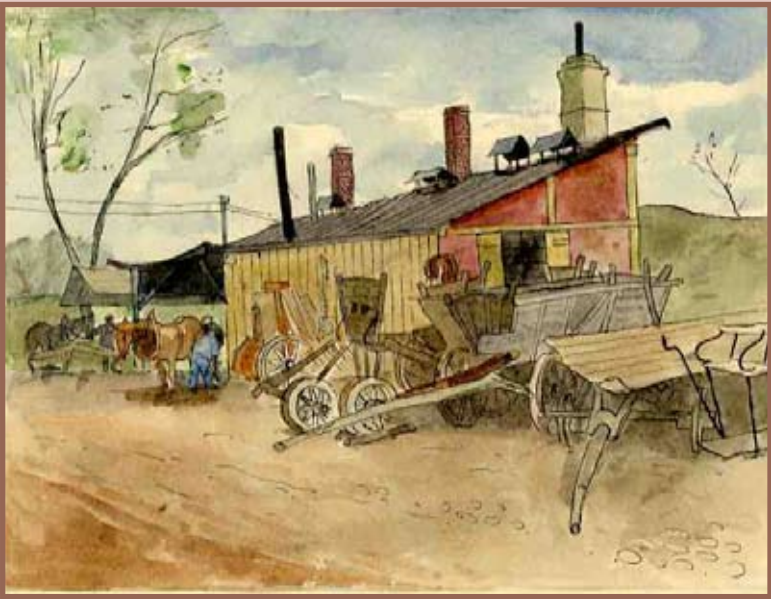
Креон: Очень удачно, что я могу с вами перемолвиться несколькими словами наедине, уважаемая госпожа.

Медея: Слушаю.

Креон: Вы, наверное, в курсе, что ваш супруг вчера пытался навязать мне предприятие: экипировать для него армию. Я право не знаю...

Медея: Но вы не собираетесь принимать это всерьез?

Креон: Не знаю, как бы это сказать, чтобы его не обидеть. Ради всего святого, я верю в его военное искусство... Но это совершенно невозможно. Вы прекрасно знаете, что я восхищен Ясоном. Однако война нынче ведется не так, как в его времена. Можно ли создать огромный аппарат из людей, машин, боеприпасов, опыта и надежд, чтобы удовлетворить желания одного человека? Война сменила свой костюм. Вместо формы генерала она носит белый халат инженера. Вместо доспехов – комбинезон машиниста, оружие теперь – не шпага и пистолеты, а пробирки и логарифмическая линейка. Ее катехизисом больше не

Ф.П. Кин
Скотный двор, раскрашенная гравюра (рисунок, сделанный в рамках «компании приукрашивания»), весна, 1944
ПТ

является опыт рыцарства и мужества – теперь это расписание поездов и биржевые сводки. Военная панорама с поля битвы переехала в лабораторию. И, понимаете ли, на этом поле Ясон не будет чувствовать себя столь уверенно. Он, простите меня, поэт войны, фантазер – для современной войны требуется организатор, фельдфебель. Не гениальный импровизатор, а трезвый специалист. Пожалуйста, отговорите его: его искусство устарело, теперь все превратилось в фабричное производство, для которого не требуется мастер такого уровня. Так ли уж необходимо рисковать жизнью, ночевать в завшивленных деревнях, пить кислое вино, негодовать из-за интриг и ревности в генеральном штабе? Разве он тот безвестный искатель приключений, который мечтает погибнуть только из-за того, что больше всего на свете ненавидит рутину? Он же Ясон, пред именем которого преклоняется весь мир!

Медея: О, вы словно читаете мои мысли.

Входят Ясон и Глауке, разгоряченные и возбужденные.

Глауке: Позор, позор, тьфу ты, черт, мне стыдно. Папа, он ускакал от меня на старой пегой лошади. Рыжий и ста метров не продержался. Послушайте, вы эту кобылу наверное чем-то накормили! Папа, он пошел в отрыв после первого же рва. Будто я была не на лошади, а на таксе. Я еще не успела добраться до изгороди, а он был уже на опушке. Папа, я хочу избавиться от Рыжего, видеть его больше не могу!

Креон: Ты прелесть, любовь моя. Я подарю тебе десять молодых кобыл, только оставь этого глупого жеребца. Не огорчайся, господин Ясон самый знаменитый наездник в стране.

Глауке: Но кавалером его назвать нельзя. Он мог бы обогнать меня на один корпус. Обставить меня как школьницу!

Ясон: Барышня Глауке, а моя награда?

Глауке: Уходите, вы отвратительны.

Ясон: Видишь, Медея, она меня знать не хочет.

Ф.П. Кин
Конюшня, раскрашенная гравюра (рисунок, сделанный в рамках «компании приукрашивания»), весна, 1944
ПТ

Медea: Барышня Глауке, но не сердитесь же вы в самом деле!
Глауке: Я сержусь?
Креон: Моя девочка умеет проигрывать с честью. Это честная игра, fair play. Накинь пальто, ты запыхалась, ты можешь заболеть.
Ясон: Барышня Глауке, о награде мы поговорим в другой раз. На деловых переговорах свидетели не нужны.
Креон: Завтрак подан на террасе. Небось, вы голодны?
Глауке: Идемте, Ясон. Вы скачете, как дьявол, но сейчас мы мирно выпьем чашку чая.
Ясон: А когда мы обсудим мою награду?

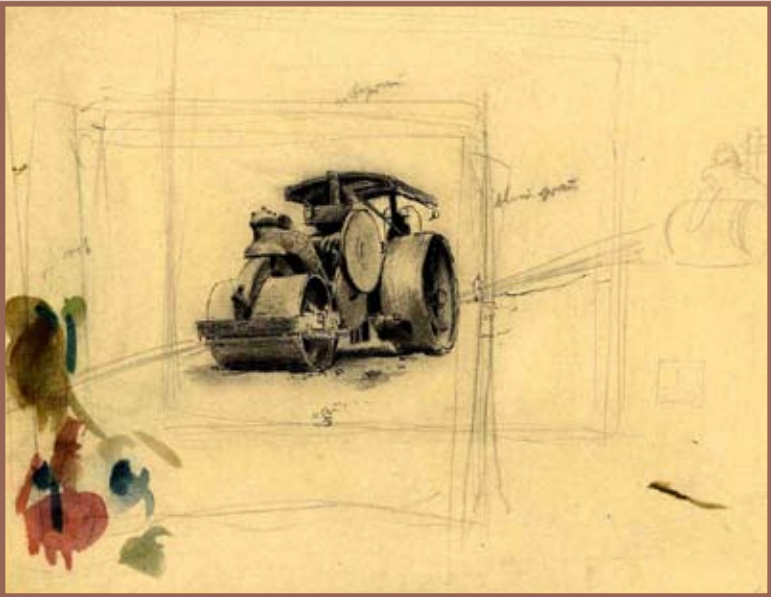
Все выходят. Занавес.

2 действие.

Спустя некоторое время. Терраса, Глауке, Ясон в военной форме стреляет из пистолета по мишени.

Глауке: Попал! О, это было плохо. Девяносто из ста. У вас еще четыре выстрела.
Ясон: *(стреляет)* Одиннадцать! Десять! Двенадцать! Двенадцать!
Глауке: Девяносто семь! Я все-таки буду носить женское платье.
Ясон: И будете выглядеть так же прелестно, как и в костюме наездницы. Не желаете вернуть должок?
Глауке: Какой должок? Ах, да, скачки! Ну и чего бы вам хотелось?
Ясон: *(заключает ее в объятия и целует)*.
Глауке: *(медленно высвобождаясь)* Что это у вас за форма? Она вам очень идет.
Ясон: Глауке, послушайте!

Глауке быстро уходит.

Ф.П. Кин
Мотокаток, 1944
ПТ

Ясон: *(стоит какое-то время молча)* Креон боготворит ее, неужели нет никакого пути к его миллионам! Креон, Креон, из-за тебя я бы пошел на преступление. У тебя есть волшебная палочка, которая могла бы обратить в моих солдат тысячи отважных юношей, изнемогающих от скуки за плугом, в кузнице и в кабаке. А ты и пальцем не пошевелишь. У тебя есть ковер-самолет, который в одно мгновение мог бы донести меня до цели моих желаний, я оказался бы во главе хорошо экипированной армии, – а ты держишь его под запором в своих сундуках. Ты заставляешь меня томиться перед твоими воротами, я слышу звон серебряных блюд, на которых ты мог бы поднести мне жизнь, но ты не делаешь этого. Как найти ключ? Правда, у тебя есть дочь. Красивый ключ, прелестный ключ, он жжет мне руку. Я смущен, я весь в колебаниях. Я отравлен этим поцелуем. Поцелуй по расчету, с задней мыслью... Я довел себя до такой степени, что теперь и сам уже не знаю – хочу ли я твое золото, хочу ли я твою дочь. Этот поцелуй заполонил мне душу; как Иисус изгнал торговцев из храма, так и он вытеснил из души все прочие желания. Неужто забыл я десять лет позорного изгнания, десять лет, которые я просидел за столом с надутыми меценатами, десять кошмарных лет – из-за сверкающих очей, стройного стана, упругой походки, девического голоса. Она – дочь Креона, я должен подчинить ее себе, даже если каждый поцелуй будет отдалять меня от самого себя. Не тот ли это единственный путь? Я должен пойти по нему, даже если сложу голову на его камнях.

Занавес.

3 действие.

Медea и Бонна проходят по сцене, ребенок играет в мяч.

Медea: Нет, я тебе не верю, он стал намного спокойней после того, как каждое утро выезжает с Глауке.

Ф.П. Кин
Терезин, 27.7.1943
ПТ

Бонна: Он выезжает с Глауке, он фехтует с Глауке, а следующее, что произойдет, они займутся борьбой, при которой ложатся на матрас вдвоем, а встают втроем.

Медея: Ты неисправимая сплетница. Но у меня очень хорошее чувство...

Бонна: Было бы лучше, если бы вы свои надежды вывернули, как выворачивают старую перчатку, внутренняя часть наружу, а наружная внутрь, – то, чему вы радуетесь, должно наполнять ваше сердце страхом, а то, чего боитесь, это сущий пустяк.

Ребенок: Папа идет!

Ребенок бежит через сцену, Медея и Бонна медленно следуют за ним. Ясон идет им навстречу с другой стороны сцены, ребенок бросается в его объятия.

Ребенок: Папа, папочка, какой ты сегодня красивый, ты выглядишь как солдат.

Ясон: Ты так находишь, мой мальчик? А где ты видел солдат?

Ребенок: В книге с картинками. А где твой меч?

Ясон: Я давно сложил оружие.

Медея: Не задавай глупых вопросов, расскажи лучше отцу, что ты сегодня выучил.

Ребенок: Мама нам сегодня рассказывала о Тезее.

Ясон: Ну и что с ним случилось?

Ребенок: Он уложил минотавра, Ариадна помогла ему это сделать, и он пригласил ее домой, чтобы играть вместе, но по дороге он от нее убежал.

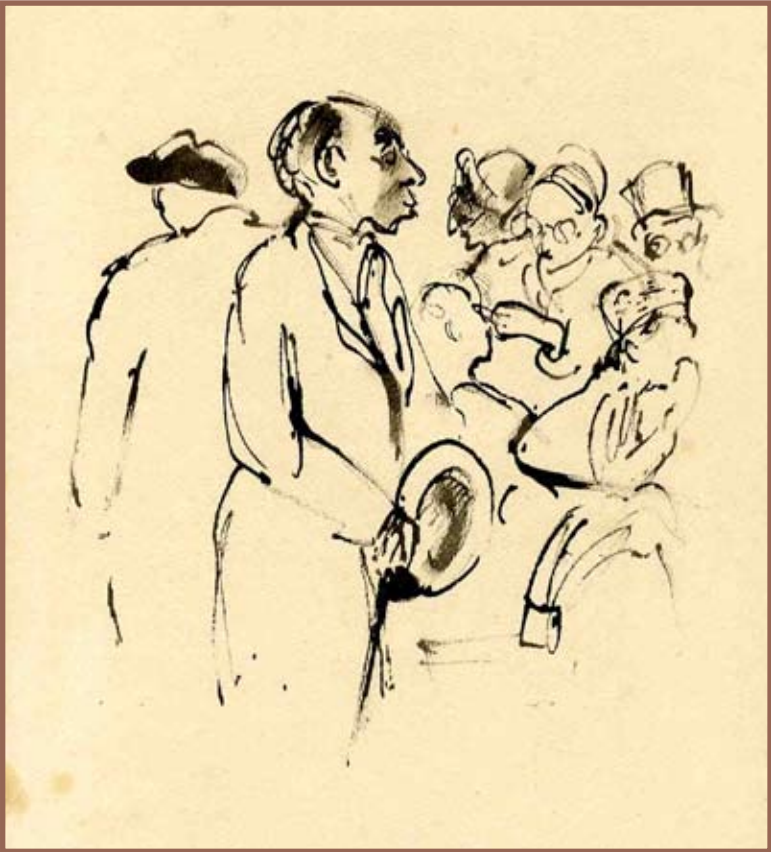
Ясон: Не очень мило с его стороны.

Медея: Он поступил так по приказу бога.

Ребенок: Нет, он должен был хранить ей верность. Без ее помощи он бы пропал. Она ему просто разонравилась, а то бы он не слушался никаких богов.

Медея: Иди сюда, умница. Дай я тебя поцелую.

Ясон: Ты бы, значит, ее не оставил?

Ф.П. Кин

Карел Швенк, 1942–1944
ПТ

Карел Швенк родился в Праге 17.3.1917. Актер, режиссер, писатель и композитор, создатель «Театра никчемных дарований» в оккупированной Праге. Депортирован в Терезин 24.11.1941. Звезда терезинского кабаре. В начале 1942 для мужского населения Судетских казарм Швенк устроил два представления – «Талон на еду потеряян» и «Да будет жизнь!», с завершающим «Терезинским маршем». Его пело все гетто. Пьесу «Последний велосипедист» запретили после генеральной репетиции. В целом он сыграл более 300 кабаре, где выступал как актер, режиссер и композитор. 1.1.1944 депортирован в Освенцим, оттуда в рабочий лагерь Мойсельвиц, около Лейпцига. Погиб во время похода смерти в апреле 1945.

Ребенок: Никогда, никогда, никогда.

Они идут по авансцене. Глауке в глубине сцены. Медея и ребенок проходят, смеясь, Ясон остается сзади.

Ясон: У вас опять нет времени для меня?

Глауке: Чего вы желаете: скакать наперегонки, фехтовать, плавать?

Ясон: Я должен с вами поговорить.

Глауке: На это у меня времени нет.

Ясон: Почему мы бежите меня, я должен с вами поговорить.

Глауке: Ну так говорите ради всего святого.

Ясон: Не сейчас, не здесь, повсюду люди. Я должен говорить с вами наедине. Я приду к вам.

Глауке: Скажите когда, и я запру дверь на ключ.

Ясон: Ждите меня в 11 вечера.

Глауке: Хорошо, я вовремя запру дверь.

Ясон: Но не засыпайте.

Глауке: Какая вам разница, что я делаю за закрытой дверью?

Ясон: Игра в кошки мышки прекрасна, однако мышка не должна выходить на охоту.

Она быстро уходит. Он идет за ней. Занавес.

4 действие.

Комната Глауке. Она нервно ходит, то скрестив руки на груди, то прижимая руки к шее. Ясон стучит в дверь. Глауке замирает перед дверью.

Ясон: Откройте, Глауке, пожалуйста, откройте, вы что, меня не слышите.

Глауке: Что вы хотите так поздно, уходите.

Ясон: Почему же вы не спите? Вы меня ждали. Отоприте!

Ф.П. Кин

Терезинский интерьер, рисунок из альбома, 1943–1944
ПТ

Глауке: Уходите, а то я буду кричать.

Ясон: Кричите. Я сломаю дверь, и вас найдут в моих объятиях.

Глауке: Что же вы хотите?

Ясон: Поговорить с вами.

Глауке: Это вы можете делать и через дверь.

Ясон: Хочу с вами поговорить и вас поцеловать. Откройте.

Глауке: И не подумаю.

Ясон: Я отсюда не сдвинусь. Завтра утром об меня здесь споткнутся.

Глауке: У меня нет стражи, и это все знают.

Ясон: Отоприте!

Глауке: Почему вы думаете, я заперлась?

Ясон: Для того, чтобы отпереть дверь. Однако, я вижу, что Глауке боится.

Глауке: Я боюсь?

Ясон: Глауке, для которой не существует ни диких лошадей, ни ревущей воды, ни крутых гор, испугалась мужчину.

Глауке: Я не боюсь ничего в мире. Но вы будете себя вести благо-разумно?

Ясон: Я буду себя вести так, как должно.

Глауке: Что такое страх? *(Отпирает дверь.)*

Ясон: Добрый вечер, барышня Глауке.
(Она протягивает ему руку, он пытается притянуть ее к себе, она выворачивается).

Глауке: Хотите сигарету?

Ясон: Да, спасибо. *(Запирает дверь).*

Глауке: Что вы делаете?

Ясон: Вы же видите, я не хочу, чтобы нам помешали.

Глауке: Говорите, что вы хотели сказать, и уходите.

Ясон: Я люблю вас.

Глауке: Это ложь.

Ясон: Я люблю вас, Глауке.

Глауке: Ложь.

Ясон: Я все время вижу вас перед собой.

Глауке: Ложь.

Ясон: Мой внутренний взор хранит вас как драгоценное сокровище. Я все время вижу вас перед собой, на коне, пешком... В парке, на террасе, с бокалом в руке, с пистолетом в руке. Я вижу вас с вашими собаками, я вижу вас перед собой, постоянно вижу вас перед собой.

Глауке: Об этом вы должны сообщать мне в полночь?

Ясон: Я закрываю глаза и вижу вас, я открываю глаза и вижу вас, у меня на уме: Глауке, когда я слушаю, я слышу: Глауке, когда я иду – я иду к вам. Вы стоите в начале всех желаний, а также в их конце.

Глауке: Об этом вы должны мне сообщать в полночь?

Ясон: Я так переполнен вами, что не могу думать ни о чем другом. Ничего другого не могу чувствовать. Не могу спать, не могу есть, не могу пить. Я люблю вас.

Глауке: Зачем вы лжете?

Ясон: Никогда я не желал ни одной женщины так, как вас.

Глауке: В это я готова поверить.
(Ясон пытается ее обнять, она извивается в его руках, целует его и вырывается).

Ясон: Зачем вы так? Зачем вы меня взвинчиваете? Почему вы на меня так смотрите? Вы позволяете себя целовать. Зачем вы отталкиваете меня руками и призываете взглядом? Ваш взгляд преследует меня с первого вечера. Пристальный и настойчивый. Почему вы отталкиваете меня словами и призываете голосом? Ваш голос звучит иначе, когда вы говорите со мной. Ваша походка мягче, когда вы идете рядом со мной. Почему же вы делаете вид, что уходите от меня? Вы ведь не ребенок. Почему вы обещаете мне все, если не хотите ничего дать? Зачем вы целовали меня, если я вам не нравлюсь? Вы только что открыли мне дверь, неужто вы поверили, что я хотел только говорить с вами? Глауке, не сводите меня с ума. Думаете, около вас можно жить спокойно, однажды коснувшись ваших губ?

Глауке: Что вы говорите, Ясон, у вас есть жена.

Ф.П. Кин
Танцовщица Камила Розенбаумова, 1942
Военный музей Оттавы

Ясон: Не надо о ней.

Глауке: Жена и двое детей. Как вы себе это представляли – получить меня в придачу к удобной кровати моего отца? Вы думали, достаточно быть лучшим наездником и стрелком, чтобы меня получить? Вы думали, я просто так, ни за что ни про что, как простая проститутка, стану любовницей женатого человека? А потом, когда вы уедете, я буду стоять на балконе и махать мокрым от слез платочком? Уходите. Завтра утром мы снова поедем кататься на лошадях. Но не говорите больше со мной о любви.

Ясон: Глауке, я не тот, с кем можно играть как со стенкой теннисным мячом – бросил, отскочил, опять бросил... Я не умею быть несчастным воздыхателем – когда тигра ранят, он впадает в ярость. Чего вы ждете от меня, когда вы смотрите на меня так, что у меня начинает кружиться голова? Хотите, чтобы я плясал как дрессированный медведь? Именно сейчас, сейчас вы смотрите на меня именно так. Думаете, что я не почувствовал, когда вас целовал, что вы пылаете так же как я.

Глауке: Разве я это отрицаю? Да, я вас люблю. Вы единственный мужчина в этой стране, где пол невозможно отличить даже по одежде. Не потому, что у вас сильные ноги и гладкие руки, не потому что лошадь дрожит, зажата между ваших ляжек, а фехтовальщик трясется от одного вида вашей шпаги, но потому что вы, как Самсон, стоите один под колоннами мира, и молитесь о том, чтобы у вас снова отросли волосы и тогда вы погибнете под развалинами, но вместе со всеми вашими врагами. Думаете, я не понимаю, какая вас сверлит мысль? Вы побратаетесь с самим дьяволом, если он предоставит вам армию. Ветерок, которым слава вас обвеивает – вот истинная отравка для вас. Вас не удовлетворяет тот блеск, при помощи которого судьба пытается помочь вам забыть о вашем бессилье. Эта великолепная мебель, эти мягкие кресла, не стали для

вас Капуа¹. Если бы вы могли, вы бы родили вашу армию сами, чтобы снова стать во главе, даже когда вы станете древним старцем, вы останетесь мужчиной.
(Ясон пытается ее обнять, она позволяет себя поцеловать, но снова вырывается).

Глауке: Оставьте, Ясон. Нельзя. У вас есть жена.

Ясон: Ни слова о ней.

Глауке: Я не готова ни с кем делиться. Мой жеребец принадлежит мне, моя лодка принадлежит мне, мой дом принадлежит мне, мои собаки принадлежат мне, мне одной. А моего возлюбленного я должна делить с другой? Я требую уважения к моей чистоте, не пачкайте меня бездушием, присушим всему миру. Уходите, уезжайте, оставьте меня. Что вам с того, что я отдамся вам с горечью на дне души и отвращением до мозга костей? Я не ем с чужой тарелки, и я должна обнимать вас, когда вы пахнете духами другой женщины?

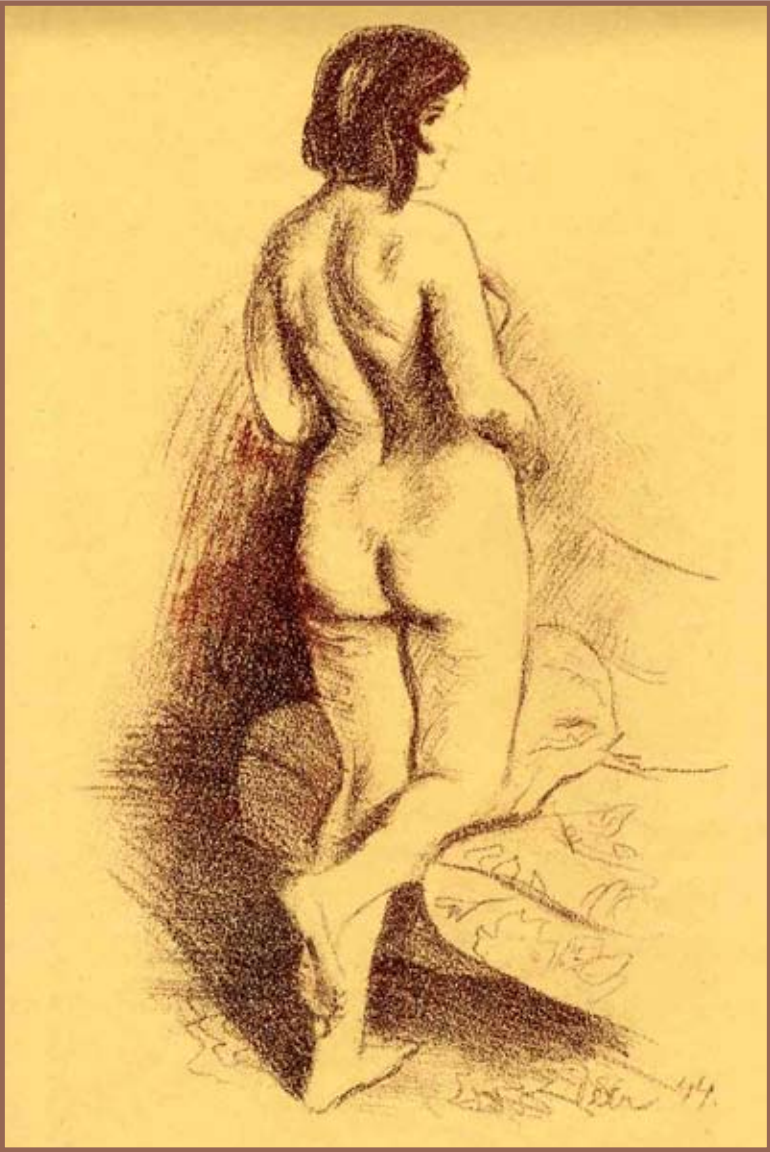
Ясон: Глауке, почему я не знал вас раньше?!

Глауке: Для того, чтобы через 10 лет вы меня не предали так же, как ту женщину, которая пожертвовала для вас всем, родиной, семьей, покоем, которая родила вам двоих детей и которую вы также вероятно уговорили однажды ночью.

Ясон: Но все это вы знали, когда я сюда приехал, зачем же вы так на меня смотрели, почему вы мне так подавали руку, почему позволили себя поцеловать, почему открыли мне дверь?

Глауке: Откуда я знаю? Я ведь не машина, не автомат для самообладания, вы мне понравились; пульс учащается, когда вы рядом, вы мужчина, а может я хотела испытывать свою власть, может я хотела вскружить вам голову, мне было интересно, закрываете ли вы глаза, когда целуетесь, неужто поцелуй столь трагическое событие? Неужто это должно стать началом геометрической прогрессии, которая должна обязательно вырасти в неисчислимое?

1 Капуа, город около Неаполя, его богатство и роскошь вошли в поговорку.

Ф.П. Кин
Обнаженная, гравюра, 1944
ПТ

Неужели объятия настолько выбивают вас из колеи, что вы начинаете качаться, как пьяный? Я же говорила, что вы не очень хороший любовник, вы воспринимаете все слишком серьезно.

Ясон: Я воспринимаю это серьезно и легко. А вы – слишком легко и серьезно. Вам бы хотелось, чтобы я прибегал по первому зову, целовал по приказу, утирал рот и говорил спасибо.

Глауке: Что бы сказала Медея, если бы она нас сейчас увидела? Не делайте глупостей, вы женатый человек и отец.

Ясон: Смейтесь надо мной, вы превращаете меня в своего шута! Вы много себе позволяете. Не служит ли смех наградой для шута? Впрочем, мужчина, который много говорит, смешон.

(Он хочет ее поцеловать, но она его отталкивает).

Глауке: Мужчина, который добивается поцелуя силой, так же смешон. Идите, идите, Медея будет податливей.

Ясон: Не говорите о ней, вы должны видеть и чувствовать, что она давным-давно для меня не более, чем милая сестра. Вы одна в моем сердце. Глауке, Глауке!

Глауке: Что вы говорите, сестра?

Ясон: О боги, давным-давно она уже мне не жена, не возлюбленная.

Глауке: И вам не стыдно так лгать, не стыдно говорить такое о своей супруге? Вы думаете, что подлость – верное оружие для того, чтобы меня завоевать? Что вы хотите, Ясон? Не хотите ли вы пережить со мной курортное приключение? Хотите взять меня с собой в качестве любовницы? Хотите остаться здесь, для того, чтобы мы встречались тайком на потеху супруге и соседям? Хотите обладать мною на время вашего пребывания здесь, потому что моя комната ближе, чем бордель? Хотите сбежать со мной? Какое будущее у нашей любви? Дрожать от страха, что нас кто-то увидит вместе? Хотите скандала? Или хотите прятаться всю жизнь? Хотите ночами убегать от вашей жены ко мне? Я – человек настроения. Я могу отказывать вам неделями,

Ф.П. Кин
Прачечная, 1943–1944
ПТ

и вы будете вымещать ваше дурное настроение на Медее? Хотите, чтобы я качала на коленях ваших детей? А может, я должна стать подругой вашей жены? Идите, Ясон. Завтра утром мы будем снова скакать наперегонки.

Ясон: Как вы играете со мной! Глауке, Глауке, так я от вас не уйду.

Глауке: Думаете, я вам отдамся не по любви, а потому что меня тронут муки вашего тщеславия?

Ясон: *(немая сцена)* Я хочу... я должен... Глауке, я оставляю Медею, я женюсь на вас. Послушайте, Глауке...

Глауке: О господи, какая пошлость. Глауке нельзя совратить, я ведь не кошечка, которая только и ждет, чтобы ее сопротивление сломили разными аргументами, обещаниями, жалобами и предложениями руки.

Ясон: Я больше никогда не буду смеяться, если только не получу вас. Завтра утром я поговорю с вашим отцом. Вы богаты, вы невероятно богаты, а я нищ. Но я Ясон Аргонавтов. Скажите мне, что вы меня любите, и завтра утром я получу согласие Креона.

Глауке: *(после некоторой паузы)* Если я сейчас скажу «да»? *(Ясон пытается ее обнять, она вырывается и выталкивает его за дверь).*

Ф.П. Кин
Адольф (Дольфи) Аузенберг, 1942–1944
ПТ
Художник **Адольф Аузенберг** родился 1.7.1914 в Праге, его отец был известным продюсером кинокомпании «Фокс», мать была немкой. Учился живописи в Париже, где в начале 1942 года был арестован и 2.2.1942 депортирован в Терезин. Как полукровка он не подлежал дальнейшей депортации, но записался добровольно – сопровождать медсестру, в которую был влюблен. 12.10.1944 он был депортирован в Освенцим, прошел селекцию. Последнее письмо матери было отправлено им из концлагеря Ораниенбург 24.12.1944.

Та же комната, что и в первом действии.

Медея: Ясон, ты погружен в мысли, и лоб твой нахмурен. Сегодня ты ведешь себя как-то странно. Ты меня избегаешь? Я тебя утомляю? Скажи, и я буду держаться подальше, пока не пройдет твое дурное настроение.

Ясон: Да, я ощущаю себя несколько странно. Останься здесь, я сегодня плохо спал.

Медя: Может, хочешь немного развеяться? Пойди к детям, они играют в саду. Вчера ты был таким веселым, ты не хочешь пойти покататься с Глауке? Я сегодня ее еще не видела.

Ясон: Почему ты все время говоришь со мной о Глауке? Боишься, что она мне слишком понравится или наоборот совсем не беспокоишься о том, что я могу в нее влюбиться? Ты словно регулировщик на дороге, который взмахами рук направляет мужей прочь от жен. Ты с утра до вечера твердишь как зануда: Глауке, Глауке, Глауке. Думаешь, я не знаю твоего завистливого нрава? Ты хочешь все мои идеи упрятать за стену, пусть даже за стену из чужих женских рук! Почему ты ненавидишь мои планы – единственное, что придает смысл моему несчастному прозябанию? Ты с притворным великодушием позволяешь мне небольшие приключения на стороне. Это великодушие меня оскорбляет. Неужели ты так уверена в своей власти надо мной? Ты как Цирцея, которая гладит своих свинок в лесу, зная, что они полностью в ее власти.

Медя: Как ты зол! Ты меня поражаешь. Какие гадкие слова. Я тебе что-нибудь сделала?

Ясон: Прости, Медя, я мрачен и раздражен. Я действительно завидую твоей уверенности в себе.

Медя: *(радостно)* Даже когда ты бегаешь за хорошенькими девушками, ты всегда возвращаешься ко мне. Я знаю каждый твой взгляд, каждое твое слово, каждое твое движение, я знаю сто оттенков твоей улыбки, я умею читать карту твоего лба, которая уверенно помогает мне пройти через дремучий лес твоих настроений. Ты настолько во мне, настолько мой, как может быть лишь ребенок в животе матери. Что может дать тебе другая женщина, кроме минутного развлечения, когда мы, Ясон, мы за десять лет срослись, как старые деревья, которые лишь прикасались друг к другу в юности. Биение твоего сердца – это мой пульс, твой голос – это моя песня, твои мысли – это мои желания и мои страхи. Когда ты радостен, мое сердце смеется, когда ты впадаешь в ме-

Ф.П. Кин
Набросок Ильзы Кин, 1943
ПТ

ланхолию, мне кажется, что солнце покинуло небосвод. Как может оказаться между нами чужая женщина? Если меня пугают твои планы, то только потому, что я боюсь за тебя. И если я дрожу при мысли об их осуществлении, то не потому ли, что мне страшно, что ты подвергнешь себя опасностям и ужасам войны. Мы уже не так молоды, Ясон. Я счастлива с тобой и детьми. Неужто ты и впрямь настолько бессердечен, что можешь подвергнуть нас страшным испытаниям, неужто у тебя хватит мужества оставить меня на этом свете вдовой и матерью сирот, – и ради чего? Ради жалкого признания, которым люди дарят победителя? И что это за люди? Тени на моем пути. Ясон, смотри веселей, радуйся детям, радуйся тому, что я так безмерно тебя люблю. Я знаю, что я тебе также бесконечно дорога.

Ясон: *(сидит, погрузившись в думы, оба молчат)* Нет, Медя, не имеет смысла скрывать от тебя то, что завтра узнает весь мир. Нет, Медя, то, что я чувствую по отношению к тебе, это уже не любовь.

Медя: *(после паузы)* Уже не любовь?

Ясон: Я сам не знаю, какая путаница здесь произошла. Ты все время говорила о Глауке...

Медя: Глауке?!

Ясон: Я играл с ней. Из скуки. Но когда я понял, как бесконечно ее любит Креон, я...

Медя: И что?

Ясон: Я увидел, что Креон ее боготворит. Креон, Креон, десять лет отчаянья, десять лет надежды собраны в этом имени! Одному лишь Креону под силу помочь мне снова оказаться в седле. Креон – моя единственная и последняя возможность получить то, что полагается мне по праву, и отомстить. Ему не нравятся мои планы, он и слышать о них не хочет, но у него есть дочь, единственный мост, который ведет к этой неприступной крепости. И я решил завоевать этот мост.

Медя: Чтобы сделать Креона податливей?

Ф.П. Кин
Хельга Вольфенштейн, 1942
ПТ

Ясон: Разве он может хоть в чем-то отказать своей дочери? Но какой вес имело бы мое слово, будь я лишь ее любовником? Я должен быть для него чем-то б льшим. Медея, когда она в первый раз лежала в моих объятьях, я почувствовал, как оглушающий яд, сладкий яд начал вливаться в мои жилы. И с тех пор, как я поцеловал ее, у меня стало двоиться в глазах, как у пьяного. Я вижу Креона и последнюю возможность вновь обрести власть, славу, месть, и тут же я вижу Глауке, ее глаза, ее шею, ее ноги, ее грациозные движения. Медея, ты говоришь, что ты меня любишь. Отпусти меня. Глауке должна стать моей женой. Может быть, я паду на войне благодаря креоновским миллионам, может, утону в лаве ее поцелуев, неважно. Отпусти меня, Медея, я больше не принадлежу тебе, я принадлежу войне или Глауке.

Медея: Ясон, неправда, этого не может быть! Это не война. Это – женщина, я чувствую это! Я чувствую это! Боже мой, где были мои глаза! Ясон, любимый, опомнись, приди в себя, ради всего святого! Ты же не можешь меня бросить сейчас, когда все только начинает устраиваться. Ясон, разве я старуха? Посмотри, разве мои глаза не такие как у нее, посмотри как они блестят, разве мои плечи потеряли упругость и гладкость? Моя грудь, мои ноги, разве они не такие, как у нее? Ясон, не уходи, я боюсь. Ты хочешь, чтобы я, гонимая воспоминаниями, бежала одна по нагим и пустынным дорогам старости, с одной лишь мечтой о конце пути, без твоей любви, без твоей сильной полной жизни руки в моей? Что мне сказать детям, когда они спросят, где отец? Что ты нашел в поцелуях этой женщины, чего нет в моих? Она что, не из плоти и крови, как я? Ее волосы, ногти, зубы не такие как у меня? Возьми ее, Ясон, пусть она станет твоей любовницей, а потом вернись ко мне.

Ясон: Креон, Креон, я не могу его покинуть. Оставить ее? Она отказывает мне. Она согласна на одно – быть моей женой. И она станет моей женой. Все кончено, Медея. Я смотрю на тебя и на мир сквозь нее, словно сквозь пелену. Все кончено.

Ф.П. Кин
Обнаженная, 1943
ПТ

Медея: Слепец! Дурак! А не скулил ли ты так же у моих ног? Не хватался ли так же за край моего платья? Жаль, что я тебя тогда не оттолкнула. Но я, я полюбила тебя. Думала ли я о браке, когда тебя обнимала? Ясон, опомнись! Когда ты станешь обладать ею, ее власть над тобой исчезнет. Ты хочешь моей жизнью заплатить за освобождение от чар? Не была ли я тебе страстной любовницей и нежнейшей супругой? Глауке тоже станет супругой! Ты узнаешь каждое пятнышко на ее теле и оно, сегодня сладкое и неизвестное, превратится в давно знакомый тоскливый ландшафт. Ее поцелуи наскучат, как надоевшие приятели семьи. Блеск ее глаз сперва тебя ослепит, затем утомит, и наконец будет раздражать; она родит тебе детей и ее бедра потеряют стройность и привлекательность. Аромат ее тела станет привычным, и ты будешь к нему равнодушен, как моряк к соленому воздуху моря – он будоражит лишь новичка. И ты готов ради нескольких месяцев страсти, которые выльются в монотонное будущее, выбросить столько лет счастья и любви, как старый цветочный горшок, на который давно никто не смотрит, хотя когда-то он был красивой вазой...

Ясон: Зря ты мне все это говоришь, Медея. Может, ты и права, но я тебя просто не слышу. Как у спутников Одиссея, мои уши закупорены – они забиты сладчайшим именем. Я словно бы стою на головокружительной высоте у края пропасти. Я не могу обернуться, могу смотреть только вперед.

Медея: Ну что ж, тогда вперед, Ясон, вперед! Твоя голова уже седеет. Немного пройдет времени, и морщинки, которые украшают тонким орнаментом твой лоб, превратятся в глубокие рвы, в которых будет застаиваться старческий пот. А Глауке молода, намного моложе тебя, она будет обманывать старого мужа, она предаст, покроет тебя позором и в конце концов сбежит с молодым соседом.

Ясон: Глауке должна стать моей женой, а Креон...

Медея: Может, он даст тебе армию в приданое, но ты так скоро не встанешь с мягкой постели Глауке. Перед кем ты ломаешь

Ф.П. Кин
Автопортрет в талите, 1939
ПТ

комедию – передо мной или перед собой? Креон! Нет, это Глауке нас разделила, ее молодость, ее сладкая новизна. За парудней ее улыбка заставила тебя забыть о войне – чего я не смогла добиться морями слез. Ясон, ради тебя я оставила отца и превратилась в скиталицу без рода и племени. Я заманила собственного брата в твой убийственный шатер. Я делила с тобой опасность, нужду и унижение – а теперь ты хочешь меня бросить? Не оставляй меня! Не оставляй меня! Я разучилась смотреть собственными глазами, мне нужны твои. Мои ноги слишком слабы, и когда я не опираюсь на твою руку они не держат мое тело, руки мои размякли и ничего не могут удерживать. Останься со мной. Мои поцелуи заставят тебя забыть Глауке. Тысячами способов я привяжу тебя к своей постели. О, если бы я прислушалась к доброму совету! Тебе кажется, что я уже некрасива? Я сведу с ума Креона, и ты научишься ревновать. Юноши этой страны будут по моей воле убивать друг друга на дуэли. Я пойду на панель и ты увидишь, что в моих объятиях богачи утратят все свое состояние, а бедняки – здоровье. Давай, Ясон, уедем отсюда. Я здесь мерзну.

Ясон: Ты бредишь! Все кончено. В моей крови яд, и если не будет ежедневного вливания противоядия, он убьет меня. Успокойся. Как сын Креона я буду продолжать заботиться о тебе по-княжески, неизвестность отвернет от тебя свою голову медузы Горгоны. Ты еще красива... ты найдешь новую любовь... лучшую, более достойную.

Медea: Молчи! Ты хочешь убрать меня с дороги с помощью золота твоей шлюхи? Ты хочешь заплатить мне, чтобы я задавила в себе свои поцелуи и от них задохнулась? Хочешь заплатить, чтобы я сама себя задушила в своих объятиях? Ясон, я видела, как из-за любви к тебе погиб мой брат. Десятилетие я была с тобой кроткой и скучной, но теперь я добьюсь, чтобы твое следующее десятилетие было пронизано болью и тоской. *(Она хочет уйти, но он ее останавливает).*

Ясон: И это твоя любовь? Что ж, ты можешь убить меня, я пальцем не пошевелю в свою защиту.

Медea: Тебя, любимый? Да, тебя, тебя! Ты отдал мне свою жизнь, теперь ты ее забираешь, но я хочу ее назад, и я хочу ударить там, где тебе всего слаще.

Ясон: Только посмей до нее дотронуться, я убью тебя.

Медea: Ну что ж, убей меня, тогда ты останешься без нас обеих и будешь готов воспламениться для следующей. Но та, которая тебя у меня украла, счастливой не будет.

Ясон: Никто меня у тебя не забирал, ты сама меня потеряла. Долгие годы, день за днем, ты отламывала мою любовь по кусочкам, пока однажды не оказалось, что сердце мое пусто и голо. По утрам в своем потертом халате, по вечерам – с невымытыми волосами. Почему ты меня целовала как болонку, а не как мужчину? Почему ты изливала всю свою страсть на детей, и она жалким ручейком утекала в песок? Когда наша любовь была еще юной, ты сияла вместе со мной в моем мире. Почему же ты сделала из него кабак, в котором меня в любой момент могут стукнуть пивной кружкой? Да, да, ты как жена работяги хватала меня за одежду – не иди, не иди в кабак, думай о своих детях!

Медea: Великий боже, как низко мы пали!

Ясон: Прости, я не совсем владею собой, сам не знаю, что говорю. Я не хочу тебя оскорблять. Все кончено. Медea, будь благоразумна, уходи.

Медea: *(немая сцена)* Все кончено. Кончено? Со мной будет кончено, когда закончится день. Итак, я вдова. Глауке, Глауке, ты страшной войны. Война оставила мне моего мужа, а моим детям – их отца.

Ясон: Пойди, ляг. Ты успокоишься. Что же я такое, что ты так ко мне привязана? Шут. Пустой сосуд. Развалина. Иди, Медea.

Занавес.

2 действие.

Перед занавесом, на просцениуме появляются Ясон и Креон.

Ф.П. Кин
Терезинский редут, 1942–1943
ПТ

Они останавливаются, Креон бросает на Ясона резкий взгляд и они медленно идут дальше.

Креон: Нет, мне это не нравится. Мне не нравится, что моя дочь хочет построить свой дом там, где будет разрушен другой. Но я не властен над ее страстями. Будет ли она счастлива? Ясон, как бы мне хотелось, чтобы вы никогда не приезжали сюда. Мне все это не по душе. Ну что ж, вы такой человек, я другой. Это ведь ее жизнь. Еще одно, Ясон, пожалуйста, не сердитесь. Я верю, что вас к ней действительно влечет лишь любовь. Надеюсь, у вас нет сумасбродной идеи – заставить меня через мою дочь совершать поступки, несовместимые с моими принципами. Простите меня, но это было бы безумием. Да если бы я и захотел сделать такое, я выставил бы ее любовь на всеобщее осмеяние. Весь мир бы шептался и насмешничал, что вы женились на деньгах Креона и в придачу к ним взяли его дочь. Нет, нет! Лишь бы только она была счастлива! Пойдемте. *(Длинная пауза)*. Послушайте, я желал бы поставить вас во главе одного военного предприятия, в которое я хотел бы вложить все имеющиеся средства – воображение, опыт, деньги. Я хотел бы... Речь шла бы о моих интересах, а не о том, что вы предлагали десять лет тому назад. Но поймите, я не могу подвергнуть своего зятя опасностям военной операции. Что же, свадебное путешествие Глауке должно проходить в военном лагере? Ясон, я боюсь за Глауке. Армия, война – оставим это от нее в стороне.

Ясон: Когда вы желаете устроить свадьбу?

Креон: Давайте не будем спешить. Подумайте. Страсть не длится вечно. А тщеславие может загрызть до смерти. Сможете ли вы быть хорошим мужем Глауке, если по прошествии какого-нибудь года со дня свадьбы старые желания снова наполнят вашу грудь? Давайте не будем с вами сейчас об этом говорить. Вы найдете меня в саду. *(Уходит)*.

Ясон: *(какое-то время стоит молча, потом безудержно смеется и опускается в кресло)* Прекрасно! Замечательно! Если бы

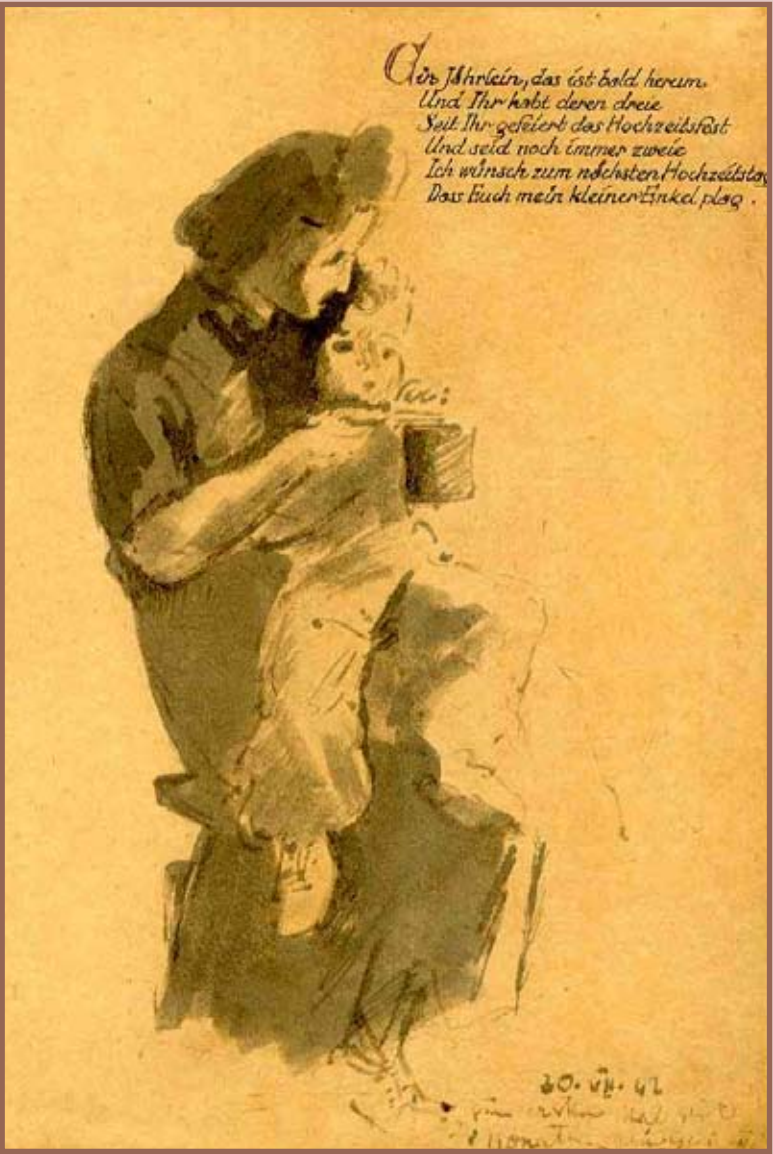
Медea сейчас меня убила, я был бы ей только благодарен. Прежде у меня был выбор между двумя подлостями – предать и оставить жену, или обманывать ее, оставаясь с ней. Теперь они соединились в третью. Остаться с Медеей, нося в сердце другую. Оставить жену и детей? Или продать невесту за солдат? *(Смеется)*. Не была ли то всего лишь одна ночь? Ее близость... Не позабыл ли я уже аромат ее волос? Медea, дети... Все потеряно. *(Вскакивает, подбегает к окну, распахивает его и кричит вниз)*. Креон, Креон, нет, нет, я не могу! О боги, убей меня, Медea! Что? Есть время до полудня? До завтра? Может, он ей сейчас говорит, что я передумал, что я в колебаниях, что я испугался? Может, он ей сейчас лжет, что я согласился на эту сделку? Разве только я могу лгать? *(Подбегает к двери и останавливается)*. А если так, даже лучше. Тогда мне не надо больше решать. Как же это случилось? Взгляд Глауке – это он меня зажег – я ведь не хотел ее любить. Разве кто-то виноват в том, что на сердце выросла раковая опухоль? Что же, я должен был врать Медee, что я ее люблю? И что все это – смерть или жизнь на острие ножа, – случилось лишь потому, что я затеял недостойную игру вокруг Креона?

3 действие.

Терраса, Глауке стреляет по мишени.

Глауке: Одиннадцать, да, снова получается, шесть! четыре! Тьфу, черт, сегодня руки дрожат, надо перестать стрелять. *(Она кладет пистолет.)*

Медea: Глауке, постойте! Это же невозможно, прошу вас, умоляю вас, вы ведь благоразумны, у вас такие ясные глаза, не забирайте у меня то, что составляет мою жизнь, ведь для вас это всего лишь удовлетворение мимолетной страсти. Я прошу вас, посмотрите, я становлюсь перед вами на колени, будьте милосердны.

Ф.П. Кин
Томичек Фритта на руках его мамы Ханзи
ПТ
Текст Лео Кина: «Прошло два года с тех пор, как вы отпраздновали свадьбу, а вас все еще двое, к будущей годовщине свадьбы желаю вам, что вас не оставлял в покое такой вот маленький друг, 30.7.1942».

Глауке: Вы мне нравились, жаль, что вы сейчас так недостойно себя ведете. Просить? Становиться на колени перед женщиной?

Медея: *(падает перед ней на колени)* Он для меня всё, мой отец, моя мать, мой муж, мой ребенок, мой возлюбленный, моя родина, моя молодость. Глауке, для вас это всего лишь игра. Будьте милосердны, откажитесь от него.

Глауке: Медея, ведь я его люблю. Я не знала, что такое мужчина, пока не увидела его. Я принадлежу ему. Если он захочет от меня уйти, я не единым словом не посмею его задержать.

Медея: О Глауке, Глауке!

Глауке: Но отказаться от него, отказаться от собственного счастья, отказаться от моей силы, молодости только потому, что их лишилась другая женщина? Я не стану просить его уйти от меня.

Медея: Он обезумел от страсти. Он бредит. Нет, он никогда не захочет отказаться от вас. Откажитесь вы от него, Глауке, откажитесь от Ясона.

Глауке: Вы знаете, что он меня любит, что же вы от него хотите? Вы хотите жить около него, зная, что он в своих мечтах живет у меня, хотите его целовать, когда он, закрыв глаза, мечтает о моих поцелуях, хотите создать для себя ад, когда каждая мысль на его челе будет вас терзать? Вы готовы отказаться от его сердца и довольствоваться тем, что он будет с вами спать? Ну тогда вы просто шлюха. *(Медея хватает пистолет и стреляет в Глауке).*

Медея: Я тоже могу попасть в яблочко. Двенадцать! Двенадцать колец! Двенадцать! Ты все у меня забрал, Ясон, я тоже хочу у тебя забрать все, слышишь, все! Эта тебе уже не принадлежит. Я шлюха? О, да! Я распутничаю со смертью, чтобы отравить твою кровь. У тебя еще есть дети, Ясон, у тебя еще есть дети. Хочешь найти в них утешение, хочешь посадить их к себе на колени, хочешь рассказать им о красавице Глауке? Взять все. Все! У тебя пока еще есть дети. Пока еще! *(Она стоит, играя пистолетом. Резко падает занавес.)*

[1942]

ПЕТЕР КИН
Дурной сон
Одноактная пьеса
2.11.43 – 15.12.1943 ¹

№ 44, в миру старый Лойхтер
№ 45, в миру молодой Лойхтер
№ 507, в миру надворный советник Кратохвил
№ В38, в миру доктор Шидер
№ 99, в миру инженер Маус
№ XYZ – Новичок, в миру доктор Бенда
Надзиратель
Начальник тюрьмы
Комендант
Во сне появляются кроме них:
Тилли
Лакей в гольфах, без лица
Несколько неизвестных господ во фраках
(пациент, разносчик газет)

Бывшая конюшня побелена, местами большие пятна грязи и саж, труба из ржавой выдавшей виды печки выходит из маленького забранного решеткой окна прямо на волю. На полке и в <...> стоят грязные и по-видимому ни для чего не пригодные предметы. Вокруг лежат грязные бутылки, консервные банки, картонные коробки, кирпичи, нижнее белье. Трехэтажные нары из неструганного дерева; несколько грязных красных матрасов на земле, на нарах соломенные тюфяки. № 44, старый Лойхтер, стоит

¹ Это было страшное время между заключением еврейского старосты гетто Якоба Эдельштейна во внутреннюю тюрьму гетто (9.11.1943) и его депортацией в Освенцим (15.12.1943). «10.11.1943. Посадили Якоба. Завтра тотальная перепись населения. Есть прямая связь между этим сообщением и нервным напряжением, которое охватило все гетто». «2.12.1943. Якоб в тюрьме. ... Его жена целый день ходила вокруг тюрьмы. Она его не видит, но он ее видит, поскольку сидит в подвале». (Из «Дневника Эгона Редлиха»). Кин лично знал Я.Эдельштейна, скорее всего, он и явился прототипом «Начальника тюрьмы».

Кадры из нацистского пропагандистского фильма «Еврейское поселение Терезиенштадт», 1942
ЯкобЭдельштейн, еврейский староста гетто, в кабинете коменданта Терезина
Государственный киноархив, Прага

у печки и что-то жарит в продавленной миске. Все заключенные одеты в обезличивающую одежду с широкими черно-белыми полосами, на груди и спине нашиты большие черные номера. Все, кроме молодого Лойхтера, обриты наголо. № В38, доктор Шидер, ворочается на соломенном тюфяке. Около 5 часов пополудни. Смеркается.

- № 44:

Я точно знаю, что тут был еще кусочек маргарина. *(Роемся в мусоре у окна, перебирает засаленные бумажки)*. Он был здесь, малюсенький такой кусочек, очень маленький – а развалился, как король, должен я вам сказать – король конюшни, – три недели уже мы не играли в карты, поэтому, кусочек-то сохранился, такой маленький, в желтой бумажке *(бросает поиски и возвращается, шаркая, к печке)*. Дров тоже нет, вчера мальчишка притащил пол-ящика. А оне разлеглись на полатах, тоже мне... *(отрезает от нар кусок доски и кладет в печь, снова ищет у окна)*. Я же точно помню, абсолютно точно *(пожимая плечами, продолжает варить)*. *(Слышен тяжелый размеренный шаг Надзирателя)*
- № 44.

Я тебе говорю, если мы только выйдем отсюда, я буду тебе варить суп из ножек – ты такого еще не едал. Немного морковки, мелко нарезанная петрушка, совсем меленько... или уха из карповой икры с хреном... *(Засов зарешеченной железной двери отодвигается. № 45, молодой Лойхтер, № 507, надворный советник Кратохвил и № 99, инженер Маус, приходят с работы.)*
- № 507.

(Надзирателю за дверь). Пожалуйста, оставьте приоткрытой дверь, здесь можно задохнуться.
- Надзиратель:

(он также в одежде ээка, но на нем ремень, рубашка с напуском и маленький номерок, который выглядит как украшение). Все уже здесь?
- № 44.

Да-да, все общество в сборе.
- Надзиратель:

Тогда делаем проверку *(входит и закрывает дверь)*.
- № 507.

Прошу вас, оставьте дверь открытой, пусть будет хотя бы небольшой сквозняк.

Ф.П. Кин
Портрет Отто Брода, 1942–1944
ПТ
О.Брод родился в Праге 6.7.1888, писатель, автор исторических романов, брат Макса Брода, друга и биографа Ф. Кафки. Был капитаном артиллерии в Первой мировой войне. Депортирован в Терезин из Праги 10.12.1941 с женой Терезой и дочерью Марианной. Работал в Отделе досуга, писал рецензии на лагерные постановки («Женитьба», «Жорж Данден», «Ифигения», «Реквием» Верди, пьесы Молнара и др.) Депортирован в Освенцим 28.10.1944 с женой и дочерью, все погибли.

- № В38.

(Взвизгивает) Закройте дверь, здесь лежат больные!
- № 507.

Но, господин доктор, простите, здесь не продохнуть.
- № В38.

Пожалуйста, закройте дверь *(кашляя)*, дверь, пожалуйста – мне нельзя волноваться.
- № 507.

Господин доктор, вы ведь не настолько больны, надеюсь. Укройтесь лучше.
- № В38.

Я буду жаловаться! И вообще это нарушение внутреннего распорядка. Дверь и окно должны оставаться при всех обстоятельствах закрытыми, противодействующие этому...
- Надзиратель:

Не стану я все это слушать – ругайтесь, когда останетесь одни *(захлопывает дверь)*. № 44!
- № 44.

Здесь!
- Надзиратель:

№ В 38!
- В38.

Так точно, здесь!
- Надзиратель:

№ 507! Эй вы, вы что не отвечаете?
- № 507.

Вы же только что со мной говорили!
- Надзиратель:

Какого черта! Вы должны рапортовать! № 45!
- № 45.

Здесь.
- Надзиратель:

№ 99!
- № 99.

(напевает джазовую мелодию). Ту-ту-та-та-тадам-пам-пам.
- Надзиратель:

Завтра экскурсия в клозет! *(уходя)* Думаю, тут намечается прибавление.
- № 45.

Что сие означает?
- Надзиратель:

Похоже, будет у вас новичок.
- № 99.

Ну да, я уже слышал, якобы высокопоставленная личность...в прошлом.
- № 45.

Конечно, господин инженер Маус уже слышал. Неужели возможно еще кого-то впихнуть в нашу дыру?
- Надзиратель:

Об этом спросите у господ.
- № 507.

Кто же он?
- Надзиратель:

Я знаю? Я в его метрики не заглядывал.
- № 507.

И все-таки, как он выглядит? Старый? Молодой?
- Надзиратель:

Вопросы, вопросы... По мне хоть будет как пивная кружка *(поворачивается, чтобы уйти)*.

Ф.П. Кин
Набросок из альбома, 1942–1944
ПТ

№ 99. Минутку, можно еще раз пипи?!

Надзиратель: Ну, быстро! *(уходит с 99-м, запирает дверь на засов.)*

№ 44. Скажи-ка, ты съел кусочек маргарина?

№ 45. Какой маргарин?

№ 44. Тут был остаток маргарина у окна – в бумажке.

№ 45. Я – точно не ел.

№ В38. Хотите ли вы этим снова сказать...

№ 45. Да катитесь вы все к черту! *(Бросается в ботинках на соломённый тюфяк и утыкается в бульварный роман).*

№ 99. *(возвращается – засов отодвигается и снова задвигается).* Итак, господа хорошие, большая сенсация!

№ В38. *(единственный заинтересовавшийся).* Что там? Рассказывайте!

№ 99. К сожалению, ничего не могу сказать, начальник тюрьмы взял с меня слово.

№ В38. Да говорите же!

№ 99. ...Новичок. ... это ... угадайте!

№ В38. Могу ли я угадать?

№ 99. Некий Шидер...

№ 507. Не может быть...

№ 99. Некий Каспар Шидер.

№ 507. Старый Шидер? Да ведь он в Америке.

№ 99. ...последний ректор нашего университета.

№ 507. Но это невозможно!

№ В38. Наконец-то, человек с духовными запросами!

№ 507. Шидер в Америке! Вы несете вздор! Вздор! Я, помню, читал, что на свое 70-летие он читал лекцию в Сан Франциско по случаю вступления в должность. *(Начинает начищать ботинки).*

№ 99. Начальник тюрьмы мне сам сказал – передаю то, что знаю. Его номер выше 2000.

№ В38. Шидер, несмотря на свой возраст, человек современный, человек большого формата.

№ 45. Когда будет готово?

№ 44. Вот-вот! Через несколько минут! Ты голоден?

Ф.П. Кин
Портрет раввина Др. Винера, заведующего Отделом досуга в Гетто, 1942–1944
ПТ
Эрих Винер, родился 4.2.1911. Депортирован в Терезин из Пльзня, 26.1.1942. Депортирован в Освенцим 16.10.1944. Погиб.

№ 45. Что ты – я насытился похлебкой на воде!

№ 99. Что вы там делаете?

№ 44. Пацан однако раздобыл кошачьи потроха – охранник вчера поймал кошку – Пацан ему недавно покрасил квартиру...

№ 45. Мели, Емеля! Держи язык за зубами.

№ 99. Да, Лойхтеры приличные люди, у них каждый день жаркое.

№ 45. Вечно взор мелешь, обжора свинская!

№ В38. Что еще новенького?

№ 99. Ну что ж, пожалуйста: я слышал от надежных людей, что комендант скоро уходит.

№ В38. *(с нескрываемым любопытством).* Что вы говорите?!

№ 45. Полная чушь.

№ 99. Пожалуйста, это мне сказал сам надзиратель Топчака¹, а он это знает из абсолютно верного источника.

№ 507. Вечно вы где-то выкапываете вашу информацию, да, господин инженер?

№ 99. Когда глаза и уши открыты...

№ 507. К сожалению, чаще всего она ложная.

№ 99. Ну и нечего меня слушать, раз вы мне не верите.

№ В38. *(Ни к кому не обращаясь)* Сброд!

№ 44. Ну вот, готово, можешь есть *(подает ему еду. № 45 начинает есть угрюмо, № 44 наблюдает.)*

№ 45. А ты не хочешь?

№ 44. Потом, после тебя.

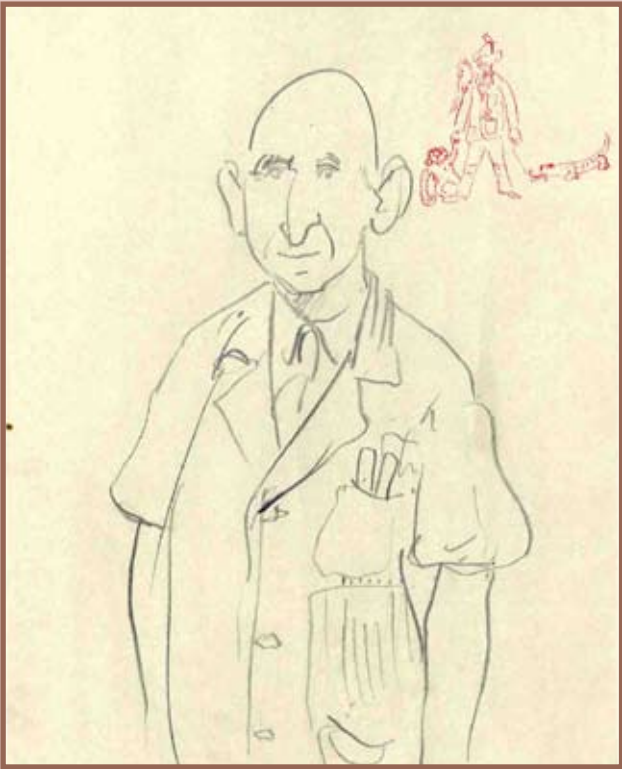
№ 45. Я тебе оставляю.

Надзиратель: *(торопливо)* Скорее, всем выходить! Во второй двор! Машина с новичками прибыла, нужно вынести больных, не хватает носильщиков.

№ 45. Пусть постоит, я потом доем!

Надзиратель: Быстро все вниз, без глупостей, иначе плохо будет! Комендант во дворе. *(Все выходят быстро, 507 идет медленно.)*

¹ Топчак – ступенчатое колесо, приводимое в действие живой тягой. Эту примитивную машину в древности использовали для рабского труда. В некоторых английских тюрьмах 19 века ее крутили зэки для наказания.

Ф.П. Кин
Санитар хирургического отделения из Берлина, 1944
ПТ

- № В38.

Господин надзиратель, вы же знаете, я болен!
(Надзиратель не отвечая, выходит. Как только все выходят, доктор Шидер подскакивает, поспешно выползает из кровати, озирается по сторонам и кидается к тарелке с мясом. Руками засовывает в рот два куска, пугается, торопливо возвращается в кровать, дрожа и чавкая, прислушивается, снова кидается к еде, жует и глотает. Взор мятущийся. Наконец, он ползет назад в кровать, в руке жирная бумажка, жадно облизывает ее, вытягивает шею, когда все возвращаются, прячется под одеяло.)
- № 507.

Ну что, господин инженер, профессора Шидера там точно не было!
- № 99.

Он же не приедет, как мы, в вагоне для скота! Скорее его привезут в полицейской машине.
- № 45.

Доедай отец, мне уже хватит.
- № 44.

Да, много ты мне не оставил.
- № 45.

Немного? Послушай-ка, по меньшей мере половину.
- № 99.

Как чудненько, тебе это пришлось по вкусу.
- № 45.

Не выпендривайся, ты тоже готов набить брюхо чем попало.
- № 44.

Из двух кусков два съедено...
- № 45.

О господи, опять! *(Встает и вырывает из его рук тарелку)* Что такое? *(Медленно в ярости поворачивается)*. Свинья снова сунула рыло в наше корыто?
- № 99.

Только спокойно – не возбуждайся.
- № 45.

Если я когда-нибудь застукаю этого мерзавца на месте преступления, я ему все кости переломаяю. Вот сволочь! *(№ 507 чистит свою одежду. № 99 вырезает что-то из дерева.)*
- № 99.

Нам должны повысить рацион хлеба, слышали вы об этом, господин надворный советник?
- № 507.

Да, это значит 3 больших ломтя в день.
- № В38.

Меня удивляет, господин надворный советник, что человек с образованием уделяет столько внимания естественным потребностям. Вы замечательно разбираетесь в наших пайках и рационах.

Ф.П. Кин
Административный работник хирургического отделения, 1944
ПТ

- № 507.

Чему удивляться, дорогой доктор, голод – это ultima ratio.
- № В38.

Не стану отрицать, у меня тоже бывает аппетит – то есть я всегда хочу есть, и этого не скрываю, как иные господа. Есть некоторые кривые дорожки, у которых горит красный свет: стоп, заперто, доктору Шидеру путь заказан! Что я хотел сказать? Ах, да, конечно! А как начнет бурчать в животе, я стараюсь думать, например, о Бетховене, о его Девятой, помните? Она заглушает всяческий земной шум. «Радость милых искр Богов тата тата тата тата». Великолепно, не правда ли?
- № 507.

Я не шибко музыкален.
- № 99.

Господа, знаете ли вы Дюка Эллингтона? Парапара таддлтин парапа тст тсс папам! В исполнении Джо Марсалы и его новых ритм-мейкеров на ультрафоне, – шикарная запись! Или Джимми Ландсфорд? – Ра – рарем – тсс – тададарам –
- № В38.

Мы не слишком интересуемся джазом, господин инженер.
- № 507.

Я бы охотно сходил на хороший джаз-банд; признаюсь, я не слишком музыкален, во всяком случае мои ноги получают на концерте куда большее удовольствие, чем невежественные уши! Ритм – это вещь, да, господин инженер? Между прочим, я слышал Джимми Ландсфорда в Лондоне, в баре «Виктория», весь ансамбль в белых фраках...
- № 99.

Парам-пам-пам-тидл-дидл-хм-тсс...
- № 45.

Может, замолчишь, наконец?
- № 507.

А у него хорошо получается.
- № 44.

Господин инженер, господин инженер Маус, вы только подумайте, я нашел джокеров!
- № 99.

Фантастика! Наконец мы можем сыграть в марьяж.
- № 95.

Кому я говорил – поройся как следует в своем барахле и ты обязательно их найдешь!
(Они садятся за игру, № 99 время от времени напевает джаз. № 507 раздевается, аккуратно складывает одежду.)

Ф.П. Кин
Вилли Ван Адельсберг из Голландии, 1944
ПТ
В.Адельсберг родилась 28.4.1930, депортирована из транзитного лагеря Вестерборк (Голландия) в Терезин, депортирована в Освенцим 23.10.1944. Погибла.

Оба Лойхтера и инженер Маус играют, появляется голова Надзирателя.)

№ 45. Ну что?

№ 99. Я как раз ...

Надзиратель: У вас гости! Новичок!

№ В38. Кто же он?

Надзиратель: № XYZ. Доктор Такой-то, или как он там себя называет – еще молодой человек.

№ 507. Начальству виднее, как кого зовут!

№ 44. Ну и где же он?

Надзиратель: Оне бреются. Оне еще довольно упитанные.

№ 45. Ты тоже неплохо выглядишь.

№ В38. Infallio¹, господин Надзиратель выглядит сейчас получше, однако и он тощ как собака. А я вообще вешу 49 кг! Что вы на это скажете?

№ 507. Расскажите-ка лучше, что там происходит.

Надзиратель: Заткнулись бы лучше и помолчали, новичок сам во всем разберется.

№ 507. Да, у нас все прекрасно!
(Надзиратель исчезает, слышно, что он возвращается с новичком)

№ 44. Они уже тут!

№ 45. Отец, у нас тоже есть уши. На хрен ты нам это сообщашь!

(Надзиратель вводит Новичка; ему 35 лет, он растерян).

Новичок. Мое имя доктор Бенда.

Надзиратель: У нас нет имен.

№ 99. Адвокат?

Новичок. Хирург.

№ 507. Вас скоро приучат говорить о себе в прошлом. Впрочем, меня зовут Кратохвил.

№ 99. Наше светило, господин надворный советник Кратохвил. Там – господа Лойхтеры, отец и сын *(шепотом)* страшно богаты, торговый дом Бойлен. Моя скромная личность –

1 Несомненно

Ф.П. Кин
Работяги, набросок из альбома, 1943–1944
ПТ

инженер Маус, конструктор на фирме Карг и Компания, а это – доктор Шидер, человек искусства.

№ В38. Не надо воздавать мне такие почести, господин инженер. Мое имя доктор Шидер, в миру – историк, теперь В38, беспокойный человек с душой, как вы сами сможете убедиться.

Надзиратель: Не набрасывайтесь на него так сразу, а то он совсем обалдеет. Подъем в 5 утра, вы будете работать вместе с остальными на топчаке, они вам все покажут, внутренний распорядок и так далее. Безупречная чистота. Завтра рано утром комендант будет проверять камеры, чтоб ничего не валялось! *(Уходит)*.

Новичок. Простите, господин...

№ 507. Кратохвил.

№ 99. Надворный советник Кратохвил.

Новичок. Господин надворный советник – я как в тумане ...

№ 507. Не беспокойтесь, привыкнете.

№ В38. Времени для этого будет предостаточно, если только вы здесь выдержите.

№ 507. Да не пугайте его. Все не так уж плохо, господин доктор. Я здесь уже семь лет, и, как видите, вполне бодр.

№ 99. А мы с Лойхтерами скоро семь с половиной лет как сидим в этом дворце!

Новичок. Семь лет... За что? Почему?

№ 507. А вы-то здесь за что и почему?

Новичок. Почему? Почему? Боже правый!

№ 507. Видите ли, «почему» – это запрещенное слово для тех, кто хочет сохранить все свои пять чувств.

Новичок. Но я – я ничего не сделал! Ничего! И меня даже не допросили – ничего!

№ 507. А вы полагаете, что мы карманные воры, брачные аферисты или государственные изменники? Спросите у этих господ!

№ 44. В воскресенье – в воскресенье будет 381 неделя, как меня выдернули из моей конторы и приволокли сюда – прямо

Ф.П. Кин
Скрипичный квартет, 1942–1944
ПТ

из конторы. Пацан как раз сидел в кафе – и я в чем был, без пальто...

Новичок. Но теперь-то вы должны знать, почему вы здесь. Ведь было же какое-то разбирательство!

№ 44. Ничего – ничего – ничего...

Новичок. Господи боже мой! Семь лет взаперти – и неизвестно за что!

№ 99. Ко всему привыкаешь...

№ 507. Никто ничего... никто ничего не спрашивает – нет никакого за что и почему. Если только начнешь думать об этом, не сможешь остановиться, пока не повиснешь в оконном переплете.

№ 99. Как маленький портняжка.

№ В38. Самоубийство по глупости. Этот человек никогда ни о чем не размышлял...

№ 507. Не будьте так жестоки. Он был милым мальчиком, просто не мог жить в застенке.

Новичок. Позавчера – я как раз должен был оперировать гнойный перитонит – появляются два господина и очень вежливо приглашают меня пройти в какое-то учреждение. Я говорю, после операции, они терпеливо ждут, затем мы идем в какую-то пустую казарму в пригороде – я там никогда не был... Господа не сказали, что от меня хотели, меня ввели в совершенно пустую комнату... Господа распрощались и ушли – я стоял там и ждал... прождал полчаса – хотел уйти. Дверь заперта. Я там так целый день и простоял – ночью пришли какие-то в форме и отвезли меня на вокзал – на вопросы не отвечали – затем поездка в вагоне для скота – куда? почему? Должно же это иметь какую-то причину?

№ 507. С моральной точки зрения происходящее в жизни не имеет никакой причины. Почему вы родились? Моя мать, знаете ли, умерла при моем рождении совсем молодой. Почему? Нет, нет, мой друг, об этом спрашивать бессмысленно.

Новичок. И что ж, против этого безумия нет никакого средства? Смотрители и надзиратели – и все кто этим занимает-

Ф.П. Кин
Набросок из альбома, 1943–1944
ПТ

ся – они ведь такие же люди как и мы, говорят на одном языке... Они не возмущаются всем этим? Должны же они знать, что они сторожат...

№ 507. Надзиратель...

Новичок. ...что они сторожат невинных!

№ 507. ...надзиратель сам заключенный, как и мы.

Новичок. Надзиратель?

№ 507. Вы обратили внимание, что он носит ту же одежду?

Новичок. И охранники у ворот? И персонал канцелярии? И врачи?

№ В38. Все – заключенные.

Новичок. Да возможно ли это? Какой несчастный согласится на то, чтобы сторожить как цепной пес своих товарищей по несчастью? Он запер нас в этой клетке и носит ключ к нашей свободе у себя в кармане.

№ 507. Только к нашей двери! Коридоры перегорожены железными решетками.

Новичок. Но, все же, кто-то ведь должен отпирать эти решетки?

№ 507. Это делает инспектор тюрьмы.

Новичок. И он тоже арестант?

№ 507. Тоже.

Новичок. Но это какая-то чертовщина!

№ 507. Что вы хотите – надзиратели и охранники это чиновники, у них лучше квартиры, лучше питание, это дает им ощущение собственной значимости, а также наполняет живот – вы не поверите, какая метаморфоза происходит с человеком, который надевает форменную фуражку и ремень!

Новичок. Но люди, которые здесь нас приняли, кричали на нас как на опасных преступников!

№ 507. На них так же кричали, когда они прибыли. Это все арестанты.

№ 45. Они так же ожидают приговора, как и мы, они такое же дерьмо, как и мы, и притом командуют нами, как крепостными.

№ 99. Да они просто надсмотрщики, собаки!

Ф.П. Кин
Набросок из альбома, 1942–1944
ПТ

№ 507. Понимаете ли, здесь своего рода государство, некое сообщество. Его граждане заключенные, чиновники заключенные, полиция и правительство состоят из заключенных и даже президент заключенный.

Новичок. И этот президент живет в такой же дыре как эта?

№ 507. У начальника тюрьмы двухкомнатная квартира с картинами и коврами, прекрасная коллекция пластинок, он держит при себе восхитительную маленькую собачку.

Новичок. Это считается, так сказать, более легким случаем?

№ 507. В свое время он прибыл в таком же вагоне для скота как я, и ждет первого допроса – как мы все.

Новичок. И как же произошло такое разделение труда?

№ 507. Вот этого сказать не могу – это случилось слишком давно.

№ В38. Хитростью и подхалимством добились наши бывшие братья своего положения, хитростью и подхалимством! Здесь самый тупой тип без всякого образования – коридорный надзиратель, а люди крупного формата, знаменитые художники и ученые пропадают в этих камерах! Сплошная мерзость и гадость!

№ 45. Ну так что – сгоняем еще партию!

№ 44. *(Просительно)* Давайте еще одну, а!

№ 507. А вы бы хотели стать надзирателем или главным инспектором?

№ В38. Да как можно обо мне такое подумать? Надзиратель! Разве могу я забыть хоть на секунду, кто я такой?

№ 507. Ну тогда какая вам разница, как эти господа получили свою должность. Лично я предпочитаю сам работать на топчаке, чем посылать туда других.

№ В38. Я тоже! Я тоже! Только я, к сожалению, болен *(кашляет)*.

Новичок *(отсутствующе)*. Что же у вас болит?

№ В38. Грудь, сердце, легкие!

Новичок. Вероятно, бронхит? У вас судорожный кашель.

№ В38. Хронический! Хронический! Тут уж ничего не поделаешь! Да, что я хотел сказать? Что-то я хотел только что сказать? Смотрите, здесь совсем теряешь память.

Ф.П. Кин
Сапожник – художник Людвиг Водак (1902–1944)
Еврейский музей в Праге

Новичок. У меня голова кругом идет. Тюрьма, где у арестантов ключи ко всем воротам. Почему же они их не открывают?

№ 507. Такова мелкосплетенная сеть взаимного контроля: каждый привратник имеет два или три контрольных органа за спиной, за ним постоянно следят, но и за стукачами следят, и так далее до бесконечности. Никто не знает, не состоит ли его лучший друг в органах контроля, и каждый в своих служебных делах строжайшим образом придерживается инструкции – оступиться страшно, малейший проступок ведет в пропасть.

Новичок. Но кому все это нужно? Простите, пожалуйста, я не понимаю, кто мешает, допустим, самому главному, директору дать приказ упразднить эту тюрьму?

№ 507. Как вы себе это представляете?! Ведь есть же еще комендант!

Новичок. А это кто? Тоже арестант?

№ 507. Что вы! Комендант здесь представляет государство.

Новичок. Он – единственный госслужащий?

№ 507. Да, единственный.

Новичок. И сколько здесь заключенных?

№ 99. *(не отрываясь от игры)*. Более одиннадцати тысяч.

Новичок. Один-единственный человек держит в страхе одиннадцать тысяч?

№ 507. В узком проходе и сто тысяч бессильны против одного – а здесь за этим одним стоит неизвестная сила, о фантастических размерах которой мы можем только догадываться.

(Колокол звонит 6 раз)

№ 507. Шесть! *(Он и доктор Шидер снова придвигаются к окну)*. Сейчас внизу будут проходить женщины.

Новичок. Женщины?

№ 507. Да, и в том числе наши жены. *(Новичок выглядывает из окна)*.

№ 99. Так играть неинтересно. Сыграем на хлеб?

№ 44. Нет, лучше не надо.

№ 45. Да, верно. Слишком скучно.

Ф.П. Кин
Томми Шпиц, 1943
ПТ
Ян Томаш Шпиц родился в Праге 6.3.1927, учился у Кина на курсах (1940-1941). Депортирован из Праги в Терезин 8.7.1943, оттуда в Освенцимский семейный лагерь 6.9.1943, погиб 8.3.1944.

№ 99. За одно очко – три укуса.

№ 45. Ну ладно.

№ 507. Три года назад они привезли сюда мою жену. Где сын не знаю.

Новичок. И вы никогда не видите с вашей женой?

№ 507. Каждый день таким вот образом могу видеть ее из окна, и, если повезет, – раз в неделю на работе.

Новичок. Но женщины живут наверно лучше!

№ 507. Так же, как мы. Ну да ладно, не вешайте нос – во всем этом есть и что-то хорошее – служащие действительно довольно строги – но иногда они все-таки вспоминают, что они – тоже заключенные, подумать только, что было бы, если б над нами были поставлены свободные люди!

№ В38. Возможно было бы лучше. Постоянное подавление порождает подлость.

№ 507. Ах, боже мой, в конечном итоге вы наверно правы.

Новичок. Но кто, кто может быть заинтересован в том, чтобы сажать в тюрьму тысячи людей, ни один из которых ни в чем не виноват, кому это нужно – дать право одному лишить свободы другого?

№ В38. Садизм!

№ 507. Иногда я думаю, что это наказание за проступки, которые мы совершили в другой жизни – а грехов у нас и в этой достаточно: ложь, бессердечие, лицемерие – да, я согласен, это не ответ на ваш вопрос. Кому? Взгляните, столетиями людьми правят боги, они невидимы, они в тени, но они дергают за веревочки идиолов, перед которыми массы падают ниц. В наше время эти идолы зовутся Организация и План, их деревянными членами движет страх. Необузданность индивидуума не оставляет никакого другого пути, никак нельзя справиться с хаосом, кроме как с помощью террора. Именно эта необъяснимая ситуация, когда тихий гражданин внезапно пропадает без следа, вызывает всеобщий паралич, целые страны цепенеют от страха, как от наркоза, и бессильны сопротивляться воле ведущего.

Ф.П. Кин
Титульная страница не идентифицированной пьесы
Кина, 1942
Частная коллекция, Лондон

Новичок. И вы можете так говорить? Спокойно анализировать? Вы, отлученный от жены и ребенка и потерявший семь лет в подземелье!

№ 507. Доколе у меня есть голова на плечах, я буду пытаться думать.

Новичок. Нет, я в таком деле участвовать не буду. Годы в этом аду! И что же, никто никогда не сбежал?

№ 507. Всех, кто пытался, возвращали на место.

Новичок. Кто возвращал?

№ 507. Этого не знаю – но возвращали всех. Потом они исчезали в особой камере.

№ В38. (у окна) Старик внизу.

№ 507. Комендант.

Новичок. (у окна). Большой черный?

№ 507. Да, это он.

Новичок. Что он за человек, который держит в клетке одиннадцать тысяч?

№ 507. (пожимает плечами). Разговаривать с ним строго запрещается...

№ В38. Только когда тебя спросят.

№ 507. Он фактически ни с кем не говорит. Один раз, правда, заходил с проверкой и спросил: есть ли у кого-нибудь жалобы?

Новичок. И?

№ 507. И никто, конечно, не сказал ни слова.

Новичок. Трусы, ну что же вам еще терять?

№ 507. Надежду.

Новичок. О, я бы крикнул ему в лицо...

№ 45. Маус, ты мошенничаешь.

№ 99. Я?

№ 45. Покажи сейчас же эту карту! Мерзавец! Ну ладно, играем дальше. Ну, если я тебя поймаю...

№ 44. Давай прекратим. Ты уже почти целую буханку проиграл.

№ 45. Я сдаю.

Ф.П. Кин
Разбойники играют в карты, 1940–1941
ПТ

№ 99. Все-таки я играю лучше вас.

№ 45. Заткнись!

Новичок. Я бы здесь ни за что не остался – лучше из окна...

№ 507. Ложитесь-ка спать, вы должно быть смертельно устали. Завтра все увидите в другом свете.

Новичок. Ни одной ночи – ни одной ночи не останусь в этом аду... *(идет к двери)*.

№ 507. Не делайте глупостей.

№ В38. Я уже сто раз был близок к концу... и что же...

№ 507. Ладно, ладно, пойдемте доктор, отдохните немного.

Новичок. Там за окном собираются тучи, туман опускается на улицы – деревья выглядят как женщины в вуали.

№ 507. Господин доктор!

Новичок *(осматривается)*. Скоро ласточки улетят.

№ 507. Все дороги охраняются. День и ночь взведены курки винтовок.

Новичок. Их держат арестанты?

№ 507. Стальные ворота под высоким напряжением – колючая проволока – вокруг на каждые десять шагов часовой.

Новичок *(барабанит в дверь)*

№ 507. Господин доктор!

Надзиратель: Что за грохот?

Новичок *(отталкивает его в сторону и бросается вон, Надзиратель за ним, дверь остается открытой)*.

Надзиратель: Стой! Стоооой! Стоять на месте! Стоооой! *(Он резко свистит в два пальца. Взывают сирены, автоматические двери захлопываются. Топот массы людей, крики и дикий шум. После некоторого переполоха игроки продолжают партию.)*

№ 507. *(очень медленно)* Мы здесь сидим, а дверь открыта...

№ В38. Он в полнейшей истерике.

№ 99. Contra! ¹

№ 45. Recontra! ²

№ 99. Зато кальсоны всегда чистые!

1 Хожу!
2 Крою!

Ф.П. Кин
Натюрморт с бутылками, домино и картами, 1939–1941
ПТ

№ 507. И если бы были открыты все двери – и большие ворота – и все открыто... Мы бы так здесь и сидели...

№ В38. Несдержанный человек – недостойно мужчины... ну, что до меня...

№ 507. Человек? Человек? А мы еще люди?
(Надзиратель и помощник затаскивают Новичка внутрь, на нем смиренная рубашка. Игроки прерывают партию. Новичка швыряют наземь).

Надзиратель: *(запыхавшись)*. Так-то мой милый. Ну, посмотри на себя! Ах ты, падла. А завтра утром придет комендант. За ночь ты думаю успокоишься – советую не рыпаться... Мы и не таких господ усмиряли. *(Он выходит с помощником.)*

№ 507. Господин доктор! *(Новичок не отвечает. № 507 и № В38 перекладывают его на соломенный тюфяк.)*

№ 45. Маус, я тебя придушу, откуда здесь взялся валет треф?

№ 99. Где? Где валет? Ну он же здесь лежал!

№ 45. Черт поberi – ты, дерьмо собачье, я тебя... *(отвешивает ему оплеуху)*.

№ 99. Что такое? Чего ты хочешь? Валет лежал вот тут...

№ В38. Можно потише, человеку плохо.

№ 507. По-моему он без сознания.

Надзиратель: *(просовывает голову в дверь)* Не забывайте, утром проверка.

Занавес падает очень быстро и через минуту снова поднимается. Та же сцена без людей, только спящий Новичок на полу. Танцовщица варьете в цилиндре, с голыми ногами, проходит по сцене с номером, который она показывает публике. На номере: «XYZ». На переднем плане большой стол. Мужчина без лица, в лакейской ливрее, гольфы, фрак, входит с достоинством, поправляет кресло и уходит. Оживленно беседуя, входят инженер Маус, оба Лойхтера и еще несколько друзей, все во фраках. Они говорят быстро и немного таинственно. Их слова непонятны. Проходя, они склоняются над столом и начинают играть, умеренно жестикулируя.

Ф.П. Кин
Валет пик, 1940–1941
ПТ

Молодой Л. Господа...

Старый Л. Господа...

Инж. Маус. Господа...

Незнакомцы. Тссссс...

Инж. Маус. Где же сегодня Арнольд?

Незнакомцы. Тссссс...

Молодой Л. *(внезапно толкает инженера Мауса в грудь и отвешивает ему оплеуху. Беззвучная потасовка. Они бросают карты, встают и готовятся к дуэли.)*

Старый Лойхтер. Вы готовы? Прошу. Я буду командовать: к барьеру – два – три – на счет три вы стреляете. Все готово? Попрошу господ немного отступить. Можно? Итак, к барьеру –

Незнакомцы *(ходят между дуэлянтами взад-вперед, между ними две женщины в вечерних платьях и полумасках.)*

Старый Л. Прошу прощения, так дело не пойдет. Убедительно вас прошу, господа, не мешайте спокойному продолжению дуэли. Милостивая госпожа, будьте так добры – таким образом дело ни в коем случае не пойдет. К барьеру – два – сколько можно повторять, не надо здесь ходить, да еще таким манером!

1-я Женщина. Где Арнольд?

Незнакомцы. Тссссс!

2-я Женщина. Да это же доктор!

Доктор Бенда (Новичок). Арнольд хотел непременно придти! Что у вас за маска, фрейлейн Тилли?

1-я Женщина. Операционная!

Старый Л. К барьерам – два... – нет, так невозможно стреляться. *(Входит лакей без лица, убирает со стола зеленую простыню, стелит белую. Помогает доктору Бенде надеть белый халат.)*

Старый Л. Пойдемте, господа, тут против нас интригуют!

Пациент *(входит и ложится на стол).*

Доктор Бенда. Где же моя маска?

1-я Женщина (Тилли) *(подает ему свою маску).*

Доктор Бенда. Он уже спит?

Лакей. *(ассистирует).* Пожалуйста.

Доктор Бенда. Скальпель!

1-я Женщина *(ассистирует)* Вот!

Доктор Бенда. Зажим! Ножницы! Лигатуру! Господи, да не ту, корова вы эдакая, не толстую. Так, ножницы! Фрейлейн Тилли, это операция, а не маникюр, слушайте же, черт вас поberi! Я сказал ножницы!

Тилли *(всхлипывая).* Я не позволю так со мной обращаться.

Доктор Бенда. Тилли... Пожалуйста, будь же благоразумна.

Лакей. *(выносит пациента и белую простыню.)*

Доктор Бенда. Тили, придешь сегодня вечером?

Тилли. Ты так груб со мной.

Доктор Бенда. *(Лакею)* Где же вы?

Лакей. Я всего лишь человек. *(Снимает с Бенды белый халат и помогает ему надеть пальто. Вставляет уличный фонарь в стойку кровати.)*

Доктор Бенда. *(ходит в ожидании взад-вперед, смотрит время от времени на часы.)*

Разносчик газет. Последние новости о конгрессе! Последние новости о конгрессе! Вечерний выпуск с полным отчетом!

Доктор Бенда. А о Тилли что-нибудь написано в газете?

Разносчик газет. Свежие новости – только из типографии! Свежайший вечерний выпуск!

Доктор Бенда. Есть ли там что-нибудь о Тилли? О том, как земля пружинит под ее ногами? О том, что ее окружает туман, и она несет его на плечах как драгоценную меховую накидку? О том, что ее сладкий маленький упрямый зубик играет между губами, когда она молча улыбается? Есть ли это все в газете?

Разносчик газет. Вечерний выпуск! Свежайшие сплетни! Самая последняя ложь! Самые новые туалеты госпожи премьер-министерши!

Доктор Бенда. У тебя есть фиалки? Мне хотелось бы подарить ей цветы.

Разносчик газет. *(уходя)* Свежайшие сенсации! Последние выходки любящих и ненавидящих! Вечерний выпуск, только что из печати!

(Появляется Тилли).

Ф.П. Кин
В операционной, 1942–1944
ПТ

Доктор Бенда *(хватает ее руку и долго целует)*. Тилли!

Тилли. Ты долго ждал?

Доктор Бенда. Не знаю. Я ждал тебя.

Тилли. Опять у тебя платок неправильно завязан. Поди-ка сюда.

Доктор Бенда. Тилли, твои волосы пахнут горным лугом.

Тилли. Ах, перестань, не говори глупости!

Доктор Бенда. Асфальт стал зеркалом, чтобы черное небо увидело, как ты прекрасна *(целует ее)*.

Лакей *(стелет на стол скатерть, ставит тарелки и бокалы)*.

Доктор Бенда *(ведет Тилли к столу, заказывает еду из меню)*. А потом мы пойдем в театр, да? А вечером ты придешь ко мне.

(Лакей приносит кушанье и ставит перед ними. Но прежде, чем они начинают есть, другой официант все убирает).

Доктор Бенда *(после того, как эта история повторилась несколько раз)*. Ну я голоден!

Лакей. В этом году был плохой урожай.

Доктор Бенда *(хочет поцеловать Тилли, лакей, инженер Маус и неизвестные господа заходят и выходят. Он ведет ее в угол, но там вдруг появляется дворник и звенит ключами. Пара перебегает в другой угол. Но там уже стоит доктор Шидер и пациент; все окружают эту пару, внезапно набрасываются на доктора Бенду и бросают его на тюфяк. Потом все исчезают, остаются одни заключенные)*.

Старый Лойхтер. Господин доктор, пора вставать.

Доктор Бенда. Я спал? И правда, утро – что случилось, где я, это сон?

Эхо. Это сон?

Надворный советник. Мой мальчик, ты спишь?

Доктор Шидер. Это вы раньше спали – теперь вы проснулись – совсем проснулись – понимаете?

Инж. Маус. Да, он совсем проснулся!

Эхо. Снулся! Снулся!

Надворный советник. Видите ли, утром, когда встает солнце, все выглядит не так уж угрюмо.

Доктор Шидер. Угрюмо и мрачно! Угрюмо и мрачно!

Надворный советник. Тюрьма имеет свои положительные стороны. Ни о чем не надо заботиться – утром приносят кофе, днем – суп...

Старый Л. Суп! Суп!

Молодой Л. Отец, заткнись.

Старый Л. Неужели нельзя сказать «суп». Неужели нельзя сказать «суп».

Надзиратель: *(приносит кофе в бачке)*. Доброе утро, господа! Холодно сегодня. Кофе только что из кухни.

Надворный советник. Только никаких почему! Только никаких почему!

Эхо. Чему – чему – чему...

Надзиратель: Ну а я-то при чем, я ведь тоже заперт. Радуйтесь, что хоть у меня есть ключи, а что такое оковы я знаю и сам, разве что цепь моя чуток длиннее!

Доктор Бенда. Господин Надворный советник, ничто, ничто на свете меня не удержит! Я разоблачу это безумное беззаконие!

Надзиратель: Другие тоже с этого начинали, а потом с радостью участвовали во всем этом беззаконии!

Надворный советник. Я спокойно несу свой крест, хотя и не понимаю, за что. Вы еще молоды, господин доктор.

Эхо. Молоды, господин доктор – молоды, господин доктор!

Доктор Бенда. Вы вчера на меня накричали: «Быстрее, ленивая падаль!»

Надзиратель: Но вы же ползли как улитка!

Доктор Бенда. Я был смертельно уставшим.

Надзиратель: Таков приказ начальника тюрьмы!

Доктор Бенда. Я привлеку его к ответу!

Начальник тюрьмы *(непримечательное лицо, элегантно сшитая тюремная одежда, носит номер как орден)*. Господин доктор, вы заняли типичную оборонительную позицию всех новоприбывших, вы находите наши порядки отвратительными, а нашу иерархию аморальной. Я отношу это целиком за счет вашего состояния. Верьте мне, пройдет время, и вы

Ф.П. Кин
Концерт, лето 1944
ПТ

забудете о своем мешке с жалобами и предложениями, не один вы такой, поначалу все мешками размахивают. Если я отдаю определенные приказы и требую их исполнения с неукоснительной строгостью, то лишь потому, что я хочу предотвратить нечто более страшное, чем грубое слово. Я всего лишь исполнительный орган более высоких инстанций и горе мне, если их указы не выполняются в ту же минуту.

Доктор Бенда. Значит вы утверждаете ...

Начальник тюрьмы. Дорогой господин, можете ли вы себе представить, что случится, если я вынужден буду сообщить, что работа не выполнена?

Доктор Бенда. Все невиновны? Ежечасно наша человечность страдает, мы низведены до уровня собак и волов, и никто не хочет быть головой, представляющей этого монстра? Один говорит, что он всего лишь рука, другой – что он сердце, все выполняют приказы какого-то мозга, никто ни в чем не виноват, и все счастливы, что этот труп все еще живет?

Начальник тюрьмы. Вы полагаете, что это сарказм, нет, это правда.

Доктор Бенда. Это сон!

Эхо. Сон, сон, сон...

Доктор Шидер. *(хрипло)* Сны вам снились прежде, а это наша действительность.

Доктор Бенда. Я найду того, кто выдумал эту возмутительную машину и не дает ей остановиться! Я поговорю с ним, и если он не камень, он отпустит нас на свободу!

Начальник тюрьмы. К счастью, такие взрывы сумасшествия предусмотрены. Никто не смеет говорить с комендантом...

Доктор Бенда. Комендант...

Начальник тюрьмы. Если кто-нибудь посмеет обратиться к коменданту, ко всей тюрьме будут применены самые строгие меры наказания. К счастью, это невозможно – никто не смеет этого сделать.

Доктор Шидер. *(у окна)* Старик внизу.

Надворный советник. Комендант.

Доктор Бенда. Большой черный? Я хочу к нему!

Начальник тюрьмы. Коридоры уставлены капканами, у часовых заряжены винтовки – 1000-килограммовые черные железные двери отделяют тюрьму от двора – туда никто не пройдет без моего разрешения.

Доктор Бенда. Ключ! Дайте мне ключ!

Начальник тюрьмы. Нет – нет – нет!

Доктор Бенда. Я должен говорить с комендантом!

Начальник тюрьмы. Тогда нам всем конец!

Надворный советник. Лучше тускло мерцающая надежда, чем черная ночь!

Доктор Бенда. Пусть лучше конец, чем унижение! Моя надежда – не свеча, она – пылающий огонь. Комендант – это человек. Я должен поговорить с ним!

Начальник тюрьмы. К сожалению, придется приказать надеть на вас смирительную рубашку.

Доктор Бенда *(кидается к окну, трясет решетку и кричит во двор).* Господин! Алло! Комендант! Сюда, наверх! Я должен поговорить с вами! Важно! Комендант! Сюда, наверх!
(Все разбегаются в панике, слышны жалобные крики о помощи, у двери толкучка, доктор Бенда остается один, ждет.)
(Слышны шаги коменданта, он приближается, стучит в соседнюю камеру, спрашивает: меня кто-то звал? Останавливается у открытой двери камеры, входит, спрашивает: меня кто-то... это вы кричали?)

Доктор Бенда. Так точно!

Комендант. *(Смотрит на него пристально, потом приближается и закрывает дверь.).* Вы звали меня? Знаете ли вы, что это строго запрещено?

Доктор Бенда. Только моя совесть может мне что-то запретить!

Комендант. Вы здесь в тюрьме, а не в сумасшедшем доме, где вы за счет безумия можете безнаказанно нарушать порядок. Хотелось бы думать, что вы не знали о запрете.

Доктор Бенда. Меня сюда привезли только вчера, но... я знал о смирительном запрете говорить с вами. Религия не запрещает

Ф.П. Кин
Портрет неизвестной, 1940–1941
ПТ

людям обращаться к божеству прямо, только варварам могло прийти на ум создать препятствие на этом пути, в виде никчемного посредника – священника, своего рода начальника тюрьмы... Мне хотели запретить говорить с человеком, с таким же человеком, как я.

Комендант. Молчите, несчастный, не то придется приказать заковать вас в кандалы.

Доктор Бенда. В кандалы? Меня? Вы можете заковать в кандалы только мои руки и ноги, но не мои мысли. Вы думаете меня испугать, угрожая кипящим котлом в аду?

Комендант. Мужества вам не занимать – это правда. Но в вашем положении лучше было бы использовать его для сохранения выдержки, стоит ли вам разжигать на мгновение красивый фейерверк, чтобы сгореть в нем? Я хочу полагать, что я ослышался – никто не кричал «комендант» – для вас тут найдется работа, которая поможет вам смириться с дан-ным местопребыванием.

Доктор Бенда. В ту секунду, когда я позвал вас, моя судьба стала мне безразлична. Я хочу права, а не преимущества! Я должен знать, почему меня сюда привезли!

Комендант. Человек, я больше не хочу этого слышать!

Доктор Бенда. Так точно, человек! А имеете ли вы право пользо-ваться этим обращением? Меня вырвали из жизни как сор-ную траву из огорода, и я имею право спросить, кто был огородником. Сколько бы я ни напрягал свои мозги, я не нахожу и тени той вины, которая заслуживает такое на-казание. Почему я здесь?

Комендант. Этот вопрос строжайше запрещен. Будьте довольны мо-лодой человек, что за одно то, что вы обратились ко мне, я не приказал расстрелять вас на месте.

Доктор Бенда. Прикажете же расстрелять меня на месте. Право и прав-ду вы уже расстреляли на месте и превратили в фарс. У меня украли мои дни, и вы укрываете краденое! Вы укрыватель краденого. Вы прячете ворованное! Отдайте мне мои дни!

Комендант. Вы мужчина или нет? Что вы тут мне изображаете процес-сию старых плакальщиц! Возьмите себя в руки. То, что вам сейчас кажется бессмысленной несправедливостью – это ведь часть вашей жизни.

Доктор Бенда. Но у меня и впрямь нет желания прятать серенькую подлость под зонтом дутого мужества. Я хочу знать, по-чему я здесь.

Комендант. А я ведь вас не спрашиваю, почему я провел столько вре-мени на этой заштатной должности. Судьба всех ставит на подходящее место – и нужно лишь держать язык за зубами и продолжать служить.

Доктор Бенда. Да, у вас действительно больше причин задуматься о том, что вы здесь делаете. Меня, в конце концов, сюда приволокли, как теленка на бойню, и при этом я осознаю чудовищность того, что со мной происходит. Но вы же свободный человек, вы можете уйти, когда захотите, у вас есть возможность содействовать или препятствовать ва-шему назначению... Вы никогда не задумывались о том, что вы зажали в тисках десять тысяч человек, десять тысяч ни в чем не повинных, лишенных почвы людей? И эти ти-ски повинуются малейшему движению ваших пальцев.

Комендант. Вам легко говорить. Мне был дан приказ следовать сюда, меня не спросили, что я об этом думаю. Отправили, я по-ехал.

Доктор Бенда. И вам не претит роль тюремщика? Ведь любой человек может с той же легкостью стать вашим тюремщиком.

Комендант. Если бы я этого не делал, делал бы другой, возможно, более строгий.

Доктор Бенда. Откуда же взялось это болото, в котором мы все утопа-ем? Вы только выполняете приказ – но чей?

Комендант. Я – самое низшее звено между вами и государством – я знаю лишь моих непосредственных начальников, кото-рые передают мне команды сверху, с чиновниками более высокопоставленными я практически не знаком. А о наи-высших знаю лишь то, что они существуют. О том, кто стоит

Ф.П. Кин
«С благодарностью, твой Петр, 1943»
ПТ

во главе этой бесконечной лестницы, да и стоит ли там вообще кто-либо, я знаю так же мало, как и вы. Несите же ваш крест с достоинством!

Доктор Бенда. О Господи, да это же чистое безумие! Тысячи людей помогают преследовать другие тысячи, не знают почему, не имеют от этого никакой выгоды или радости, однако не могут вырваться из заколдованного круга. Господин комендант, а у вас отца и матери не было? Мой отец был бедным человеком и отдал последнее на мою учебу. Я стал врачом, я разрезал и зашивал людей, чтобы сделать их здоровыми. Я любил свой белый халат, запах резины и хлороформа и томительную тишину больничных палат. Я любил влажные от росы поля, огибающие больницу и защищающие ее от смрада большого города, я любил большой город с его повседневным грохотом. Я любил свою маленькую комнатку с железной кроватью и печкой в углу, раскаленной докрасна и похожей на индюка, а также картины на стенах, и спокойный серый цвет жалюзей. Верните мне все это – смеющуюся за моим плечом девушку, друзей, тихую радость родителей, когда я приходил их навещать! Верните мне ласковую женщину, которая так часто приходила ко мне в гости и влюбленно глядела на меня. Избавьте меня от кошмара ненависти. Я требую. Слышите, я требую!

Комендант. Да-да, я здесь стою, чудовище, тиран. Возвратить вам вашу жизнь, а свою уничтожить?

Доктор Бенда. Да! Да! Мне и всем остальным! И себе самому! Не только тот арестант, у кого на одежде нарисована железная решетка! Вы в той же тюрьме что и мы, только оковы вы несете в себе! Пойдемте же! За окном дождь, и ветер, и ночь, они нас ждут. Разве я хочу богатства? Я хочу брести по улице, куда глаза глядят, и не хочу, чтобы мой взгляд натыкался на решетки и тюремные ворота. Я хочу честно зарабатывать на скромную еду и питье, я хочу мои смех и

слезы, я хочу свободу, свободу для моих ног, моего языка и моего сердца!

Комендант. Вы – чуждак! *(долгое молчание, затем дверь открывается)* Идите!

Доктор Бенда. Господи, неужто мне все это снится!

Эхо: Снится...

Комендант: Нет, не снится. Ворота открыты. Идите!

Доктор Бенда. После вас, вы первым выходите из страшной тюрьмы!

Занавес быстро падает и сразу поднимается снова. Привычная картина. № 507 тщательно чистит свою одежду. Надзиратель входит и выходит, отдает приказы, № 99 и № 44 убирают. Начальник тюрьмы, очень нервный, с напряженным лицом, вбегает, снова выбегает, возвращается.

Начальник тюрьмы. Все в порядке? Он вот-вот придет. Смотрите, тюфяки лежат неровно.

Надзиратель: Эй, 44-й! Приберись, как следует!

Начальник тюрьмы. Что такое? Что за тип в смирительной рубашке?

Надзиратель: Этот тот – вчерашний.

Начальник тюрьмы. Да вы что, спятили? Он же должен быть в особой камере! Скорей, скорей, убрать его отсюда!

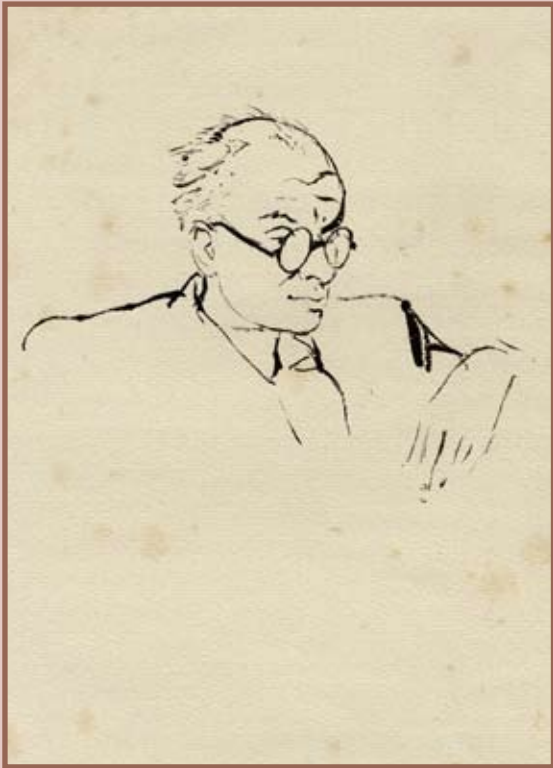
Ф.П. Кин
Контрабасист Либенский, 1943–1944
Еврейский музей в Праге
П. Либенски родился 6.8.1923 в Праге. Депортирован в Терезин 12.9.1942. Играл на контрабасе в джаз-квинтете Вайса и в ансамбле «Гетто свингерс». Депортирован в Освенцим 28.9.1944. Погиб.

Ф.П. Кин
Карло Таубе, 1943–1944
Еврейский музей в Праге

К.Таубе родился 4.7.1897 в Галиции. Пианист-виртуоз, композитор, дирижер. Учился в Вене у Бузони, зарабатывал на жизнь игрой в кафе и ночных клубах Вены, Брно и Праги. Депортирован в Терезин из Праги с женой Эрикой 10.12.1941. В апреле 1942 дирижировал первым оркестром в Магдебургских казармах, где была исполнена его «Терезинская симфония». Таубе давал сольные концерты, дирижировал Городской капеллой и оркестром в кафе. Из произведений, созданных в Терезине, сохранилась лишь песня «Еврейский ребенок» на слова Эрики Таубе. Супруги Таубе были депортированы в Освенцим 1.10.1944. Погибли.

Ф.П. Кин
Рафаэль Шехтер, 1943–1944
Еврейский музей в Праге

Р. Шехтер родился в Брайле, Румыния, 27.5.1905 в семье капельмейстера. Дирижер, пианист и педагог. Учился в Брно игре на фортепиано у В. Курца и композиции у Я. Клапила, затем в Пражской консерватории у пианиста К. Хофмейстера, композитора Р. Карела и дирижера П. Дедечка. Получив два диплома, пианиста и дирижера, Шехтер преподавал вокал в театре Э.Ф. Буриана D 34. В 1937 организовал Камерную оперу, где исполнялась забытая музыка эпохи барокко. Постановки Р.Шехтера «Luridi scholares» и «Erat unum cantor bonus» на выставке чешского барокко (Прага, 1937) принесли большой успех. Шехтера пригласили работать в Швейцарию, но он отказался. Во время оккупации зарабатывал частными уроками и домашними концертами. В 1941 в пражском еврейском вместе с Красой, Зеленкой и Фрейденфельдом они поставили с детьми оперу «Брундибар». Депортирован в Терезин из Праги 30.11.1941, где получил назначение в бригаду пожарников. Шехтер был одним из инициаторов культурной жизни гетто. Уже в начале 1942 он организовал хор, в репертуар которого вошли: «Проданная невеста» и «Поцелуй» Сметаны, «Волшебная флейта», «Свадьба Фигаро» и «Бастьен и Бастьена» Моцарта, «Служанка-госпожа» Перголези и, наконец, «Реквием» Верди, с четырьмя солистами и хором в 150 человек. 18.10.1944 Р. Шехтер прошел селекцию в Освенциме, но, по словам Б.Боргеса, был сломлен душевно и не выдержал похода смерти.

Ф.П. Кин
Бернард Кафф, 1943–1944
Еврейский музей в Праге

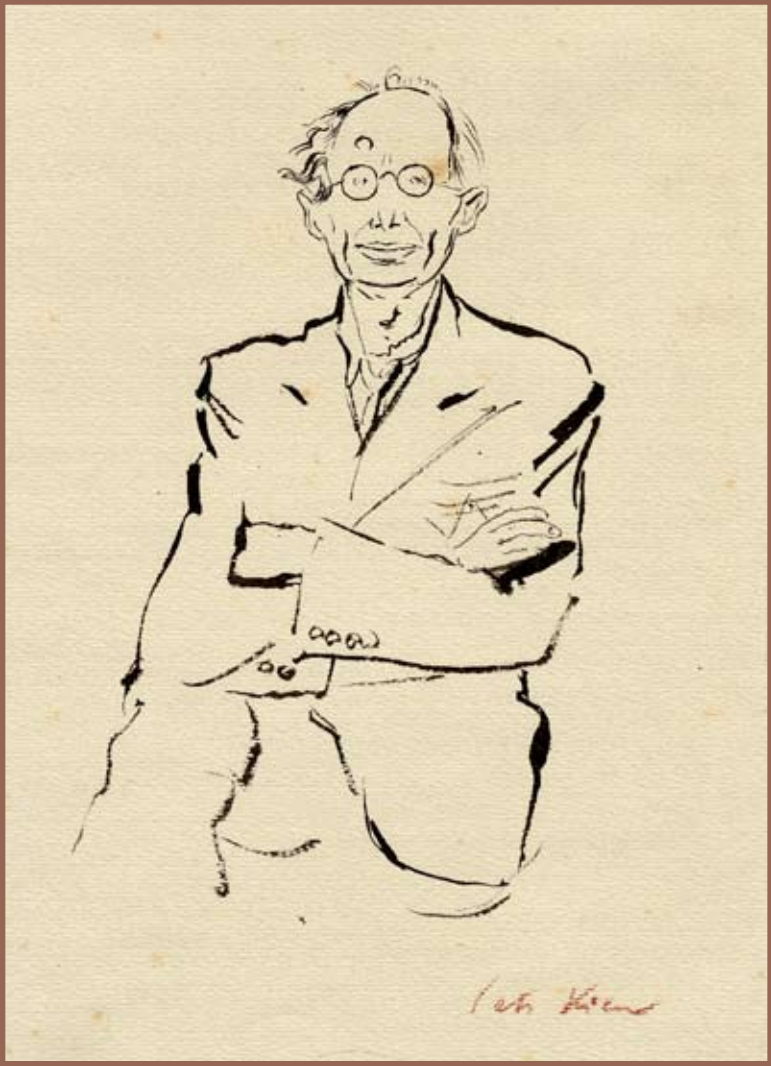
Б.Кафф родился 14.5.1905 в Брно. Пианист. Учился в Брно, Вене и Берлине, концертировал как солист во многих городах Европы. Преподавал в Брно и Вене. Депортирован в казармах, он принимал огромное участие в развитии культурной жизни. Еще до того как гражданское население покинуло город, он выступал на вечерах фортепианной музыки вместе с Гидеоном Кляйном. Регулярно давал сольные концерты. В одну из его программ входила «Партитура в старом стиле», созданная Павлом Хаасом в гетто. Депортирован в Освенцим 16.10.1944. Погиб.

Ф.П. Кин
Эдит Штайнер-Краус, 1943–1944
Еврейский музей в Праге
Э.Штайнер-Краус (Блэди) родилась 16.5.1913 в Вене, в 1919 переехала в Карловы Вары, начала концертировать в возрасте 11 лет. Училась в Берлинской консерватории у Артура Шнабеля (1926-1930). Выступала с оркестрами в Берлине и Чехословакии. Депортирована в Терезин 10.8.1942. Одна из ведущих пианисток Терезина. Выступала с сольными концертами, играла с Ф.Э. Кляйном в «Кармен» и «Тоске». На одном из сольных вечеров впервые исполнила 6-ю сонату В.Ульмана. Ее отец, муж Карел и вся его семья погибли в Освенциме. После освобождения жила в Праге. В 1949 со вторым мужем Арпадом Блэди и дочкой Хавой эмигрировала в Израиль, где выступала с сольными концертами и преподавала в Музыкальной академии в Тель-Авиве. Ныне живет в Иерусалиме.

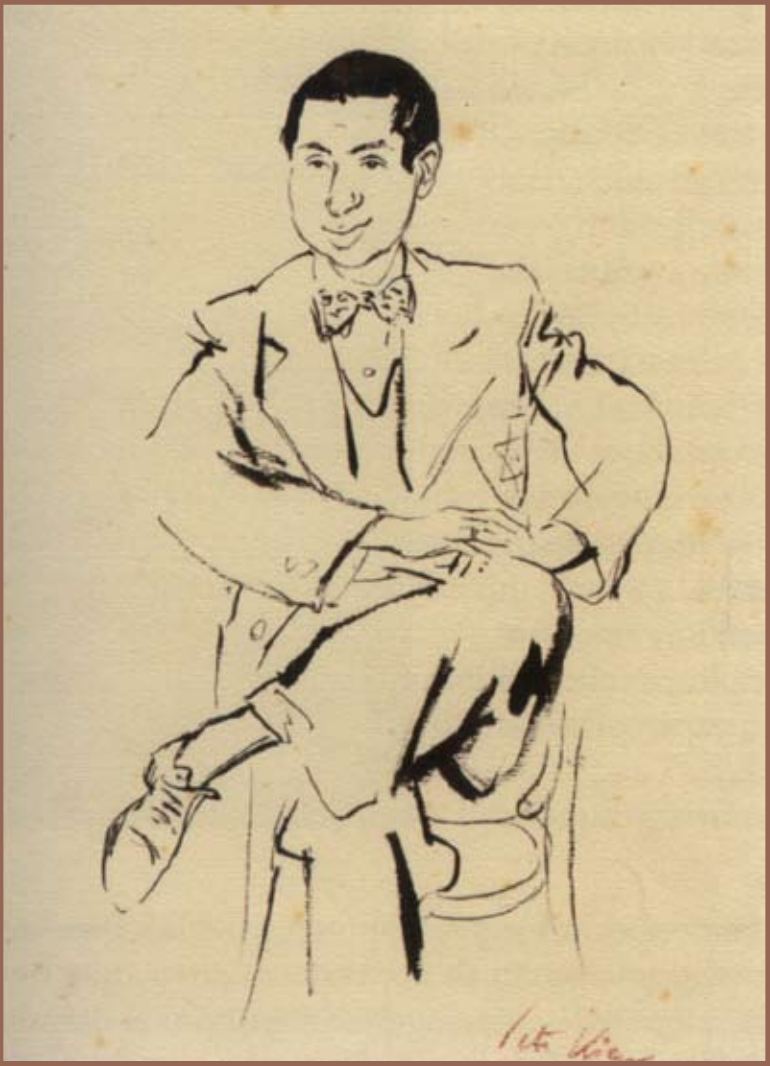
Ф.П. Кин
Вольфганг Ледерер, 1943–1944
Еврейский музей в Праге
В.Ледерер родился 30.9.1918 в Любеке. Пианист, аккордеонист и дирижер. Играл в разных группах и клубах. Депортирован в Терезин 4.12.1941, где выступал как джазист в терезинском кафе. Дирижировал опереттой «Летучая мышь». Депортирован в Освенцим 28.9.1944, там же освобожден. После войны уехал в Стамбул, оттуда в Америку. Играл в симфоническом оркестре в Ситле. Его дочь Дорис Ледерер стала знаменитой скрипачкой.

Ф.П. Кин
Фриц Вайс, 1943–1944
Еврейский музей в Праге
Ф. Вайс родился 28.9.1919 в Праге. Кларнетист, аранжировщик и композитор, до войны играл во всемирно известном джазе Карела Влаха. Прибыл в Терезин 4.12.1941, играл в джазовом квартете и в ансамбле «Гетто-Свингерс», а также в камерных ансамблях и оркестре К. Анчерля. Он получал из Праги заказы на джазовые аранжировки, сочинял их и через жандармов передавал обратно, и его музыку исполнял во время войны знаменитый ансамбль Эмиля Людвика. Депортирован в Освенцим 28.9.1944. Погиб.

Ф.П. Кин
Эгон Ледеч, 1943–1944
Еврейский музей в Праге
Э.Ледеч родился 16.3.1889 в Костелец над Орлице, Богемия. Скрипач и композитор, ученик знаменитого педагога по скрипке О.Шевчика. Окончил Пражскую консерваторию, с 19-ти лет играл в знаменитом филармоническом оркестре Чехословакии под управлением В.Талиха. Писал популярную музыку. Его композиция «Вечный солдат», музыкальный монолог с симфоническим оркестром на слова Ф.Шрамека, – исполняется и поныне. Депортирован в Терезин 10.12.1941. Основал «Струнный квартет Ледеча», для которого сочинял музыку. Депортирован в Освенцим 16.10.1944. Погиб.

Ф.П. Кин
Карел Анчерль, 1943–1944
Еврейский музей в Праге
К.Анчерль родился 11.4.1908 в Тучапах, Южная Богемия. Дирижер и альтист. Обучался дирижерскому мастерству у Вацлава Талиха в Праге, работал капельмейстером в театре и на радио. Депортирован в Терезин из Тбора 16.11.1942. Работал поваром. При этом ему удалось создать струнный оркестр, который выступал с сентября 1943 по сентябрь 1944. Дирижировал симфоническим оркестром во время съемок нацистского фильма о Терезине. Депортирован в Освенцим 16.10.1944. После освобождения дирижировал оркестром чехословацкого радио, с 1950 – главный дирижер Чешской филармонии. С 1969 – главный дирижер симфонического оркестра в Торонто. Умер в Торонто 3.7.1973.

Ф.П. Кин
Рене Гертнер-Гейрингер, 1943–1944
Еврейский музей в Праге
Р. Гертнер-Гейрингер родилась 9.3.1908 в Вене. Пианистка. Депортирована в Терезин 2.10.1942 из Вены, участвовала во многих мероприятиях досуга как солистка, а также выступала аккомпаниатором. Ульман написал для нее каденции для фортепианных концертов Бетховена (1-го и 3-го). Депортирована в Освенцим 12.10. 1944. Погибла.

Ф.П. Кин

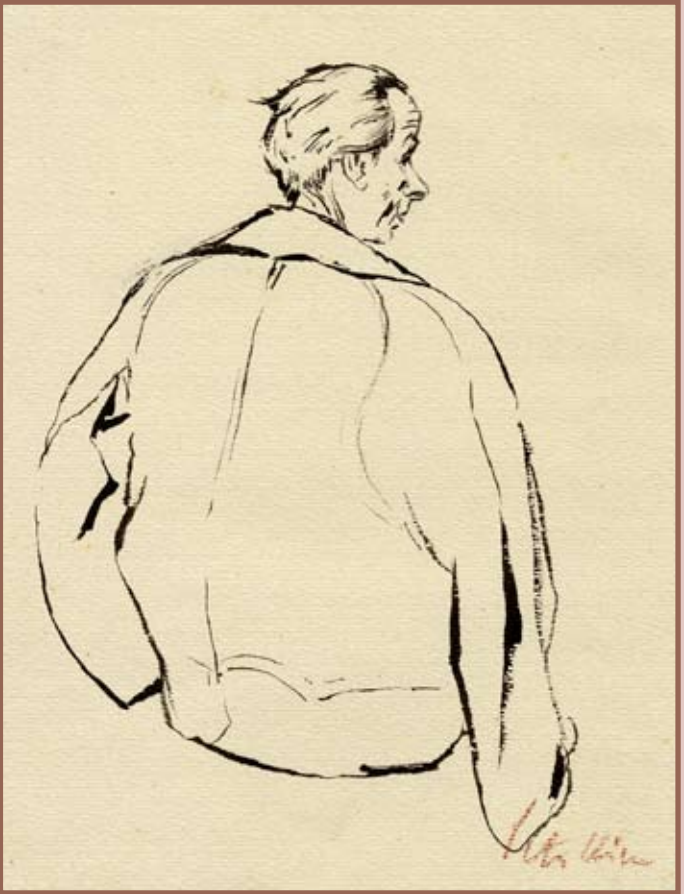
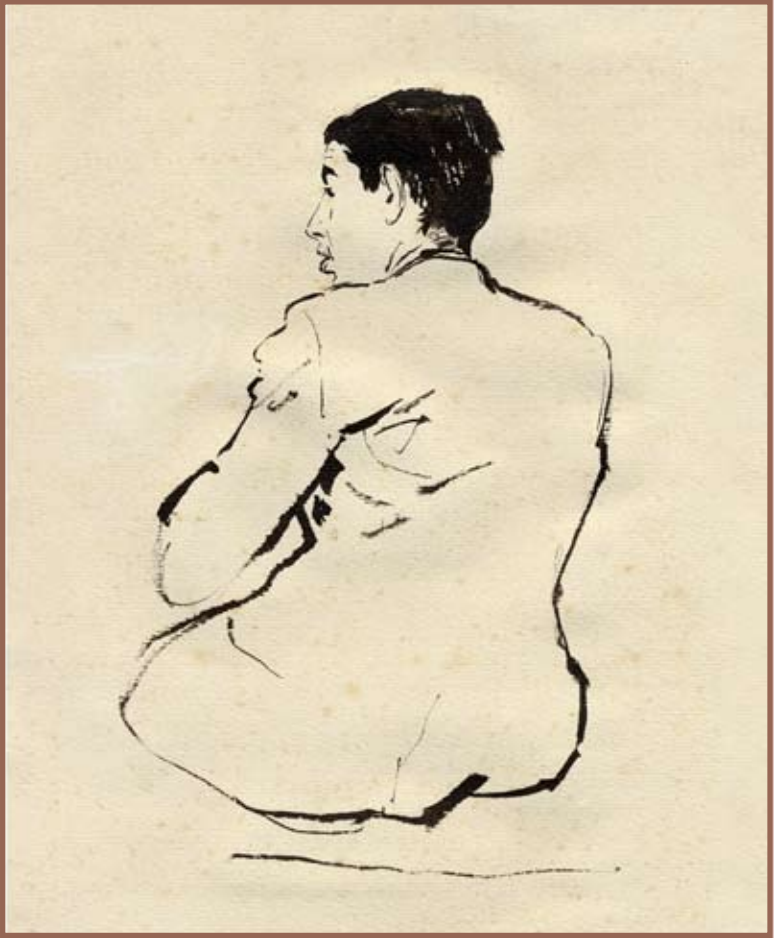
Павел Хаас, 1943–1944
Еврейский музей в Праге

Г.Кляйн родился 6.12.1919 в Пшерове, Моравия. Пианист, композитор. С детства был необычайно одарен, с 11 лет начал брать уроки фортепьяно у Р. Курцовой. Сочинил первые композиции в 10 лет, первый концерт дал в 14 лет. В 1938 переехал в Прагу и поступил в консерваторию к Вилему Курцу, который преподавал фортепьяно для особо одаренных музыкантов. Одновременно с этим изучал теорию музыки и композицию у Алоиза Хабы. Кляйну прочили блестящую будущность. Из-за оккупации он был вынужден прервать учебу, выступал под псевдонимом «Карел Франек». В 1940 был приглашен на работу в Королевскую музыкальную академию в Лондоне, но выехать не удалось. 4.12.1941 был депортирован в Терезин. Там он возглавил инструментальное отделение при Отделе досуга, организовал многочисленные концерты в гетто, часто выступал с сольными концертами, написал «Трио для скрипки, альты и виолончели», «Фантазию и фугу для струнного квартета», «Сонату для фортепиано», два «Мадригала», цикл песен «Старая народная поэзия для мужского хора», а также фортепианное переложение «Колыбельной» и «Бахури леан тиса» [мальчик мой, куда летишь – ивр.]. Цикл песен «Чума» на слова Петера Кина не сохранился. Депортирован в Освенцим 16.10.1944. Умер 27.1.1945 в Фюрстенгрубе.

Ф.П. Кин

Павел Хаас, 1943–1944
Еврейский музей в Праге

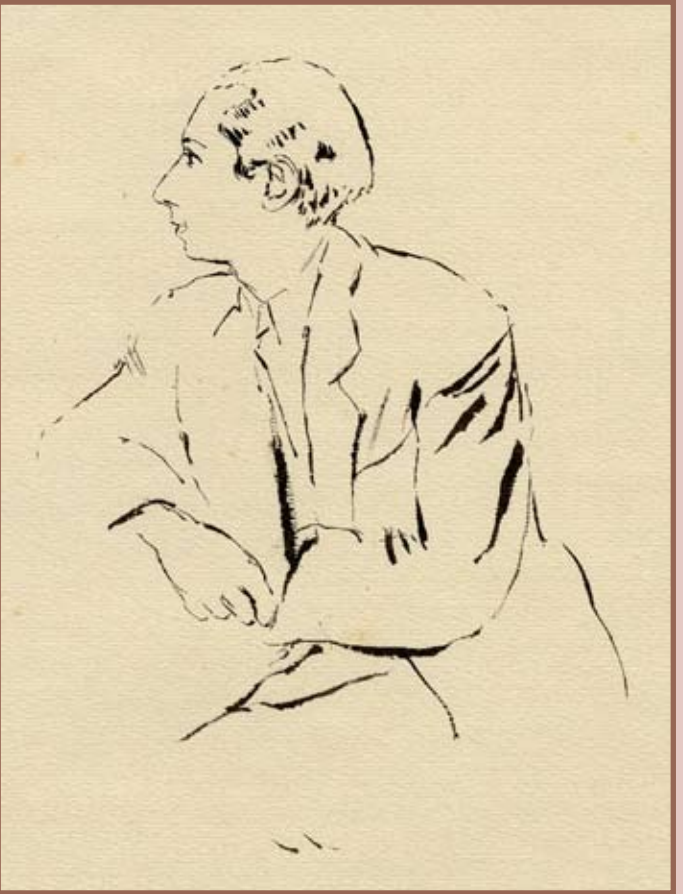
П.Хаас родился 21.6.1899. Композитор. Окончил консерваторию в Брно, любимый ученик Яначека. Автор инструментальной и хоровой музыки, а также оперы «Шарлатан». Депортирован в Терезин 2.12.1941. В Терезине написал литургическое произведение «Аль Сфод» («Не оплакивайте»), «Этюды для струнного оркестра», «Четыре песни на слова китайских поэтов», «Фантазии на тему народных песен», «Партита в старом стиле», «Вариации для фортепиано и струнного оркестра», песенный цикл «Адвент». В августе 1944 Хаас начал писать «Реквием» для хора, оркестра и одного солиста. Замысел не осуществился из-за депортации в Освенцим 16.10.1944.

Ф.П. Кин

Ганс Краса, 1943–1944
Еврейский музей в Праге

Г.Краса родился 30.11.1899 в Праге. Композитор. Изучал композицию и дирижерское искусство у А. Цемлинского. В 1921 окончил Немецкую музыкальную академию в Праге. Хормейстер Немецкого театра в Праге. Изучал композицию в Париже. Автор «Оркестровых гротесков для соло-баритона» (1920), «Струнного квартета», «Симфонии для камерного оркестра» (1924) и «Песни для альты». Написал оперу по мотивам произведений Достоевского «Дядюшкин сон», оперу «Лисистрата», кантату по мотивам псалмов для хора с оркестром «Земля Господня». В 1933 награжден Государственной премией за достижения в области искусства. Автор музыки к спектаклю по пьесе А. Хофмейстера «Юноши играют» (1934). В 1938 написал детскую оперу «Брундибар» (либретто А. Хофмейстера). Депортирован в Терезин из Праги 10.8.1942. Возглавлял музыкальную секцию в Отделе досуга. Восстановил по памяти инструментальную и вокальную партитуры «Брундибара» и поставил оперу с детьми в Терезине. Написал там «Пассакалию и фугу для скрипки, альты и контрабаса», «Танец для скрипичного трио», «Тему с вариациями для струнного квартета», «Три песни на слова Рембо для баритона, кларнета, альты и виолончели». Депортирован в Освенцим 16.10.1944. Погиб.

Ф.П. Кин

Карел Фрëлих, 1943–1944
Еврейский музей в Праге

К.Фрëлих родился 1.1.1917 в Оломоуце. Посещал консерваторию в Праге, где учился у проф. Рейсига и проф. Фельда, а также философский факультет Карлова университета. В 1940 решил полностью посвятить себя музыке. Однако судьба распорядилась иначе, и 4.12.1941 Карл Фрëлих был депортирован в Терезин. Поначалу служил в еврейской полиции, затем, с декабря 1942 играл на скрипке в терезинском кафе. «Теперь я могу полностью отдаться концертной деятельности, – говорил он, – и тем приносить радость истосковавшимся по музыке людям». 16.10.1944 Фрëлих был депортирован в Освенцим. Пережив войну, он после победы коммунистического режима в Чехословакии (1948) уехал в Америку, где продолжал свою исполнительскую и педагогическую деятельность. Умер в 1994.

ПЕТЕР КИН

Император Атлантиды, или Смерть отрекается

Либретто оперы¹

ПРОЛОГ (МЕЛОДРАМА)

Громкоговоритель: Алло, алло! Сегодня вы увидите «Императора Атлантиды», что-то вроде оперы в четырех сценах.

Действующие лица:

Император Надвсехний собственной персоной, которого давно никто не видел, потому что он заперся один-одинешенек в своем гигантском дворце, чтобы лучше править.

Барабанщик, вид которого не вполне реален, нечто вроде радио;

Громкоговоритель, которого никто не видит, но слышит каждый;

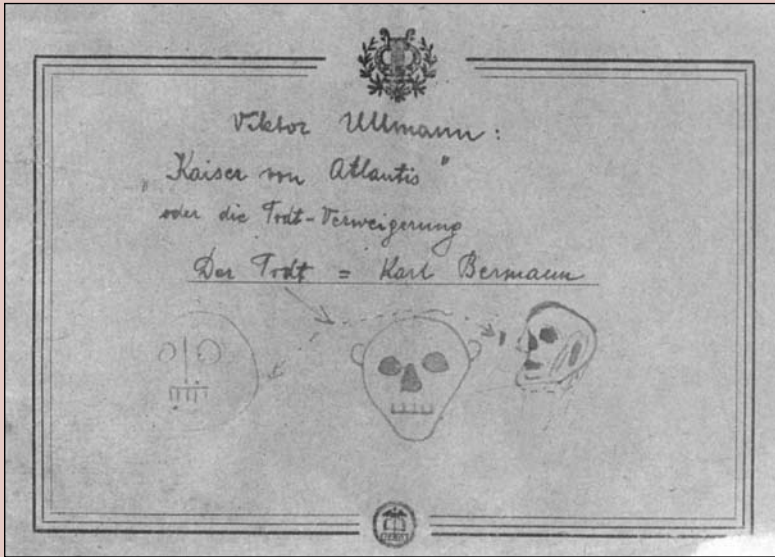
Солдат и Девушка-Подросток;

Смерть в образе отставного вояки; и

Арлекин, который может смеяться сквозь слезы, потому что это – жизнь.

Действие первой сцены происходит непонятно где; Смерть и Арлекин сидят на границе между жизнью, которая не может больше смеяться, и смертью, которая не может плакать в мире, который разучился радоваться жизни и умирать своей смертью.

Алло, алло, мы начинаем!

Виктор Ульман
«Император Атлантиды, или Смерть отрекается», в роли Смерти – Карел Берман»
ПТ

¹ Перевод данного текста печатается по нотному изданию «Шотт» 1993 г. Эта версия считается сегодня наиболее верной.

СЦЕНА I

№ 1. Прелюдия.

На скамейке сидят Арлекин и смерть.

Арлекин, бородатый старик, поет. Смерть в поношенной униформе времен австрийской империи рисует саблей на песке.

№ 2. Арлекин, Смерть.

Арлекин: Коньки крыш на ходулях обходит Луна;
юноши жаждут любви и вина.
Луна и то, и другое уносит с собой –
нет ни любви, ни вина, ни любви, ни вина.
Так что же сегодня мы будем пить?
Кровь, кровь – вот что мы выпьем.
А что мы будем теперь целовать?
Задницу Дьявола.
Все пойдет сикось-накось,
завертится мир быстрее, чем карусель;
на козле мы поскачем, Луна бела, а кровь горяча;
сладость вина – на земле, а сладость любви в раю.
Так что же остается нам в этом нищем мире?
Себя продали б на ярмарке.
Так кто же нас купит?
Всякий желает избавиться сам от себя.
Дорога у нас одна – на четыре стороны света.

Речитатив и дуэт

Ангел Смерти: Оставь! Что это за песня?

Арлекин: Пою я просто так...

Ангел Смерти: Ладно, скажи, какой сегодня день?

Арлекин: Я больше не слежу за днями,
я знал дни, когда каждый день менял рубашки,
а теперь знаю только тот день, когда надеваю чистое белье.

Ангел Смерти: Значит, ты глубоко увяз в прошлом году.

Арлекин: Быть может, вторник? Среда? Суббота?

Ф.П. Кин
Виктор Ульман, 1943–1944
Еврейский музей в Праге
В.Ульман родился 1.1.1898 в пограничном городе Чешский Тешин. Выдающийся композитор. Офицер Первой мировой войны. Учился композиции у А. Шёнберга в Вене и А. Хабы в Пражской консерватории. Автор опер «Падение Антихриста» и «Разбитая кружка». Дирижер в Новом немецком театре в Праге и в Оперном театре Усти-над-Лабой (1927). После краткого пребывания в Цюрихе, Вене и Штуттгарте вернулся в Прагу. Депортирован в Терезин 8.10.1942. Работал в Отделе Досуга, организатор «Студии современной музыки», где исполнялись произведения, созданные в лагере. Автор 26 эссе о музыкальной жизни в Терезине. В лагере им были созданы три сонаты для фортепиано, скрипичный квартет, три песни для баритона и фортепиано, вокальный цикл «Человек и его день», «Две китайские песни» и три песни на идише для голоса и фортепиано, мелодрама «Песня о любви и смерти корнета Кристофа Рильке» (для чтеца и фортепиано), 13 песен для детского, женского и мужского хоров, а также опера «Император Атлантиды, или Смерть отрекается». Депортирован в Освенцим 16.10.1944. Погиб.

Все дни на одно лицо.

№ 3. Дуэт

Ангел Смерти и Арлекин: Дни, дни, кто купит наши дни?

красивые, свежие и нетронутые; все как один.

Кто купит наши дни?

Быть может, удача зарыта в одном из них –

Станешь ты королем!

Кто купит дни? Кто купит дни? Старые дни по дешевке!

№ 4. Речитатив

Арлекин: С тех пор, как сам себе я надоел смертельно,

мне в шкуре собственной так стало неуютно...

Уж лучше ты меня убей... В конце концов,

это твоя работа. А мне, признаться, скучно невозможно.

Ангел Смерти: Оставь меня в покое;

мне не убить тебя, ты все смеешься

сам над собой и потому бессмертен.

Не убежишь ты от себя, ты Арлекин навеки!

Арлекин: А что это такое? Память

бледней пожухлых снимков тех людей,

утративших способность рассмеяться.

И надо мной никто не посмеется...

О, если б мог забыть я вкус вина!

Если б хоть раз я мог разволноваться

прикосновеньем женщины, забытым.

Ангел Смерти: Смешно мне это слышать!

Тебе каких-то триста лет, а я в театре жизни

с начала всех времен. Я немощен и стар...

Но видел бы меня, когда я молод был!

№ 5. Ария Смерти

Вот это были войны! Дабы воздать мне честь,

В роскошные одежды наряжались.

И золото, и пурпур, блеск кольчуг.

Так для меня рядились,

как невесты для суженых своих.

Над кавалерией штандарты развевались.

А пехотинцы отбивали дробь

на боевых упругих барабанах;

а плясуны отплясывали так, что кости их трещали,

и градом пот стекал...

Частенько бегал наперегонки я с быстрыми лошадками

Атиллы,

тягался со слонами Ганнибала и тиграми Джангира,

и так ослабили ноги, что куда им

поспеть за моторизованной пехотой...

Куда ж простому мне, ремесленнику Смерти,

как не тащиться вслед за той пехотой,

за ангелами теми новой Смерти?

№ 6. Ария барабанщика

Барабанщик: Алло! Алло! Внимание! Вниманье!

От имени Надвсехнего Владыки.

Милостью Божьей, Мы,

Надвсехний Император

Единственный,

честь Родины, надежда человечества и гордость ...

Двух Индий Император, Атлантиды Мы Император,

правитель-герцог древнего Офира¹

и главный Жрец Астарты,

бан² Венгрии, Принц-Кардинал Равенны,

Король Иерусалима³ и – во имя

Божественного нашего явления

и – Архи-Папа,

в нашей безупречной, проникновенной мудрости

решили объявить

по странам всем

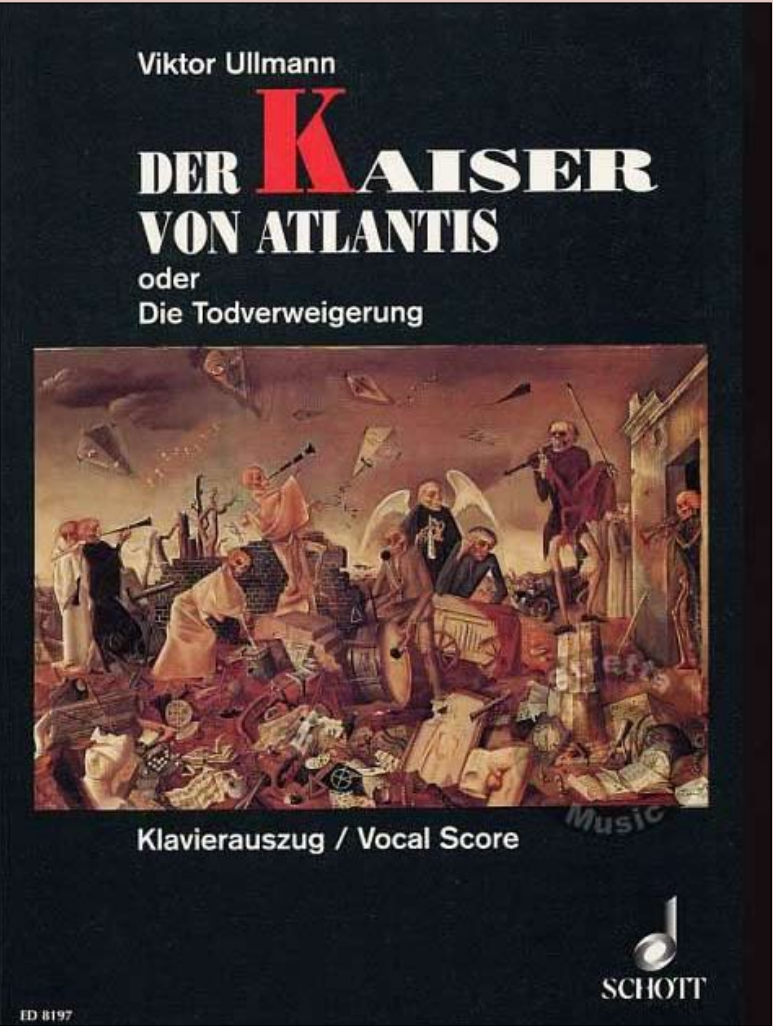
тотальную, Священную войну!

Все против всех! До самого конца!

¹ Сказочная библейская страна, по преданию источник золота царя Соломона.

² Бан (венг.) – правитель.

³ Намек на императора Австро-Венгрии Франца Иосифа, который, на самом деле, был титулован «королем Иерусалима» и «герцогом Освенцимским и Тешинским». Заметим: в Тешине Ульман родился, в Освенциме погиб.

«Император Анлантиды, или Смерть отрекается», издательство «Шотт»

Любой ребенок, девочка иль мальчик;
любая девственница, мать, жена;
и муж любой, здоровый иль увечный
возьмут оружие в руки
в святом крестовом нынешнем походе,
что должен завершиться лишь победой
апостольского нашего Величья,
искоренением зла в наших владениях.
Как только вы услышите указ,
считается кампания открытой.
Союзник верный наш, Ангел Смерти
Нас поведет, прославленное знамя, подняв,
чтобы мы доблестно сражались
во имя нашего грядущего величья,
да и его великого былого.
Указ наш на 15-м году благословенного правления.
Подпись: Надвсехний Мы.

Ангел Смерти: Ты слышишь? Слышишь, как они глумятся
Над старой Смертью? Мол, я один могу устроить жатву –
скосить все человеческие души!
Ваше грядущее величье! Мое великое былое!
Ну, прям-таки Наместник Смерти!

Арлекин: Ха-ха – ха-ха!

Ангел Смерти: *(вытаскивает саблю)* Хи-хи-хи!
Во имя вашего грядущего величья!

Арлекин: Что ты задумал?

Ангел Смерти: *(ломает саблю)* Я сделаю подарок человечеству,
Жить будет долго... долго!!

СЦЕНА II

№ 7.Интермеццо. Танец Смерти (без слов).

№ 8. Речитатив и ария

Постановка «Императора Атлантиды» в Бостонской опере, 2011

Пустой императорский дворец, письменный стол; большая
рама завешена черным покрывалом, под которым скрыто
зеркало; невидимый Громкоговоритель; Император Надвсехний
сидит в застывшей позе и пишет. Неожиданно он вздрагивает,
оглядывается и кричит в телефон:

Император: Который час?

Громкоговоритель: Пять тридцать два.

(Император сверяет часы).

Громкоговоритель: Алло, алло!

Императорская гвардия. Командир Императорской стражи.

Да, утроена охрана вокруг дворца, как приказали.

Император: Во всеоружье?

Громкоговоритель: Да, во всеоружье.

Император: Отлично.

Громкоговоритель: Алло, алло! Вооруженный сброд,
подземные торпеды, самолеты
снесли все крепостные бастионы
повержен третий город. Все жители мертвы,
отправлены их трупы на фабрику вторичного сырья.

Император: Да *(набирает номер по телефону)*.

Громкоговоритель: Десять тысяч килограммов
фосфора.

Император: Отлично! Суд!

Громкоговоритель: Алло, алло! Суд.

Император: Мятежник?

Громкоговоритель: В соответствии с приказом казнен
в четыре тринадцать.

Император: И так он мертв?

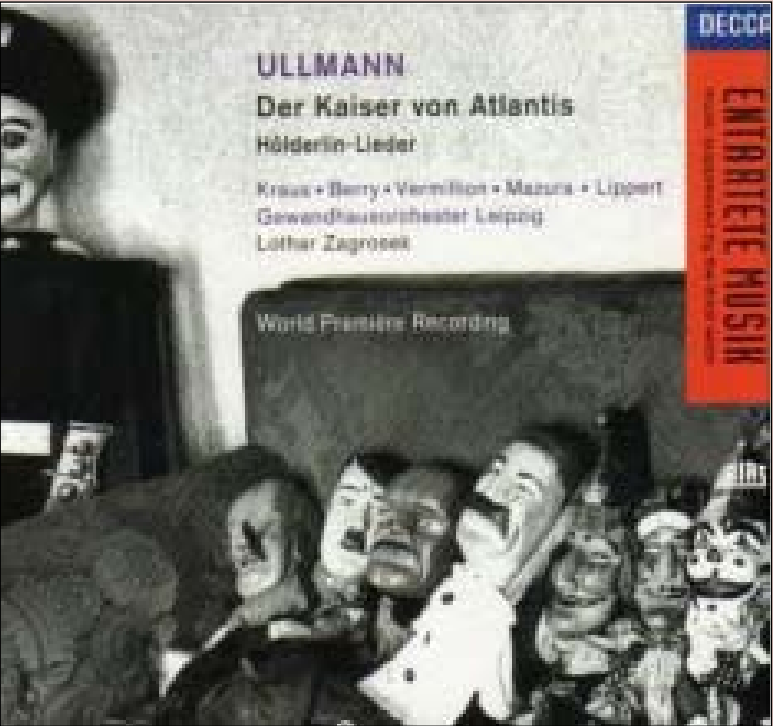
Громкоговоритель: Смерть явится сию минуту!

Император: *(смотрит на часы)* Что значит «явится сию минуту»?
В каком часу исполнен приговор?

Громкоговоритель: В четыре тринадцать.

Император: Уже пять тридцать пять!

Громкоговоритель: Смерть явится сию минуту!

Обложка диска «Императора Атлантиды», Лейпциг, 2007

Император: Вы что, рехнулись? За восемьдесят две минуты палач не может казни совершить ...

Громкоговоритель: Смерть явится сию минуту!

Император: *(вскакивает)* Я что, сошел с ума?! Неужто больше Смерть мне не подвластна? Так кто ж теперь меня бояться будет? Что, Смерть не хочет больше мне служить? Иль Ангел Смерти сломал старуху-саблю? Кто будет слушаться Владыку Атлантиды? Алло! Алло! Тогда назначьте Смерть через расстрел!

Громкоговоритель: Указ исполнен.

Император: Ну и?!

Громкоговоритель: Смерть явится сию минуту!

Император: *(отшатывается)* Что тут творится! Доктора на провод!

Громкоговоритель: Алло, алло! У телефона доктор.

Император: Ну и?!

Громкоговоритель: Все жив еще. Здесь странная зараза, солдаты разучились умирать.

Император: Ищите вирус. Сколько мертвых с начала эпидемии?

Громкоговоритель: И тысячи израненных смертельно воюют с жизнью, чтобы умереть.

Император: Благодарю! Теперь издам указ. Алло! Министр иностранных дел! На всех углах должны висеть плакаты, Спецобъявления по радио давать, По деревням стучите в барабаны!

№ 9. Ария

Император: Надвсехний и Единственный, дарую Солдатам, отличившимся на службе я формулу секретную. Кто формулой секретною владеет, тот будет защищен от смерти. Точка. И впредь ни раны, ни болезни служить не помешают своим мечом Отчизне и Владыке.

Смерть, где же твое жало?
Ад, где ж твоя победа?!

СЦЕНА III

№ 10. Речитатив и трио

Поле боя. Солдат и вооруженная девушка-подросток.

Девушка-Подросток И Солдат: Стой! Кто идет? Коль человек – то враг.
(Она стреляет, он падает на землю, она бросается к нему, думая, что она в него попала. Он вскакивает, они борются, он одерживает победу).

Барабанщик: ...мы всем достойным гражданам даруем секретную формулу вечной жизни...

Солдат: Какая кожа белая!

Девушка-Подросток: А ты давай стреляй, а не болтай!

Барабанщик: ... они защищены будут от смерти...

Солдат: Когда я молод был, я с девой молодою гулял вдоль голубой реки, глаза той девушки похожи на твои!

Девушка-Подросток: Но я еще не так стара, чтоб помнить. И лучше помолчи!

Барабанщик: ...Смерть, где же твое жало?

Девушка-Подросток: Приказ был убивать, давай, стреляй!

Барабанщик: Ад, где ж твоя победа?!

Солдат: Не давит ли тяжелое оружие...

Девушка-Подросток: Наверно, ты старик...

Солдат: ... на плечи белые твои?! Я просто не хочу, чтобы ты страдала, взгляни на мир – он светлый, многоцветный.
(Он целует ее, она отбрасывает оружие и падает в его объятия).

«Император Анлантиды», театр Аркола, Лондон

№ 11. Ария Девушки-Подростка

Девушка-Подросток: А правда ли, что есть еще земля,
Где не чернели бы воронки?
А правда ли, что есть на свете речь
Без грубого, отрывистого слова?
Ответь, а если где душистые луга?
А правда ли есть горы на земле,
от воздуха прозрачно голубые?

№ 11-а. Дуэт

Барабанщик: Отсюда прочь
пойдем со мной. Пойдем!

Девушка-Подросток: Отсюда прочь
пойдем со мной. Пойдем!

Барабанщик: И Император ждет тебя и Смерть!

Девушка-Подросток: Луч солнечный нам светит издалека.
Смерть умерла. Конец пришел войне.

№ 11-б. Ария и Трио

Барабанщик: Тебя зовет война и Смерть, красотка!

Девушка-Подросток: Смерть умерла. Конец пришел войне!

Барабанщик: Но барабан гремит, стучит повсюду;
влюблен мужчина только в барабан.
Так гладок барабан, как кожа женщин,
округло его тело, как у них,
а голос его громок, полон сил.
Мужчина бежит за барабаном, не за юбкой.

Девушка-Подросток и Барабанщик: *(хором)* Коль не погибнет,
расцветет она. Цветок любви... Любовь всех примиряет.
(Барабанщик исчезает, Девушка-подросток и Солдат стоят обнявшись).

№ 12. Финал. Дуэт

Девушка-Подросток и Солдат: Смотри, рассеялись все облака,
которые мешали видеть свет,
закрытый серым полотном пейзаж
в одно мгновение посветлел. И даже
Тень засветилась в солнечных лучах.

Под солнцем Смерть, соединясь с Любовью,
Становится поэтом.

№ 13. Танец-итермеццо. Живые и мертвые (без слов)

СЦЕНА IV

Дворец Императора. Надвсехний за письменным столом.

Громкоговоритель: Алло, алло! Надвсехний!

Император: Что еще?

Громкоговоритель: Да это все.

Алло, алло, Надвсехний говорит: ровно в три часа
мятежниками атакован лазарет Живущих Мертвецов
под номером 34.
Врачи, медсестры растворились в массах.
Зачинщики несут знамена черные,
на их гербе горит кровавый плуг.
Они воют молча и отчаянно.
Из штаба 12-й дивизии еще
не поступили донесенья.
(На сцене вдруг появляется Арлекин).

Император: *(продолжает писать, время от времени поглядывая по сторонам)*
Отлично!

№ 14. Сцена Арлекина и Барабанщика.

Арлекин: Мы мчались в близлежащий магазин,
чтоб сладостей купить на грошик,
мы убегали за бродячим цирком,
скакали вместе на лошадках детских,
еще катались мы на школьных ранцах,
дрожали мы под взглядами девчонок,
одним мы махом в помыслах своих
несправедливый мир ниспровергали.

Барабанщик: *(выступает к авансцене и говорит в приказном тоне)*

Постановка «Императора Атлантиды», Английская путешествующая опера, 2012

Надвсехний Мы, Надвсехний Мы,
благодаяниями мир полон,
и никогда, и ни за что из страха его предадим.
Здесь умный есть дурак, а мудрый – сумасшедший,
Надвсехний Мы.

Арлекин: Спи, детка, спи,
я – эпитафия твоя.
Отец погиб твой на войне,
а мать твою сгубили алы губки,
спи, детка, спи.
спокойно, детка, спи,
жнет человечек на Луне.
он пожиная наше Счастье,
и жнет, и жнет,
покуда солнышко не встанет –
лучом не высушит жнивье.
наденешь алое ты платье
затянешь песенку свою.

Император: *(кричит в телефон)* Алло, министр иностранных дел!
Какие еще пункты мятежниками сегодня захватили?

Громкоговоритель: 57-3-Римские цифры VIII-120
– Римские цифры XXXII/1 – 1011/В.

Император: Готовы ли указы?

Громкоговоритель: Готовы, напечатаны, разосланы.

Император: Так. *(Император ищет номер, слышен звук голосов, отрывки из указа Императора, шум).*

Громкоговоритель: Один ужасный врач
убрал с глаз катаракту и вылечил нас всех от слепоты;
и наказание столь же велико,
как велики, безумны прегрешенья,
такие муки надо претерпеть!
Мы со смиреньем будем их нести
Покуда ненависть не вырвем как сорняк
из сердца нашего мы голыми руками.
И так разрушим укрепления Сатаны.

(Император кладет телфонную трубку, пишет и считает как полоумный в бреду).

№ 15. Трио
Барабанщик, Император и Арлекин

Император: *(вскакивает и кидается вперед)*
Четыре, шесть, семь,
восемь, девять, десять, тысяча бомб, миллион пушек...

Барабанщик И Арлекин: Лучше не думать об этом!
Ха-ха, лучше не думать!

Император: Я стенами себя глухими окружил ...

Барабанщик И Арлекин: Он окружил себя глухими стенами...

Император: ... и это просчитал... Что это – человек?

Барабанщик и Арлекин: Алло, алло! Что это – человек?

Барабанщик: Как много лет завешено здесь зеркало!

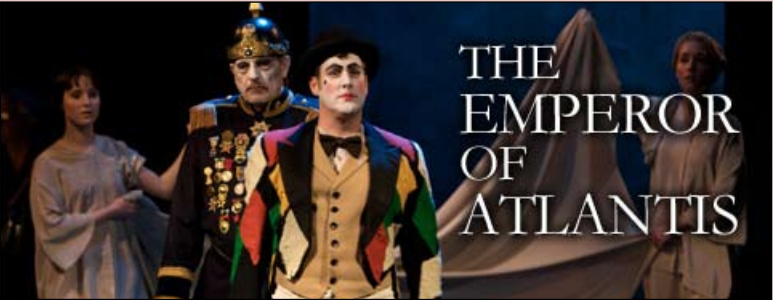
Император: Я человек? Иль Бога Арифмометр?

Барабанщик и Арлекин: Я человек? Иль Бога Арифмометр?
(Император срывает покрывало с зеркала; за ним стоит Смерть. Император в нерешительности останавливается, делает движение, пытаясь завесить зеркало).

Барабанщик и Арлекин: Живой Мертвец.

Император: О, кто ты?

№ 16. Ария Смерти
Ангел Смерти: Я – Смерть, садовник Смерть.
Я сею сон в поля, пропаханные горем.
Я – Смерть, садовник Смерть.
Сорняк выпалываю я существ усталых.
Я – Смерть, садовник Смерть.
Я пожиная зрелое зерно, зерно страданья.
Я – тот, кто исцеляет от чумы,
Но – не чума.
Я есть освобождение от мук,
Нет, я не тот, кто вам приносит муки.
Для вас я то блаженное гнездо,
Куда бежит измученная жизнь.
Я полное свободы торжество,

«Император Анлантиды», Городская Опера, Ванкувер, 2013

Я торжество последней колыбельной.
Покоен мой гостеприимный дом.
Придите в тихий дом и отдохните.

Император: Ты возвратишься к нам?
Мы, люди, и без Смерти жить не можем.

Ангел Смерти: Ну что ж, я к примирению готов,
если готов ты первую стать жертвой
и первым смерть принять.

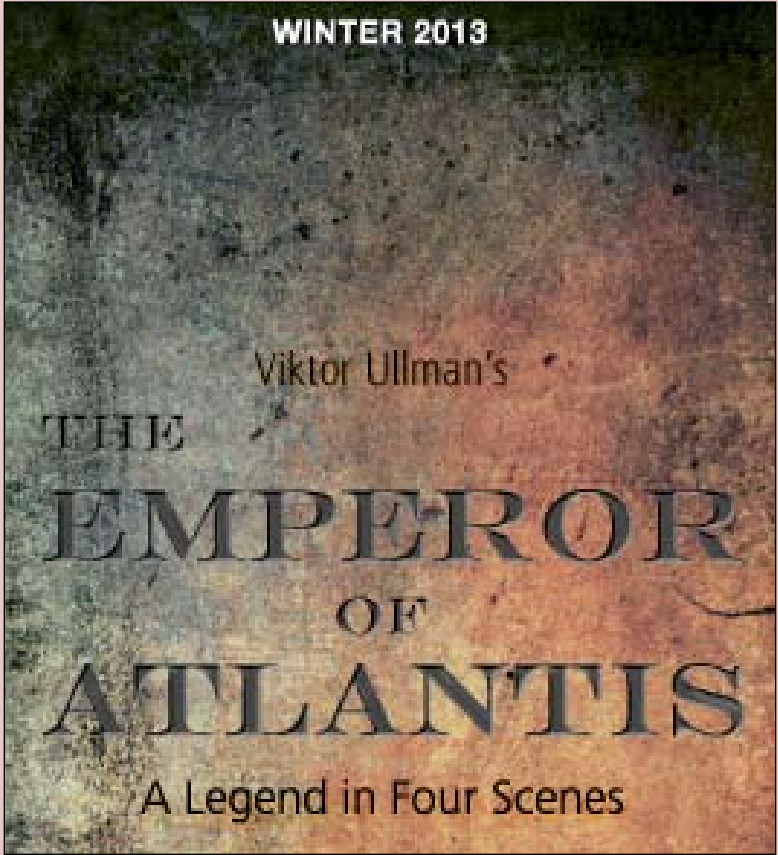
Император: На эту жертву силы б я нашел,
когда б ее достойны были люди ...

Ангел Смерти: Тогда я не вернусь.

Император: Ну как мне отказаться от того,
о чем все страждущие умоляют? Ну что же, по рукам! ¹

¹ В рукописном варианте отсутствует диалог Ангела Смерти и Императора. После своей арии Ангел Смерти произносит «Война окончена», а ария Императора звучит так:

Война окончена, ты заявляешь гордо –
Конец пришел войне, последней ли войне?
Знамена белые на башнях будут реять
и радостно звонить колокола,
и сонм глупцов запрыгает, запляшет.
Но долго ль, долго ль будет это длиться?
Притушен лишь, но не погас огонь,
придет пора, он снова разгорится,
и разразится бойня с новой силой.
Мне ж лишь покой могильный уготован!
О, если б удалась моя работа!
Когда б на свете не было людей,
Земля бы разлеглась во все пространство
несжатым полем.
О, если обратились бы мы в прах,
то на земле воскресли бы леса,
погубленные нами.
Но нет, увы, ничто уже не может
остановить реки могучей бег.
Вернутся снова к нам любовь и голод,
и жизнь, и смерть!
Все будет – молнии, и град, и снег,
но только не убийство.
Отныне наша жизнь в твоих руках –
Возьми ее, возьми.

«Император Анлантиды, или Смерть отрекается», Фестиваль Оперы, зима, 2013

№ 17. Прощальная ария Императора

Император: *(Обращаясь к Барабанщику очень спокойно и нежно)*
Но даже боги не умеют беспечально сказать: прощай!
Пока еще, как прежде, моя рука покоится в твоей, –
и жизни моей тьма твою тьму ощущает.
Не плачь ты обо мне.
(Смерть постепенно принимает черты Гермеса).
Я следую за юношей мне чуждым,
но не скажу куда, но не скажу куда.
Лишь тихая живет во мне мечта еще вернуться.
И реки там текут, и горы там темны,
Цветы там расцветают на лугах
под солнцем и под ветром.
Там, где не ты, там снег и летний дождь,
там, где не ты, всегда всего так много.
Там, где не ты, всего всегда так много.
Мне видится: дитя идет к колодцу,
кузнец тебе подковывает лошадь...
Так вспоминайте обо мне без скорби,
Над тем, что далеко, не стоит плакать,
достойно сожаленья то, что близко
и в вечной упокоено тени.
*(Смерть нежно берет Императора за руку и проводит его
сквозь зеркало под звуки хора).*

№ 18. Финал

Барабанщик И Громкоговоритель: Войди же Смерть
высокочитимой гостьей в сердца людей.

Девушка-Подросток, Арлекин: Освободи от бремени земного,
дай отдохнуть от горести и боли.

Барабанщик, Громкоговоритель, Девушка-Подросток, Арлекин:
Ты научи нас радоваться жизни,
делить по-братски тяготы ее,
святой нас заповеди научи:
не произносить имя Смерти всуе!

ПИСЬМА ХЕДВИГ ШНАЙДЕР
И ГАНСА ШНАЙДЕРА¹ К РЕНЕ МОРТОН (СТРАНСКОЙ)²

2.9.45

Моя дорогая Рене!
Я была так рада твоему сердечному письму, но не могла найти твой адрес, хотя уже несколько недель подряд собиралась тебе писать. Дж. Фишер тоже не сумел дать мне твой адрес, информацию о твоей семье он получил от меня. Но хочу рассказать все по порядку. 27 июля 1942 года мы втроем, мой муж, Джон³ и я, были депортированы. Утром Карл пришел ко мне и сказал: «Я не говорю тебе прощай: мы в следующем транспорте – 30 июля». Действительно, через три дня они прибыли в Терезин, и мы общались каждый день, до 15 октября 1944-го. Но – все по порядку. В июне 1942 прибыла моя мать, через 2 недели – твоя вторая бабушка. Через неделю приехала Ильза, ее муж был там уже примерно 7 или 8 месяцев. Твоя бабушка Фройнд умерла через две недели пребывания там, Ильза прибыла как раз перед ее смертью. Муж Ильзы Петер был там на льготном положении – у него была своя комната, и когда прибыли Карл и Марта, они могли жить с ним в одной комнате. Мы, остальные, жили по 25 человек, а то и больше, в одной комнате. Они получили несколько чемоданов из своего багажа – наш транспорт потерял все чемоданы. Поэтому Марта могла

¹ Хедвиг Шнайдер (Странская), родилась 3.7.1889, сестра Карла Странского. Депортирована в Терезин 27.7.1942, где дожила до освобождения. Ганс Шнайдер – сын Хедвиг, 1911 г.р.
² Рене Мортон (Странская) родилась 3.10.1919 в Пльзне. Сестра Ильзы Кин, дочь Карла и Марты Странских. Бежала в Англию в 1938. В 1944 вышла замуж за Георга Мортонна, родила двоих сыновей. Преподавала биохимию в Лондоне. До выхода на пенсию зарабатывала на жизнь переводами научной литературы. После развода в 1971 жила одна. Умерла в Лондоне в 2006.
³ Йозеф Шнайдер.

Клара Фройнд, Прага, 1940–1941
ПТ

быть вполне удовлетворена, однако из-за голода Карл испытывал полный упадок сил.
Ты бы очень полюбила Петера, мы все его очень любили – сердечный, милый, одаренный юноша. Позднее нам разрешили получать посылки. Твои родители получали тогда довольно много из Бзенца – от родителей Петера. Ильза работала в сельском хозяйстве. Однажды ее посадили на пять дней в тюрьму, поскольку нашли у нее несколько луковиц. Ильза была очень старательной, какое-то время она была также в швейной мастерской, там она делала кукол по рисункам Петера. Когда им не хватало еды, Петер делал картину или портрет, и у них снова все было. Марта не ходила на работу, она была «денщиком» у Петера и могла работать в своей комнате. Она тоже делала очень оригинальных кукол, особенно одна – «старая дева» – осталась в моей памяти. Марта была ко мне очень внимательна, помогала как могла, поскольку я ДОЛЖНА была работать. Мы разговаривали почти ежедневно. Она была также очень внимательна к моей матери, которая очень страдала от голода. Карл работал в амбулатории, что его особо не огорчало, ты ведь знаешь его взгляды. Марта в первый год сломала в Терезине руку, – помогала двум старым дамам тащить чемоданы из Богушовице до места жительства. У нее потом рука долго была в гипсе, и мне приходилось за ней ухаживать, потому что все остальные были на работе, а я тогда работала в казарме, где жили «проминенты». Карл и Марта были довольны замужеством Ильзы и любили Петера как сына. Они также очень гордились тобой, рассказывали с воодушевлением о каждом твоём письме, так что я была в курсе дела. Марта страшно надеялась увидеть тебя хотя бы на мгновение и очень гордилась тобой. Еще в Праге она давала мне читать твои письма, особенно одно – про куриную ферму – принадлежит к моим любимым воспоминаниям.

Рене Странска, 1938
ПТ

Позже и родители Петера жили в этой комнате, все шестеро располагались на нарах друг над другом, Ильза с Петером на «третьем этаже». Они страдали, как и мы все, от клопов, в одну ночь Карл поймал 150, и был на следующий день очень нервным. Вначале взаимоотношения этих шести людей были прекрасными, но впоследствии испортились, Ильза не могла поладить с тестем и свекровью, что не удивительно при такой тесноте. Как видно, мне надо сделать сильные сокращения, потому что письмо становится слишком длинным. Короче говоря, они как-то выносили тамошнюю мучительную жизнь, поскольку твоя мать была великолепным художником жизни. Они бы непременно выжили, они были в хорошей форме, но осенью 44-го начались транспорты в Освенцим. Первым 29-го сентября отправился Ганс. Через 2 недели – Марта и Карл¹, и еще через неделю – Ильза и Петер со своими родителями². Карл был очень спокоен, когда отправлялся, надеялся все пережить, я пошла с ним до шлойски, и потом они были там еще три дня, и мы с Ильзой приносили ему туда еду. Мы, однако, не знали, куда идут транспорты. Последние слова Карла были: «Я постараюсь это пережить, но дадут ли они мне, не знаю».

Я могла бы тебе очень долго рассказывать... Твоя тетя Эрна отправилась осенью 1942 в Польшу, мы о ней ничего с тех пор не слышали. Сама я, в конце концов, попала на работу на так называемое «предприятие военного значения», где полностью испортила зрение, однако была освобождена от транспорта. После всех этих переживаний мне не хотелось жить дальше, думаю, ты можешь себе это представить.

Когда их отправляли, Ильза была лежачей, – у нее было воспаление яичников, она вообще много болела в последнее время. Стала очень красивой и элегантной – у

Карл Странский, Прага, 1940–1941
ПТ

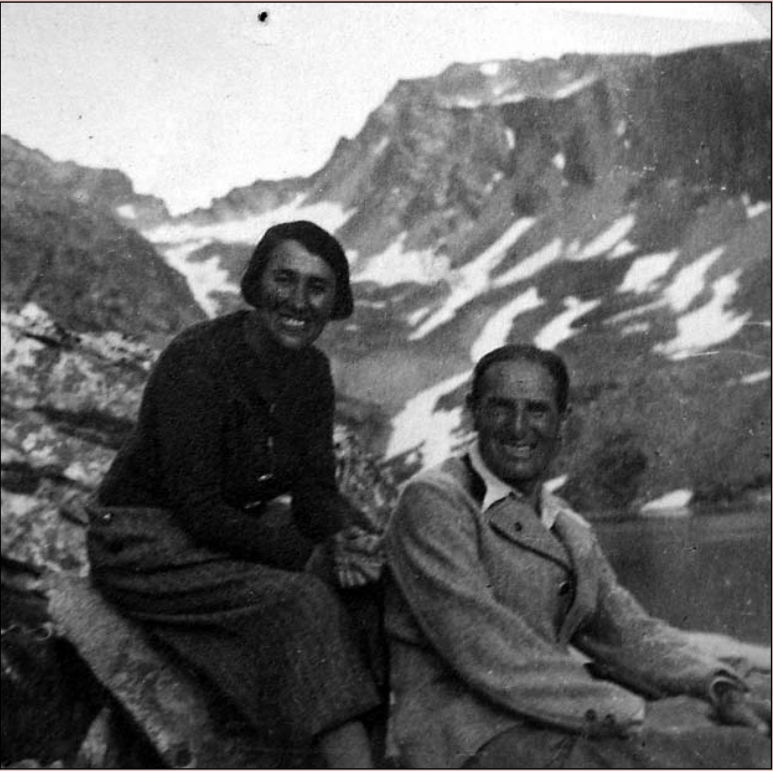
¹ 12.10.1944, как и Марта.
² 16.10.1944.

меня есть картины и снимки ее и Петера, я тебе их покажу. Могла бы часами тебе рассказывать, но письмо будет слишком длинным. Не забуду тебе сказать, что они в последние полгода получали страшно много посылок с сардинами, то ли от тебя, то ли от Роберта – это ты лучше знаешь.

Теперь о другом. Я вышла из Терезина только 26 июня 45-го, потому что сломала ногу (из-за недостатка витаминов кости стали очень ломкими). Помимо этого, не было никаких признаков жизни в доме № 7, так что жить не хотелось.

В самый первый день меня позвал к себе твой кузен Дж. Фишер¹, он хотел со мной поговорить. Времени у меня не было, – нужно было идти в контору по репатриации, что я ему и сказала (видимо, я выглядела страшно удрученной), он меня туда проводил, спросил озабоченно о Карле, знала ли я, жив ли он и где его вещи. Я рассказала ему об ужасных событиях. При расставании он меня так поцеловал, что я изумилась.

Затем я ждала, что, может быть, Ильза вернется, она знала о наших с Карлом общих акциях, мне нужны были деньги, и я хотела реализовать мою часть. Я пошла к адвокату, чье имя мне назвал Карл, так как мы боялись что-либо писать на бумаге, и к моему ужасу узнала, что акции по поручению Гиури² еще в 1942 году, через 2 месяца после отправки Карла, были проданы, и деньги – более миллиона – Гиури на основании стенограммы, которую он представил адвокату с подписью «Карл», были выплачены, и следовательно пропали. Я тут же заявила о подделке, и он обещал представить бумагу от некоего Франкенбуша, которому передали деньги. Но требовался свидетель. У нас с Карлом был общий счет. В Терезин мы не взяли никаких денег – это было запрещено, там постоянно проводились

Марта и Карл Странские на отдыхе, 20-е годы
Частная коллекция, Лондон

¹ Ёдон Фишер, см. «Родословную».
² Гиури Фишер, см. «Родословную».

обыски, нелегальное хранение денег – смертная казнь. Гиури утверждал, что Карл дал ему такое указание, когда выходил на работы вне гетто, но Карл никогда не работал вне гетто. Так что я хочу подать на него в суд и передать дело адвокату.
Хеда¹

29.10.1945

Дорогая Рене!
Я не получил ответа на мое письмо от 2 августа, так что можно предположить, что оно пропало. К счастью, у меня есть копия моего 1-го письма, так что я смогу повторить все, что я тебе написал.

Наверное, тебе придется переводить мой английский на немецкий, я оказался не очень способным учеником твоего отца. В Терезине мы получили информацию о том, что ты вышла замуж. Иногда мы получали письма из Швейцарии к огромному удовольствию твоих родителей. Поскольку, как я понял, твой муж родом из Брно, хотелось бы знать, не было ли у него брата, я с одним Моргенштерном играл в Мариенбаде в рулетку.
Теперь к твоему вопросу. Твои родители прибыли в Терезин на неделю раньше нас, в августе 1942. Петер был там с ноября 1941 и занимал как художник важную позицию. Ильза тоже была там, и обе твои бабушки, хотя одна, Фройнд, умерла перед тем, как прибыли твои родители. У Петера была комната, так что все четверо могли в ней жить по тамошним меркам вполне прилично. Твой отец работал в том же доме в конторе, работы было немного, и у него было время на чтение и изучение русского языка. Твоя мама занималась домашним хозяйством, Ильза работала в сельском хозяйстве, на этой работе можно было

Ф.П. Кин
Ильза Кин, Терезин, 1942–1944
ПТ

1 Хедевиг Шнайдер (Странская), см. «Родословную».

достать еду, так что могу тебя уверить, семья не голодала. Позже родители Петера жили вместе с ними. Как член еврейского руководства Петер мог охранять твоих родителей от транспорта в Польшу, так что они не боялись, но это не распространялось на твою тетю Эрну, и она была транспортирована в Польшу в сентябре 1942-го.
В октябре 1942 твоя мама, которая была со мной, когда мы навещали друзей из Вены, сломала руку. В 1943 году Петер основал мастерскую по пошиву кукол, он рисовал их, а Ильза с Мартой шили, это было для них восхитительным занятием. В декабре 1943 наша бабушка была отправлена в Польшу, не было никакой возможности спасти ее. В октябре 1944 началась ликвидация, и твои родители были отправлены в Освенцим. Я отправился в сентябре 1944. Неделей позже Петер, его родители и Ильза. Насколько я знаю тамошнюю ситуацию, над ними не издевались перед смертью, но что случилось с Ильзой, я не знаю.

Что касается других вещей, оставленных твоими родителями, то у г-жи Курцловой в Страшнице (я забыл точный адрес, но мама знает) они спрятали картины, ковры, китайское стекло, меха и текстиль. Когда я вернулся и понял, что все мои вещи пропали, я пошел туда и взял какое-то белье и ботинки. Ни о каких других вещах я не спрашивал, поскольку надеялся, что Петер вернется. Сейчас, без мнимой гордости, я бы попросил у тебя разрешения взять какую-то одежду – для мамы и моей жены, думаю, что тебе она не пригодится, будет мала.
Кроме того, у соседей на улице Хеннеровой, 6 также «аризированы» некоторые вещи – мебель, ковры, швейная машинка, платья. Но этот тип [нрзб.] сказал, что дядя Карл якобы разрешил ему взять себе эти вещи, если он не вернется. В это я не могу поверить, поскольку ни у кого из

Ф.П. Кин
Ольга Кин, Терезин, 1942–1944
ПТ

нас не было мысли о том, что мы можем не вернуться. Но он тоже связан с Иржи [нрзб.], так что мы не надеемся получить вещи обратно. Книги находятся у друга Петера, художника, на Малостранской, попробую выяснить его имя у Шваба, учителя Петера.
Мое потерянное письмо на этом кончается. ...
Ганс¹

ХЕЛЬГА КИНГ-ВОЛЬФЕНШТЕЙН
ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ²

Долгое время ходили слухи о предстоящих транспортах евреев из Чехословакии на восток. Пришел день – и семья дяди Лео и тети Эши получила уведомление явиться на сборный пункт, принести с собой все драгоценности, не сданные на хранение в банк, сберегательные счета, акции, ценности любого вида и продуктовые карточки. При себе иметь чемодан весом не более 25 кг.

Мы с мамой оказались в транспорте G, № 681, № 682. Большинство девушек покинули мамин пансионат, а к нам подселили некую старушку. Наши перспективы на будущее отбивали всякий аппетит. Маме только что сделали операцию – удалили кисту из груди, к счастью, она оказалась доброкачественной. Я пыталась представить себе, как буду зарабатывать на нас двоих где-то в гетто «на востоке». Оглядываясь назад, скажу, что сама перспектива выжить была неоправданно оптимистичной с моей стороны.

Ф.П. Кин
Портрет Хельги Вольфенштейн, Терезин, 1942–1944
ПТ

1 Ганс Шнайдер, см. «Родословную».
2 Источник: Helga King, Memories, private archive, London. Воспоминания разных лет (1941- 1970).

За день до нашего отъезда старая госпожа жилица и мать приготовили роскошную еду, сложив вместе наши продовольственные карточки. Первый раз за долгое время у нас было столько еды. Кажется, это была утка, и это был последний раз, до самого конца войны, когда мне выпала удача наестся досыта.
На следующее утро мы надели на себя несколько комплектов нижнего белья и одежды на тот случай, если чемоданы потеряются. На мне были зимние сапоги, фактически, сапоги для верховой езды, и они действительно защитили ноги от холода. На маме – тяжелые ботинки, в подошвах были спрятаны бумажные деньги. Месяц спустя в Терезине, когда она попыталась извлечь деньги, ботинки полностью развалились. Мы отослали несколько матрасов в бывшее здание школы, где был сборный пункт, каждый матрас был помечен нашим транспортным номером. День или два мы провели, сидя или лежа на матрасах, в окружении людей, молодых и старых, – одни храбрились, другие были совершенно перепуганы, кто-то вел себя тихо, кто-то шумел. Мы оказались в окружении незнакомых бабушек, дедушек, отцов, матерей и детей, – вынужденное братство незнакомых людей, ставших вдруг взаимозависимыми. Бечевки и булавки стали ценнее галстуков или красивого нижнего белья.

К железнодорожной станции мы шли ночью, – чтобы нас не видело население города. 2000 человек посадили в пассажирский поезд, – при такой скученности не хватало туалетов и воды. Мы не знали, что позднее для перевозок будут использоваться скотовозы, где вообще дышать нечем. Мы не знали, куда нас везут, мы должны были питаться тем, что у нас было с собой.
На третий день мы прибыли в заснеженное место – первое, что бросилось в глаза – водонапорная башня весьма угро-

жающего вида. Каждый взял чемодан со своим номером, и мы вошли в крепость Терезин, построенную императором Иосифом II в честь его матери Марии Терезии, которая, в свою очередь, была матерью Марии-Антуанетты, – ее страдания предстояло испытать и нам, беспомощным заключенным, лишенным всех прав, запуганным, осужденным на смерть.

Мы попали в огромные Судетские казармы с толстыми каменными стенами, на каменном полу были лужи, и валялась солома. Я набрала соломы под голову и уснула, держа руку на чемодане. На следующий день какие-то молодые люди выгнали нас на улицу, предварительно убедившись, что ни на одной из нас нет помады, и никто из нас не выглядит хорошо одетым. Мы долго стояли в строю, мать рядом со мной, несколько нацистов в мундирах осматривали нас, выкрикивая команды, которым все мгновенно повиновались. Никто не разговаривал, мы были рады, что мы в Чехии, а не в Риге или Польше, но стоять на снегу было очень холодно.

Когда мы, наконец, вернулись в казармы, несколько молодых людей принесли ведра с горячим черным эрзац-кофе с сахаром, который они наливали черпаками в наши котелки и миски. Только ложки, ни ножи, ни вилки не допускаются. Молодые люди были из строительной бригады АКI (Aufbau Kommando I). Где-то среди них был и Петер Кин.

Мы жили на полувоенном режиме, спали одетыми на каменном полу и «ели» горячий черный кофе и подозрительный горячий суп попеременно. Мать оставалась верна себе – она была деятельной и оптимистичной. Она предложила, чтобы мы для укрепления здоровья мылись обнаженными холодной водой из-под крана. Мамины предложения были приказами. Мужчины и женщины еще

Хельга Вольфенштейн
Хермина (Мина) Бонди-Вольфенштейн, Терезин, 1944–1945
<http://helgaking.com>

не были разделены, но сами заключенные организовали справление нужды в возможно более цивилизованной форме. Через несколько дней после того, как я подложила солому под голову вместо подушки, я заболела, у меня была лихорадка, боль в горле и сыпь, язык стал малиновым. Мы узнали, что у солдат, которые раньше жили в этих казармах и пользовались соломой для матрасов, была вспышка скарлатины. Несколько детей также были инфицированы, и нас с нашими матерями согнали в комнату с настоящими кроватями и матрацами, и там мы остались (вход был заколочен, чтобы мы не заразили остальных заключенных). В конце концов, инфекция распространилась и среди нацистов. Доктор Поллак давал нам указания через окно, и мы, также через окно, получали кофе, суп и хлеб – к счастью, рядом с нашей комнатой был туалет; некоторые пациенты получили подкладные судна – неудивительно, что Терезин в дальнейшем будет именоваться Райским Гетто.

Местное население еще не было эвакуировано из Терезина. Маленький мальчик, не еврей, подошел к нашему окну и принес нам бутерброд с черносливом и маслом. Знала ли его мать, насколько это опасно? Очень скоро больные скарлатиной не вмещались в небольшую комнату и нас перевели в огромный зал с высокими окнами и галереей с «акустическим шепотом» – возможно, охранники в старину могли здесь подслушивать секреты заключенных. ... В этих казармах Hohenelben (Верхлабы) в будущем расположился больничный комплекс.

Моя мать, прошедшая курсы Красного Креста по уходу за ранеными во время Первой мировой войны, привыкла отдавать приказы братьям, сестрам, дочерям и девушкам-подросткам, которые жили в ее пансионате, так что есте-

Хельга Вольфенштейн
Хермина (Мина) Бонди-Вольфенштейн, Терезин, 27.7.1942
<http://helgaking.com>

ственным образом она стала ответственной за отделение скарлатины. Больше нас не держали взаперти, некоторые женщины стали медсестрами-доброволками, доктор Поллак делал обходы, а доктор Эрих Мунк возглавил отдел здравоохранения. Его впечатлила мама – ее распорядительность, трудолюбие и уважение, которым она пользовалась, иногда поневоле. Доктор Мунк сделал ее старшей медсестрой, она отвечала за лекарства, наблюдала за пациентами и медсестрами, составляла график дежурств и дополнительных обязанностей, таких как мытье полов и чистка плафонов.

Доктор Мунк предложил и мне стать медсестрой, но моя мать живо описала ему, как остро я реагирую на болезни, кровь и страдания, поэтому они вместе решили, что мое место – в техническом отделе, где мне предстоит заниматься вывесками типа «Вода для питья» или «Вода не для питья», номерами на одежде вновь прибывших, указателями на зданиях для размещения новоприбывших узников, и прочей работой, не требующей высокой квалификации.

В самом начале, когда я еще не болела скарлатиной, моей работой было стоять на страже внутри Судетской казармы, куда часто приходили мужчины с матрацами, стройматериалами и прочими вещами. Эти мужчины по большей части были партнерами женщин, которые жили в нашей казарме, и моей задачей было не допускать их соединения. Тем не менее, у нас была разработана специальная система предупреждения, с помощью которой мы могли дать парам возможность обменяться какой-то информацией и быстренько обнять друг друга. Если бы в казарму зашел какой-нибудь немец, переодетый в штатское, нам всем была бы крышка.

Хельга Вольфенштейн
«Мамочка и др. Поллак, Терезин, 18.3.1942»
<http://helgaking.com>

Хельга Вольфенштейн
Карикатура на доктора Поллака, Терезин, 5.10.1941 (?)
<http://helgaking.com>

Вначале в гетто не было почтовой службы – потом появились гетто-марки, и было разрешено писать открытки не более 25 слов. Бабушка в Брно получала от нас сравнительно частые 25-словные открытки. Перед созданием в гетто почтовой службы некоторые молодые люди из строительной бригады АК1 написали письма своим матерям, что у них все в порядке, и попытались передать их на волю, письма были обнаружены немцами, и «виновные» были публично повешены. Это было предупреждение всем, в частности, терезинским художникам, большинству из которых было приказано наблюдать за этой ужасной казнью.

Помимо инженеров и «проминентов» (высокопоставленных лиц), в техотделе и чертежном бюро были свои начальники: Фриц «Фритта» (Тауссиг), Лео Хаас и Петер Кин. Большинство художников прибыли в Терезин со строительной бригадой АК1, чем защитили свои семьи от депортации в Терезин, по крайней мере, на несколько месяцев. Петер и я быстро и крепко подружились, он тоже посещал немецкую школу в Брно и похоже, что наши матери, дав нам аналогичное образование, достигли сходных результатов.

Петер был светлейшей личностью, у него было прекрасное чувство юмора, обостренное нашими тревожными обстоятельствами, он прочел большинство произведений мировой литературы (в немецких переводах) и многое помнил наизусть. Он любил музыку, и, несмотря на юный возраст, был художником с академическим образованием и массой талантов, писал стихи, пьесы и либретто для оперы. Мы вместе проводили по восемь часов в чертежной мастерской, а после этого час или два сидели друг подле друга, рисовали или писали маслом. Петер учил меня, давал мне книги для чтения, я обожала его, но мы держали дистанцию: он был женат. И вот пришел день, когда из Праги прибыла его жена Ильза. Петер был очень

Хельга Вольфенштейн
«Терезин, 28.1.1942, Инфекция»
<http://helgaking.com>

Хельга Вольфенштейн
Комната для медсестер, где поначалу жила Хельга, Терезин, 24.2.1942
<http://helgaking.com>

возбужден и много о ней говорил. Она была интересной, интеллигентной молодой женщиной, Петер представил нас друг другу. Ильза ушла в себя.

И очень скоро после ее прибытия Петер впервые меня поцеловал (именно – всего лишь поцеловал).

Родители Петера, родители Ильзы, сама Ильза и Петер – все жили в маленькой комнатке в «правительственной» Магдебургской казарме – отнюдь не идеальная ситуация для молодой пары. Петер пытался устроить с Ильзой свидания в комнатах друзей, где он позднее рисовал меня обнаженной. Но такого рода любовных свиданий Ильза не желала. Значительно позже Петер сказал мне, что фактически они никогда не подходили друг другу полностью. Ребенком Ильза сильно болела, и все ее баловали. Когда она поправилась, то все продолжали относиться к ней как к больной, стараться доставлять ей удовольствия.

Одной из работ в графической мастерской были ежемесячные статистические отчеты, – и Петер их художественно оформлял. Отчеты о производстве хлеба, процентного соотношения стариков и больных, о сельском хозяйстве, медицине и т.д.

Я сопровождала Петера повсюду, он делал зарисовки для отчетов, и я рисовала вместе с ним – из рисунков того периода помню, например, стариков, которые жили под нависающими крышами домов в летний зной и зимнюю стужу. Мы рисовали в театре, на культурных мероприятиях, разрешенных немцами, на репетициях спектакля «Ты этого хотел, Джордж Данден» Мольера и «Женитьбы Фигаро», которая и до сих пор остается одной из моих любимых опер. Я познакомилась со многими друзьями Петера, среди его талантливейших друзей-музыкантов был и Гидеон Кляйн. Хоть я не музыкальна, этот настоящий гений прекрасно относился ко мне, потому что он был другом Петера, и потому что я знала несколько языков. Гидеон самостоятельно изучил французский за несколько

Ф.П. Кин

Статистика рабочей занятости и безработицы, Терезин, 1944
<http://helgaking.com>

недель. Он был одним из самых молодых и самых уважаемых музыкантов в Терезине.

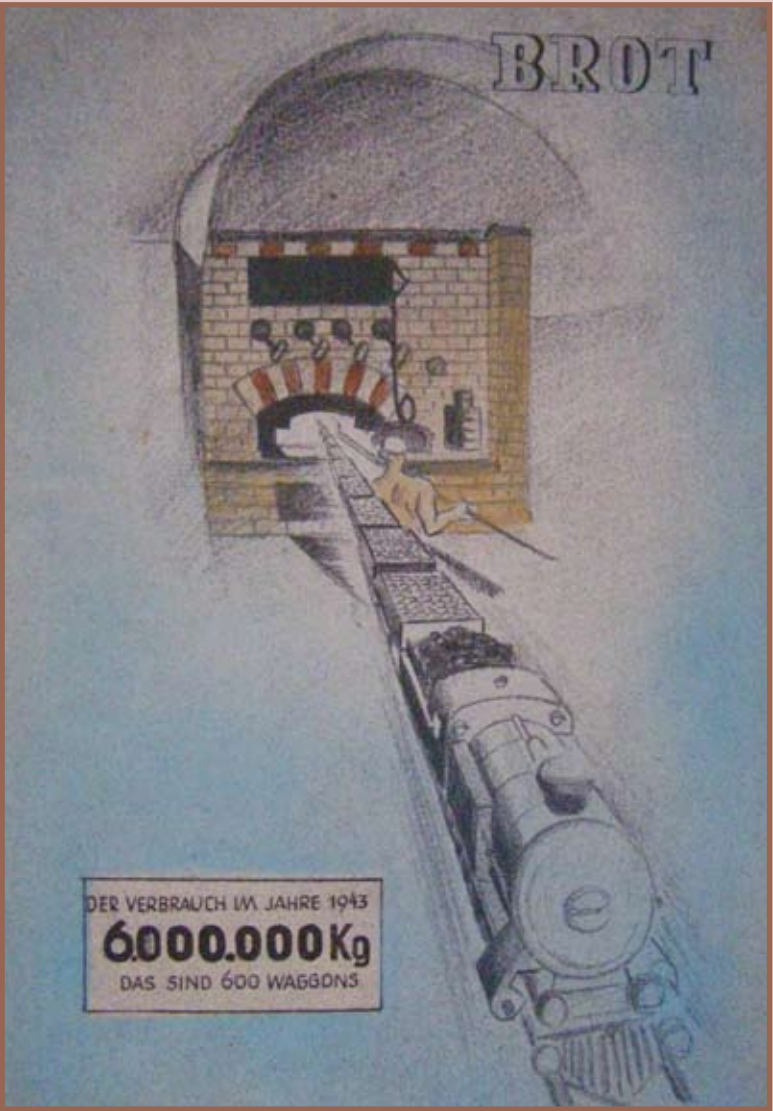
Во время одного из свиданий с Петером я потеряла перчатку в темноте под деревом. Это была целая трагедия – приобрести перчатки в гетто было нелегко. На следующее утро перед работой я бросилась к дереву, и нашла там Петера вместе с перчаткой. Он всегда был готов помочь, всегда был предусмотрителен и внимателен ко мне. Однажды жандарм привел меня в электротехнический отдел для какой-то особой работы, и, когда я через несколько часов вышла оттуда, Петер стоял у дверей, он был перепуган, он решил, что по какой-то причине меня арестовали. Кто-то видел меня с жандармом и сказал об этом Петеру.

Петер родился в день Нового Года, и он любил повторять, что его мать, встречая новый, 1919 год, не танцевала. Мы праздновали наши дни рождения с подарками в виде рисунков и стихов: его произведения были великими, мои – исполненные добрых намерений.

Лежа с инфекционной желтухой (тогда она называлась «болезнью Вайля»), я читала роман «Идиот» Достоевского. Желтуха – довольно депрессивная болезнь; каждые три дня – жуткие вспышки жара, кожа покрылась красными пятнами. Пот стекал ведрами, особенно по ночам, я была совершенно истощена. «Идиот» – не очень радостная книга, и Петер просил меня ее не читать.

В один из приходов в больницу Петер застал меня в розовой ночной рубаше – притом, что цвет кожи у меня оранжево-желтушный, а белки глаз как светло-коричневый шартрез. Петер был человеком огромной глубины и такта, но художник в нем хотел, чтобы моя рубашка была голубой, а не розовой. Я очень хотела ему угодить, но мой «гардероб» был весьма ограничен.

У меня был один из худших случаев гепатита во всем Терезине. Доктора пытались вылечить меня шокотера-

Ф.П. Кин

Хлеб, Терезин, 1943
<http://helgaking.com>

пией, а именно дать мне много литров воды в течение суток; на следующий день добрые заключенные собрали для меня фунт сахара. Мне было трудно есть что бы то ни было, но фунт сахара попросту невозможно. Медсестра Совочка, возлюбленная близкого друга Петера с постоянными черными кругами вокруг глаз, присматривала за мной особо, иногда даже кормила с ложечки. Мама постоянно рыдала. Наконец, мне влили кровь выздоравливающего пациента, это был какой-то невротичный альтруист, переливание шло напрямую, шприц за шприцом, очень болезненная процедура.

После приблизительно трех месяцев в постели я набрала вес, и Петер сказал, что я уже не готическая, а барочная красавица (пожалуйста, не Рубенс!)

Из-за болезни я пропустила представление оперы «Император Атлантиды»¹. Также пропустила и петровских «Марионеток». Сюжет «Марионеток» предвосхищал убийство Гейдриха. После убийства Гейдриха у нас была ограничена подача электроэнергии и срезаны пайки, показ пьесы был немедленно прекращен, все рукописи уничтожены, кроме того экземпляра, который остался у Петера.

Петер принес мне карикатуру, изображающую постепенные изменения, которые вносили в либретто «Императора Атлантиды» ответственные за постановку. Мне было трудно понять, почему ему не нравилась опера. Я выросла с этой оперой, и я ее люблю.

Петер был увлекательным собеседником с очень оригинальными идеями. Он много читал и по запаху клея мог определить имя издателя. Он был самодостаточен, но часто пользовался словами любимых поэтов так, словно бы они были его старыми друзьями, которых он надеялся встретить в неопределенном будущем.

1 Еврейская администрация гетто наложилa запрет на «Императора Атлантиды» после генеральной репетиции.

Хельга Вольфенштейн
Петер Кин, Терезин, 6.9.1943
<http://helgaking.com>

В Терезине была библиотека, но доступ к книгам был ограничен. Петер взял для меня «Эгоиста» Джорджа Мередита, очаровательную книжку, в которой жизнь справедлива и персонажи получают, что заслуживают, как добром, так и злом. Петер особенно восхищался «Лордом Джимом» Джозефа Конрада, с его почти древнегреческой темой предопределения. После войны в Праге, в качестве студентки Официны Прагензис проф. Шваба (чей адрес мне дал Петер), я сделала обложки для «Эгоиста» и «Лорда Джима».

Перед тем, как Петер покинул Терезин, он дал мне немецкое издание «Записок Пиквикского клуба» Диккенса и на обратной стороне книги написал габльсбергской стенографией: «Ferl, mein Geliebtes, habscha [нрзб.] Dich so sehr, so sehr, kann ich das nicht schreiben, nicht sagen, aber weisst Du es ja so. Wir werden zusammen bleiben, auch wenuscha [нрзб.] für eine Weile auseinander müssen». Ферль – производное от Вольфенштейн – Вольферль, Ферль. «Моя любимая Ферль, я тебя люблю так сильно, так сильно, не могу этого написать, не могу высказать, ты это все равно знаешь. Мы останемся вместе, даже если нам придется расстаться на некоторое время. 1000 поцелуев. Твой Терль». (=Петерль.)

Хельга Вольфенштейн
Карикатура на постановку «Императора Атлантиды»
1. Смерть отказывается от либретто
2. Композитор вносит поправки
3. У режиссера много хороших идей
4. Цензура
5. Предсмертное рукоположение
6. Премьера
<http://helgaking.com>

Сколько бы я ни жила, во мне всегда будет жить Петер, всегда, особенно на встречах Нового Года.

Несмотря на обстоятельства, несмотря на мою мать и Ильзу, наши отношения с Петером были почти бесконфликтными. Он был постоянно нежен, наверное, многие пары нашли бы такой союз скучным. Для меня это был рай. Жена и семья Петера меня не третировали. Петер был настолько богатой личностью, что те, кто был к нему близок, никогда не чувствовали, что ими пренебрегают – общий знаменатель отношений оставался на неизменной высоте. У каждого из нас резерв глубокого понимания был сравнительно невелик, но Петер с его невероятным талантом, тактом и умом умел обращаться с каждым на глубоком личностном уровне. Я знаю, что Петер каждый день ходил к своему отцу и разговаривал с ним, и что он обожал свою маленькую маму. Петер, Ильза, ее и его родители – все жили в одной комнате, таким образом Петер смог спасти всех от дальнейшей депортации – как талантливый художник и член транспорта АКІ он имел привилегии. Все они жили в Магдебургской казарме, в комнате рядом с комнатой, где жила семья художников Фритты и Унгара.

Моя мать была шокирована моими отношениями с женатым мужчиной, но тетя Улли его любила и всячески нас поддерживала. В благодарность Петер иногда дарил ей рисунки, которые она могла обменять на сигареты – бедная курильщица, которая раньше была толстухой, теперь меняла хлебный паек на сигареты, она стала стройной и красивой, ей шла естественная седина, котрую прежде она закрашивала хной.

В Терезине были люди, которые на „лагерной диете“ избавились от диабета. Все голодали, особенно старые и

Хельга Вольфенштейн
«Тетя Улли с поломанной рукой, 1.4.1943»
<http://helgaking.com>

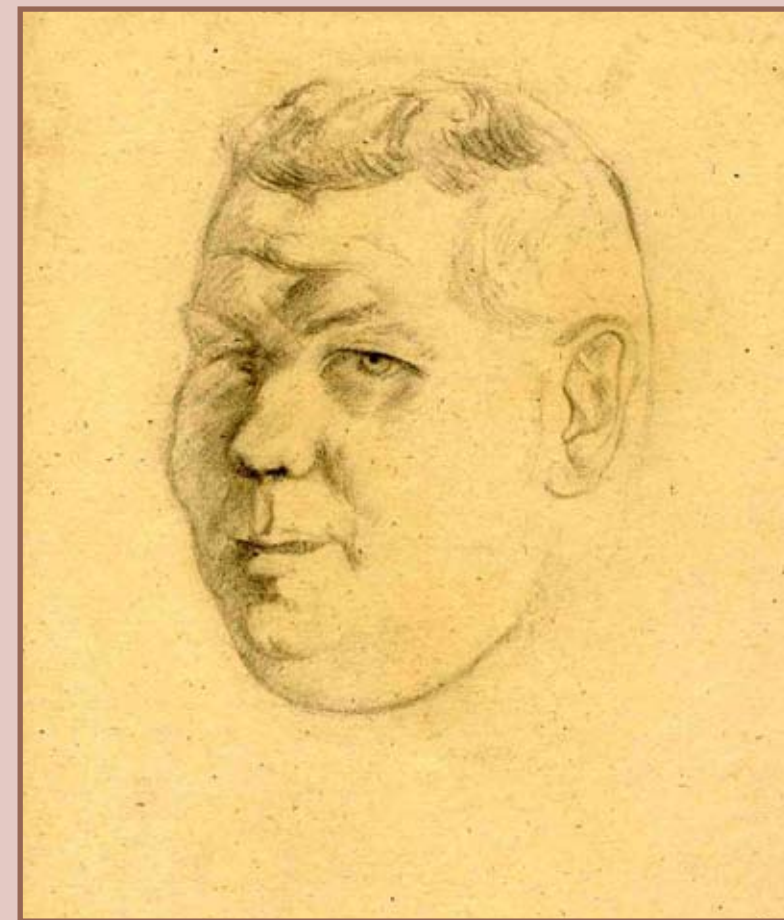
больные. Но был один чудесный мальчик, который мог содержать всю семью: Томми, сын Фритты. С прогулок по казармам он возвращался с горбушками, которые ему дарил „Боженька-Хлеб“. Родители его умерли ужасным образом, но Томми выжил.

Еврейская администрация, по-видимому, знала, что ожидает эков, но во избежание паники держала эти сведения при себе. Я уверена, что Петер все знал, но мне не говорил, чтобы сохранить относительный душевный покой. Он потратил целую ночь, пытаясь вытащить меня из транспорта, и когда к утру, в конце концов добился этого, он, по рассказу свидетелей, упал в обморок. Еврейский староста д-р Мурмельштейн пошел ему навстречу, я же все проспала и не имела понятия, какой опасности избежала. Накануне я всю ночь напролет рисовала номера на чемоданах отъезжавших на восток – эти люди наверно так никогда и не увидели своих чемоданов.

Рисовать номера было делом добровольным – я убеждала людей, что таким образом они получают свой багаж в пока еще неизвестном пункте назначения. ...

Я наверно все еще могла бы найти места в Терезине, где мы с Петером гуляли, где он рисовал, где мы целовались, я помню как глубокие, так и незначительные темы, которые мы с ним обсуждали. Говоря о Ромео и Джульетте, Петер заявлял, что брак – это институт, который душит романтику и воодушевление. Если бы знаменитые любовники выжили, Ромео в конечном итоге стал бы песпардонно щипать Джульетту за задницу.

Иногда мы с Петером шли в комнаты влиятельных друзей Петера, там он мог рисовать меня обнаженной. Я и сегодня счастлива, что позировала ему, я любила Петера,

Ф.П. Кин

Беньямин Мурмельштейн, 1943
ПТ

Б.Мурмельштейн родился 9.6.1905 в Лемберге (Львов). Окончил философский факультет в Вене. Диссертация «Адам: подход к мессианскому учению» (1927). Главный раввин венской еврейской общины (1931-1938), доцент Еврейского теологического семинара; С 1940 – заместитель президента венской еврейской общины, с 1942 – член Совета еврейских старейшин в Вене. Автор комментария к Шулхан Арух (1935), книг Иосиф Флавий: его жизнь и «Еврейские древности» (1938), Еврейская история: кочующий народ (1938) и т. д. Депортирован из Вены в Терезин 29.1.1943 с женой и сыном. Член Совета старейшин гетто, с 28.9.1944 – еврейский староста. Освобожден в Терезине. После войны обвинен в коллаборационизме, но оправдан литомержичским судом в 1947. Уехал в Италию, где был коммерсантом. Автор книги Терезин, образцовое гетто Эйхмана (ит., 1961). Умер в Италии в 1989. Сын Вольф живет в Италии.

но смущалась своего тела, оно не было на сто процентов совершенным.

Петер хотел узнать, как я выгляжу с челкой, но когда я срезала волосы, вся мастерская графики, включая Петера, стала надо мной смеяться. Петер немедленно извинился. Мы оба – визуальные типы, и критика внешности воспринималась очень болезненно.

Однажды Петер поцеловал меня и оставил у меня во рту косточку вишни – откуда он взял вишню, не знаю – возможно у Ильзы¹. Я хранила эту косточку много месяцев, даже после отъезда Петера, и потеряла ее, когда заболела тифом.

Прошло полвека с поры моего романа, который, увы, не кончился романтически. С тех пор я жила в Праге, в Ливии, в Англии, во Флориде, в Нью-Джерси, Лонг-Айленде и под Питсбургом. Множество перипетий и изменений. Сердечный муж, дочь, моя гордость и радость. В пепле погребена боль – поворотная точка – от доверия и надежды – к страху и предвестию зла, которое впереди.

Работа в техотделе не была для меня надежной охраной от транспорта. Мне предложил работу немец Бобек, начальник отдела электрооборудования, Петер посоветовал принять предложение. Бобек любил девушек, у его работников были лучшие условия; у них имелись различные бытовые электроприборы, вроде плиток и утюгов. Но я все-таки продолжала жить в больнице с мамой. В отделе электротехники я повстречалась с Дитой Эльснер (Бор), и мы подружились с ней на всю жизнь. Одна или две девушки этого отдела возможно и находились в связи с Бобеком, который был великодушным, но непривлекательным и грубым мужчиной. Он тайно

Ф.П. Кин

Фортепианный концерт, Терезин, 1943–1944
<http://helgaking.com>

¹ Ильза работала в сельском хозяйстве.

встретился в Праге с арийской матерью Диты и ее сестры Дорис и принес им посылку с едой и нижним бельем. Для Бобека эти встречи, вне сомнения, были весьма рискованными.

Однажды Бобек пригласил меня вечером на «рабочий» визит, хотя в тот день я не работала. Он позволял мне рисовать и писать картины в рабочее время, он был моим покровителем и этим гордился. Я же была влюблена в Петера. Бобек приготовил вино и саями, но у меня разболелся живот, и я не могла есть эти невиданные деликатесы. Бобек был джентльменом и сказал, что не будет со мной делать ничего такого, чего я не хочу.

(Я бы ему поддалась, если бы речь шла об освобождении от транспорта, но он этого не знал, и я думаю, зауважал меня.) Когда я вернулась домой живая и невредимая, тетя Улли была восхищена – а мать так и не узнала о грозившей мне опасности. Значительно позднее в отделе электротехники началось разбирательство, так что мне повезло, что я там не жила.

Бобек предупреждал нас о том, чтобы мы не соглашались заходить в здание без окон, туда нас будут гнать, чтобы уничтожить отравляющим газом в специальных камерах. Мы же думали, что он заразился ложными слухами – какой отравляющий газ? Какие специальные камеры?

Один невинный вечер я провела с Петером Лёвенштейном¹. Он вырезал мне на день рождения браслет с терезинскими прелестями, Петер возревновал и настиг нас на прогулке, таким образом положив конец «свиданию». Он ревновал меня и к Отто Вайнбергеру, троюродному брату, к тому же женатому. Петер сказал, что он чувствует, что Отто за мной ухаживает. Что до меня, я любила Петера и никого другого.

¹ Художник, работал в графической мастерской.

Ф.П. Кин

Театр, 1942–1944
<http://helgaking.com>

Ф.П. Кин

Ветер, осень, 1944
<http://helgaking.com>

Мать написала письмо доктору Эриху Мунку, что если один из нас – она, Улли или я – будет в транспорте, мы пойдем втроем. Думаю, что на такой безрассудный поступок мать пошла из-за моей любви к Петеру. (Сама она надеялась попасть на транспорт вместе с доктором Мунком¹.)

Этот день пришел, к сожалению, слишком скоро – тетя Улли оказалась в транспорте. Петер посоветовал не обращаться к эсэсовцам с просьбой сразу, сначала обратиться к еврейским начальникам гетто (чтобы те не подвергли меня бойкоту в случае, если удастся освободиться от транспорта). Мы втроем провели два дня в шлойске. Я лежала в полусне, собираясь с силами. Петер предупредил меня, что эсэсовец, к которому я обращаюсь, может избить меня до потери пульса, но все равно стоит попробовать. В день отъезда, когда часть нашего багажа уже была в поезде, я подошла к человеку в немецком мундире и сказала ему, что записалась с тетей добровольно и что у нас дома осталась арийская немецкая бабушка, которую страшно огорчит новость о том, что мы покинули Терезин. Имя этого эсэсовца было Хайндл, он был австриец – разумеется, я не была с ним знакома. Пока мы разговаривали, подошел другой немец с еще более начальственным видом: «Что хочет эта женщина?» Это был оберштурмбанфюрер Рам, комендант. Я не знала, что Хайндл и Рам были недругами. Когда Рам услышал мою историю, он сказал: «Эти три женщины немедленно освобождаются от транспорта». Я уверена, что моя арийская бабушка была ни при чем, просто Рам хотел продемонстрировать свою власть.

Стоя перед немцами, Улли стала плакать, – теперь она никогда не увидит своего Карли, который отбыл с предыдущим транспортом. К тому времени он скорее всего был мертв, или переносил невыносимые тяготы, пытаясь вы-

Ф.П. Кин

Обнаженная, гравюра, Прага, 1937
ПТ

¹ Д-р Мунк был депортирован в Освенцим последним осенним транспортом (28.10.1944), погиб.

жить в каком-то другом лагере, не в пункте нашего назначения. При этом мать простирала руки и вопила: «Наши чемоданы, фотографии моей Ренаты!» Только чудом нас не прикончили на месте. Мы собрали то, что осталось, была найдена какая-то тачка, и я настояла на том, что мы сперва пойдем в Магдебургскую казарму, – чтобы Петер увидел меня, понял, что мы вернулись. Петер спал, он принял снотворное, но я разбудила его, и он помог нам переправить вещи в больницу. А мама продолжала причитать: «Ой-ёй-ёй! Из-за женатого мужчины!»

Вскоре распространились слухи, что в одном из скотовозов, которые увезли заключенных куда-то на восток, нашли записку, где говорилось о голодной смерти, снеге и льде, отсутствии одежды и гибели в газовой камере или при прикосновении к электрическим изгородям. Улли была благодарна мне за то, что я спасла ей жизнь, но мать была настроена так, словно ей все равно не жить, ибо так назначено жестокой судьбой, и что мы никогда не избавимся от тягот и повседневного террора.

Тогда я поняла, что решения старших членов семьи могут оказать пагубное влияние на жизнь остальных, если те послушно им последуют. В нашем случае мать, считая себя вправе принимать все решения, практически обрекла нас на смерть. С другой стороны, без ее добросовестного отношения к делу, без ее энергии и оптимизма, я была бы в транспорте гораздо раньше.

Когда работа в отделе электротехники перестала давать защиту от транспортов, меня вызвали в отдел трудоустройства и предложили раскрашивать разными цветами флегмоны, незаживающие нагноения (в Терезине не было цветной фотографии) для одной голландской докторши, заключенной, которая имела двойную степень – по медицине и искусству. Она была анатомическим иллюстра-

Ф.П. Кин

Ильза Кин, Прага, 1940–1941
ПТ

тором. Немцы изобрели газ, который очень быстро излечивал раны на поверхности, но раны снова открывались в каком-то другом месте. Евреев использовали в качестве морских свинок, если бы метод оказался эффективным, его стали бы применять на фронте.

Эта работа давала надежную защиту от транспорта, я работала там, когда узнала, что Петер и его семья в транспорте. Я немедленно пошла к нему, при жутком неодобрении голландской докторши. Доктор Шпрингер, заведующий хирургическим отделением, был другом Петера, он все понял.

Я чувствовала, что должна идти с Петером, что мое место с ним, но к тому времени мы знали, что после прибытия туда мужчин и женщин разделяют.

Петер дал мне 14 писем, по одному на каждый день – в течение двух недель я должна была читать их и уничтожать по мере прочтения. Если бы я его не послушалась... Он сказал, что любит меня, и что мы снова будем вместе. Он дал мне старый потрепанный фибровый чемодан, наполненный рисунками. Там было, по крайней мере, 400 его терезинских рисунков и около 50 работ его студентов. Он дал мне свои письма, стихи, либретто «Императора» и «Марионеток».

Петер решил сделать мне подарок – чемодан со своими рисунками¹. Это был специальный, кислотоустойчивый чемодан. Петер предложил, чтобы моя мать хранила его в инфекционном отделении, куда немцы вряд ли придут с обыском. Поскольку это был подарок, мать согласилась. В противном случае она бы не стала подвергать семью такой серьезной опасности. Другие художники спрятали

¹ Другая версия Хельги.

Ф.П. Кин

«Г-жа Блюменталь из Голландии», 1944
ПТ

Генриетта Луиза Блюменталь-Ротшильд родилась 15.6.1888 в Германии, иллюстрировала медицинскую литературу для госпиталя «Рудольф-Вирхоф» (1924–1932), после чего переехала в Амстердам. 18.1.1944 депортирована из транзитного лагеря Вестерборк (Голландия) в Терезин, где работала у Др. Шпрингера в хирургическом отделении – иллюстрировала процесс заживления флегмон (трофических язв) отравляющим газом. Результаты этого эксперимента (весна 1944 – зима 1945) нацисты в случае удачи хотели использовать на войне. Эксперимент не удался, но благодаря ему Г.Л.Блюменталь дожила в Терезине до освобождения.

свои работы в стенах, Петер мог бы поступить так же. Петер сказал, что в случае нужды я могу продать некоторые, но не самые лучшие пейзажи. Я пребывала в нужде и после войны, но не продала ничего. Петер сказал мне также, что свои живописные работы отдал дяде в Бзенце, а также Пражскому фотографу Миро Бернату, который сделал несколько прекрасных снимков Петера. Он дал мне также адрес Петера Ульриха Вайса в Швеции¹ и проф. Ярослава Шваба (школа искусства Официна Прагензис в Праге). Эти адреса я должна была выучить наизусть в случае, если нам придется разлучиться, чтобы мы могли найти друг друга после войны. Я дала ему адрес моей бабушки в Брно.

Я вернулась к своей работе – рисованию язв, – и мы замечательно проводили время с Петером, хотя, как и многие молодые люди в подобной ситуации, мы, конечно, беспокоились, что наши отношения могут иметь нежелательные последствия.

Однажды д-р Шпрингер и Петер пришли ко мне на работу, оба очень озабоченные. Петер и его семья были в списке на транспорт. В то время я не знала, что Петер записался ехать добровольно, если бы тогда я умолила его остаться со мной, как ни тяжело это было для нашей совести и наших отношений, он остался бы в живых!

Петер положил в тот же чемодан, где были его 400-500 рисунков, также свои литературные труды. Их он ставил выше художеств, так что сохранение и возможность их публикации в будущем было для него делом важным. Он надеялся вернуться, но не вернулся, все его работы принадлежали мне, и решения в отношении них также принадлежали мне.

¹ Петер Ульрих Вайс жил в Швеции с 1939 до конца жизни. Пьеса «Преследование и убийство Жан-Поля Марата», экранизированная режиссером Питером Бруком («Марат/Сад», 1963), принесла Вайсу всемирную известность. Он был удостоен премий Чарльза Вейона (1963), Лессинга (1965), и других наград. Умер 10.5.1982 в Стокгольме.

Ф.П. Кин

Операция, гравюра, справа др.Шпрингер, за ним – художник Фритта, Терезин, 1944
<http://helgaking.com>

Петер попросил мою мать дать в больнице работу его дяде г-ну Франклу из Бзенца, тот прибует в Терезин тогда, когда семьи Кина там уже не будет¹. Я нашла г-на Франкла в транспорте новоприбывших, и мама устроила его помощником санитары, так что он смог получить рабочий паек. Он был старым и слабым, почти слепым, очень тихим и очень-очень милым. Я часто говорила с ним о Петере, и он никогда не спрашивал меня о «собственности». Когда Терезин в 1971 году незаконно экспроприировал принадлежащие мне рисунки Петера, г-жа Франкл продала Терезину все до-терезинские работы, которые хранились в их доме. Думаю, к тому времени дяди Петера уже не было в живых, иначе он оставил бы работы дальним родственникам Петера, живших в Англии. Возможно, коммунисты здорово ее прижали. Я уверена, что деньги, которые она получила, были скудными. Все до-терезинские живописные работы Петера должны были бы принадлежать Ильзе и его родителям, если бы те вернулись.

Когда Петер, будучи в шлойске и ожидая депортации, подошел к выходу, чтобы попрощаться со мной, все, кто его знал, спрашивали, чем ему помочь. Они помогли бы, если б оставили нас наедине. Я знала его транспортный номер и на следующее утро нашла его матрац пустым. Он оставил на нем свою бирюзового цвета пижаму, я ее взяла и спала в ней. У меня была вишневая косточка и 14 писем. Я не знаю, где он взял силы написать их – без единой ноты сострадания к самому себе. По большей части в них звучала тревога за родителей. У отца было больное сердце.

Ф.П. Кин
Портрет Хельги Вольфенштейн, 1942–1944
Частная коллекция, Англия

¹ Рихард Франкл прибыл в Терезин в январе 1945. Получается, что Кин знал, что транспорты в Терезин будут продолжаться, и что евреев, женатых на «арийцах» постигнет та же участь.

В Терезине Петер был крайне осторожен. Он заботился о том, чтобы его рисунки или литературные произведения не были обнаружены немцами и не стали против него компроматом. Художники Фрита, Унгар и Хаас отображали жестокие эпизоды из жизни гетто – голод, стариков, роящихся в отбросах, казнь, транспорты, больных, стариков, скученных на чердаке. К сожалению, некоторые рисунки они продали, нацисты их нашли, возможно, в Праге, и художники с семьями отправились в Малую крепость. Петер знал, почему это случилось, и куда их отправляют. Я не думаю, что он стремился к тому, чтобы его работы оказались за пределами гетто; то, что сделали его близкие друзья-художники, невольно стало причиной его гибели и гибели всей семьи.

Мы с матерью пробыли в Терезине три года и девять месяцев, за это время наша скудная одежда, и особенно нижнее белье, были совершенно изношены, если учитывать постоянную нехватку мыла. Но сегодня смешно говорить об этом. На фоне информации об Освенциме, Маутхаузене, Трешлинке, Собиборе и т.д., где у заключенных не было ничего, кроме полосатых пижам, часто не было никакой обуви, даже зимой. После войны подруга рассказала мне, как они бежали по снегу, как горели голые опухшие ступни... А потом я увидела «Шоа»¹, самое жуткое и самое убедительное свидетельство, включавшее снятые на пленку рассказы выживших. В сравнении со всем этим Терезин был действительно райским гетто. Когда я как-то работала в поле, мимо везли телегу с мешками, и мы спросили чешского жандарма, что в мешках. Он сказал, MRKVE (морковь), а может, он сказал MRTVE

Ф.П. Кин
Книжная иллюстрация, 1936
ПТ

¹ Фильм Клода Ланцмана.

(трупы)? Мы видели заключенных из Малой крепости – это была страшная тюрьма для «преступников» еврейского и «арийского» происхождения. Они бегали по снегу туда сюда, а немцы стреляли по «живым мишеням». Потом вызвали нескольких мужчин из сельхозбригады, чтобы убрать тела. ...

Арестованные художники Терезина и члены их семей содержались в Малой крепости в самых бесчеловечных условиях.

У меня есть набросок Фритты, который он подарил моей маме за заботу о его жене. На карикатуре мать изображена в виде циркачки на манеже инфекционного отделения. Его жена Ханси смотрит на свечу и видит двойное изображение – такое случается при энцефалите. Фритта не подписал рисунок, но поставил инициалы.

Маме сделали инъекцию двойной дозы какого-то лекарства против тифа. Как я понимаю, когда организм уже инфицирован, это представляет двойную угрозу жизни. Когда мать умерла, я лежала в больнице с дифтерией. И даже не смогла сказать ей прощай.

После дифтерии я заболела тифом. Нужно было выбрить все волосы, в том числе и лобковые. Заботливые сестры спросили меня, кому я больше доверяю – мужчине или женщине. Я огорошила их тем, что попросила мужчину – в этом случае менее вероятно получить порез. После этой процедуры меня обрили наголо. Тетя Улли пришла ко мне сразу после смерти матери, легла рядом, чтобы заразиться.

Это был самый конец войны, немцы убегали из Терезина, они выбросили из машины слишком тяжелые боеприпасы, и по ним проехала следующая машина. Раздались взрывы, заключенные решили, что началась стрельба, и все, кто мог, попрятались под кровати в больнице.

Б. Фритта
«Энцефалит», 1942–1943
<http://helgaking.com>

Тетя Улли получила сообщение, что теперь чешское население конфискует немецкое имущество и выдворяет всех немцев в Германию. Она оставила меня в Терезине и бросилась в Брно – спасти немецкую бабушку.

Нами занялся Красный Крест. Приехали бывшие чехословацкие, а теперь английские медсестры и врачи, в больнице были слышны звуки чешского гимна, а затем прибыли русские, наши «освободители». Мы не знали, что они получили эту привилегию путем политического шантажа.

Еще раньше в Терезин приехала русская дама и велела организаторам шить красные флаги. Мы же хотели красного мяса, или вообще хоть какой-нибудь еды.

Большинство наших врачей уехали с русскими в Прагу на мотоциклах, что было не очень порядочно с их стороны. В Терезине с помощью Красного Креста тифозные больные получали надлежащее лечение. Я получила около 160 уколов от тифа в течение 2 недель, днем и ночью. Те, кто уехал в Прагу, не долечившись, плохо кончили.

Когда я выздоровела, я вышла из гетто и увидела в поле дикую яблоню. Я помнила ее с тех времен, когда работала в сельском хозяйстве. Я не знала, что русские солдаты насилуют наших женщин, даже костлявых трясущихся зечек с бритыми головами. Мне повезло – меня не изнасиловали, правда, и яблоч на дереве не оказалось.

...Дважды в неделю я посещала Официну Прагензис, где Петер Кин когда-то был студентом, а потом учителем. Ярослав Шваб проявил ко мне доброту и взял с меня низкую плату за обучение. ... Одной из самых одаренных студенток была Хана Стейндлерова, которая готовилась к вступительному экзамену в художественно-промышленную академию. Она была студенткой Петера до войны. Мы выполняли иллюстрации и графические

Хельга Вольфенштейн
Гетто Терезин, 1942–1943
«Картофель с землей», «Осень дает Имя», «Красота и летний урожай», «Весна приносит цветы», «Зима смыкает страх».
<http://helgaking.com>

работы для рекламы. По субботам мы рисовали модель. Я хотлеа бы там учиться с полной нагрузкой, но стипендии давали только в государственных школах.

... Я побывала у Миро Берната, фотографа, который сделал лучшие снимки Петера. Я даже не спросила у него про картины, которые Петер оставил у него на хранении, и вся его помощь состояла в том, что он мне посоветовал перестать плакать, иначе я никогда не найду работу. Я подумала сменить фамилию на Велин – притяжательный падеж от Велинова – но проф. Шваб меня высмеял – фамилия недостаточно чешская.

Иногда я воображала, что Петер где-то в России, и его оттуда не отпускают, иногда представляла себе, как он держит отца за руку, идя в газовую камеру, как он отводит глаза, чтобы отцу не было стыдно за свою наготу. Мы уже знали ужасные подробности концлагерей, и я была убеждена, что Петер никому не позволил себя унижить. Годы спустя, когда я узнала, что он умер от инфекции¹, я подумала, что если бы я позволила себе заплакать при нашем прощании, Петер бы крепче держался за жизнь.

1 Нам не удалось обнаружить никакой информации, подтверждающей эту версию.

Хельга Вольфенштейн, послевоенное фото
Частная коллекция, Германия

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Franz Peter Kien

Heukäufer Margarethe, Und Es Gibt So Wenig Menschen: Das kurze Leben des Künstlers Peter Kien, Prag, Verlagshaus Helena Osvaldová, 2009

Kien Peter, Der Tod dankt ab. Der Kaiser von Atlantis. (Libretto) Musik Viktor Ullmann. Ed. von Kerry Woodward. program

Kien Peter, Jugendgedichte und Erzählungen 1934–1936. Terezín Memorial Archives.

Kien Petr (Catalogue). Ed. Associazione Versiliese Italia-Cecoslovacchia Firenze 1991.

Kien Petr, 1919-1944. Vybór z díla (Catalogue), Ed. Terezín Memorial, Terezín 1989.

Kien Peter, 1919-1944. Gemälde und Zeichnungen (Catalogue). Ed. Terezín Memorial, Terezín1971.

Kien Peter, Bilder und Gedichte 1933–1944 mit einem Vorwort von Arnošt Lustig und Nachworten von Jürgen Serke und Jürgen Kaumkötter, 2008, Damm und Lindlar in Berlin, 179 p.

Kien Peter, “Der böse Traum”, typescript, Wiener Library, London.

Kien Peter, “Medea”, typescript, Wiener Library, London.

Kien Peter, Gedichte aus Theresienstadt, typescript, Archive H.G. Adler, Literaturarchiv Marbach.

Kien Peter, Brief an Peter Weiss, Peter Weiss-Archive, Akademie der Künste, Berlin

Kien Peter, Letter to Gerhard (Hasi) Robitschek (1940), O.64/76, Yad Vashem, Jerusalem

Kien Peter, Letters to Renée Stránská (1940-1941) Privatařhív, F. Morton, London

Kien Peter, Letters to Věra Kotyzová (Nevanová), Private archive, Elena Makarova, Jerusalem

Kien Peter, Letters to Ilse Stránská, Terezín Memorial Archives.

Kien Peter, Letters to Wolfgang Lederer, Terezín Memorial Archives.

Kien Peter, Post cards from Terezín (1942), Terezín Memorial Archives.

Kien Peter, Letter to Helga Wolfenstein (1944), Terezín Memorial Archives.

Kien Peter, Draft of the Graphic Coarses, Beit Terezin, Kibbuz Givat Haim.

Franz Peter Kien, Elena Makarova, Ira Rabin, Památník Terezín, Oswald, 2009, 238 p.

Victor Ulmann. Der Kaiser von Atlantis oder Die Todverweigerung. Spiel in einem Akt von Peter Kien, op. 49b, op. 49b, Schott Verlag, 1992

Письма

Письма семьи Странских, 1938 – 1942, частный архив, Лондон, Англия.

Письма семьи Кин, частный архив, Рамат Ишай, Израиль.

Письма Вольфганга Ледерера Петеру Кину, архив терезинского мемориала.

Письма Арношта Кесслера (Цахи), 1938 – 1939, частный архив, Лондон, Англия.

Переписка Ирены Шлегель с Фольфгангом Ледерером, 1989-1994, архив Хуго Штайнера-Прага, Литертурный архив в Марбахе.

Интервью

Андерова Хана (2002 – 2007, Прага, Чехия)

Барбер Петер (2008, Лондон, Англия)

Беньямиини-Вейгнер Мириам (2007, кибуц Мааган Израэль, Израиль)

Бурка Ян (2007, Франция)

Вацлавек Людвик (2007, Оломоуц, Чехия)

Женатова Вера (2007, Бзенец, Чехия)

Зири-Кин Наоми (2008, Иерусалим, Израиль)

Кесслер Лене (2008, Штутгарт, Германия)

Кин Хава (2008, Иерусалим, Израиль)

Кляйнова Элишка (1989 – 1995, Прага, Чехия)

Кнапова Вера (2007, Варнсдорф, Чехия)

Письма Хуго Штайнера-Прага Хельге Розенкранц, 1936-1939, архив Хуго Штайнера-Прага, Литертурный архив в Марбахе.

Письма семьи Велс, частный архив, Лондон, Англия.

Письма Петера Спира, 2007, частный архив, Елена Макарова, Хайфа

Письма Алены Эрбеновой, 2007, частный архив, Елена Макарова, Хайфа

Кумштатова Иржина (2007, Литомержице, Чехия)

Лукаш Франтишек (1991–1996, Прага, Чехия)

Мразек Иржи (2007, Прага, Чехия)

Неван Ян (2007–2008, Прага, Чехия)

Рейнхорн-Вольф Рут (2007, Рамат Ишай, Израиль)

Струскова Эва (2008, Прага, Чехия)

Тесслер-Кин Гина и Тесслер Глория (2007–2008, Лондон, Англия)

Шпрингер Эрих (1989–1991, Румбург, Чехословакия)

Эрбенова Алена (2007–2008, Оклахома, США)

Мемуары, дневники, документы

Anděrová (Steindlerová) Hana, Moudry Sešit (1942 – 1945), Yad Vashem, Jerusalem.

Argutinsky Elisabeth, Diary (1942 – 1944), Jewish Museum Berlin.

Burian Emil František, Výstava na chodbě. In: Program divadla D 1937. Archive E.F. Burian. The Museum of the Czech Literature, Prague.

Jahresbericht der deutschen Realschule 1935/136, Brno Stadtarchiv.

Kien Peter. Documents of Haksharah, 0.64/76, Yad Vashem, Jerusalem.

Kien Peter. Documents, Terezín Memorial Archives.

King Helga, Memories, private archive, London.

Lists of the participants and teachers at the movie script courses 1937/1938, NFArchiv, Prague.

Communication from the Ghetto Administration, 1941, Yad Vashem, Jerusalem.

Nationále 1936 – 37, 1937 – 38, 1938 – 39, 1939 – 40, Kien Peter, Academy of fine Arts, Prague.

Růžička Otto, Paměti “Kultura v Terezíně”, 1972, Terezín Memorial Archives.

Süssová Anna, Memories 1973, Terezín Memorial Archives.

Thiebenová Milena, Memories 1981, Terezín Memorial Archives.

Transport numbers. From: Transport list Er 16.10. 1944. Terezín Memorial Archives.

Ungarová Frida, Memories 1969, Terezín Memorial Archives.

Литература

Adler, H. G. Die verheimlichte Wahrheit. Theresienstädter Dokumente, Tübingen 1958.

Adler, H.G.Theresienstadt 1941 – 1945. Das Antlitz einer Zwangsgemeinschaft, Reprint der 2. Auflage, Wallstein Verlag, Göttingen 2005.

Anděrová, H. Vzpomínka na Petra Kiena. In: Česko-židovský almanach 5755, 1994/1995, Prague 1994.

Berman Karel, Erinnerungen. In : Theresienstadt, Wien 1968.

Blodig V., Chládková L., Polák E. Muzeum ghetta Terezín. Terezín Memorial 1992.

Bondy Ruth, Elder of the Jews – Jakob Edelstein of Theresienstadt, New York 1981.

Bondy Ruth, Chronik der sich schließenden Tore. Theresienstädter Studien und Dokumente (2000), pp. 86-106.

Burka Jan, To paint for survival, Oswald, Prague 2007.

Braun Karl, Peter Kien oder Ästhetik als Widerstand.

Theresienstädter Studien und Dokumente (1995), pp.155-174.

Chládková, Ludmila. Ghetto Theresienstadt, Terezín Memorial 1991.

Das Pragueer Tagblatt, Prague, March 1936 – October 1938.

Der neue Tag, Prague, April 1939 – November 1939.

Die Welt am Sonntag Bilderbeilage der Pragueer Presse, Jahrgang XV No 24 Prague, der 16. Juni 1935.

Dörfel Michael, Der Künstler Peter Kien. In Peter Weiss Jahrbuch für Literatur, Kunst und Politik im 20. und 21. Jahrhundert, Vol. 15, 2006, pp.19-41.

Fischer Jan, Šest skoků do budoucnosti. Prague 1998.

Formánek Vaclav, Vilem Nowak. Odeon, Prague 1978.

Gantschacher Herbert, The Limits of Virtual Reality, or Our deal with the past and future. Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften, 15. August 2004.

Gerlach Rainer, Ed. Peter Weiss im Gespräch, Matthias Richter, Frankfurt a. M. 1986.

Grafická škola Jaroslava Švába Officina Pragensis, Výtvarná výchova, Prague 1941.

Haas Leo, Die Affäre der Theresienstädter Maler. In: Theresienstadt, Wien 1968.

Haas Leo, Terezín 1942-1944 (Catalogue). Ed. Terezín Memorial 1994.

Hlavacek Lubos, Jaroslav Šváb. Prague 1966.

Jüdisches Nachrichten Blatt, Prague, November 1939 – May 1941.

Karas, J. Music in Terezín 1941–1945. Beaufort. New York 1985.

Kárny Miroslav, Blodig Vojtech, Kárná Margita, Thersienstadt in der “Endlösung der Judenfrage”, Prague 1992.

Klüger Ruth, Weiter leben. Eine Jugend, Göttingen 1992.

Kotalík J., Akademie výtvarných umění v Praze. In: Almanach Akademie výtvarných umění v Praze, Prague 1979.

Kramer Aaron, Creative Defiance in a Death-Camp. In: Journal of Humanistic Psychology 38:1 (Winter 1998).

Kraus Ota, Kulka Erich, Die Todesfabrik Auschwitz, Berlin 1991.

Kuna Milan, Musik an der Grenze des Lebens. Musikerinnen und Musiker aus böhmischen Ländern in nationalsozialistischen Konzentrationslager und Gefängnissen. Frankfurt a. M. 1993.

Lexa John, Anti-Jewish Laws And Regulations in the Protectorate of Bohemia and Moravia. In: The Jews of Czechoslovakia, Ed. A. Dagan, G. Hirschler, L. Weiner, New York, 1984, pp. 75-103.

Makarova Elena, Makarov Sergei, Kuperman Viktor. University over the Abyss. Verba, Jerusalem 2004.

Makarova Elena et al. Long Live Life, Or Dance Around the Skeleton. Theater in Terezín 1941 – 1945. Exhibition catalogue. Verba Publishers, Jerusalem 2001.

Makarova Elena, Boarding Pass to Paradise. Jerusalem 2005.

Макарова Елена, Макаров Сергей, тетралогия Крепость над бездной, Мосты культуры, Иерусалим-Москва, 2003-2008, 4 книги: Терезинские дневники, 1942 – 1945, 408с (в соавторстве с В. Куперманом и Е. Неклюдовой). 2. «Я – блуждающий ребенок»: дети

и учителя в терезинском гетто, 422с. 3. Терезинские лекции, 540с. 4. Искусство, музыка и театр в Терезине, 500с.

Mandl Herbert Thomas, Tracks to Viktor Ullmann, ARBOS, edition selene, Vienna 1998.

Manes Phillip, Als ob's ein Leben wär. Tatasachenbericht Theresienstadt 1942-1944, Ullstein, Berlin 2005.

Margry Karel, Ein interessanter Vorgänger: Der erste Theresienstadt-Film (1942). Theresienstädter Studien und Dokumente (1998), pp. 181-212.

Národný umelec Vilem Nowak. Výběr z díla. Prague, 1972.

Pechová Oliva, Malířský odkaz P. K., Terezínské listy, Prague 1973, No.3, pp.19-25.

Pechová Oliva, Peter Kiens Werk. In: Peter Kien. Exhibition catalogue. Terezín Memorial 1971.

Pitot Geneviève, The Mauritian shekel. Mauritius 1998.

Rothkirchen Livia, The Jews of Bohemia and Moravia: 1938-1945. In: The Jews of Czechoslovakia, Ed. A. Dagan, G. Hirschler, L. Weiner, New York 1984, pp. 3-74.

Rund Michael, Po stopách Rudolfa Welse, Fornica publishing, Sokolov 2006.

Schlegel Irene, Hugo Steiner-Prague. Edition Curt Visel, Memmingen 1995.

Schultz Ingo, Zur Entstehungsgeschichte von Viktor Ullmanns “Kaiser von Atlantis”, in “... es wird der Tod zum Dichter”, Ser. Verdrängte Musik, Vol. 14, Hamburg 1995, pp. 13-27.

Serke Jürgen, Peter Kien. In: Böhmsche Dörfer. Wanderungen durch eine verlassene Landschaft. Wien/Hamburg 1987, pp. 447-450.

Serke Jürgen, Liebes- und Musengeschichten, Else-Lasker-Schüler-Gesellschaft und -Stiftung 2003.

Serke Jürgen, Petr oder Peter Kien. In: Juden zwischen Deutschen und Tschechen; Ed., M. Nekula, W. Koschmal, München 2006.

Stehlíková Blanka, Petr Kien. Theresienstädter Studien und Dokumente (2000), pp. 244-269.

Šormová Eva, Theater in Theresienstadt. Theresienstädter Studien und Dokumente (1997), pp. 266-274.

Šormová Eva, Divadlo v Terezíně 1941–1945. Ústí nad Labem 1973.

Tůma Mirko, In: Nevyúčtován zůstává život, Ed. Jan Kopecky, Vaclav Petr, Prague 1948, pp. 138-144.

Ullmann Viktor, 26 Kritiken über musikalische Veranstaltungen in Theresienstadt. Bockel Verlag, Hamburg 1993.

Urzidil Johannes, Život s českými malíři. Vladimír Musil, Fraktál, Horní Planá, 2003.

Václavek Ludvík, Der Dichter Petr Kien (1919–1944). In: Acta Universitatis Palackianae Olomucensis, Facultas Philosophica, Philologica 66, Germanica Olomucensia VIII (1993), Olomouc, pp. 41-55.

Václavek Ludvík, Deutsche Lyrik im Ghetto Theresienstadt 1941–1945. Weimarer Beiträge, 5/1982, pp. 14-34.

Václavek Ludvík, Literární tvorba Petra Kiena. In: Terezínské listy, 3 (1973), pp. 19-24.

Václavek Ludvík, Zur Problematik der deutschen Lyrik aus Theresienstadt (1941–1945), Theresienstädter Studien und Dokumente (1994), pp. 128-134.

Václavek Ludvík, Deutsche Literatur in Theresienstadt, Theresienstädter Studien und Dokumente (1997), pp. 275-289.

Vlček Martin, Miroslav Hák a divadelní fotografie (diploma thesis), Brno 2006.

Wagner Wolf H., Der Hölle entronnen. Henschelverlag, Berlin 1987.

Weiss Peter, Abschied von den Eltern, Frankfurt a. M. 1980.

Weiss Peter, Briefe an Hermann Levin Goldschmidt und Robert Jungk 1938-1980, Leipzig 1992.

Weiss Peter. Bilder – Zeichnungen – Collagen – Filme, Museum Bochum, Berlin 1982.

(Footnotes)

- 1 **4 Тхелет лаван** – Бело-голубой (ивр.), цвета израильского флага и название сионистской организации.
- 2 **Хехалуц** (ивр. «пионер»), сионистское молодежное движение, основанное в начале 1920-х гг. Давидом Бен-Гурионом и Ицхаком Бен-Цви.

- 3 **Ахшара** (ивр., букв. инструктаж) – движение по подготовке молодежи к работе в киббуцах в Палестине; также – любые занятия по подготовке к алие.
- 4 **Алият ХаНоар** (ивр., букв. «восхождение юных») – сионистское молодежное движение, осуществляло массовую эмиграцию из стран Европы в Палестину.